

ЛОРЕТ ЭНН УАЙТ

«НА БЕСПЛОДНУЮ ЗЕМЛЮ

В Ы С Ш А Я

ДУШИ ЧУДОВИЩ НАПОЛЗАЮТ.

ЛИГА ДЕТЕКТИВА

ИЗО ЛЬДА ИХ СЕРДЦА, И НАЛИТЫ КРОВЬЮ ГЛАЗА ИХ».

ГОЛОДНАЯ ПУСТОШЬ

Annotation

Твин-Риверс — оторванный от всего мира заснеженный городок, куда отправили полицейского Тану Ларссон на сезонную работу.

Недалеко от города, на горном хребте, дикие животные растерзали двух молодых биологов. Тана и летчик Кэмерон, которого она терпеть не может, вынуждены отправиться на место трагедии. Им открывается жуткое зрелище. Убийства скорее похожи на кровавый ритуал, а сам хребет имеет дурную репутацию, где уже находили растерзанные тела. Вскоре вокруг Таны начинают происходить странные вещи, а Кэмерон оказывается главным подозреваемым. Всеми виной мнительность и личная неприязнь? Или Тана приблизилась к отгадке?

Тогда ей стоит поостеречься, потому что для Твин-Риверс это не последняя кровавая охота.

- [Лорет Энн Уайт](#)
 - [ГОЛОД](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГОЛОД](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)

- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГОЛОД](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)
- [ГЛАВА 26](#)
- [ГЛАВА 27](#)
- [ГЛАВА 28](#)
- [ГЛАВА 29](#)
- [ГЛАВА 30](#)
- [ГЛАВА 31](#)
- [ГЛАВА 32](#)
- [ГЛАВА 33](#)
- [ГЛАВА 34](#)
- [ГЛАВА 35](#)
- [ГЛАВА 36](#)
- [ГЛАВА 37](#)
- [ГЛАВА 38](#)
- [ГЛАВА 39](#)
- [ГЛАВА 40](#)
- [ГЛАВА 41](#)
- [ГЛАВА 42](#)
- [ГЛАВА 43](#)
- [ГЛАВА 44](#)
- [ГЛАВА 45](#)
- [ГЛАВА 46](#)
- [ГЛАВА 47](#)
- [ГЛАВА 48](#)
- [ОБ АВТОРЕ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
-

Лорет Энн Уайт

ГОЛОДНАЯ ПУСТОШЬ

*Спасибо,
Павло, за
незыблемую
поддержку и
любовь даже в
мрачные часы
дедлайна.*

ГОЛОД

И ночной ветер принес с собой запах зловонный и вместе с тем дурманящий. Таким тонким был этот запах, что если бы Кромвель не заметил малейшей перемены в лице сопровождающего, когда внезапный сквозняк сильнее раздул пламя костра, он не уловил бы ничего. Но его спутник, Моро, сидевший на корточках у огня и куривший трубку, вдруг резко взглянул в сторону леса, и Кромвель сам почувствовал слабый, но неприятный аромат. Ноздри Моро раздулись, как если бы он был ребенком лесов, учуявшим вонь падали. Когда же пламя вновь погасло, Кромвель заметил написанное на смуглом лице сопровождающего выражение, которое его встревожило. Его спутник был напуган до глубины души...

Форт-Резолюшн [\[1\]](#) 1849.

Читатель закрывает книгу и какое-то время сидит неподвижно, словно тень, пристально глядя на стеклянные банки на полке, в которых плавают человеческое сердце и зрачки. Читатель ощущает себя счастливым. Властным. Это Читатель сейчас взял верх над Историей. Читателю нравится представлять Историю как живое существо, а динамичный диалог между автором и потребителем — как соитие. Автор никогда не вправе считать Историю завершенной, пока она не попадет в руки Читателя; лишь тогда круг замкнется. История не может остановиться. Каждый новый Читатель привносит в Историю уникальный опыт, рассматривая через свой собственный объектив различные эмоции, выраженные одними и теми же словами...

Читатель сгибает руку, застывшую, еще покрытую пятнами крови. Читателю принадлежит вся власть. Это он, Читатель, вдыхает жизнь в слова, написанные на страницах книги, делает их цельными, осязаемыми, пугающими. Значимыми в реальном мире.

Читатель управляет всем...

ГЛАВА 1

*Пятница, второе ноября. Пустошь.
Два градуса южнее Полярного круга.
Продолжительность дня: 8.06.38*

Когда солнце перевалило через горизонт, пятеро пассажиров ярко-желтого вертолета «Твин Сквиррелл», под брюхом которого жирными черными буквами были выведены слова «Арктический ветер», ощутили нависшую тишину. Они прибыли в зону запустения. Только глухие звуки, издаваемые несущими винтами, пробивались сквозь наушники, словно коконом отгородившие от мира священный покой. Селена Аподака разглядывала деревья, раскинувшиеся внизу, — черные ели, лиственницы, — которые по мере приближения к северу становились все более редкими и низкорослыми. Как седые старухи, хвойные деревья, остатки дремучих северных лесов, лежавших южнее, упруго гнулись и клонились навстречу холодным ветрам, дувшим с севера. Вскоре не осталось и деревьев — только растрескавшаяся земля, изогнутая, как спина кита, покрытая лишайниками цвета ржавчины и сфагнумом, моховыми болотами в пучках травы да серебряными нитями рек, унизанными бусинками темно-синих озер.

Кочующие карибу^[2] внезапно вскинули рога, привлеченные шумом вертолета. Будто невидимая искра прошла по всему стаду и разделила его на две группы: половина животных побрела через реку на другой берег, остальные продолжили спускаться вниз по холму.

Первобытный край, подумала Селена, необжитая, необъятная, вольная земля на границе с Североамериканским континентом, которая в медленном геологическом движении понемногу разворачивалась перед ее глазами, не замечая незначительных представителей человеческой расы.

Старый карибу отстал и кое-как плелся позади стада; Селена подумала — интересно, переживет ли он ночь. Это место было настолько же враждебным, насколько завораживающе прекрасным; зима не знала пощады. Как темная тень, повисшая вдоль горизонта,

она чуть приближалась с каждым днем, а воздух становился все холоднее — с севера пробирался мороз тундры.

Марси Делла, одна из старших представителей сообщества первых поселенцев Твин-Риверса, рассказала ей, что это место прозвали *хози* — земля, лишенная деревьев. И что здесь не было ни одной живой души. Марси была из тех немногих, кто еще помнил старые названия нескольких озер, кто знал, где находятся «края снов» — места, где путешественников, сумевших кое-как дотащить туда усталые тела, одолевали жуткие видения. Марси рассказала и о «порождении холода» — отвратительном оборотне, живущем среди ветров и снегов тундры, похожем на волка существе, голодном до человеческого мяса и неспособном насытить свою ярость. Она знала название этого существа, означавшее «дух одиноких мест».

— Время здесь не властно, верно?

Селена чуть не подпрыгнула, когда резкий голос внезапно ворвался сквозь наушники. Она повернулась к Раджу Санджиту, пристегнутому ремнями к соседнему сиденью, поймала взгляд блестящих черных глаз. Его дыхание сбивалось у лица облаками пара; даже внутри вертолета было очень холодно. Он улыбнулся ей.

— Мы как будто в царстве, где все неприкосновенно, да? Может, нам следовало взять особый паспорт, разрешающий нам доступ сюда, а иначе смерть нас покарает.

Селена не знала, как следует отвечать на эту нелепую сентиментальную фразу. Она взглянула на Веронику и Дина, биологов, специализирующихся на дикой фауне, которые сидели слева от Раджа, рядом со служебными собаками, и попыталась по выражению их лиц понять, не высмеивают ли ее за излишний интерес к легендам и преданиям этих мест. В глазах Вероники вспыхнули озорные искорки, но взгляд был по-прежнему изучающе мягок. Дин, напротив, смотрел недружелюбно. Селена почувствовала, как в ней вскипает раздражение.

В эти несколько недель в университете она отлично ладилась со всей командой, если не считать неприятных ей сексуальных притязаний со стороны Дина. Сейчас он, по всей видимости, вернулся в привычное мрачное расположение духа — смотрел в сторону и, зажав между колен Бадди, черного лабрадора, гладил его по голове. Селена перевела взгляд на другую служебную собаку, австралийскую

овчарку по имени Пика, послушно лежавшую у ног Вероники. Оба животных были натренированы разыскивать по запаху помет росوماхи — неуловимого северного «пожирателя смерти», вымирающего вида везде, за исключением Северной Америки. Собранные образцы экскрементов отправлялись в лабораторию Альбертского университета, где молодые ученые по молекулам ДНК и еще каким-то показателям выясняли информацию об исчезающей популяции и состоянии здоровья оставшихся особей. Они все лето корпели над этими сокровищами в рамках глобального исследовательского проекта «ВестМин Даймонде», прежде чем правительство этой территории не распорядилось выкопать карьер с южной стороны Ледяного озера.

Селена и Радж занимались изучением популяции гризли, но собирали образцы ДНК старым способом: с помощью приманок и проволочных капканов добывали шерсть *Ursus arctos horribilis*, которая, в свою очередь, тоже отправлялась в лабораторию на анализ.

Селена собиралась с ответом, но тут услышала сквозь наушники голос пилота, Хизер Макалистер.

— Похоже, к вечеру будет шторм. — Рукой, затянутой в перчатку, Хизер указала на темную полосу на горизонте и бросила на команду взгляд через плечо. Глаза скрывались за зеркальными очками-авиаторами, волосы, собранные в густую светлую косу, доставали до лопаток. — У вас, ребята, есть экипировка, чтобы пережить тут ночь, а то и две? Если он надвигается с такой скоростью, боюсь, мы к нужному времени не доберемся.

Закат ожидался в четыре часа двадцать минут. До четырех Хизер должна была доставить Селену и Раджа в нужное место, где их перехватили бы другие люди.

— Да, мы вполне можем переждать, раз такие дела с погодой, — сказал Радж и, повернувшись к Селене, мягко спросил: — Верно?

Она кивнула, но нервы напряглись. Это была их последняя неделя вместе. В университете ждали ее возвращения к концу ноября, она должна была продолжать работать со своим руководителем. Услышав о шторме, она ощутила странное предчувствие. Возможно, это было чувство вины. Она сжала коленями рюкзак, как бы желая защититься от всего мира спрятанный в нем секрет.

Вертолет резко накренило — это Хизер повела свою машину вниз, туда, где располагался лагерь исследователей — небольшая кучка

брезентовых палаток, юрт и сборных бараков из оцинкованной стали, а еще буровая станция, рудоперерабатывающий завод и клочок изрезанной земли — взлетная полоса.

Несколько человек вышли из лагеря навстречу вертолету. Один помахал рукой. Другой показал неприличный жест. Собака на цепи подалась вперед и залаяла. Хизер открыла бортовой иллюминатор и легонько погрозила пальцем. В ответ кто-то из встречавших исполнил дурацкий танец, и она, рассмеявшись, повела «Твин Сквиррелл» дальше, над бушующими водами Ледяного озера. Ей нужно было добраться до северной вершины, чтобы высадить там Селену и Раджа.

— Смотрите, — внезапно Хизер указала в сторону, — волки. На три часа.

Четверо волков. *Canus lupus*. Серый волк. Самый крупный представитель семейства волчьих. Лапы размером с кулак. Хищники вприпрыжку бежали гуськом к краю воды. Вожак стаи был черным. Огромный зверь. За ним следовал белый, а два волка поменьше были серыми в крапинку.

Селена повернулась, чтобы увидеть волков, пробежавших мимо. Но стоило ей придвинуться поближе, ей на глаза попало что-то еще; краем глаза она уловила на горном хребте некое движение. Она сощурилась, пытаясь разобраться, что именно увидела, но пологий свет, падавший с ледяных вершин, слепил глаза.

— Что такое? — услышала она голос Раджа.

— Мне... показалось, я видела человека. В меховой одежде. Он исчез прежде, чем мы долетели до этой границы, — она указала пальцем.

— В мехах? — Радж перегнулся через Селену, пытаясь рассмотреть. — Может, это был медведь? Тут поблизости нет ни самолета, ни квадроцикла, никакого транспорта.

— Ну, может, он вроде нас — его попозже должны забрать отсюда. Какой-нибудь охотник. Или геолог.

— В мехах? Ну да. Точно. — Он вскинул вверх густые черные брови. — Что, страшно тебе, Селена? Напугали бабушкины сказки про чудовищ?

Выругавшись сквозь зубы, она отвернулась.

Хизер повела вертолет к северной вершине и аккуратно посадила у края. Роторы продолжали работать. У нее было много дел:

требовалось привезти еще несколько команд из Твин-Риверса.

Селена поблагодарила летчицу, сняла шлем, открыла дверь, вытащила вещмешок и полуавтоматическое ружье, выбралась сама. Радж выволок несколько рулонов тонкой проволоки, сваи, две канистры медвежьего лакомства и легко выпрыгнул из вертолета. Они летели так низко, что от нисходящего потока воздуха волосы прилипли к лицу Селены, слезы текли из глаз.

Надев рюкзак, Селена смотрела, как вертолет превращается в крошечную желтую точку, чтобы затем исчезнуть в бесконечном небе. Потом перевела взгляд на полосу в небе, предвещавшую плохую погоду — теперь, с земли, она казалась больше и ближе. У Селены была привычка соотносить размеры объектов с параметрами своего тела, но здесь все было иначе. Раньше она видела предметы такими, какими они казались по отношению к ее истинным пропорциям. В Пустоши же она ощущала себя крошечной. Безотносительно географии и времени.

— Ну, хоть черных мух тут нет, — заметил Радж, аккуратно доставая сваи и рулоны колючей проволоки. Они принялись за работу, быстро огородили территорию. Радж, как обычно, вбивал сваи, пока Селена разматывала проволоку и закрепляла между ними на высоте медвежьей холки. Оба беспокоились о выживании в диком мире, но взять с собой оружие настояла Селена. Она чувствовала, что Радж несколько рассеян, но все-таки сохраняет самообладание даже на тонкой грани между ученым и жертвой. Натянув маску на нос и рот, чтобы приглушить вонь, она открыла одну из канистр с приманкой и принялась размазывать черноватую смесь тухлой лосиной крови, рыбьих кишок и ванили по клочкам сухого моха, сваленным посреди проволочного ограждения.

Едкий запах, распространяясь по всей долине, должен был привлечь *Ursus arctos horribilis*. Не в силах устоять перед ним, медведи полезут под проволоку, и клочки шерсти останутся на ней. Селене и Раджу в этом сезоне осталось всего один раз снять с колючек, собрать и задокументировать эти клочки. Мимо них пронеслась какая-то тень. Селена притихла. Кречет. Самая большая и мощная птица Северной Америки. Она тихо пронеслась в воздухе над ними. Наблюдая за птицей, Селена периферийным зрением уловила движение и перевела

взгляд на горный хребет. Сердце сжалось. Человек. На утесе. Замер, недвижим. Следит за ними.

Медленно поднявшись на ноги, Селена прикрыла глаза от яркого света.

— Радж, — тихо сказала она, — там, наверху...

Он, тоже в маске, посмотрел вверх.

— Вон там... кто-то следит за нами.

Радж сощурился от солнца, расстегнул рюкзак, достал бинокль. Настроил так, чтобы свет не мешал смотреть. И расхохотался.

— Что там?

— Инукшук.^[3] — И он зашелся в новом приступе хохота. — Хо-хо-хо! Каменный человек утащит тебя, Аподака!

Отняв у него бинокль, Селена убедилась, что он прав. Это в самом деле был инукшук — несколько шиферно-серых камней, положенных друг на друга так, чтобы сформировать подобие фигуры человека. Та рука инукшука, что была длиннее, указывала на них. Селена медленно перевела бинокль пониже.

— Клянусь тебе, там что-то двигалось, — выпалила она.

Она не только увидела это, но и почувствовала. Ощущение, что за ней наблюдают. То же жуткое ощущение, что не отпускало ее последние несколько недель в деревне. Но она так ничего и не увидела. Вернув бинокль Раджу, переложила ружье двенадцатого калибра так, чтобы его проще было достать. Отметив проделанный путь на GPS-навигаторе, они прошли еще несколько миль и поставили еще несколько ловушек. Незадолго до обеда услышали шум вертолета, и мир вновь затих. Было около половины четвертого, когда небо внезапно почернело.

Температура резко упала. Над озером поднялся густой туман, в воздухе материализовались снежные хлопья. Пришлось достать шапки из шерсти мериноса. Селена застегнула куртку до подбородка, на шапку натянула капюшон. Ей не нравилось, что этот капюшон с меховой отделкой закрывает ей обзор. В нем она чувствовала себя уязвимее. Он усиливал тревогу.

Спустя еще несколько миль пути повалил снег, быстро опускаясь на землю. Видимость стала почти нулевой. Ветер свистел и стонал в горах. Напряжение в груди Селены все нарастало. Она не сводила глаз с вершины хребта, пусть даже скрытой в тумане. На полпути к

неглубокой котловине возле скалы Селена остановилась и сняла перчатки, чтобы проверить GPS-навигатор. Все верно. Они пришли к цели. Радж тоже замер, ожидая, пока она продолжит путь.

— *Начинай, — велела она. — Я отойду на минуточку.*

Это был негласный термин, означавший необходимость отлучиться по нужде. Радж сделал несколько шагов и тут же исчез в тумане.

Селена положила оружие на землю. Нервно и неуклюже возясь с рюкзаком, вытащила коробочку, вывалила содержимое в снег. Достала вторую коробочку и опустошила ее чуть ближе к скале, чтобы то, что лежало внутри, оказалось между скалами. Во рту пересохло. Руки дрожали.

Услышав шум в скалах, она внезапно замерла. Подняла глаза, прислушалась.

Просто ветер. Легкий шелест среди камней, в котором ей слышались слова. Сссспассссайся... спасссайдссся, Сссссселена... Снег налетел резким порывом, мокрые хлопья залепили лицо. Сердце бешено билось. В мозгу сами собой зазвучали слова Марси Деллы:

Это оборотни... то волки, то люди, то ветер... беспощадные, с ледяным сердцем. Они приходят с первым дыханием зимы... налетают, как резкий, жуткий шторм...

Она встряхнула головой. Рассказы Марси действовали ей на нервы.

Ветер вновь прошелестел — сссспасссссайдссся, Сссселеена... и вслед за звуком до нее донесся странный запах. Такой тонкий, что она едва его уловила. Повернулась навстречу этому запаху, втянула ноздрами побольше воздуха. Вновь почувствовала. Сладковатый. С гнильцой.

И внезапно она услышала его. Грохот в скалах. Капли пота побежали по коже.

Здесь точно кто-то был. Медленно переведя глаза туда, откуда доносился шум, Селена потянулась к ружью. Сняла с предохранителя.

Не глядя, прицелилась. Туман сгустился. Снежные хлопья стали крупнее. В горле вскипал страх, грубый, первобытный. Она ждала предупреждающего сопения за спиной, сбивающего с ног удара когтистой лапы.

Но ничего не последовало.

И все же она чувствовала чье-то подступающее присутствие.

— Радж! — закричала она и следом: — Уходи, медведь!

Поднялась на ноги. *Надо казаться выше ростом.*

— Я не дам тебе сожрать меня, слышишь, медведь! Радж! Где тебя черти носят?

Она осеклась. За спиной снова послышался звук. Она повернулась, выставила дуло вперед.

— Где ты, мать твою?

Она хотела вновь позвать Раджа, но, прежде чем смогла выдать хоть один звук, на нее обрушился удар по голове, сравнимый с ударом бейсбольной биты. Череп хрустнул, тело качнулось вперед. Чувствуя, как медно-красная кровь сбегает из ноздрей, Селена, казалось, ненадолго повисла в воздухе — время растянулось, — а потом повалилась в снег, как марионетка, которой оборвали ниточки. Всполохи света в глазах сменялись темнотой. Ружье выпало из обмякшей руки. Мозг подсказывал — схватить оружие, сжаться, свернуться в клубок, защитить мягкие органы, но тело уже не слушалось. Следующий удар пришелся по спине. Воздух вырвался из сжавшихся легких. Она ощутила, как острые когти разрывают куртку, сдирают плоть с костей. Ощутила влажность собственной крови. Боли не было. Собрав все силы, она попыталась шевельнуться, но тело было парализовано. Шея сломана. Тело отбросило вперед, она уткнулась лицом в снег и грязь. Рот наполнился землей и кровью. Зубы разбились о камень.

Потом ее перекатали на спину, как тряпичную куклу. Голова безвольно завалилась, глаза смотрели в небо.

Когда она наконец увидела, кто на нее напал, мозг не сразу смог понять происходящее. Но, убедившись, она осознала. Осознала каждой клеткой своего существа, что Зло реально. И оно может настичь так, как мы и представить не могли. Новый удар разорвал ей горло. Кровь и слизь вырвались из раны, когда девушка попыталась вдохнуть и не смогла. Она молила глазами о пощаде, но знала — над ней не сжалятся. Острые когти порвали щеку и нос, глазное яблоко выкатилось на землю.

Было три часа сорок восемь минут.

Через десять минут ее должны были забрать. Через пять дней она должна была вернуться к учебе. К друзьям. К маме. Но, проваливаясь в

небытие, Селена понимала, что никогда не отпразднует двадцать второй день рождения. Может быть — последняя абсурдная мысль озарила угасающий разум — этот уголок под скалой был «краем снов», и ей не стоило останавливаться там, чтобы отдохнуть и опустошить свои коробочки...

ГЛАВА 2

Воскресенье, четвертое ноября. Твин-Риверс.

Продолжительность дня: 7.54.59

Констебль Тана Ларссон доедала перед телевизором ужин: остатки лосиного рагу с морковью, разогретые в микроволновке. Мясо было рождественским подарком от Чарли Накенко, внука которого она спасла. В день приезда сюда, почти месяц назад, Тана изучала это оторванное от мира место, добраться до которого можно было только самолетом, и наткнулась на пьяного девятилетнего Тимми Накенко в состоянии гипотермического шока у подножия скал Росомахи. Местный подросток нелегально продавал алкоголь совершеннолетним. Она арестовала его и заставила заплатить штраф, чем навсегда испортила отношения со всей молодежью города, поэтому была рада получить хоть что-то приятное от дедушки Тимми.

Чарли Накенко был старожилом Твин-Риверса духовным наставником, и его смуглое лицо напоминало сморщенное яблоко. Тонкие седые волосы он заплетал в две длинных косы и перевязывал кожаными ремешками. Мало того, за каждый ремешок заправлял еще и по перышку пустельги. Прославленный охотник-зверолов, Чарли был уважаемым членом общества, на короткой ноге с вождем и главой местного совета, которые обладали в Твин-Риверс такой же властью, какой в цивилизованном городе обладают советник и мэр. Еще у него был заключен контракт на поставку мяса с лагерем, расположенным ниже по течению реки. Тана рассчитала, что лосиного мяса ей хватит на долгие месяцы — холодильник был по-прежнему битком забит. Ну, хоть собаки порадуются.

Сейчас они спали у ее ног: вечно сердитая карельская медвежья лайка по имени Тойон и Максимус, гигантский гибрид маламута с волком, спасенный из капкана охотника, которого они с бывшим напарником обнаружили мертвым, явившись по вызову в Йеллоунайф.

Снаружи было темно хоть глаз выколи, но по крайней мере снег перестал идти. Лежал плотным слоем глубиной в дюйм и покрывался коркой льда. В следующем месяце наступит солнцеворот и световой день увеличится до четырех часов — в зависимости от облачности.

Она была рада здесь оказаться. Ей нравилось спокойствие темноты, отчужденность Крайнего Севера. Она сломала всю свою жизнь, ей нужно было многое обдумать, и Твин-Риверс казался неплохим местом, чтобы начать все заново. Хотя сейчас она была уже не особенно уверена.

Это место казалось живым, полным преступности, окружившей Тану плотным кольцом, несмотря на все ее усилия слиться с ним. Возможно, оно чувствовало ее порочность, ее стыд, и она должна была доказать, что чего-то стоит, прежде чем этот мир простит ее за чудовищные ошибки, которые завели ее в Пустошь, на самый край цивилизации.

Официально в полицейском департаменте, куда ее прикрепили, работали на полную ставку еще два копа и один гражданский служащий, но неожиданно для себя Тана оказалась здесь совсем одна. Два дня назад ее начальник, младший сержант Хэнк Скерритт, был транспортирован в Йеллоунайф после того, как ему прострелили ногу из ружья двенадцатого калибра. К тому времени, как до нее дозвонились и как она добралась до другой стороны реки, Скерритт потерял много крови. Вид у него был совершенно безумный — бессвязная болтовня, лихорадочный взгляд. Пришлось собраться с силами, чтобы держать его под контролем до приезда «Скорой помощи».

И пока Королевская канадская конная полиция искала замену Скерритту, Тана в одиночку (если не считать Розали Ниты, диспетчера системы связи), должна была поддерживать порядок среди населения в триста двадцать человек на территории, занимавшей 17,5 квадратной мили. Большая часть этого населения проживала в городе Твин-Риверс, а некоторые в поселке с поэтичным названием Водопад Росомахи, расположенном чуть выше по реке. Добраться до всех остальных населенных пунктов можно было только самолетом, пока снег и лед не позволяли передвигаться на снегоходе.

Розали говорила Тане, что младший сержант Скерритт медленно, но верно, втайне от центрального отдела полиции в Йеллоунайфе, начал еще с прошлой зимы сходить с ума. Темнота и холод двадцать четыре часа в сутки и не до такого доведут, заявляла Розали. А летом неустанный рой черных мух мешал несчастному спать, и вскоре он слетел с катушек.

Еще было старое как мир предание, связанное с человеком, следившим здесь за порядком три года назад, сержантом Эллиотом Новаком.

— Он по-прежнему здесь, в лесах, — утверждала Розали. — Совсем спятил. С белыми копами всегда так. Это место лишает их рассудка.

У Таны, если на то пошло, были если не все шансы сойти с ума, то по крайней мере половина — ее предки со стороны отца были белыми людьми, истинными скандинавами. Мать — представительница канадского народа догриб, выросла на берегу Большого Невольничьего озера. По этой причине Тана говорила на языке слэйви, и, может быть, именно потому ее отправили в такое богом проклятое место, хоть она и была совсем салагой. И к тому же больше никто сюда не хотел.

Странные вещи, думала Тана, глядя в экран телевизора, по которому шло какое-то шоу знакомств, происходят в краю полуночного солнца, странные люди мучаются, добывая золото. Или драгоценные камни...

Холостяк на экране, сжимая в руке коробочку с массивным бриллиантом, надвигался на двух оставшихся, дрожащих от волнения финалистов. На чей палец будет надето сверкающее кольцо? Обе женщины вели себя так, словно упадут в обморок раньше, чем он сделает окончательный выбор.

Когда камеру навели на бриллиант, ложка замерла в руке Таны. Камень переливался всеми цветами радуги. Неизменный символ любви. В глазах внезапно защипало; кольцо с маленьким камушком, которое она носила на цепочке под униформой, казалось, жгло кожу. Она сжала зубы. Все это был фарс, полное дерьмо, уловка маркетологов — связать холодный, твердый камень с любовью, обязать каждого мужчину подарить его своей женщине. Зачем она вообще смотрит эту хрень? Потому что она идет по телевизору, вот почему, а пульта в крошечной квартире, которую ей выделили, нет, и она слишком устала, чтобы подняться и переключить канал вручную. Так что скабрезное шоу продолжалось. Голос за кадром сообщал, что этот бриллиант «чист, как снега холодной канадской тундры, откуда он был добыт».

— И это тоже уловка маркетологов, — сказала она собакам. Тойон приподнял ухо, Макс никак не отреагировал.

Добывать алмазы на Севере было делом недешевым, территория — обширной и неприступной. Дорогой труд. Но камни, добытые в тундре, на мировом рынке конкурировали с алмазами, добытыми в Африке, Индии, Вьетнаме, Корее со значительно меньшими затратами, поэтому рекламщики из всех сил старались набить цену канадским камням. В результате был издан мандат, согласно которому десять процентов всех алмазов, добытых на северо-западной территории страны, должны были быть обработаны и оправлены там же, вместо того чтобы перевозиться на корабле в Индию, уже и так обрабатывавшую около восьмидесяти процентов всех камней. Так расцвела промышленность Йеллоунайфа, родного города Таны на берегу Великого Невольничьего озера. Теперь Йеллоунайф называли «сомабаке», что означало «доходное место». В конце маленького местного аэропорта располагались «алмазные ряды» — несколько невысоких зданий, где мастера, сидя на корточках вокруг длинных скамеек, придавали алмазам форму, полировали, делали огранку, заставляли сиять и сверкать. Всех этих людей наняли крупные компании наподобие «Тиффани&К», и они съехались сюда со всего мира — с острова Маврикий, из Танзании, Армении, Индии. Большинство стали гражданами Канады.

На каждый бриллиант, отполированный на территории страны, лазером наносились микроскопические логотипы — изображения полярных медведей и кленовых листьев, каждый получал серийный номер и сертификат правительства, подтверждающий, что камень был добыт, огранен и отполирован на севере Канады, то есть «бесконфликтно».

Никакой крови, пролитой ради ваших любимых людей.

Никаких страшных войн за то, чтобы кольцо блестело у вас на пальце.

Никакого детского труда. И клочок бумаги, якобы доказывающий это.

Алмазы же были способом оплаты организованных преступлений и терроризма. Поэтому Тана в них разбиралась. Когда первые крупные шахты начали их добывать, в Йеллоунайфе был сформирован

спецотряд Канадской королевской конной полиции в целях борьбы с международной преступностью.

Новая шахта строилась и здесь, на севере, у Ледяного озера. В следующем январе, впервые в истории Твин-Риверса, это оторванное от всего мира место обещали соединить с Йеллоунайфом ледяной дорогой. Появление в городе инженеров и геологов уже начало вызывать протесты, но, однако, были в строительстве дороги и свои плюсы. Полицейскому участку определенно требовались средства и новый грузовик. Сейчас, если нужен был транспорт, приходилось нанимать его за бешеные деньги. И, конечно, городу было необходимо новое оборудование для дизельной электростанции, сейчас работавшей кое-как.

Но до следующего января жители города по-прежнему оставались в далеком прошлом. В мире, куда сквозь зимний мрак все еще пробирались легенды и суеверия.

Убеждая себя, что нужно хорошо питаться, Тана положила в рот последнюю ложку рагу, и живот тут же скрутило. Поставив миску на столик у стены, она откинула голову назад. Закрыла глаза, стараясь дышать медленнее, стараясь удержать еду в желудке. Изнеможение накрыло ее тяжелым одеялом — пронизывающая до костей, туманящая разум усталость, заставлявшая чувствовать себя так, словно она пытается протолкнуть свое тело и мозг сквозь густой слой кормовой патоки; к такому она не привыкла. Слава богу, хоть собаки сыты. Одним делом меньше.

Положив ноги на спину Максимуса, она медленно погрузилась в глубокий, дурманный сон. Услышав сквозь его плотную пелену писк мобильного, проснулась в поту. В комнате было холодно, по телевизору шел какой-то документальный фильм о дикой жизни. Мозг отказывался что-либо осознавать. Телефон снова запищал.

Она наклонилась вперед, включила лампу. Телефон лежал на кухонной стойке, рядом с портупеей. За высоким табуретом, на котором она оставила бронежилет. Тана слишком устала, чтобы снять что-то, кроме обуви, портупеи, куртки и бронежилета. Она поднялась на ноги, но, прежде чем успела сделать шаг на кухню, желудок опять свело спазмом. Метнувшись в ванную, держа волосы рукой, склонилась над унитазом, и ее мучительно вырвало. В кухне опять заверещал мобильный. Она выругалась. Схватив полотенце, вытерла

рот, кое-как доплелась до кухонной стойки, взяла телефон. В случае, если кому-то нужно было вызвать полицию в нерабочее время, с Таной связывались через диспетчерскую службу по чрезвычайным ситуациям — сложная, разветвленная система связи. Даже при полной комплектации штата полиция Твин-Риверса не работала двадцать четыре часа в сутки.

— Констебль Ларссон, — сказала она в трубку.

— Это... Маркус Ван... начальник службы безопасности... западной... базы.

— Не могли бы вы говорить громче? Ничего не слышно.

Голос стал четче, медленнее.

— Маркус Ван Блик. Нападение волков. Ледяное озеро, северный берег.

Сильный гортанный акцент. Африканский. Привычное дело в Йеллоунайфе еще с тех пор, как туда притащился Де Бирс.^[4] Она слышала и в Твин-Риверсе — их геологи рыщут по всей Канаде и всю уже размечают границы прилегающей территории.

— Одна жертва? — спросила она.

— Две. Биологи. Оба мертвы. Их обнаружил пилот, но не смог приземлиться — над Долиной Безголовых густой туман. Тела все еще там.

— Он уверен, что выживших нет?

— Она. Пилот — женщина. И, господи, никаких шансов на это нет. Я сам туда доехал на квадроцикле с одним из наших ребят. Что осталось от трупов, волки растаскивали. Мы их пристрелили. Тут настоящая бойня. Тела выпотрошены. Девчонке башку оторвало, поллица сожрали. Стопудово, все еще вчера случилось, а то и два дня назад. Бедолаги из-за тумана тут заночевали.

Желудок Таны опять свело. Она покосилась в сторону ванной, на лбу выступили капли пота.

— Вы оставили кого-то охранять тела, чтобы защитить их от дальнейших покушений хищников?

— При всем уважении, мэм, защищать тут уже нечего.

Вот дерьмо.

Всегда остается что защищать. Мозг Таны лихорадочно заработал. Ей понадобится следователь. Он будет ехать из Йеллоунайфа

несколько часов, а если туман не спадет, еще дольше. Ей хотелось самой увидеть останки, провести расследование, написать рапорт.

— Там сработает GPS-навигация? — спросила она.

Ван Блик сообщил ей координаты. Тане удалось взять бумагу и ручку и записать данные, не ощутив новых рвотных позывов.

— Смотрите, — сказал Ван Блик, — вы можете завтра долететь до лагеря. Облачность высокая, мы подсветим взлетную полосу, но ни один пилот не возьмется доставить вас в Долину Безголовых. Туман густой, как гороховый суп.

Она посмотрела в окно. Кромешная тьма, какая бывает только в затерянных местах, расположенных бесконечно далеко от городского освещения.

— Так, а мотовездеход? Вы сказали, что доехали туда на квадроцикле?

— Да, можем вас довезти, но последние пару миль придется пешком. Обрывы крутые, тропы узкие, хрена с два вы проедете. Вот такой слой льда, и снег еще выпал. Я могу, конечно, организовать вам квадроцикл, даже заправлю, даже сам вас довезу. Только огнестрельное не забудьте — на кровь животные сбегутся. У нас в лагере без того куча проблем с этими сраными волками.

Может, потому, что вы сами их прикормили, подумала Тана и, дождавшись отбойного гудка, набрала номер Оскара Янкоски, пилота, у которого был контракт с полицией.

Нет ответа.

Она выругалась, сбросила звонок. Придется ехать к нему. Кроме Оскара, в Твин-Риверсе был всего один пилот, Кэмерон О'Халлоран по прозвищу Бабах, грубый и наглый ковбой, который, судя по всему, занимался контрабандой алкоголя и обвинялся в каких-то еще небольших правонарушениях. Хотя, может, и в больших — ходили слухи, будто он убил человека, вот ему и пришлось скрываться тут, на Севере. Даже в самом крайнем случае она бы к нему не отправилась.

Сердце бешено колотилось, когда она застегивала ремень и надевала бронежилет. Принесла пистолет из сейфа в спальне, проверила обойму, пристегнула. Никогда больше в жизни она не рискнула бы оставить оружие просто так, не в сейфе. Ей дорого пришлось заплатить за свой опыт. Да, она сохранила работу, но потеряла все остальное.

Тана свистнула собакам, выключила свет и стала спускаться по деревянным ступеням импровизированного полицейского участка. Открыла дверь, выпустила собак. Когда они сделали свои дела, наполнила водой миски, взяла рюкзак, где лежало аварийно-спасательное снаряжение. В комнате для хранения оружия прихватила винтовку, полуавтоматическое ружье, кое-какую амуницию, шутихи, сигнал-гудок и фальшфейеры, чтобы отпугивать медведей. Прокрутила в памяти список необходимого, натягивая поверх униформы ватные штаны и просовывая руки в пуховик с меховой оторочкой. Надела ботинки на подкладке, предписанную уставом теплую ондатровую шапку с ушами, взяла со столика перчатки. Впустила собак. Они, холодные, пулей метнулись в дом.

Прежде чем уйти, она позвонила в центр оперативной связи Йеллоунайфа, доложила о происшествии, сообщила свои координаты, попросила прислать следователя. Твин-Риверс соединяла с миром лишь система спутниковой связи. Большая тарелка ловила спутниковые сигналы, которые затем подавались на маленькую базовую станцию, которые, в свою очередь, по сотовой сети передавались в город. Исходящие звонки доходили по тому же принципу, то же самое было с Интернетом, телевидением, радиосигналами. Их местная спутниковая связь работала как надо лишь в случае хорошей видимости. Сильный снегопад, сырая ветреная погода, технические недочеты могли вырубить ее напрочь.

— Ведите себя хорошо, мальчики, — сказала она, потрепав собак по загривку и поцеловав. — Придет Розали, покормит вас и выгуляет, окей?

Быстро собрала вещи, выключила свет, закрыла дверь.

Когда она только что переехала в Твин-Риверс, ей выделили крошечную бревенчатую хижину ближе к реке, где ей очень нравилось, но когда стало ясно, что она в одиночку будет патрулировать эту территорию, пока не прибудет подкрепление, им с Тойоном и Максимусом пришлось перебраться в комнату в полицейском участке, больше подходившую для таких целей.

Воздух снаружи был холодным и хрустящим. Звезды прятались за плотными облаками. Минус одиннадцать по Цельсию. Она завела грузовик, погрузила оружие и поехала к дому Янкоски на так называемых окраинах этого поселения. Колеса скрипели по замерзшей

снежной корке, два симметричных желтых луча фар пронизывали темноту.

ГЛАВА 3

— Янкоски! — кричала Тана, изо всех сил стуча в его дверь кулаком. Нет ответа. Она заколотила громче. — Янкоски!

Где-то неподалеку залаяла собака.

Тана потянула дверь на себя. Открыто. Распахнула, зашла внутрь. В помещении было жарко, стоял затхлый запах алкоголя. Она включила свет в гостиной, где он и лежал, распластавшись на диване. Без рубашки, волосы всклокочены. Двухдневная щетина.

Две бутылки виски на полу. Одна пуста. Тана выругалась.

— Вставай давай, чучело! — Она пихнула его носком ботинка. Янкоски приоткрыл глаз и не с первой попытки сфокусировал на ней взгляд.

— О, Тана, чо как?

— Ты нажрался в сопли. — Она оттолкнула ногой пустую бутылку, и та закружилась по деревянному полу. В ней вскипело бешенство. Воспоминания, самые ужасные, высунули свои уродливые головы... — Никакого, мать твою, уважения ни к себе, ни к работе. На тебя, сукин ты сын, рассчитывают, понимаешь ты или нет? У нас вызов.

Он кое-как выпрямился. Его кожа была липкой от пота. И он смердел. Тана сморщилась — желудок вновь подал опасный позыв.

— Какой вызов? — спросил он.

— Говнюк несчастный, — пробормотала она и направилась к двери.

— Стой! — Он вскочил на ноги, покачнулся, ухватился за спинку стула. — Я ж не против. Я иду!

— Уж и вижу. — Она захлопнула дверь прямо перед его лицом, сбежала по деревянным ступеням и вновь забралась в охлаждавшийся грузовик. Дверь дома тут же распахнулась.

— Тана! — заорал Янкоски в темноту. — Это первый и последний раз! Не докладывай, ладно?

Она завела мотор, и колеса покатали дальше, поднимая брызги снежной пыли, в направлении взлетной полосы. Гнев бурлил в жилах Таны, а вместе с ним — другие чувства и страхи, о которых она не хотела думать. Гнусный тип не должен был сидеть на заднице,

досасывать бутылку и кое-как пытаться поговорить, если вызов срочный. У нее не было времени его ждать. Ей не хотелось его жалеть. Сукин сын вынудил ее ехать туда, куда она ни за что бы не поехала. Тропинка, бежавшая между деревьев, тянулась к взлетной полосе, ангары были пугающе тихими, в свете фар метались тени. Глаза какого-то животного сверкнули в темноте зеленым. Тана подъехала к дому Бабаха О'Халлорана за аэропортом.

Некоторое время она сидела в кабине, смотрела на его дом, думала о Тимми и о том, что, должно быть, собирается совершить сделку с дьяволом. Но либо Бабах, либо она только завтра попадет на место нападения волков. Тана постучала в дверь О'Халлорана, надеясь, что он в лучшем состоянии, чем Янкоски. Дверь, к ее изумлению, распахнулась почти сразу. Теплый свет пролился в ночь. Русые волосы Бабаха были всклокочены, тугая футболка с длинными рукавами обтягивала тело. Из-под рукавов выглядывали татуировки. Джинсы низко сидели на бедрах. Он улыбнулся, и на крепких, обветренных щеках появились ямочки, в светло-зеленых глазах зажглось любопытство. Тане он показался похожим на молодую самоуверенную собаку с помойки. Она ощутила раздражение. Он пугал ее, пусть и несильно.

Потом она заметила Минди Кой в соседней комнате — растянувшись на диване, девочка смотрела телевизор. Минди заметила излишний интерес Таны. Накинула на плечи одеяло, поднялась с дивана и вышла из гостиной.

Вот блин.

Тана посмотрела на Бабаха.

— Ты не пьян?

— Нет, к сожалению.

— Кто достоин сожаления, так это ты и Янкоски, — сказала она. — Мне нужно лететь на базу ВестМина. Ты меня довезешь, и сейчас же.

Некоторое время он изучал ее лицо. Его взгляд был дерзким, пронизательным. Тана выдержала этот взгляд, подавила в себе желание сморгнуть или сглотнуть. Он поднял глаза в небо, лениво почесал щетинистый подбородок и шею, а потом посмотрел на маленький указатель направления ветра над дверью.

— Будем лететь по прямой туда и обратно, — сказал он. — Впереди несколько штормовых фронтов. Первая волна пройдет еще до утра.

— Можешь оставить меня там, а забрать утром, когда прояснится.

— Если прояснится, — уточнил он. — А что с Янкоски?

— Недоступен.

Его губы изогнулись в кривой, медленной улыбке.

— Подожди, я переоденусь. Потом прогрею старуху «Зверюгу», — и захлопнул дверь перед носом Таны. Девушка тихо выругалась, стянула перчатки, занялась мобильным. Ветер усилился, крошечные хрупкие снежинки хлестали по щекам. В лесах выли койоты, их крики становились все громче, возбужденнее. Задумавшись, кого они убили, Тана нажала на вызов.

— Розали, я улетаю с О'Халлораном. На севере лагеря жуткий случай нападения волков. — Сообщив детали, добавила: — Возможно, до завтра не вернусь. Приглядишь за мальчишками, напоишь, накормишь? Собачья еда в кухне, лосиное мясо в холодильнике. Дверь наверху я оставила открытой.

— Не вопрос. А что с Янкоски?

— Он больше на нас не работает.

— Неужели опять нажрался?

— Опять? Так он алкоголик, что ли? Почему мне никто не сказал?

— Да тут у большинства проблемы с алкоголем, Тана. С кем же мы теперь будем работать, с Бабахом?

С человеком, который нелегально продает алкоголь и чуть не убил Тимми Накенко? Который живет с несовершеннолетней? Ни за что.

— Да найдем кого-нибудь. Это всего на один раз. Он вышлет тебе счет.

Бабах открыл дверь, одетый в старую кожаную куртку-бомбер, отороченную овечьей шерстью. Еще на нем был старый кожаный шлем, а на лбу блестели очки-авиаторы в металлической оправе. Не говоря ни слова, он прошел мимо Таны, и, обернувшись, она увидела на куртке сзади выцветший принт — голую грудастую женщину с крыльями. На кой черт он вырядился как чокнутый пилот времен Второй мировой? Она смотрела, как он дошел до взлетной полосы, открыл ворота, ведущие к огороженному спуску, и остановился.

— Вперед, констебль! Машину можешь припарковать у ангара.

Тана снова тихо выругалась и поплелась к грузовику. Подъехала к ангару, пока Бабах проверял самолет и открывал дверь. Откинул пассажирское сиденье, залез внутрь, помог Тане затащить вещи в бочкообразную грудную клетку «Зверюги». Салон был горчично-желтым, сбоку шла широкая бордовая полоса. Возле руля Бабах приклеил картонные зубы. Вид был жутковатый — будто эта огромная машина может сожрать самолет поменьше, вроде «Сессны» или «Супер Каба».

— Лагерь не так далеко, чтобы лететь на этом вот, — заметила Тана.

— Если хочешь взять столько вещей, тебе нужен этот самолет, — сказал он, забирая у нее сумку с электрической изгородью и запихивая позади сиденья. Он потянулся за рюкзаком, где лежали ружье и винтовка. — Может, «Зверюга» не так изящно приземляется, как маленькие птички, но груз выдержит побольше, чем «Супер Каб» или там «Гелио», — он поймал ее взгляд. — Но, если хочешь, можешь лететь с Янкоски. Я же не возражаю.

Она молча протянула ему рюкзак. Положив его на пол, Бабах сказал:

— Давай садись на пассажирское место. Шлем лежит на сиденье, — и захлопнул дверь у нее перед носом. Тана, глубоко вздохнув, забралась в самолет, плюхнулась на сиденье, обнаружила наушники и сразу же надела. Кабина оказалась по-спартански маленькой и холодной. Их руки постоянно сталкивались.

Бабах начал накачивать ручной насос, чтобы повысить давление трубопровода. В машине что-то защелкало, он нажал на пуск, «Зверюга» взвизгнула и раскашлялась, как автотопливный насос, воюющий с издыхающим аккумулятором. Он дал газ, и машина, содрогнувшись, понемногу начала оживать. Тана подумала, что Янкоски даже в таком состоянии лучше справился бы со своей «Сессной».

О'Халлоран повел самолет к взлетно-посадочной полосе.

— Ну и где ты взял этот древний костюм? — поинтересовалась Тана, указав на его куртку, просто чтобы отвлечься от мыслей о том, как дребезжит мотор и трясется «Зверюга».

— Это дедушкин. Его застрелили в полете над Голландией.

— И как он тогда смог отдать его тебе?

— Тело дедушки обнаружили голландские школьники, куртку отдали моему отцу. Он тоже стал пилотом. Начал учить меня летать, когда мне было четырнадцать.

— Совсем как ей сейчас, ты знаешь об этом?

— Кому?

— Минди. Ей только четырнадцать. Ты в курсе?

Он взглянул на нее. В полумраке кабины по его лицу пробежала мрачная тень. Губы изогнулись в ленивой ухмылке, на обветренных щеках вновь появились ямочки.

— Так *вот что* ты подумала?

Тана ничего не ответила.

— Мы с Минди просто друзья. — Он натянул очки и стал похож не то на Черного Демона, не то на Светлого Рыцаря — как там еще называли асов Второй мировой? Только шелкового шарфа не хватало.

— Да ты и сама на вид ненамного старше.

— Если попадешься, — тихо сказала она, — честное слово, посажу. Растление несовершеннолетних.

Он вновь взглянул на нее. Все его тело, казалось, пылало жаром, и она ощущала исходящую от него опасность.

— Вот как? — спросил он.

— Именно так.

— Что случилось в лагере — зачем ты им понадобилась? — поинтересовался он, когда самолет полз по заснеженной полосе.

— Инцидент с местной фауной, — ответила она, крепко прижав ладони к бедрам.

— А конкретнее?

— Узнаю, когда прилетим.

Какое-то время он изучал ее лицо, будто пытаясь по его выражению понять ее характер, она же молилась, чтобы он следил за дорогой.

— Вы готовы, констебль?

— Всегда готова.

«Зверюга» медленно поднялась на небольшую высоту, толстый живот чуть коснулся макушек черных елей.

— Ну, — сказал он, — время инструктажа по технике безопасности. Аварийно-спасательное оборудование — в хвосте самолета. Ну, если не вывалилось, — он мрачно ухмыльнулся. Тана

закрыла глаза, про себя молясь, чтобы ее не вырвало, и изо всех сил постаралась не думать, за что Бабах получил свое очаровательное прозвище.

ГЛАВА 4

Огни сверкали у берега черного озера, блестевшего, как зеркало в темной комнате. Под толщей этой чернильной воды в залежах кимберлита скрывались алмазы. Чуть южнее озера располагался исследовательский лагерь.

О'Халлоран низко вел «Зверюгу» к световой полосе, отмечавшей границу посадки. Крылья дико сотрясал ветер, рвущийся с горных хребтов на востоке. Сердце Таны колотилось в горле, она крепче сжала руками бедра — под ней проносилась земля, снежинки, как астероиды, летели в лобовое стекло, пропеллер вращался в бешеном стаккато. Но, к чести О'Халлорана, он прилетел вовремя. Колеса резко стукнулись о мерзлую белизну и покатались по взлетной полосе.

У края этой полосы, возле двух арочных ангаров, стоял вездеход. За ним ежились мужчина и женщина в теплых куртках. Их лица в жестком белом свете мачты прожекторного освещения казались призрачными.

О'Халлоран свернул в сторону и остановил свою неповоротливую машину. Падал снег, и белые хлопья кружились в воздушных потоках, как бы празднуя их удачное приземление.

Тана стянула шлем, открыла дверь, выпрыгнула из кабины. О'Халлоран стал вытаскивать вещи и передавать ей. Когда она забрала у него тяжелый рюкзак, ружье и винтовку, к ней быстрыми шагами, чуть покачиваясь, подошел невысокий поджарый человек.

— Гарри Бландт, — представился он пронзительным голосом. Тана поставила рюкзак на землю, пожала ему руку. Его ладонь была холодной и сухой, хватка — крепкой. Казалось, он вибрировал от напряжения. Женщина, которая была с ним, осталась стоять у вездехода и смотреть, как высокий сильный парень тащит из ангара инвентарь.

— Я начальник лагеря, — добавил Бландт, переминаясь с ноги на ногу то ли от холода, то ли от нетерпения. Он был на голову ниже Таны и намного ниже, чем она себе представляла по рассказам. И все же она сразу узнала того, кто часто появлялся в СМИ. О Бландте обычно отзывались как о неуклюжем, гиперактивном, нервном, страдающем синдромом дефицита внимания, но при этом гениальным

охотником за сокровищами. Это он обнаружил алмазы на дне Ледяного озера, когда Де Бирсы и другие крупные корпорации по добыче драгоценностей провозгласили эту местность никуда не годной. Было очевидно — если он сумеет воплотить свой план в жизнь, если получит поддержку правительства и необходимые средства, вскоре он сделается очень, очень богатым человеком. Живые темные глаза внимательно оглядели Тану из-под седеющих бровей. Он показался ей похожим на жука.

— Констебль Тана Ларссон, — сказала она, натягивая перчатки. Дыхание собиралось в густое облако пара. Она забрала у О'Халлорана сумку с электрической изгородью, поставила в снег рядом с остальными вещами.

— Маркус готовится вас встретить, — сказал Бландт. — То, что случилось, ужасно. Просто ужасно. Один квадроцикл уже готов, он проверяет безопасность второго, он мой охранник, классный парень, он хороший, очень хороший, из африканских шахт, вам помочь с сумками? — Слова вылетали изо рта Бландта, как огонь из пулемета, и наталкивались друг на друга. Тана была наслышана о его специфической манере говорить, постоянно перескакивая с одного предмета на другой, будто он не в состоянии хоть на миг удержать в себе мысли, постоянно бурлящие в его мозгу. Его послушаешь, так можно спятить, сказали ей.

Она много слышала и о беспощадности Бландта. Никогда не уставая, он требовал того же от других. Он заставил пройти весь путь до конца даже своего четырнадцатилетнего сына. В общем, Гарри Бландт стал настоящей легендой территории северо-запада Канады и Юкона, ничуть не менее увлекательной, чем легенды далеких времен.

Взвалив рюкзак на плечи, Тана посмотрела на О'Халлорана. У него оставалась еще одна сумка.

— Иди давай, — сказал он, — эту хрень сам потащу.

Она немного помедлила, потом ответила:

— Спасибо.

— Место происшествия где-то в трех часах езды отсюда, — сказал Бландт, пружинящей походкой спеша к вездеходу и ангарам. Женщина по-прежнему стояла там и курила.

— Единственный способ попасть в Долину Безголовых — двигаться на северо-восток вдоль берега. Довольно скалистая и

местами болотистая местность, особенно где река впадает в озеро. Там трудно пройти, но сейчас, надеюсь, все уже подмерзло. Потом начинается крутой обрыв. Большие валуны вдоль горного хребта, скользкие от снега и льда. Последние мили нам придется идти пешком, до утеса, где Хизер их и нашла. Ужасно, просто ужасно. Мои ребята пристрелили четырех волков. Может, сейчас еще сбежались. — Бландт смерил взглядом ружье и винтовку Таны. — Вы одна?

— Да, сама по себе.

— Просто ужасно, — повторил Бландт, и Тана не поняла, что он имеет в виду — происшествие или тот факт, что она приехала одна.

Густой снег скрипел под ботинками. Воздух был резким, от воды шел свежий бриз, клубился туман.

— Вы знали погибших? — спросила Тана. — Можете что-то о них рассказать?

— Селена Аподака и Радж Саджит. Обоим чуть за двадцать. Работали над изучением ДНК гризли, в рамках учебной программы, пока правительство еще не распорядилось строить тут шахту. Со времен старых добрых Екати и Дьявика^[5] правила стали куда жестче. Большую часть Ледяного озера придется осушить, чтобы копать карьер, вы же понимаете, так проще всего достать куски кимберлита. Здоровые такие куски, кроме карьера, тут ничего не сработает. Но, конечно, скажется на окружающей среде. Долину Безголовых ждут перемены. Селену и Раджа Хизер — вон она, стоит возле квадроциклов — привезла в пятницу утром, и еще команду, изучавшую росوماх. Странные звери эти росوماхи. Мифические существа северных лесов. Все равно что призраки — знаешь, что они рядом. Понимаешь очевидное. Но их самих не видишь. Хитрые хищники, падальщики, семейство куницевых. Известны большой силой и быстрой реакцией. Кроме как здесь, в Северной Америке их нигде не увидишь. Вымерли. Не смогли смириться с утратой территории — понимаете?

— Вы хотите сказать, эти команды искали следы гризли и росوماх, которые вас так интересуют?

— Вроде того. Все же хотят найти свое собственное золотое дно и захватить, чтобы никто ничего не получил. Глупое занятие. Смешные существа — люди. А местные-то, аборигены — они говорят, тут где-то старые кладбища, какие-то бесценные кости, но знаете что? Никто вам

не скажет где. Видимо, семейные тайны, которые никому, кроме семьи, знать нельзя. Так откуда мы можем знать, что это за кости? На слово им верить? Знаете, как было в старые времена — если индеец-оленеводец заболел, его там и бросят. Бедняга старался не отставать, конечно, ну а все равно в итоге сыграет в ящик и сожрут его росомахи. Такова природа — росомах же не зря зовут пожирателями мертвых. Ну и кости, господи ты боже. По всей этой несчастной пустоши кости валяются.

Тана вздрогнула. Да уж, неразговорчивым Гарри Бландта назвать было никак нельзя.

— Это Хизер Макалистер, — сказал Бландт, когда они подошли к женщине у вездехода. Крепкий парень стоял у ангара и заправлял горючим второй квадроцикл. Он посмотрел Тане прямо в глаза, но даже не кивнул в знак приветствия.

— Вы, значит, новый полицейский? — спросила Макалистер, бросив сигарету в снег. Раздавлив ее ботинком, она наклонилась вперед, пожала руку Тане. — Рада знакомству. Жаль, что в таких обстоятельствах.

Хизер была высокой и поразительно красивой. Густые светлые волосы, широко посаженные голубые глаза, крупный рот, острые скулы. Такие черты прекрасно смотрятся на экране. Женщина дрожала, лицо было бледным, рука — сухой, холодной. Крепкая хватка.

— Это вы их обнаружили? — спросила Тана.

Она кивнула и, дрожа, спрятала голые ладони под мышки.

— Они вынуждены были провести здесь пятницу и субботу. Мой график в пятницу был слишком загружен, я в любом случае не смогла бы их забрать. И потом, туман. Видимость нулевая. Тут столько утесов, место опасное, особенно если не видишь, куда летишь. — Она прокашлялась. Голубые глаза слезились от холодного ветра. Тана заметила, что белки Хизер красные, а изо рта пахнет алкоголем. — Селена и Радж хорошо подготовились, чтобы переждать здесь — при них было оружие. Так положено по протоколу, и многие команды так делали. — Она вновь закашлялась. — Погода ненадолго прояснилась только сегодня в полдень. Я прилетела сюда, забрала другую команду — Веронику, Дина и двух собак. Потом мы полетели к озеру, но Селены и Раджа нигде не было. Я пыталась связаться с ними по рации

— никакого ответа. И на текстовые сообщения тоже. Поэтому мы стали их искать и... — Она осеклась, утерла нос тыльной стороной ладони. Тана обратила внимание на ее руки — мозолистые, потрескавшиеся от холода руки рабочего человека. Тане сразу же понравилась эта женщина. — И нашли.

— Когда это случилось? — спросила Тана.

— Вчера около часа дня.

— И что вы увидели?

— Их... кровь на снегу. Внутренности, оторванные конечности, клочья одежды. Тела обглаживали волки, четверо. Я их отпугнула, но ненадолго. Скоро они вернулись опять.

— Вы не спустились к ним?

— Нет, — ответила Хизер. — Мы все равно уже ничем не смогли бы им помочь, а погода уже опять начала ухудшаться. Снова повис туман. — Она опустила глаза, посмотрела на свои ботинки, потом снова встретилась взглядом с Таной. — Мне так плохо. Если бы я посадила самолет, мы убили бы этих животных, но мы ведь и сами могли тут застрять неизвестно насколько. И никакого контакта с внешним миром. Радиус приема очень ограничен. Я подумала, лучше будет вернуться с той командой. Спасти хотя бы их. Я знала, что у Гарри есть все необходимое для спутниковой связи и мы можем вызывать сюда вас, ребята. Вы не сразу получили сигнал — это из-за погоды, — так что Маркус и Тивак сами туда отправились. Маркусу удалось дозвониться, когда погода немного наладилась. — Она с силой потерла рот ладонью. — Они были такие классные.

— И никаких шансов, что кто-то выжил, не было?

— Черт возьми, да нет, конечно. Какие нахрен шансы. Их разорвали в клочья, вырвали кишки, выпотрошили. Голова... Селене оторвали голову. Я... — ее глаза заблестели, — простите, — она вытерла слезы кулаком, — я видела много смертей. В Ираке, Афганистане, Ливии. Мужчин и женщин бомбами разносило на куски. Я выносила тела с поля боя. Но это... так могут рвать только дикие животные. Они видят только мясо. Жрут еще живых. Медведи так делают — не дожидаются, пока наступит смерть. И волки тоже. Когда еще понимаешь происходящее...

При мысли об этом дрожь прошла по позвоночнику Таны.

— Вы были на войне?

— В американской армии. Сначала медиком, потом выучилась на пилота. Потом Афганистан, Ирак. Ливия. Лет семь назад уволилась и теперь здесь.

Посттравматический стресс, подумала Тана. Она всюду видела его признаки после того, что случилось с Джимом.

— Компания, которая с ними работала, уже знает?

— Да, — вмешался Бландт. — Я связался с начальником проекта около часа назад.

— А другая команда? Где она сейчас?

— Уже вылетела назад в Твин-Риверс. У меня был свободный самолет, и мы их туда посадили. Они работали здесь последнюю неделю.

— Вы можете связаться с ними, пока меня не будет? — спросила Тана у Бландта. — Попросить их оставаться в городе, чтобы я могла задать им несколько вопросов?

Бландт и Макалистер переглянулись.

— Конечно. Без вопросов, — сказал Гарри.

— А тот, кто отправился с Маркусом Ван Бlichem... кто застрелил волков...

— Тивак Кино, — сказал Бландт.

— Где сейчас Кино?

— Вылетел с моей командой около получаса назад, — сказал Бландт. — Все улетели, кроме нашего повара, Маркуса и меня. Один из ребят женится, ну вы же понимаете, я дал им несколько дней повеселиться в Йеллоунайфе. Лагерь мы уже подготовили к зиме, теперь только ждать, пока в январе проведут ледяную дорогу. Тогда выложимся на всю катушку, будем таскать сюда оборудование, машины, все, что весной пригодится.

Квадроцикл, стоявший у ангара, заворчал, возвращаясь к жизни. Маркус нажал на газ, подъехал к Тане. Не разжимая губ, буркнул:

— Констебль?

Его глаза были темными, взгляд — нечитаемым. Он казался спокойным и по-звериному наблюдательным; Тану это напрягло.

— Это с вами я общалась по телефону? — спросила она.

— Да. Я Маркус Ван Блик. — Не протянув ей руки, он потянулся за рюкзаком. — Я вас отвезу.

Помедлив, она отдала ему рюкзак, который он забросил в багажник квадроцикла, потом забрал у Бландта сумку с электроизгородью и стал ремнями прикручивать к багажнику.

— Боюсь, больше мне некого с вами отправить, — сказал Бландт, глядя на Ван Блика. — Уверены, что не хотите ждать до завтра?

— Пока мы болтаем, тела растаскивают волки, — отрезала Тана. — Я должна увидеть останки до приезда следователя.

Все трое переглянулись, и Тана почувствовала, что ее здесь не особенно хотели видеть.

— Я поеду с вами, — внезапно предложила Макалистер. Но Тана, мягко взяв женщину за руку, отвела ее в сторону.

— Вы пьяны, Хизер? — тихо спросила она.

— Ну, выпила немного виски. А кто бы не напился после такого? Я уже сказала, война — одно дело, но эти дети...

— Отдохните немного, ладно? — попросила Тана. Гражданская безопасность была для нее превыше всего, и хотя Хизер твердо стояла на ногах, пахло от нее так, будто она выпила слишком много. Выдавал и взгляд. — Мне понадобятся и ваши показания. Пожалуйста, оставайтесь в лагере, пока я не вернусь. Если погода не испортится согласно прогнозу, следователь приедет днем...

— Не стоит доверять прогнозу. — Теперь в голосе Хизер слышались нотки раздражения. — В Долине Безголовых своя погода. Топография, от озера — холод, от болот — тепло, утесы опять же — везде ясно, а там туман.

— Ну, будем надеяться на лучшее.

Макалистер смирila ее усталым взглядом, в котором читалась едва заметная враждебность. Тана уже привыкла к этому. Очень юная девушка-полицейский среди дикого мира, где правила независимость, свобода духа, привлекавшая грубых и вольных ковбоев — как мужчин, так и женщин, сильных людей, ненавидевших бюрократию, не привыкших опираться на руку закона. Городские удобства, такие как вода из крана, канализация, электричество, гастрономы и возможность набрать 911, не слишком высоко ценились жителями Севера.

— Хорошо, — тихо сказала Макалистер, — я подожду. Но если вас не будет слишком долго, вылечу к вам. Я работаю на компанию «Арктический ветер», и пока не наладится погода, мы закрыты для

взлета и посадки — бог знает, сколько это продлится. Моя база в Твин-Риверс, там меня и найдете.

Пока она говорила, к ним подошел О'Халлоран с сумкой Таны в руках.

— Спасибо, — сказала Тана. — Можешь лететь домой, если хочешь.

— Окей. Спасибо, констебль.

— Мне нужен твой номер, чтобы созвониться и забрать меня. Иначе придется лететь вместе со следователем.

Он глубоко вздохнул, сунул руки в карманы и некоторое время смотрел в сторону, обдумывая что-то, потом сказал:

— Ты знаешь, я ведь на вас не работаю. Только сам на себя.

— Я тебе заплачу.

— Не нужна мне *твоя* оплата.

Черт бы его побрал! Хочет, чтобы его упрашивали.

— Можем подписать долгосрочный контракт, — предложила она, не уверенная, что его криминальное прошлое позволит ему заполнить анкету, необходимую для контракта с полицией Канады.

— Я же сказал, мне это не надо.

Их глаза встретились. Ветер со снегом хлестал порывами. Ей нужно было идти. Она слышала, как Маркус заводит ее квадроцикл. Секунды тикали.

— Тогда сегодня вышли мне счет. — Повернувшись, она пошла к ожидавшему ее вездеходу и по пути услышала, как Макалистер говорит О'Халлорану:

— Я видела тебя в пятницу, Бабах. Твой самолет приземлился на другой стороне утеса, где работали бедные ребята. Где-то в полдень, когда я летела за другой командой.

— Это был не я.

Тана застыла на полпути, заинтересованная.

— Ярко-красный «АэроСтар 380Е»? Думаешь, тут таких много?

— Сказал же, это не я.

— Ты, конечно. Я пыталась связаться с тобой по рации.

Тана поставила сумку на землю, села на корточки, сделала вид, что завязывает шнурки. Ей нужно было дослушать до конца разговора.

— Это мог быть кто угодно, хоть геологи. «АэроСтар» — один из самых бюджетных самолетов.

— Я знаю. Сама такой купила, подержанный, в Инувике. Почти нетронутый. Я уже закончила с этим делом, но есть небольшие проблемы с муфтой. Хотела кое-что у тебя спросить.

Тана занялась другим шнурком. Ван Блик нетерпеливо сигнализировал. Время поджимало.

— Ну, позвони, как будешь в городе, — сказал О'Халлоран. — Несколько дней точно тут буду. Свяжемся.

— Вы готовы, констебль? — проревел Ван Блик.

Снег усилился. В воздухе кружились густые хлопья, от озера поднимался густой туман, бледные огоньки растворялись в призрачном сиянии.

Она показала Маркусу большой палец, поднялась на ноги, помчалась вперед. Зашвырнула в багажник последнюю сумку, сняла ондатровую шапку, сунула за шиворот куртки, натянула шлем и очки, лежавшие на сиденье вездехода. Ван Блик даже включил подогрев.

Он рванул вперед, полосы света от фар расталкивали плотный туман.

— Ехай прям за мной, — скомандовал он. — Навигатор — дерьмо полное.

Они повернули к черному озеру, и туман поглотил их. Тана зачем-то напоследок обернулась.

В ярко освещенной утробе ангара виднелся призрачный силуэт О'Халлорана. Спрятав руки в карманы, он смотрел на нее. Ей стало неловко.

Бабах смотрел, как Тана Ларссон, молодой констебль, исчезает в тумане вслед за Ван Бликом, и темное, неясное чувство понемногу просачивалось в его душу. Вслед за ним пришло напряжение. Недовольство. И странное ощущение убегающего времени.

Ван Блик мог быть опасен, в зависимости от того, кто ему платил. Но, насколько Бабаху было известно, рядом с ним Тана была в безопасности, по крайней мере сегодня. И по крайней мере пока не вляпается в его вонючее болото.

Бабах выругался, повернулся и пошел к самолету. Делать ему больше нечего, кроме как волноваться за тощую задницу салаги-полицейского.

Хватит с него беспокоиться о других.

Она как-никак сотрудник правоохранительных органов. Это ее выбор. Она обязана разгребать все, что случилось на ее территории. И да, порой копы пропадают без вести. И гибнут.

Такая работа. И не его проблема.

ГЛАВА 5

Тана осторожно пробиралась по гладкому склону, ведущему к краю горного хребта на юге. Дыхание царапало ей горло, густой пар изо рта в свете налобной лампы был похож на дым. Пока она ехала на внедорожнике Ван Блика по тихому широкому лону Долины Безголовых, температура существенно снизилась и продолжала снижаться, когда она старательно ставила ноги в отпечатки ботинок Ван Блика, а он двигался вперед по заснеженным валунам, как безмолвный циклоп, и налобный фонарь, словно око, освещал ему путь.

В тумане неясно нарисовался утес. Тана не увидела его, скорее почувствовала. Несмотря на холод, по ее груди стекал ручеек пота. Рюкзак был тяжелым, предписанный правилами бронежилет под курткой, туго стягивающий ремнями все тело, не давал дышать. Плотный, как густой слой клея, он с каждым шагом все сильнее давил туда, где между нижним краем куртки и кобурой стремительно надувался живот. Один только бронежилет добавлял десять фунтов к тому весу, который ей приходилось тащить. Она выбилась из сил, кровь отлила от лица.

Они оставили вездеходы у края берега, там, где тропа сузилась и стала слишком крутой, чтобы можно было проехать. Согласно навигатору, они могли увидеть край утеса в любую минуту. Отсюда они могли увидеть то место, где лежали тела.

Внезапно она замерла, волосы на руках встали дыбом. Кто-то был рядом.

Потом она услышала звук. Неясный, далекий, нарастающий вой. Вслушалась в первобытную тьму, откуда он доносился. Его подхватили другие, и, нарастая все громче, он перешел в дикое, пугающее крещендо. Тревожный клич, он всегда вынуждал Тану трястись от страха. Особенно сейчас, стоило ей лишь подумать о том, *что* они там едят. Сердце забилося чаще. В ответ на вой раздалось короткое повизгивание, а потом долгий, протяжный стон с другой стороны утеса. Ей показалось, они окружены волками, которые прячутся в темноте. Ван Блик тоже остановился, прислушался.

— Стая или две, пришли на трупы, — сказал он ей. Тана медленно повернулась. В свете фонаря перед глазами запрыгали тени, снежные хлопья летели в лицо. Что-то еще, не только вой, вызывало дрожь. Она чувствовала это — совсем рядом. За ними что-то наблюдало из тумана. Что-то большое, безмолвное, злобное.

Она сглотнула. Ван Блик продолжил путь по тропе. Тана всматривалась в его массивную фигуру, стараясь успокоиться, восстановить дыхание, взять себя в руки. Этот человек двигался со спокойной, продуманной, наблюдательной расторопностью охотника, подумала она. Должно быть, он и сам хищник, если ему не страшна эта дикая территория. Тана не доверяла людям, не знающим страха. Страх был нормой, необходимым условием выживания. Она знала дикий мир, умела охотиться — ее учил отец в те редкие дни, когда, спасая от матери, брал с собой, — а потом снова исчезал на долгие месяцы, даже годы. Тана знала страх. Разного рода. Здесь она ясно чувствовала — она всего лишь человек, слабый, хрупкий, с ограниченным ночным зрением, беззащитная против стаи волков, в унисон воющих среди бескрайней тьмы. Как и против любого другого животного, способного видеть в темноте.

Она побрела за Ван Бликом, опасаясь, что он исчезнет в тумане, и заставила себя думать только о предстоящей работе. Это подстегивало, побуждало осознавать свою значимость.

Спустя десять минут или около того справа от нее по скале скатился маленький камень. Тана застыла, с трудом дыша. Сердце колотилось — бум, бум, бум, — кровь била в барабанные перепонки. Она медленно повернула голову, направила налобный фонарь туда, откуда раздался шум. Но луч был бессилён — он растворился в темноте, вместо того чтобы проникнуть сквозь нее. Чувство, будто здесь, за мокрой занавеской тумана, что-то скрывается, стало сильнее.

По склону скатился еще камень. Она подпрыгнула и убедилась, что винтовка и двенадцатикалиберное ружье по-прежнему с ней.

— У тебя там все нормально? — спросил Ван Блик.

— Я что-то услышала.

Он навел налобную лампу на холм. В ответ из темноты вспыхнули два оранжево-красных огонька. Вот дерьмо! Живот Таны свело.

— Медведь! — заорала она и схватилась за винтовку. Кое-как стянула перчатки, вскинула винтовку. Сердце бешено колотилось.

Сжала пальцем курок. Туман рассеялся, и яркие оранжевые круги пропали.

Зверь притих. Спрятался.

Она посмотрела вниз, туда, где горели глаза. Всем телом она ощущала присутствие медведя. Если это гризли, она уже его обед. С такого расстояния, при такой видимости, она не справится с животным, даже если случайно в него попадет. Слева от нее загрохотали камни.

— Ты его видишь? — крикнула она.

Ван Блик медленно навел фонарь на холм. Тишина внезапно стала удушающей. Медведи — хитрые хищники. Он мог скрываться у них за спиной. Мог быть где угодно.

Время тянулось.

— Думаю, он ушел, — гаркнул Ван Блик откуда-то сверху. Тана немного подождала, потом опустила оружие, вновь натянула перчатки. И краем глаза поймала чью-то тень. Напряглась. Неловко двинулась в сторону, ботинок соскользнул по слою льда под ногами, она ударилась локтем о скалу. Боль свела руку, грудь сжало. Винтовка выпала, скатилась вниз по валуну. Твою мать.

Ван Блик навел на нее фонарь.

— Дать тебе руку?

— Все нормально, — ответила она, щурясь, как крот, от резкого света. — Убери фонарь, я ничего не вижу, — нагнулась, подняла винтовку. Ее охватила досада, и она постаралась удержать в себе это чувство. Оно вело вперед, помогало собраться.

— Камни скользкие, — отметила она, вновь поднимаясь под тяжестью рюкзака. — Может, ты будешь светить в эту тварь, а не в меня?

Ван Блик наблюдал за ней, ожидая, пока она приведет себя в порядок.

— Со мной все хорошо, — она отряхнула снег со штанов. Он по-прежнему не двигался.

— Ты точно не ударилась?

— Я сказала — все хорошо! Какое слово ты не расслышал?

Он смерил ее долгим взглядом, потом повернулся и пошел вперед очень медленно, что не укрылось от ее внимания.

— Хватит, — возмутилась она. — Еще раз — со мной все в порядке!

Он имел наглость сдавленно хохотнуть. Вот ведь засранец!

Было одиннадцать сорок, и снег уже не падал, когда они добрались до хребта. Сначала слышали звуки. Мокрое рычание, урчание, чавканье. Хруст.

Звуки, которые издают животные, пожирающие мясо. И кости.

Человеческие мясо и кости.

Ван Блик сделал ей знак пригнуться. Она медленно припала к земле рядом с ним.

— Видишь? — прошептал он, указывая в темноту. — Вон они.

Тана моргнула, пытаясь осознать то, что видит.

Тени. Силуэты. Животных — сколько, она не могла сказать, — волков, которые разрывали на части то, что раньше было Селеной Аподакой и Раджем Санджитом. Желчь подкатила к горлу.

— Господи Иисусе, — прошептала она.

— Что будешь делать? — спросил Ван Блик.

— Отгоню их от бедных ребят, — не задумываясь, ответила Тана. Вытащила из кармана две ракетницы с карандаш величиной, одну протянула ему вместе с пиропатроном. — Держи. Я хочу посмотреть, сколько здесь животных и каких.

Вставила пиропатрон в ракетницу, низко склонившись, чтобы налобный фонарь освещал то, что она делает.

— Ты первый. Старайся целиться в воздух над ними. Потом я пальну.

Ван Блик прицелился очень верно. Над кровавым побоищем поднялось ярко-розовое облако. Раздался вой, потом повизгивание. Несколько волков отскочили, но два самых больших так и остались стоять над добычей, широко разинув мокрые окровавленные пасти и пристально глядя на гостей. Страх при виде агрессивно настроенных самцов подстегнул адреналин Таны. Она пальнула вправо, в том направлении, куда убежало несколько животных. Ракетница взорвалась с громким треском, взвилась в тумане. Волки сжались, но уходить не торопились. Она разглядела пятерых. Один из альфа-самцов и волк поменьше понемногу вновь начали подкрадываться к трупам.

— Никуда они не уйдут, — тихо сказала Тана. — Кровь их раззадорила.

— И вкус человечины, — так же тихо ответил Ван Блик.

Тана сняла с плеча винтовку.

— Займись двумя, что слева, — велела она, — а те, что справа, мои.

Они выстрелили, перезарядили оружие, снова выстрелили, и еще. Как солдаты, бок о бок, убивали врагов. Волки взвизгивали, скулили. Рычали. И падали. Спустя несколько минут все было кончено. Повисла оглушительная тишина. Тана ощутила кислый сернистый запах. Сердце колотилось, по телу ползли ручьи пота. В глазах защипало.

— Нам надо было это сделать, — прошептала она скорее себе, чем Ван Блику. — Для экспертизы понадобится вскрыть трупы животных. К тому же эти волки съели так много... они распробовали человечину. Нам в любом случае пришлось бы их убить.

Ван Блик молчал, глядя вниз, в долину. Свет ракетниц понемногу угасал. Их снова окутала тьма. Тана вытерла рот тыльной стороной перчатки. Рука дрожала.

— Надо идти, — сказала она, — пока не пришли новые падалыщики. Нужно спасти останки несчастных детей.

ГЛАВА 6

— Да тут просто мясная лавка, — сказал Ван Блик, наводя фонарь.

Или бойня... если не принимать во внимание клочки одежды и других вещей, разбросанных по снегу, красно-розовому, вздыбленному. Трупы волков лежали возле останков людей. Ребра просвечивали сквозь темно-красную, сырую плоть. Куски мяса и внутренних органов примерзли ко льду. Кишки разметало.

Тана подошла к тому телу, что лежало ближе, стараясь делать как можно меньше шагов. Но это, конечно, было бесполезно, потому что снег был весь в полосах, следах возни и драки, ботинок и лап. Отпечатки ботинок, по-видимому, оставили Ван Блик и Кино, когда пришли сюда и застрелили первых волков.

Запах, стоявший в воздухе, был тяжелым, плотным. Сладковатый запах сырого мяса, на который наслаивался железистый аромат крови. Запах страшной смерти — впервые почуяв, вы уже не смогли бы его забыть. В голове Таны снова всплыл образ Джима в ванной. Она отогнала мысль о нем, сделала глубокий вдох. Зря. Вонь пробитого кишечника ударила в ноздри, и желудок тут же среагировал. Она согнулась, пытаясь сдержаться.

— Вон она, — крикнул Ван Блик, — вон оторванная башка! — Наклонился, чтобы разглядеть получше.

— Отойди, — сказала она.

Он посмотрел на нее, ослепив светом налобного фонаря.

— Господи, не свети ты мне в глаза! Встань и иди отсюда. Только осторожно, ничего не трогай и ни на что не наступи. Иди вон туда, к утесу, и стой на стреме, если еще животные притащатся.

Он неловко молчал, дыхание в свете фонаря вилось густым белым паром. Потом спросил:

— А ты?

— Я огорожу тела проволокой. Одно и второе.

— Да блин, их по всей долине разметало.

— Хотя бы... основные части, — она закашлялась. — Пожалуйста, уходи. Сейчас.

Еще немного помедлив, он сказал:

— Да, мэм.

Она подождала, пока он дойдет до края утеса. Когда он поднялся туда и стал водить фонарем в поисках животных, вновь склонилась к трупу.

Она сразу поняла, что это Радж Санджит, хотя половину его лица сожрали. Волосы, все в запекшейся крови, были черными, коротко подстриженными. Полуоторванная ладонь в свете фонаря блеснула бронзовым загаром. Живот был разорван, внутренние органы, богатые питательными веществами, растащили, оставив под ребрами кровавую зияющую дыру. Тана повернулась к другому телу. Ее желудок вновь свело жестоким спазмом.

На месте головы остался лишь обрубок, откуда торчала кость и хрящи. Большая часть вспоротой грудной клетки была выедена. Сердца не было, лишь клочок легкого свисал из дыры.

Тана навела фонарь на оторванную голову.

Пробитая, она лежала лицом вниз. Огрызок шеи был изжеван, виднелся череп. Длинные волосы, светлые, кудрявые.

Селена Аподака.

Рядом с головой лежало что-то бледно-голубое. Кусочек шерстяной шапки. К которому прилип зрачок.

Тана едва успела дернуться чуть в сторону, и ее тут же вывернуло наизнанку. Она изо всех сил старалась сдержаться, но зов природы был неумолим. Она согнулась в спазме, прижала руки к коленям, и ее вырвало снова, и снова, и так до тех пор, пока в желудке и во рту не осталось ничего, кроме горькой желчи, от вкуса которой желудок опять свело. Тяжело дыша, вся потная, она ждала, пока отпустят спазмы.

— Все хорошо, мэм? — позвал Ван Блик. Она грязно выругалась, вытерла рот рукавом.

— Нормально.

Да просто охренеть, как круто. Разблевала свое ДНК по всему месту происхождения.

— Может, тебе помочь?

— Стой, где стоишь. Прикрывай меня.

Ее вывернуло в последний раз, и Тана снова выругалась. Обычно она могла себя контролировать. Но теперь ее тело ей не принадлежало. Им командовало маленькое существо, растущее в ее матке. Даже здесь,

рядом с кровью и смертью, оно напоминало о себе, оно отчаянно боролось за жизнь. И Тану накрыло такое острое и внезапное желание выжить — ради ребенка, — что у нее перехватило дыхание.

Она чуть помедлила, пытаясь успокоиться, думая, как лучше справиться с задачей. Один из огороженных участков должен был занять около двадцати семи квадратных футов. Не то чтобы много, но лучше, чем ничего, потому что, если волки или медведь вернутся до рассвета, удар током по крайней мере задержит их. Настолько, что она или Ван Блик успеют выстрелить.

На случай, если опять пойдет снег, она прихватила с собой два куска брезента, чтобы накрыть трупы.

Установка изгороди требовала много времени. И хорошо — лучше, чем сидеть, таращиться на весь этот кошмар и ждать новых хищников. Осторожно, стараясь наступать в свои же следы, Тана вернулась туда, где можно было поставить рюкзак. Налобный фонарь двигался туда-сюда, в тумане прыгали тени. Птица, вероятно сова, низко пролетела над долиной, хлопая крыльями. Тана подняла глаза, увидела большую тень, которая затем исчезла в темноте.

Ее не отпускало чувство, будто за ней следят, будто за ней наблюдают невидимые глаза.

Она перевела взгляд на утес, где виднелась неуклюжая фигура Ван Блика, бродившего взад-вперед. По спине поползли мурашки. Этот человек был опасен, ничем не лучше хищника. Тана постаралась взять себя в руки. Это все усталость. Гормоны. Повышенный сахар в крови. Жестокость, кричавшая из темноты. Мысль о том, что она должна была убить столько красивых волков, которые просто делали то, что им назначила природа, — выживали. Охотились. Ели мясо.

Сначала она распаковала два куска брезента. Осторожно подошла к телам, бережно накрыла. Потом вернулась к своим вещам, склонилась к рюкзаку, стянула и убрала перчатки. Голые пальцы тут же замерзли, она с трудом развязала мешки с изгородью, принялась распаковывать столбы. Потом подтащила их к трупам, и, с трудом найдя место, свободное от камней, воткнула в землю первый столб под углом в тридцать градусов. Потом перешла к следующему. Установив все столбы, размотала тонкую проволоку, стала натягивать от столба до столба. Это была кропотливая работа, пальцы щипало от холода. Спустя час она разделалась с ней, подключила генератор и пошла к

Ван Блику, с ружьем в руках сидевшему на камне под утесом. Фонарь лежал позади него, на булыжнике, и лил свет в кромешную ночь. Она выключила свой фонарь, чтобы сберечь батарейки, села рядом с Ван Бликом. Был почти час ночи, понедельник. Еще по меньшей мере семь часов до бледного рассвета. Если батарейки в фонаре Ван Блика сядут, у нее по крайней мере будет замена.

Часы шли. Стало холоднее. Спокойнее. Больше животные не приходили — как будто до них дошли слухи, что здесь плохое место.

— Первый раз видишь кровь, да, констебль? — тихо спросил Ван Блик.

— Да нет, я просто траванулась.

Он не ответил.

— Думаю, инфекцию подцепила, — продолжала она. — Тут ходит. У Розали, нашего диспетчера, внук заболел.

Зачем она оправдывалась? Она не должна была врать. Могла этому радоваться, гордиться. Хотя утренняя тошнота, черт бы ее побрал, должна была уже прекратиться — все-таки пятый месяц. С другой стороны, а кого бы не стошнило при виде такого? Или это признак того, что ей не стать хорошим полицейским? Не суждено однажды выбиться в детективы по расследованию убийств?

Она подумала о Ван Бликке.

— А ты...

— Я жил в Африке, — только и сказал он, и она не стала приставать с расспросами. Прислонилась к холодной скале, мучимая внутренними демонами. По ночам они всегда появлялись. Они изводили ее, убеждали в собственном ничтожестве. Они смеялись ей в лицо, говорили — *ха-ха, маленькая полукровка, думаешь, значок, униформа и пистолет сделали тебя кем-то другим? Думаешь, люди не поймут, что ты дочь проститутки, не узнают, как тебя била твоя мамочка? Думаешь, ты чего-то стоишь, маленькая иллуха? Яблоко от яблони недалеко падает, Тана...*

Она закашлялась, потом сказала:

— Хочешь, спи. Я посторожу.

— Не думаю, что кто-то из нас рискнет уснуть, — ответил он тихо.

Он был прав. И пусть животные так и не появились, чувство, что они наблюдают из темноты, не уходило. Волки. Медведи. Может быть,

койоты. Лисы. Даже росوماхи. Где-нибудь через час надо бы бросить еще ракетницу, посмотреть, нет ли здесь кого. Бросить предупреждение. У нее было несколько наготове. Еще шутихи, перцовый баллончик, сигнал-гудок. Ветер вздыхал и стонал в скалах, донося волчий вой. Откуда-то издалека тут же ответили. Связь дикого мира, предупреждение об убийстве в Долине Безголовых. Понемногу мир готовился встретить рассвет, воздушные потоки изменили направление, будто земля ворочалась, готовясь проснуться.

— Ты раньше охотилась, верно? — после долгого молчания спросил Ван Блик. — Видно, что ты из охотников.

Она окинула его взглядом.

— Из охотников?

В его глазах горели озорные искорки. Он шутил с ней.

— А, так ты имеешь в виду, из индейцев.

Он рассмеялся. Она не стала обращать на это внимание. У людей бывает странное чувство юмора.

— Я охотилась с отцом, — сказала она наконец, — с тех пор как мне исполнилось пять. Тогда он впервые забрал меня с собой.

— Забрал?

— Ну, я имею в виду... в дикую природу, на несколько месяцев. Не помню точно, на сколько. — В голове всплыл образ отца, большого, сильного.

— А мать? — спросил он.

— Она была из индейцев, да. Догриб.

Он ждал, пока она скажет что-то еще, но Тана молчала. В голове кружили нежеланные, неумолимые воспоминания о матери.

— Ну, — сказал он, помолчав еще какое-то время; он даже начинал ей нравиться за попытки ее отвлечь, — я так понимаю, тебе доводилось видеть жертвы животных. Тебе не кажется, что с этим убийством... что-то не так?

— Не так?

— Оно какое-то... странное. Нетипичное.

— Никогда не видела убитых ими людей. По-моему, это само по себе ненормально.

— Ты знаешь, почему это место называли Долиной Безголовых?

— Уверена, ты мне об этом расскажешь.

— В двадцатых годах в нескольких милях отсюда нашли двух старателей. Сидели, прислонившись к утесу, вот как мы сейчас. Полностью одетые, обутые, сумки, молотки, оружие — все при них. Одна беда — голов нет. Просто нет, и все. Только два туловища в такой позе, будто заняты болтовней. А в сумках полно алмазов.

Она повернулась к нему.

— А потом-то нашли головы?

— Не-а.

— Их отрезали, что ли?

— Оторвали. Начисто. Тела не тронули, вырвали головы вместе с шеями, и все.

Она сглотнула и хрипло сказала:

— Легенды. Выходят за пределы реальности, которая их породила.

— Хрен знает, может, и легенды. Только в эту долину лучше не соваться. Вообще в эти скалы. Не знаю, как объяснить, это просто чувствуешь. Даже летом. Прижмешь ладонь к камням и чувствуешь. Оно как будто просачивается в себя. Черная хрень. Ледяная хрень.

— Не ведусь я на твои суеверия, Ван Блик.

Он фыркнул.

— Я достаточно прожил в Центральной Африке, в глухих, мрачных местах, чтобы понять — есть что-то кроме того, что мы видим. Вдали от цивилизации, в Конго, например... ты можешь пересечь границы доступного.

— Что ты делал в Африке?

— В алмазных шахтах работал. На Де Бирс. Охранником.

— Вот с чего ты начинал — с Де Бирс?

— Ну да. Работал на руднике Снэп-Лейк.

— А потом тебя Бландт сюда затащил? Заманил?

— Можно и так сказать.

— А он не боится, что взял на работу шпиона из Де Бирс?

Он хрипло, гортанно рассмеялся.

— В нашем деле все боятся шпионов, констебль. Алмазы же. Канадские, самая твердая валюта. Меня Бландт поэтому так сразу и нанял управлять лагерем, еще до того, как получил разрешение на шахту. Те залежи кимберлита, куда он хочет пробраться, — если

интересуешься этой темой, то знаешь, — одни из самых крупных на Севере. Скоро тут все поменяется.

Ну да, начиная с ледяной дороги в январе.

Против воли Тану вновь захлестнули мысли о кольце с крошечным бриллиантом, которое она носила на цепочке под униформой, о бесполезности всего этого.

Где-то часа в три утра батарейки в фонаре Ван Блика сели, и Тана включила свой. Температура понизилась еще больше.

Тана радовалась ушам ондатровой шапки, большому капюшону парка, теплоте термобелью, утепленным водонепроницаемым штанам. Даже сдавливающий бронежилет сейчас был в радость. Ветер усилился, принес с собой запахи с севера, за много миль отсюда. Он шелестел в скалах, рассказывал истории о других убийствах. Носы, вдыхая этот ветер, поднимались, ловя и изучая.

Тана подтянула к себе колени в попытке спастись от пробирающего холода. По крайней мере, ветер, поднявшись, рассеял туман над долиной.

— Смерть от собак, — мягко сказал Ван Блик, глядя на два куска брезента, скрывавшие то, что осталось от тел, — одна из самых худших. Они раздирают заживо. Лев по крайней мере сломает шею, тихо и быстро, прежде чем начать жрать.

— Может быть, их убили не волки, — тихо предположила Тана. — Может быть, на них напал кто-то другой, медведь например, а волки отогнали его и растащили трупы. Вскрытие покажет.

ГЛАВА 7

Понедельник, пятое ноября.

Продолжительность дня: 7.49.11

Бабах повел «Зверюгу» ниже, следуя по серебристому курсу реки Росомахи к лагерю Члико. День обещал быть холодным, ясным. Было восемь утра, солнце двадцать минут как вышло из-за горизонта и теперь расцвечивало небо в оттенки золотого, розового, оранжевого. Все было просто офигенно, но не отпускало неприятное предчувствие. Он ощущал какое-то мрачное беспокойство, приближение беды. Он думал о Тане Ларссон в Долине Безголовых — как она там, одна, с Ван Бlichem и двумя мертвыми биологами. Она и все это происшествие выбили его из колеи. Раньше он был уверен, что волен делать только то, что нравится. Но тут к нему заявила она, колотя в дверь и требуя доставить ее на место гибели биологов.

Если попадешься, честное слово, посажу. Растление несовершеннолетних.

Он фыркнул. *Это меньшая из твоих проблем, солнышко...*

Озеро тянулось вперед, латунно-серое на фоне снега. Облака пара вырывались из труб, торчавших из деревянных крыш бревенчатых хижин на побережье озера. Дым клубился из двух каминов главного каменного здания. Весь лагерь Члико был построен в нарочито грубом, дизайнерски продуманном стиле. Суперэлитная база отдыха.

Бабах посадил свою грузную красавицу, колеса аккуратно коснулись взлетной полосы, находившейся в куда лучшем состоянии, чем те, где ему доводилось приземляться. С озера, как всегда, дул ветер. Далеко на воде, за полуостровом поросшей лесом земли, он заметил белые гребни волн. Признак скорой непогоды, первый предвестник грядущих зимних штормов. Пора ставить самолет на лыжи.

Подъехав к станции, он увидел, как Алан Штурманн-Тейлор идет к нему навстречу. Штурманн-Тейлор казался настоящим великаном, копна преждевременно поседевших волос нависала над худым красивым лицом, на котором горели яркие, глубоко посаженные голубые глаза. Остановившись у конца взлетной полосы, он смотрел

прямо навстречу ледяному ветру. Вокруг шеи был намотан пестрый непальский шарф — несомненно, трофеем из поездки на Эверест. Все мы любим трофеи. Не важно, мягкие игрушки, шарфы, брелки, фотографии для Инстаграма, локоны волос, молочные зубы детей. Все они говорят: я здесь был. Я это сделал. Это моя история. Моя победа. Моя награда. Мое сокровище. Нам кажется жутким, когда серийные убийцы забирают с собой части тела жертв, когда прикасаются к ним снова и снова, чтобы вновь ощутить трепет убийства. Но, в сущности, они ничуть не отличаются от остальных.

Бабах остановил самолет, снял шлем, открыл дверь и спрыгнул в плотно слежавшийся снег у спуска. Два носильщика в фирменной униформе подошли к нему, чтобы забрать вещи. Отдав им салют, Бабах открыл дверь грузового люка.

— Ну как ты, дружище? — спросил Штурманн-Тейлор, подойдя ближе, широко раскинув руки. Он обнял Бабаха, хлопнул по спине со свойственной мужчинам бравадой; руки — огромные, как окорока, мышцы — как у дровосека. На нем был костюм, как говорил Бабах, от Патагуччи — дизайнерская одежда для любителя приключений. Очень дорогая.

— Отлично, отлично, — соврал Бабах. — Поездка в Шамони того стоила? Нормально покатался?

— Лучшая из всех моих поездок. Одного из гидов унесла лавина, но, черт возьми, какие впечатления! Пошли в дом, пока ребята выгружают вещи. Ты завтракал?

— От кофе бы не отказался.

Штурманн-Тейлор большими шагами направился к главному зданию. Чего бы ни касалось дело — покорения Амазонки, рыбалки в Патагонии, пешеходного тура с бушменами в Калахари, поездки на верблюде через всю Сахару или гонок в Дакаре, — Штурманн-Тейлор обожал любые приключения, не рассуждал, а действовал. Раньше он был психологом, потом стал серьезным инвестором; перфекционизм помогал ему делать все как надо, мощный интеллект — управлять банковскими счетами. Никого не задевало, что у него изначально был солидный капитал.

— Тут, я вижу, новые группы туристов, — сказал Бабах, указывая туда, где возле стрелкового тира стоял Чарли Накенко с несколькими мужчинами в куфиях и камуфляже.

— Даже две. Саудовцы приехали на гризли охотиться, а другая группа — просто за новыми впечатлениями. В прошлом году был невероятный успех: кухня дикой природы, поиск пищи в лесу с нашим шеф-поваром, общение с местными жителями, демонстрирующими свой образ жизни и ремесла. Индейский очистительный ритуал, барабанный бой. Столько женщин соблазнилось, пока их мужья уходили за добычей, — он расхохотался и открыл большую дверь. — Само собой, наш Чарли — главная достопримечательность. На чаевых целое состояние сколотил.

Они вошли в дом, Штурманн-Тейлор заказал у «дворецкого» — так Бабах называл охранника — два эспрессо. Лицо охранника было лишено всякого выражения. Человек-загадка. Из спецслужб Израиля. Сложен как участник уличных боев. Молчаливый, спокойный, он явно здесь скрывался, это Бабах понял уже давно. Совершил что-то запрещенное в своей стране, не имея специального разрешения или особой профессии. Полицейского, например. Но эта часть мира была скрыта от посторонних глаз и жила по своим правилам. Или, скорее, она была настолько неинтересна посторонним, что *пришлось* установить свои правила.

Вот почему ему здесь нравилось.

Вот почему такой человек, как Штурманн-Тейлор, решил выстроить здесь лагерь. Вот почему он заманивал сюда гостей со всего мира — шейхов, бизнесменов с проститутками, политиков, актеров, финансистов и мошенников. Здесь они могли жить в свое удовольствие — джентльменский клуб, так сказать. И обсуждать деловые вопросы.

Штурманн-Тейлор провел Бабаха в библиотеку. Длинный ряд застекленных дверей смотрел на озеро Члико. Большая часть стенного пространства была от пола до потолка разливана книжными полками, многие из них хранили первые издания в кожаных обложках. В камине потрескивал огонь. Персидские ковры богатых красных оттенков покрывали отполированный деревянный пол, а прибитые между полок головы убитых животных смотрели со стен стеклянными глазами.

«Дворецкий» принес кофе. Штурманн-Тейлор закрыл за ним дверь.

— Ты никогда не говорил мне, как его зовут, — сказал Бабах.

— Предпочитаю, чтобы мои люди оставались анонимными. Неотъемлемая часть атмосферы лагеря. Тебе удалось достать то, что нужно?

Бабах вынул небольшой пакетик из-за лацкана куртки. Положил на антикварный столик, взял чашечку эспresso и блюдце. Сделал глоток. Кофе оказался насыщенным и горьким. Турецким и очень хорошим. Прихлебывая изысканный напиток, он разглядывал книжные полки, в то время как Штурманн-Тейлор открыл пакет, большим и указательным пальцами раздробил высушенный бутон каннабиса и вдохнул аромат.

— Прекрасный, — сказал он.

Бабах ничего не ответил. Наклонив голову, он читал названия книг. Коллекционные издания, которые сюда доставили на самолете. Ему казалось, на той территории каждый объект застрахован. Безопасность превыше всего, слежка засекречена. С каждым новым визитом сюда он понемногу видел все больше, картинка складывалась.

Штурманн-Тейлор открыл ящик, вынул бумагу для сигарет, принялся скручивать косяк, дробя бутоны пальцами и отрывая черенки. Он всегда говорил, что находит это устаревшее занятие успокаивающим, вот и не любит модных вапорайзеров.^[6] Бабах поставил чашку и блюдце рядом с фотографией Штурманн-Тейлора и его второй жены, снял с полки книгу под названием «Минотавр».

— Осторожнее с корешком, не хватай книги за корешок.

Пользуясь тем, что стоит к Штурманн-Тейлору спиной, Бабах закатил глаза. Стал перелистывать страницы. Штурманн-Тейлор лизнул бумагу, скрепил сигарету. Поднес к косяку зажигалку, щелкнул, глубоко вдохнул и задержал дыхание.

Бабах, чтобы чем-нибудь себя занять, поставил на место «Минотавра» и взял книгу, на корешке которой было выведено «Голод». Открыл первую страницу. На титульном листе был рисунок чернилами, изображавший странное существо — получеловека, полуволка. Исхудалое, как труп, тело с выступающими ребрами и ввалившимся животом. Огромные черные зубы, с которых стекала кровь. Скрюченными когтями существо держало за длинные волосы оторванную голову женщины, тоже кровоточащую. Глазницы были пусты, часть скулы сворочена.

Он перевернул страницу, увидел стихотворение:

*На бесплодной земле души ничему не дано прорасти,
Ибо горько и холодно здесь, и низко солнце висит,
И убитый в ночи олень пробуждает вой в замороженном сердце
пустом.*

И является голод, жестокий, с окровавленным ртом.

На бесплодной земле души чудовища требуют жертв...

Бабах нахмурился, стал перелистывать страницы. Штурманн-Тейлор сделал еще несколько медленных вдохов, потом ухмыльнулся, как звезда экрана, которая нипочем не утратит своей звездности и сексапильности.

— Дерьмо, что надо. Мне надо еще. Много.

Бабах фыркнул.

— Боюсь, придется повременить немного. В городе новый коп. Уже и так ко мне прицепилась, что я привожу бухло. Дэмиен, сукин сын, продал его ребенку, который чуть не помер.

— Женщина?

— Единственный коп на весь Твин-Риверс. Черт знает, чего ее сюда понесло. Тут и без нее особо не развлечься. На нее, понятное дело, с самого начала все ополчились.

Бабах открыл книгу на середине, прочитал отрывок об охотниках в Пустоши, которым показывает дорогу индеец.

— Да это же здесь, — сказал он удивленно.

— Да, место действия здесь, время — далекое прошлое. Эти романы ужасов пишет в моем лагере один из первых и самых преданных гостей. Он приезжает сюда каждую зиму, чтобы отредактировать черновик написанного за год.

Бабах посмотрел на имя автора.

— Дракон Синовски?

— Псевдоним. Настоящее имя — Генри Спатт. Не так романтично и жутко, как Дракон, верно? — Он вновь затянулся. — Ты бы его видел. В жизни не догадаешься, что в его голове творится. Хотя и убийцу не определишь по глазам. — Он выдохнул дым, указал косяком на книгу. — Больше миллиона экземпляров распродано по всему миру. Никого так быстро не раскупают. А эти маски над камином, — он указал на несколько ярко-красных деревянных масок с черно-белыми разинутыми ртами и пучками волос. Одна из них изображала двуглавую ворону с квадратным клювом длиной почти в человеческую

руку. Волосы другой, судя по всему, были настоящими человеческими, — подарки от Генри. С западного побережья. Изображают различных мистических существ, склонных к каннибализму, которыми полны североамериканские легенды. Цоноква, например, или божество Хамаца, тайного общества каннибалов, жуткое чудовище, имя которого невозможно выговорить — что-то вроде Бахбахвалануксиве. Интересная мифология, особенно в том плане, что жертвы сами к ней причастны. И, конечно, если они чудом выживают, сами становятся каннибалами. Напоминает вампиров, да?

Конопля развязала Штурманн-Тейлору язык.

— Угу, — равнодушно ответил Бабах, отодвинув книгу. Книги были не по его части.

Штурманн-Тейлор хохотнул — самовлюбленно, гортанно, заразительно; услышав этот звук, многие начинали улыбаться. Еще раз глубоко затянулся, закрыв глаза, стараясь как можно дольше задержать дым в легких. Расслабленно выдохнул.

— Точно не хочешь? — поинтересовался он, протянув косяк Бабаху.

— Не люблю дыма в легких с тех пор, как завязал с героином.

Штурманн-Тейлор посерьезнел. Несколько секунд смотрел Бабаху прямо в глаза. Огонь разгорался, бревна тлели, приятно потрескивая.

— Да, мне нравится, — сказал он наконец, — напоминает времена, когда я преподавал. Все лучшие девчонки были мои. Хочешь еще кофе?

Бабах посмотрел в окно. Носильщики уже закончили разгружать вещи.

— Мне надо до темноты успеть еще в одно место. До Йеллоунайфа и обратно. И завтра тоже. Надеюсь, успею до того, как начнутся бури. Уверен, мы тут застрянем на неделю, а то и две.

— Надо поговорить, — сказал Штурманн-Тейлор, закручивая докуренный косяк. Его голос изменился. Теперь это был деловой человек. — Мне может понадобится перевезти... скажем так, вещество поделикатнее.

Бабах почувствовал, как участился его пульс, но постарался сохранять внешнее спокойствие.

— Не вопрос. Когда будешь готов, ты знаешь, где меня искать. — Он поставил на поднос чашку и блюдо, побрел к двери. Штурманн-Тейлор хотел было его проводить, но Бабах его остановил:

— Не волнуйся. Я знаю дорогу.

Тем не менее из темноты за дверью выскочил «дворецкий» и дошел с ним до выхода. Потом он долго смотрел, как Бабах идет по заснеженной лужайке к самолету. Как-то Бабах зашел в тренажерный зал в лагере и увидел «дворецкого», колотившего грушу. Отрабатывает крав-мага, ^[7] подумал он.

Бабах завел самолет, доехал до края взлетной полосы. Когда «Зверюга» затряслась мелкой дрожью, он увидел, как Штурманн-Тейлор наблюдает за ним из окна библиотеки. Им овладело холодное спокойствие.

Придется совершить еще несколько полетов, прежде чем он сможет войти в высшее общество Штурманн-Тейлора. Но он уже сейчас чувствовал — победа близко.

И если он прав, главной наградой станут сырые алмазы, которые направятся на обработку в ВестМин, как только откроется шахта.

ГЛАВА 8

Проверив диктофон, Тана прикрепила микрофон к воротнику. Было проще давать показания устно, чем пытаться набросать их замерзшими пальцами. Потом все запишет. Было всего восемь пятнадцать утра, и солнце, как бледный лимон, накрытый стеклянной крышкой, пыталось пробиться из-за горизонта. Высоко подняться оно не смогло бы. Все сужаясь и сужаясь, арка к концу декабря становилась едва заметной.

Холодный ветер кружил по долине, скрипя и свистя в ледяных кристаллах, за ночь выросших на снегу. Бриз разогнал облака, и Тане удалось дозвониться по спутнику. Ей сообщили, что следователь вылетел несколько часов назад. Теперь нужно было записать показания.

Оставив Ван Блика ждать ее на утесе, она забралась на соседний. Отсюда место происшествия было видно как с высоты птичьего полета. В блеклом утреннем свете оно казалось сюрреальным.

Напротив нее, над головой Ван Блика, стоял инукшук. Эти каменные фигуры часто можно было увидеть в тундре. Одну руку ему обычно делали длиннее другой, и это подсказывало путешественникам, куда двигаться дальше, чтобы найти воду или горную тропу. Ничего странного. Тем не менее она решила его сфотографировать, просто на всякий случай. Потом сделала еще несколько снимков утеса, места происшествия сверху. Волки лежали в море красно-розового снега, по которому были разбросаны клочья мяса, кишок, одежды. Голова Селены.

Тела Аподаки и Санджита под брезентом, огороженные электрической изгородью, отсюда казались просто холмами. Она сфотографировала все это, проверила часы, настроила микрофон. Зафиксировала время и погодные условия, тот факт, что она здесь с Маркусом Ван Бликом. Кратко обрисовала, как они прибыли сюда, как убили волков, какие меры были приняты, чтобы защитить тела.

— Здесь пятеро мертвых волков, — сказала она. — Пятерых убили мы с Ван Бликом примерно в 11.40 вечера в воскресенье, четвертого ноября. Четверо, по словам Ван Блика, убиты им и наемным рабочим ВестМина по имени Тивак Кино днем в субботу.

Когда я вечером субботы приехала в лагерь ВестМина, Кино на месте не было. Пилот компании «Арктический ветер» Хизер Макалистер обнаружила четырех волков, пожирающих жертвы, когда прибыла сюда в воскресенье около часа дня. Она предположила, что те же волки двигались на север вдоль побережья озера в пятницу утром, где их с самолета заметила команда.

Тана помолчала, затем добавила уже для себя:

— Макалистер также заметила красный вертолет «Аэростар» на другой стороне утеса в пятницу около полудня, до того, как началась буря. Она предположила, что он принадлежал пилоту Кэмерону О'Халлорану по прозвищу Бабах. — Она напредила себе вернуться к этому вопросу. Потом некоторое время изучала место происхождения, пытаюсь нарисовать картину произошедшего.

Она представила, как биологов высадили недалеко отсюда. Представила, как они идут в эту долину, как навстречу им движутся туман и снег. Отметила, что они не поставили палатку. Вновь включила микрофон.

— Нет никаких доказательств того, что жертвы готовились здесь заночевать. Это может означать, что нападение произошло днем в пятницу, второго ноября. Здесь много хищников, и они вполне могли появиться в светлое время суток.

Она сделала еще снимок, потом медленно спустилась с утеса. Остановилась у цепочки медвежьих следов, чуть присыпанных слоем свежесыпавшего снега. Большой медведь. Когти длиной с ее средний палец. Отпечатки вели непосредственно к месту убийства. Несколько следов шли поверх волчьих, другие перекрывались собачьими. Тана вряд ли смогла бы сказать, какие животные пришли сюда первыми, тем более что слой снега запорошил тропу. Она измерила следы небольшой рулеткой, сфотографировала, как и отпечатки ботинок.

Сосредоточившись на работе, старательно фотографируя и записывая на диктофон все, что видит, она постепенно пробиралась к телам. Что-то заставило ее поднять глаза — чувство, будто за ней внимательно следят голодные глаза. Она перевела взгляд на утес, на Ван Блика.

Он смотрел на нее. Неподвижный, как каменная статуя. Волосы у нее на шее встали дыбом.

Он ее пугал. На примитивном, первобытном уровне. Несмотря на то, что она была благодарна ему за помощь. Без него она не добралась бы сюда. От бедных ребят не осталось бы вообще ничего.

Тана подошла ближе к телам, к тому месту, где ее стошнило. Ее захлестнула волна стыда. Это надо же так — оставить здесь свою ДНК. Сглотнув, она с отвращением сфотографировала все, что наделала, вспомнив слова инструктора — *фотографируй все, я имею в виду, вообще все, какие бы чувства у тебя оно ни вызывало. Что-нибудь совершенно незначительное может в итоге стать очень важным. В суде, например. Юристы зацепятся...*

Каркнул ворон. Тана подняла глаза вверх. Большая блестящая черная птица уселась на вытянутую руку инукшука, из клюва свисало что-то длинное. Тана достала из-за пояса бинокль, навела на птицу. Это оказалась бледная полоска мяса. Пока она пыталась рассмотреть птицу, воздух над долиной прорезал выстрел. Тана замерла от неожиданности. Птица взорвалась облаком перьев, мертвое тело упало на землю.

Тана опустила бинокль, сердце бешено колотилось. Ван Блик стоял у утеса, вскинув ружье.

— На хрена ты это сделал? — закричала она. Ван Блик медленно опустил винтовку, сел на скалу и уставился на Тану.

Пот ручьями побежал по ее телу. Она посмотрела на часы в надежде, что вот-вот услышит звук приближающегося самолета.

Перестань... он не собирался стрелять в полицейского... ты просто параноишь... Тана вновь занялась работой. Сфотографировала разорванную на куски шерстяную голубую шапочку с прилипшим к ткани зрачком, склонилась, чтобы разглядеть получше. К шерсти прилипли клочки кожи и длинные светло-рыжие пряди. Глаз и волосы Селены Аподаки. Тана обвела взглядом следы и отпечатки, которые казались разветвленной магистралью, дошла до холма под синим брезентом. Рядом с ним в красном снегу лежало ружье среди обрывков рюкзака, окровавленный ботинок, клочья одежды, пластик, отпугиватель медведей. Две разбитые канистры, измазанные черной жидкостью, разбрызганной по снегу.

Что с тобой случилось, девочка? Кто на тебя напал? Медведь? Или волки окружили тебя и рвали, когда ты пыталась их отпугнуть? Ты была еще жива, твое сердце колотилось, когда кровь окрашивала

снег. Неужели они разрывали тебя, растаскивали твое тело, дрались за твою плоть, пока ты еще цеплялась за жизнь?

Тана сфотографировала ружье, потом внимательно рассмотрела. «Моссберг 500А» двенадцатого калибра. Один патрон в патроннике, два в магазине. Никаких признаков, что из ружья стреляли. Тана вспомнила прошлую ночь, оранжевые глаза, смотревшие на нее из тумана. Учитывая расстояние между ними и высоту, с которой на нее смотрели эти глаза, она была уверена, что перед ней был большой медведь. Если бы он решил броситься в атаку, она, вероятнее всего, не выжила бы, но перед смертью успела бы выстрелить. Так что же случилось здесь? Кто-то внезапно напал на биологов? Если бы сначала напали на безоружного, второй успел бы выстрелить, по крайней мере, в воздух. Может быть, на биолога, у которого было оружие, напали первым. Может быть, их парализовал страх.

Тана медленно повернулась, в душу просачивалось мрачное чувство. Волчьи следы в окровавленном снегу повсюду пересекались с отпечатками лап большого бурого медведя. И обуви. Нужно было сфотографировать подошвы ботинок Ван Блика и Кино. И своих. И Аподаки. И Санджита.

Она повернулась к оторванной голове. На секунду закрыла глаза, постаралась справиться с собой. Сфотографировала голову, прежде чем изучить более досконально. Чуть выпрямилась, чтобы бронежилет под курткой не так сильно давил на живот.

Вновь включив микрофон, откашлялась и сказала:

— Голова изжевана, оторвана от тела жертвы. Она лежит в трех метрах от туловища. Лицом вниз. Шейный платок изорван, судя по всему, часть позвоночника вырвана, — она вновь прокашлялась, — часть кожи с затылка содрана, виден значительный перелом черепа. Длинные волосы все в крови и, судя по всему, кусках внутренних органов. Волосы светло-рыжие, сильно вьются. — Тана повернула голову Селены рукой в перчатке и чуть не отскочила. Дыхание участилось. — По щеке вниз идут четыре глубоких симметричных разрыва или царапины. Похоже на следы когтей. Правая щека... съедена, левая скула сворочена. Правая... — Она осеклась, вытерла лоб тыльной стороной рукава. Зубы скалились, как гримаса скелета, в которой не было ничего живого, человеческого. — Правая надбровная дуга вмята, оба глаза отсутствуют.

Только черные, кровавые глазницы.

Тана смотрела на то, что совсем недавно было головой Селены, а теперь безо всякого выражения уставилось в перламутровое небо. Это пугало. Мы запрограммированы природой, чтобы наше лицо реагировало на эмоции другого, думала Тана. Улыбка должна быть заразной. Печаль в глазах собеседника мы ощущаем физически. Видя, как кто-то плачет, можем расплакаться сами. Без мягких губ, без выражения глаз, без выражения лица то, что делало Селену Аподака человеком, исчезло. Тана подумала о родителях жертвы. О семье. Другах. Все лицо напряглось. Она отвернулась и глубоко втянула воздух, радуясь резкому ветру, позволявшему дышать, не вдыхая запах мяса.

Собравшись с духом, Тана подошла к электроизгороди у тела Раджа Санджита. Сфотографировав покрытый снегом брезент, отключила генератор и перелезла через изгородь. Откинула брезент, и ее снова захлестнул ужас.

ГОЛОД

На бесплодной земле души чудовища требуют жертв...

Окровавленными пальцами Читатель гладит, так нежно, напечатанные на бумаге слова стихотворения, открывающего «Голод». Ночь. Свечи горят по обеим сторонам новой банки, где в красной жидкости плавает свежий глаз. Это был такой прекрасный глаз, когда еще был живым. Болотно-зеленый.

Огонь пылает в печи. Комната — как пещера, темная парная. Жаркая.

Читатель обнажен. Читатель сыт.

В животе Читателя жареное сердце. Лакомство.

Сегодня день рождения Читателя, второе ноября. Время радовать себя. Время соблазнов. Когда наступает зима... как прекрасно, что Боги Природы в этот самый день решили начать новый сезон. Обычно это случалось приблизительно в то время. Около того дня, когда Читатель был рожден, вырван из материнской матки, уничтожив то, что его породило. Жизнь и смерть. Рука об руку. Инь и Ян...

ГЛАВА 9

Затуманенные глаза Раджа Санджита рассеянно смотрели на Тану. Половина его лица была съедена, как и часть руки. Возле бедра лежал кусок левой ладони. Ключья одежды пополам с лоскутами кожи валялись рядом. Один ботинок пропал. Мягкие и питательные внутренние органы сожрали животные. Тана окинула взглядом петлю кишок, сбегавшую вдоль тела. Она знала — в дикой природе, особенно на летней жаре, труп дольше сохраняется, если падальщики съедят кишки и желудок. Именно там в первую очередь поселяются бактерии.

Симметричные разрывы, похожие на следы когтей, шли по затылку и вдоль бедер Санджита. Тана включила микрофон.

— Хищники сильно обглодали тела жертв, — сказала она, — и на основании этого можно предположить, что биологи были убиты в пятницу днем. Очевидно, кто-то достаточно долго поедал их.

Она описала все, что видит, сделала еще несколько фотографий, заметила следы черной субстанции на теле. Направилась к канистрам, желая рассмотреть, и едва успела зажать рукой нос и рот, как ее вновь стошнило. Субстанция оказалась приманкой для животных, воняющей тухлой рыбой и неизвестно чем еще.

Тана вновь попыталась представить себе сцену нападения. Эти двое работали с вонючей гадостью, судя по всему, приманивали ею медведей. Возможно, привлекли внимание гризли, который на них напал. А может быть, волков, привыкших ассоциировать людей с пищей.

Волки могли осмелеть... сами выйти на биологов...

Прежде чем подойти к обезглавленному телу Аподаки, Тана как следует изучила содержимое рюкзаков. Между ними лежала палатка и пачки, разорванные в поисках орехов и мюсли. В них — одежда. Бутылки из-под воды. Маленькая портативная пропановая горелка с кастрюлей. Две кружки. Несколько блюд быстрого приготовления. Ноутбуки, GPS-навигатор, спутниковый коммуникатор. Радио. Бальзам для губ розового цвета. Тана вздохнула при мысли о юной девушке, взявшей его с собой в дикую природу. Нашлись и отпугиватель медведей, и ракетницы. Но ничего не помогло.

Возле рюкзаков Тана обнаружила скрученную колючую проволоку и мешки, как оказалось, с медвежьей шерстью, на которых было написано место нахождения.

Сфотографировав все это, Тана направилась к телу Селены Аподаки, накрытому брезентом.

Первые лучи осветили утес. Они не принесли тепла, но солнцу Тана обрадовалась куда больше, чем ожидала.

Перешагнув электрическую проволоку, она сфотографировала тело. Из-под брезента торчала рука. На запястье блестел серебряный браслет, украшенный орлом из нефрита.

Тана знала, кто ювелир. Это была работа жителя Твин-Риверса, Джейми Удава. Приехав в город, она сразу же заметила украшения на прилавке между главным магазином и столовой. Поймав ее взгляд, старая Марси Делла с гордостью сообщила, что с недавних пор они продаются в Йеллоунайфе, Калгари и Эдмонтоне. Американские туристы могли приобрести их в портовом городе Ванкувере, где большие круизные корабли ожидают отправки на Аляску.

Сфотографировав браслет, Тана осторожно сняла его с запястья. Заляпанная кровью надпись с внутренней стороны гласила: *«Селене с любовью от Д. У»*.

Д. У. могло значить «Джейми Удав». Тана перевела взгляд на труп. Может быть, у Джейми и Селены был роман? Сердце Таны сжалось. Нужно было поговорить с Джейми, сообщить ему новость, прежде чем она дойдет до него, изменившись до неузнаваемости.

Тана осторожно приподняла брезент. Дыхание перехватило, желудок съежился в клубок.

Обезглавленное тело Селены Аподаки было так сильно обглодано, что почти не напоминало человеческое.

Часть живота была полностью съедена, как и лобок. Бедра изорваны и изжеваны. С ребер содрана кожа. Остался кусок легкого.

Сердца не было.

Тана согнулась пополам — желудок опять скрутило. Слава богу, он оказался пуст — она ничего не пила и не ела. Все лицо покрылось испариной, живот свело новым спазмом. Она вдохнула немного воздуха, стараясь взять себя в руки, ожидая, когда Ван Блик спросит, все ли с ней в порядке, просто чтобы показать — он видит ее старания.

Но он, к его чести, молчал.

Медленно выдохнув, Тана выпрямилась, стала рассматривать тело, точнее, то, что от него осталось. Включила микрофон, описала все, что видит.

— На теле видны симметричные следы когтей. Это может означать скорее жестокое нападение медведя, чем тот факт, что медведь просто обглодал тела. Это может означать, что жертвы боролись за жизнь. Вероятно, медведь выследил их, застал врасплох и убил, а потом волки, привлеченные запахом крови, отогнали его. — Такое описание сильно выходило за рамки протокола, но и черт с ним. Среди документации, с которой она работала, не было образца для таких случаев. Она не училась на детектива. У нее был очень небольшой опыт. Она была всего лишь первым свидетелем и изо всех сил старалась как можно лучше справиться со своей задачей. Она знала — если медведь нападает на двоих, он сперва атакует первую жертву, а вторая, как правило, пытается отпугнуть животное. Может быть и такое, что он сперва расправится с тем, или с той, кто ему досаждал, а потом вновь вернется к первой жертве.

Возможно, сначала напали на того, кто был вооружен. Второй попытался ему помочь, но ружья не имел...

Размышления Таны прервал шум в небе, который становился все громче. Сердце подпрыгнуло. Вертолет. Следовательно прилетел. Слава богу! Теперь этот случай будут разбирать как следует. Останки отправят в Эдмонтон на вскрытие. Трупы волков — в сообщество живой природы с той же самой целью. Какое облегчение! Ее работа выполнена.

Повернувшись, чтобы помахать рукой вертолету, Тана краем глаза заметила нечто странное.

Склонилась.

Кость. Лежавшая под телом Селены Аподаки. Полностью лишенная кожи и мяса. Пористая и белая, лишь немного запятнанная кровью.

Что за...

Тана быстро сфотографировала кость, осторожно повернула тело. Под ним обнаружили еще. Старые, очень старые кости. Не имеющие с произошедшим ничего общего.

Гул вертолета усилился.

Тана рассматривала фотографии. Кости, судя по всему, были человеческими. Бедренная, берцовая. Часть таза? Вот блин. Получается, этих биологов убили там, где кто-то умер до них?

Воздух над долиной дрожал от шума мотора, и после ночи, проведенной среди абсолютной дикости, в темноте и холоде, он казался самым желанным, самым радостным звуком в мире.

Тана быстро направилась к горному хребту, но внезапно остановилась неподалеку от убитых. У ее ног лежал мертвый волк, серый в крапинку. Волчица. Отвисший живот, разбухшие соски. Мать. Недавно родившая. Тана не могла отвести от нее взгляд. Где-то в норе маленькие волчата ждут, когда придет домой их мама. Которую она убила. Горло Таны сжалось, все тело напряглось от боли и отчаянного желания выжить ради своего ребенка вопреки всему, что пошло не так, что выжгло ей душу.

Тяжело дыша, слыша, как в висках стучит кровь от неясной ярости, она взобралась на край склона, пересекла утес, заслонила глаза от вспышки низко нависшего солнца. Красная птица, железная, сияющая, блеснула поликарбонатным лобовым стеклом. Тана разглядела за штурвалом пилота в шлеме и очках-авиаторах, помахала рукой, сперва медленно, потом, пригнувшись, все быстрее и быстрее. Пилот аккуратно посадил самолет на утес, мотор затих.

Дверь открылась, и в сахарную корку снега выпрыгнула женщина в длинном пальто с меховой оторочкой и логотипом следственного комитета. За ней вышли два парня — помощники, догадалась Тана.

— Констебль Ларссон, — сказала она, шагнув вперед. — Спасибо, что приехали так быстро.

ГЛАВА 10

Уже совсем стемнело, когда Тана и Маркус Ван Блик вернулись в лагерь. Измученная, умирающая от голода, Тана припарковала внедорожник у ангара, рядом бросила вещи. Гарри Бландт выбежал им навстречу.

— Ну как оно, как оно? — поинтересовался он, забирая у нее сумку. — Вы, наверно, есть хотите. Повар вон там, в большой юрте. У меня есть рагу. И кофе.

— Слона бы съела, — сказала Тана. — Только не говорите, что рагу из лося.

— Из лося, — подтвердил он. — Конечно, из лося, конечно.

Неожиданно для себя она рассмеялась и ощутила к этому забавному человечку нечто вроде симпатии.

— Вот сюда, вот сюда, — приговаривал он, спеша вперед. Тана подумала, что у него только два режима — спящий и на полную мощность. Как у Тойона, когда он был щенком. Забросив на плечо рюкзак и оружие, она окинула взглядом Ван Блика, слезавшего с внедорожника.

— Идешь с нами?

— Нет.

Она помедлила, потом сказала:

— Спасибо.

Он фыркнул.

— Если опять кого-нибудь убьют, я к вашим услугам, констебль.

Некоторое время она смотрела ему в глаза, несмотря на беспокойство, потом повернулась и побрела за Бландтом. Небо было жутковатого жемчужно-синего цвета, каким бывает только северное ночное небо. На горизонте мягко переливалось желто-зеленое сияние. При ходьбе болью сводило ноги, поясницу ломало так, будто по ней ударили молотком. Голова раскалывалась.

— Ваш пилот улетел, — сказал Бландт, — но Хизер еще тут. Думаю, она уже протрезвела. Ну, если вы не хотите ночевать в лагере...

Тана приподняла бровь.

— Хочу. Мне нужны ее показания, и ваши тоже. Ван Блик уже дал. — Кроме того, она сфотографировала отпечатки его ботинок. — И с Тиваком Кино надо поговорить.

Бландт остановился посреди дороги.

— Зачем? Это просто, ну, несчастный случай. Ничего тут нет криминального, верно?

— Я должна написать рапорт, — ответила она. — Стандартная процедура в случае, если смерть произошла в любых обстоятельствах, кроме как в больнице. Судебная экспертиза будет позже. Кроме того, нужно сделать выводы и принять меры, чтобы подобные нападения больше не повторялись.

— Хмм, — только и ответил он и продолжил крабьими скачками продвигаться к юрте. Круглая палатка была поставлена на деревянный помост на случай плотного снега. Из железной трубы, привинченной на верхушке юрты, валил дым. Тана почуяла запах пищи, в животе заурчало.

— А где сейчас Хизер? — спросила она.

— В одной из палаток. Спит. Пойду разбужу и приведу сюда.

— У нее запой?

— Можно и так сказать.

— И часто с ней это случается?

— Все, что вы хотите узнать о Хизер, спрашивайте у нее. — Бландт ловко запрыгнул на деревянный помост, распахнул дверь. Тана последовала за ним.

— Ваш шеф-повар не поехал со всей компанией в Йеллоунайф? — спросила она.

— Повар-то? — Бландт фыркнул. — Этот человек думает, он их на голову выше. Не пьет. Это главная проблема. Любитель мистики и всякой такой белиберды. Но готовить может, тут я за него ручаюсь. И не подведет, даже если дела пойдут совсем плохи. А это бывает сплошь и рядом — возьмите ребят, засидевшихся в глуши, и прибавьте к ним старый добрый алкоголь. У него отличный хук слева, у этого индейца.

Бландт открыл дверь. Навстречу Тане поднялось теплое облако пара.

— Заходите. — Он положил ее сумку возле двери. — Пойду растолкаю Хизер. Когда поедите и возьмете интервью, приходите ко

мне.

В помещении было жарко, на плите невиданных размеров дымились горшки. Положив вещи на деревянный пол у двери, Тана сняла куртку. Ей нужно было принять душ. Но в первую очередь — поест и промочить горло.

Перед ней стоял человек ростом под метр девяносто и что-то помешивал в горшке. Длинные тонкие черные волосы доходили до середины поварского халата.

— Эй, — позвала Тана.

Он повернулся. Широкое лицо. Рябое, красно-коричневое. Черные глаза. Эти глаза изучали ее. Индеец молчал. Горшок за его спиной шумно пыхтел.

— Констебль, — наконец сказал он, вытирая руки о фартук.

— Тана Ларссон, — представилась она и улыбнулась. Эта улыбка показалась ей жалкой. Вся она казалась себе жалкой.

Он продолжал молча ее разглядывать. Она отметила свежий порез и синяк на челюсти, стертые костяшки пальцев.

— Гарри Бландт сказал, здесь я могу выпить кофе и чего-нибудь съесть, — сказала она.

— Грею лосиное рагу. Кофе в чайнике. Вы, наверно, замерзли. Вас долго не было. Садитесь, я принесу еду.

С облегчением опустившись на стул, она пододвинула его поближе к плите.

— Все, что дадите, будет просто прекрасно.

Он достал с полки миску, вновь принялся помешивать рагу. Пар клубился. Она разглядывала его руки, думая, с кем он мог вступить в драку.

— Вам не хотелось в Йеллоунайф? Со всеми вместе?

Повар поставил перед ней дымящуюся миску и чашку кофе, положил ложку.

— Сахар и сливки на столе. Нет, я такое не люблю. Просто большая попойка. Завязал я с этим делом. — Он помолчал. — Дерьмо какое вся эта история с волками.

— Угу. — Тана села поудобнее, поправила жилет, чтобы не так давил. Положила в рот ложку, на секунду закрыла глаза, наслаждаясь ощущением наполняющего тепла. Потом подняла глаза и сказала: — Срань господня, да это же охренительно!

— Просто лосиное рагу.

— Совсем не похоже на то, что я готовлю.

Он ухмыльнулся, и вид у него стал еще более пугающим.

— Как мне вас называть? — спросила она, проглотив еще ложку.

— Индеец, — ответил он серьезно.

— Ну а имя у вас есть?

— Большой Индеец. Это мое имя.

Тана медленно жевала, не сводя с него глаз.

— По документам?

— Да.

— Что ж, у ваших родителей неплохое чувство юмора.

— Я сменил имя.

— А раньше как вас звали?

— Не хочу говорить об этом имени. Оно принадлежало другому человеку. Прежнему мне. Это, — он ткнул в свою внушительную грудь всеми десятью пальцами, — новый я. Большой Индеец.

— Ну ладно. Буду называть вас Большой, или Индеец — как вам больше нравится?

— Все равно. — Он снова встал у плиты, стал складывать в ведро мусор, обрезки, кости. — Хоть как.

Она посмотрела на мусорное ведро.

— Куда это денете?

— На свалку.

— Она огорожена?

— Нет.

— Значит, дикие животные...

— Да, роются в помойке.

— И волки тоже?

Он внезапно повернулся и посмотрел ей в глаза. Во взгляде ощущалось напряжение. Все пространство юрты как будто сжалось. Ложка замерла между миской и ртом Таны.

— Н-да, — медленно и тихо произнес он. — Волки. Медведи. Койоты. Лисы. Хорьки. Орлы. Все эти благородные создания питаются мусором, который выбрасываем мы. Этих четверых волков и так подкармливали. Прошлым летом, когда мы иногда ели на улице, когда мошкары поменьше было, им чуть не с рук объедки давали. А по ночам животные пробирались к палаткам, хотели еще.

— И вы считаете, это те же волки, что напали на биологов? — Тана и думать забыла про еду.

— У-гу.

— Почему вам так кажется?

— По рассказам Тивака. По описанию подходят. К тому же им случилось кусать людей.

Она опустила ложку.

— Когда?

— Где-то неделю назад. Двое ребят Гарри пошли посмотреть на обломки самолета у взлетной полосы, возле свалки. Уже темнело. Волки вышли из-за деревьев и окружили их. Большой черный зверь пошел на одного парня. Тот его пнул, волк порычал, поворчал да и отошел, но тут другие стали подбираться, пытались укусить их, словно проверяли, легкая ли добыча. Ребята отбивались сломанными ветками, кидались камнями. Потом после нескольких стаканов виски решили, что все это забавное приключение. — Он открыл газовый холодильник, вынул кусок красного мяса, плюхнул на доску. Достал нож, кончик направил на Тану. — А волки, может быть, и увязались за несчастными биологами. Начать с того, что они пахли приманкой. И, наверное, животные обошлись с ними как с пилотами разбитого самолета. Только еще суровее.

Тана вспомнила глубокие отметины на телах погибших, напоминавшие следы когтей. Медвежьих? Она не знала.

Он стал отрезать от куска мяса кусок поменьше.

— Больше похоже на тот случай, когда двух девчонок убили. Такое же дерьмо. Опять повторяется.

— Каких девчонок?

Нарезав мясо кубиками, он бросил их в кастрюлю.

— Три или четыре года назад. Сначала дочку полицейского. Загрызли до смерти в долине Росомахи.

— Какого полицейского?

— Эллиота Новака.

Ее пульс участился.

— Волки?

— Может, волки, а может, и медведи. Никто не понял точно. Может, кто-нибудь еще. Но волки и медведи ее объели. Когда

подстрелили самку гризли и двух волков, у них в животах нашли куски человеческого мяса. Голову девчонке начисто оторвали.

Тана похолодела. Он стал отрезать еще один кусок мяса.

— А что именно произошло?

— Подробностей не знаю. Никто не знает. Эллиот поехал на рыбалку в выходной, взял с собой дочку, Реган. Было начало ноября. Ночью Реган зачем-то вышла на улицу. Отец нашел тело только утром. Волки рвали его в лесу, чуть выше того места, где стояла палатка. Он ничего не слышал.

В голове Таны всплыли слова Розали. *Он по-прежнему здесь, в лесах. Совсем спятил. С белыми копами всегда так. Это место лишает их рассудка.*

Господи Иисусе, так вот что с ним случилось? Его дочь сожрали волки?

— Вы сказали, девушек было двое.

— Вторая погибла в прошлом году. Тоже когда снег только выпал — в первую неделю ноября. Дакота Смитерс. Ей было всего четырнадцать. — Он говорил и одновременно нарезал мясо. Тана чувствовала его запах. Отодвинула миску. Аппетит пропал без следа. — Дакота вместе с классом поехала на природу. В школе Твин-Риверса проводятся такие вылазки, чтобы дети не теряли связи со своими корнями. И вот как-то днем Дакота и еще несколько ребят поехали кататься в собачьих упряжках. Она отстала от группы, навис туман. Собаки прибежали без нее. Нашли три дня спустя. Объединенную волками, медведями, еще какими-то хищниками. Но неизвестно, кто именно ее убил.

Тане стало плохо.

— Значит, это не те же волки, которые...

— Нет, я же вам сказал. Тех волков и медведицу, что ели Реган, убили сотрудники из охраны дикой природы. У животных в желудке обнаружили ее ДНК, — он вновь направил на нее окровавленный нож. — Так вот, у Эллиота на этом совсем крыша поехала. Он решил, что кто-то убил его ребенка и бросил в лесу на съедение животным. Принялся убеждать маму Дакоты, Дженни, что ее дочь убил тот же человек. Совершенно с катушек съехал. Искал какое-то чудовище, когда вокруг была только дикая природа. Жена его бросила. Потом он в лес ушел.

— И теперь все еще здесь? — спросила она.

— Угу.

— Вы уверены?

— Ну, мне так сказали.

— Кто?

Он пожал плечами.

— Многие говорят.

— И где же он?

— В нехорошем краю. Никто из города туда не ходит. — Поймав взгляд Таны, он замолчал. У нее возникло странное ощущение, будто он напряженно проталкивает свои мысли ей в голову. Ее поразило нелепое чувство, будто мир деформируется, будто все это место куда-то сдвинулось. В другой мир. Где действуют иные законы физики и логики. Ей нужно было выспаться. Очень.

Дверь внезапно распахнулась, впустив ледяную метель. Тана подпрыгнула.

— Простите за беспокойство, — сказала Макалистер, отряхивая ботинки и закрывая за собой дверь. Несмотря на темноту, она была в солнечных очках. Почувствовав напряжение, спросила тише: — Я чему-то помешала?

ГЛАВА 11

Налив себе кофе, Хизер села напротив Таны.

— Что, опять Большой Индеец морочит голову? — спросила она, размешивая сахар и сливки. Сдвинула на лоб очки, продемонстрировав вздувшийся синяк под глазом.

— Плохо провели ночь? — спросила Тана.

— Да уж, думаю, вряд ли хуже вас. Что вам рассказать-то? — Вцепившись в кружку обеими руками, она сделала огромный глоток.

— Что случилось с вашим глазом?

— Такое бывает, когда ужрешься в сопли и не можешь держаться на ногах. — Она пристально посмотрела Тане в глаза, ожидая от полицейского осуждения. Потом улыбнулась. Налитые кровью глаза загорелись — даже в таком состоянии она была красива. — С вами не случилось, констебль, что вы просто хотели отключить мозг? Не делали никаких глупостей?

Вспыхнуло воспоминание, вслед за ним — стыд. Тана отхлебнула кофе и сказала:

— Я так понимаю, сегодня вы меня домой не отвезете.

— Господи, да я в порядке. — Макалистер сделала еще глоток, откинулась на стуле, опять улыбнулась и показалась Тане почти нормальной. — Я хорошо натренирована. Мы рискованные ребята. Нам есть чем заняться долгими зимними вечерами. Отвезу вас домой, как только вы тут закончите с отчетом. Небо ясное. Много времени это не займет. К тому же мне надо вернуться на базу. Я задержалась лишь потому, что вы меня попросили. Так что вы хотите?

Тана вынула из кармана блокнот и ручку, открыла новую страницу.

— Напомните дату и время, когда вы отвезли Селену Аподаку и Раджа Санджита в Твин-Риверс.

Макалистер вновь рассказала, как было дело в пятницу, когда она рано утром забрала обе команды, по какому маршруту летела, как спустилась к лагерю, как заметила у озера волков — в общем, повторила многое из того, о чем уже говорила Тане в ту ночь, когда они встретились. Тана записывала, а Большой Индеец слушал, помешивая варево в горшке.

— Что вы делали после того, как отвезли на место другую команду?

— Полетела назад в Твин-Риверс за строителями ледяной дороги. Гидроребятами. А потом погода испортилась.

— В субботу вы целый день не могли никуда вылететь, верно?

— Могла, но, конечно, не в Долину Безголовых. Туман над озером был как слой супа в миске утесов. Прояснилось только в воскресенье к обеду. И то ненадолго, но ветер сменился, а когда он меняется, туман над Ледяным озером чуть рассеивается, ну я и решила попробовать. Сначала забрала Дина и Веронику с собаками. Они остановились чуть выше у реки. Потом мы все вместе полетели к стоянке Селены и Раджа. Их там не оказалось. Как я уже сказала, мы пытались связаться с ними по радио и отправляли сообщения, но ответа не получили. Поэтому я полетела чуть дальше, туда, где они могли работать, и... — она закашлялась, — вот тогда мы и увидели, как их жрут волки.

Хизер вытерла рот. Рука чуть заметно дрожала.

— Я слышала, вы говорили, что заметили красный вертолет на другой стороне утеса. В пятницу, прежде чем испортилась погода.

Кружка замерла на полпути ко рту Хизер. Женщина медленно поставила ее на стол, сжала обеими руками. Взгляд наполнился усталостью.

— Да, — сказала она наконец. — Красный «АэроСтар». Маленький, двухместный — двое с трудом протиснутся. Покупаешь детали, потом сам собираешь. Поставляет «Балкан».^[8] Я себе тоже приобрела.

— Вы знаете, чей это был вертолет?

Она облизнула губы.

— Нет.

Тана подняла глаза.

— Здесь таких много?

— На нем мог прилететь кто угодно. Охотники-нелегалы, охотники за бриллиантами, инженеры, геологи. Кто угодно.

— А из местных, из тех, кого вы знаете, у кого-нибудь такой есть?

Ее лицо напряглось.

— У Бабаха.

Большой Индеец внезапно посмотрел на нее.

— Но это не его вертолет, — добавила Макалистер.

— Откуда вы знаете?

— Он так сказал. — Помолчав, она добавила: — Слушайте, зачем вам эта информация? Какое отношение она имеет к бедным ребятам?

— Может быть, пилот видел что-нибудь, что могло бы помочь следствию.

Она медленно кивнула.

— Но... это явно не криминальное расследование.

Тана закрыла блокнот.

— Такова стандартная процедура в случае, если полицейским требуется отчет о подобном событии. Спасибо. Вы еще будете здесь, когда я поговорю с Бландтом?

— Конечно. — Она допила кофе, взяла пачку сигарет, которую перед тем положила на стол, и поднялась на ноги. — Я подожду вас в ангаре.

Тана вновь натянула куртку. Когда она вышла, высоко в небе разгорался рассвет.

ГЛАВА 12

Тана едва успела вернуться в Твин-Риверс и кормила собак, когда раздался звонок — драка в «Красном лосе». Завела грузовик, любезно предоставленный полицией и мерзнувший на парковке, нажала на газ и понеслась, скользя по зимней дороге, к салуну в старомодном стиле. Отключила сирену, мигалку оставила. Распахнула дверь машины. Ее тут же оглушила громкая музыка и рев.

— Сидите тут, — сказала она собакам и рванула к лестнице, на всякий случай сжав в руке оружие.

Верхушки сосен качались и кружились на ветру. Небо пылало северным сиянием.

Перешагивая сразу через две деревянные ступени, Тана поднялась к двустворчатым дверям, и они тут же распахнулись ей навстречу. На нее налетел мужчина, который пятился назад, раскинув руки, как ветряная мельница. Он изо всех сил старался удержать баланс и все равно скатился с лестницы. Обойдя его, Тана протиснулась в двери.

— Ух ты, будет жарко, — сказал кто-то, вломившись вслед за ней. — Даже копы притащились.

Внутри было жарко. Пахло кислым потом, как в раздевалке, еще — разлитым пивом и вином. Музыка грохотала. Глаза не сразу привыкли к свету. Стены салуна были обиты черным деревом, полумрак освещала неоновая-красная фигура лося.

Дрались у барной стойки. Один молодой, крепкий парень повалил на пол другого, который пытался отбиться. Вокруг собралась вопящая толпа. Кто-то запустил стулом в зеркало за стойкой. Стекло брызнуло во все стороны, раздался женский визг.

О господи, как она собирается это уладить?

Чувствуя, как колотится сердце, Тана с трудом пробилась сквозь толпу. Мимо пролетел еще один стул. Под ногами захрустели осколки, пол был липким от алкоголя.

— Пропустите, полиция.

Никто, судя по всему, ее не услышал.

— Полиция! — закричала она во весь голос. — Пропустите!

Подойдя ближе, смогла рассмотреть дерущихся. Длинные черные волосы того, кто явно брал верх, рассыпались по плечам, глаза были

бешеными, по лбу стекал пот. Джейми Удав, сделавший браслет, который был на Селене, когда она погибла. Как безумный, он молотил кулаками Калеба Петерса, сына главы индейского клана. Из раны на лбу Удава струилась кровь, Петерс пытался защититься, двое ребят оттаскивали от него Удава. По бару летали стаканы, женщина визжала, бармен ревел, размахивая бейсбольной битой, которую, судя по выражению его багрового лица, мог в любой момент пустить в ход. Стулья ломались. Кто-то лежал на полу. Споткнувшись о распростертое тело, Тана рухнула, к счастью, успев выставить руки вперед. В левую ладонь вонзился осколок. Почти поднявшись, она поскользнулась на луже пива, выругавшись, встала на четвереньки, потом кое-как — на ноги, протиснулась поближе. Несколько человек скандировали: «Бей! Бей! Бей! Бей!»

Она услышала хруст, какой бывает при слишком близком контакте кулака и хряща. Вне себя от адреналина, схватила Удава за воротник. Он, обернувшись, ударил ее справа. Кулак своротил ей скулу прежде, чем она уловила его движение. Боль на миг ослепила, в мозгу взорвались световые вспышки, удар эхом отдался в черепе. Ощущая вкус крови, стекающей из ноздри, она крепче сжала оружие, вскинула на плечо.

— Полиция! Всем стоять! Ни с места! Выключите музыку! — кричала она на бармена, но тот не слышал. Мужчина с густой бородой сжимал Удава мертвой хваткой. Тот яростно лягался, его лицо налилось кровью. Все новые и новые стулья падали на пол под ударами его ног, за которые его в конце концов кто-то схватил. Тогда Удав заскулил. Слюна пенилась на губах, брызгала на подбородок.

— Он сейчас задохнется! Отпустите его! — закричала женщина.

Проталкивая себе путь, Тана копалась в сумке в поисках газового баллончика, но не успела она нажать, раздался взрыв. Звук был таким, что заложило уши, барабанные перепонки, казалось, лопнули. Глаза заслезились.

От внезапного потрясения все разом замолчали. С потолка, где болтался канделябр, украшенный оленьими рогами, посыпалась пыль и обломки дерева.

— Да выключите же музыку! — завопила Тана, тыча пальцем в бармена. Сердце колотилось как бешеное. Она обернулась, желая увидеть, откуда раздался звук.

В дверном проеме, крепко сжимая ружье, прицелившись, сузив глаза, стоял О'Халлоран.

— Опустить оружие, — попросила Тана. Ее трясло, по щеке стекала кровь. Все молчали и смотрели на них, лишь Удав продолжал сдавленно мычать и колотить ногами по барной стойке.

— Вы слышали, что говорит констебль, — сказал О'Халлоран. — Расходимся. Вечеринка окончена. — Он не сводил с них курка.

Тана молчала. Она не доверяла О'Халлорану. Мысли метались. Гражданская безопасность — превыше всего. Удав нуждается в медицинском осмотре, и нужно как можно скорее вытащить его отсюда. Сглотнув, она какое-то время смотрела на О'Халлорана, взглядом как бы прося его остаться, потом направилась к Удаву, по пути доставая наручники.

Когда она пыталась защелкнуть один из них на запястье Удава, он отбросил ее с невиданной, сверхчеловеческой силой. Как блоха, она отлетела назад, к стене. Удар выбил весь воздух из легких, и на секунду она потеряла способность двигаться.

Согнувшись пополам, Удав, как бык, попер на Тану. Она схватилась за дубинку, развернулась в попытке защитить живот, и мощное плечо Удава ударило ей в бок. Она охнула и обрушила дубинку ему на плечи. Удав пошатнулся и шлепнулся на четвереньки посреди осколков, задыхаясь, пытаясь отдышаться; изо рта стекала слюна. Она схватила его за волосы, потянула вниз, руку скрутила за спиной. Крепко прижимая его к полу коленом, схватила за другую руку и, по-прежнему придавливая его голову к полу, застегнула наручники. Тяжело дыша, прошептала в самое ухо:

— Джейми, ты меня слышишь?

Он судорожно глотал воздух.

— Послушай меня, Джейми. Соберись. — Она щелкнула пальцами у него перед глазами. — Я не хочу сделать тебе больно. Не хочу, чтобы кто-то сделал тебе больно. Да, я знаю про Селену. Знаю, как тебе плохо. Джейми...

Услышав имя Селены, он замер.

— Джейми, ты меня слышишь? Кивни, если слышишь.

Он едва заметно кивнул и вдруг заплакал.

— Я констебль Ларссон. Я сегодня видела Селену и Раджа. Я хотела найти тебя, поговорить с тобой. Я понимаю. Конечно, тебе

очень больно. Конечно, ты ненавидишь весь мир за то, что это произошло. Но я хочу помочь тебе справиться. Ты меня слышишь, Джейми?

Он кивнул.

— Ты пойдешь со мной. Я отведу тебя туда, где ты сможешь выспаться. Попрошу кого-нибудь приглядеть за тобой, окей?

Теперь он бурно рыдал. Напряженные стальные мышцы вдруг расслабились.

Она слезла с него, помогла подняться на ноги. Ее трясло. Адреналин зашкаливал.

— Пойдем в мой грузовик, окей? Там хорошо и тепло. Понимаешь?

Тана подталкивала его к двери. Люди молча расступались и смотрели на нее. Какой-то тип у бильярдного стола присвистнул, другие рассмеялись. Она знала — ее осуждают. Проверяют на прочность. Она знала, что совершила ошибку, в одиночку ввязавшись в такую заваруху. Но, черт возьми, что это за хрень...

В дверном проеме, перекрыв ей путь, стоял О'Халлоран. Он смотрел ей прямо в глаза, и его губы понемногу расплывались в ухмылке.

— Неплохо, констебль.

— Убери эту гадость, ясно? — сказала она.

— Это вместо спасибо?

— Я и без тебя неплохо справлялась.

— Да ты что?

Она протолкнула Удава вперед, как таран, вытолкала из дверей, вслед за ним вышла на улицу. Холодный воздух был свеж и приятен, собаки повизгивали и скулили в кабине грузовика.

Внезапно Удав вырвался и побежал. Она помчалась за ним, поскальзываясь на льду, собаки лаяли как безумные. Максимус выпрыгнул из кабины и ломанулся за Удавом, догнал, вцепился зубами в ногу; Тана, подоспев, схватила его за плечо.

Удав пытался стряхнуть Макса, но тот только ворчал и крепче сжимал челюсти.

— Сраная собака! Уберите от меня сраную собаку!

— Тихо, тихо. Послушай меня. Я хочу тебе помочь, Джейми.

— Уберите от меня сраных волков. Сраные волки... — Он снова начал всхлипывать, и Тана поняла, что его рассудок помутился не только от горя и алкоголя. Подтолкнула его к трактору. Вывеска над баром все еще пульсировала в ночном небе красно-синим, окрашивая снег яркими тонами. Раскрыв дверь кабины, она положила ладонь Удаву на макушку.

— Пригнись, чтоб не удариться. Забирайся.

Здесь он был в безопасности.

— Макс, иди сюда. Все хорошо, дружище? — Склонившись, она почесала ему живот, он подпрыгнул и лизнул ее в лицо. Судя по всему, он был в полном порядке. Она прошептала: — Спасибо. Но в следующий раз лучше сиди в грузовике, а то у меня будут большие проблемы. Хорошо? Вот умница, иди сюда. — Она подхватила собаку на руки, посадила в багажник, где радостно повизгивал Тойон. Крепко закрыла дверь.

В «Красном лосе» вновь заиграла музыка. В небе мягко разгоралось северное сияние, танцевало над верхушками черных елей. Свет фонарей разрезал темноту.

Тану внезапно затрясло, голова закружилась. Ухватившись обеими руками за холодный край багажника, прижавшись к ладоням лбом, она какое-то время стояла так, ожидая, пока восстановится дыхание и способность ориентироваться в пространстве.

— Все нормально?

Она подпрыгнула. Всмотрелась в источник звука. О'Халлоран! Он стоял возле салуна, в свете фонаря. Разглядывал ее. Сжимал в руке ружье. Маяк неясно высвечивал очертания его лица. На этот раз он не улыбался. Он был очень спокоен.

— Все нормально? — снова спросил он.

— Нормально. — Злясь, что он видит ее в минуту слабости, она развернулась, пошла к водительскому сиденью. Он сбежал вниз по лестнице, лед трещал под тяжелыми ботинками. Она схватилась за ручку двери, но он с силой сжал запястье Таны. Она замерла, тупо глядя на его руку.

Ветер развеивал ее волосы, и она поняла, что низко стянутый у самой шеи аккуратный пучок распустился.

— У тебя кровь, — сказал он так мягко, что ее это поразило. — Посмотри на меня.

Она неохотно подчинилась. Чуть поколебавшись, он сжал ее лицо ладонями, повернул к свету.

— Надо наложить шов... или пять.

Она чувствовала его тепло, горячее дыхание, холодную грубость ладоней. Запах мыла. Проведя мозолистым пальцем по ее щеке, он оставил кровавую дорожку. Казалось, он приблизился к Тане, хотя не сдвинулся с места ни на шаг.

— Все хорошо.

— Все очень хорошо, констебль Ларссон.

— Отойди, — велела она и тут же покачнулась. Голова кружилась. Тана схватилась за дверь, молясь, чтобы он убирался к черту. Принесла его нелегкая — смотреть, какая она одинокая, слабая. Видеть ее *такую*.

— Я видел, он ударил тебя в живот. И руку ты поранила.

Она глубоко вдохнула, потом медленно, старательно выдохнула, надеясь прийти в себя, собраться с силами. Но ее тут же пронзил внезапный первобытный страх. Новый страх. Ее ребенок. *Все ли в порядке с ребенком?* От волнения заблестели глаза.

Он коснулся ее локтя. Все ее тело напряглось, как пружина, сердце заколотилось с лихорадочной скоростью.

— Не трогай меня, — сказала она. — Уходи.

— Сядь на пассажирское место, — скомандовал он. — Я поведу машину.

— И не мечтай.

Но он по-прежнему не отпускал ее локоть.

— Садись давай.

— Вам нужно уйти, сэр. Это полицейская машина. Гражданское лицо не может ею управлять.

— Так говорит слуга закона, — сказал он тихо, — суровая, сильная женщина-полицейский, которая справится в одиночку со всем Диким Западом. А теперь я кое-что скажу, констебль. Правила здесь не работают. Ясно?

На нее накатила новая волна головокружения. Она вновь схватилась за край кабины, ее тошнило, тошнило как последнюю собаку. Опустив голову, ждала, когда отпустит.

Его рука коснулась ее плеча.

— Садись. Отвезу тебя к доктору.

— В городе нет доктора.

— Это я так. Фигура речи. В больницу. К медсестре.

— Мне нужно отвезти Удава в камеру. Его надо осмотреть. Ты не имеешь права водить эту машину. Ты не...

— Тогда отвезем его в камеру и вызовем медсестру для вас обоих.

Она закрыла глаза. *Господи, помоги. Мне нужно это сделать — нужно показаться медсестре. Нужно сказать кому-то, что я беременна.*

Ветер играл прядями волос, повисших вдоль лица. В глазах мутилось. Легкий бриз показался ей касанием бабушкиной руки. Старая женщина из индейцев помогала отцу воспитывать Тану, когда ее наконец забрали у матери.

Ты не можешь все делать в одиночку, Тана, дитя мое. Научись просить о помощи. Позволь людям помогать тебе. Каждому из нас нужно племя. Без племени человек слаб...

Позволить гражданскому лицу управлять полицейской машиной? Она окажется по уши в дерьме. Да она и так по уши в дерьме. Вот-вот отключится. Сахар в крови понижен. Нужно что-то сладкое. Хотя бы просто еда. Она съела совсем чуть-чуть рагу. И так долго не спала...

Ее колени подкосились. О'Халлоран успел ее подхватить.

— Давай.

Взял ее за руку, помог дойти до пассажирского места и сесть в машину. Ее пленник на заднем сиденье уснул и шумно храпел. О'Халлоран закрыл пассажирскую дверь. Окно было приоткрыто, и свежий воздух радовал. Повернувшись спиной к грузовику, сжав в руке ружье, он какое-то время не двигался с места. Как будто боролся с чем-то в своей душе — грубый одинокий северный ковбой, залитый мерцающим красно-синим светом. Потом она услышала:

— Мать твою!

Он повернулся, влез на водительское место, захлопнул дверь. Какое-то время сидел молча, потом отключил мигалку так уверенно, будто делал это каждый день, завел мотор.

Откинув голову и закрыв глаза, Тана старалась справиться с головокружением. Неспособность контролировать свое тело пугала ее. Заставляла ощущать свою ранимость.

— Значит, на самолете возить копов ты не хочешь, а на машине — запросто? — пробормотала она.

О'Халлоран не ответил.

Тана осознала, что в последний раз она позволяла себе слабость только с Джимом. Лишь ему позволила о себе заботиться, лишь ему доверилась, чувствуя, что он *будет* заботиться о ней. Уважать. Любить. И он любил ее. И вот чем это кончилось.

В голове стучало.

— Согрешила, согрешила! Селена... согрешила!

Она распахнула глаза, обернулась. Удав бормотал во сне. Слюна стекала из уголка рта. Глаза выкатились, а потом, как показалось Тане, втянулись обратно. Веки закрылись. Взмолвленная, она посмотрела на О'Халлорана.

— Что с ним такое? Не знаешь?

— Грибы.

— Грибы?

— Вызывают галлюцинации. Особенно если мешать с алкоголем.

— Ими ты тоже торгуешь?

Он хмуро взглянул на нее.

— Местные жители собирают их по осени. Сушат, варят чай. Традиция Твин-Риверса. — Они проезжали мимо крошечной церкви, облезлого, обитого досками белого здания с крошечным деревянным куполом и крестом — подарка католических миссионеров, однажды попытавшихся спасти греховных обитателей этих мест. О'Халлоран повернул руль, повел грузовик по так называемой главной улице. Летом это была широкая полоска серой замерзшей грязи пополам с камнями. Сейчас — белая, скованная льдом. По краям торчали обитые досками здания, портативная библиотека, хижины, больница, главный магазин Твин-Риверса, столовая. В окнах горел желтый свет, карнизы венчала радуга рождественских огней. Поблизости топталась кучка подростков, курили, огоньки в темноте мерцали оранжевым.

— Схлопочут у меня, — сказала она мягко, наблюдая за детьми; шипованные шины грузовика скрипели по заснеженной дороге.

— Ты бы полегче с этим, Тана. Тебя это может сломать, — ответил он так же тихо.

От удивления, что О'Халлоран назвал ее по имени, она повернулась к нему. Его профиль был резким, грубым. Сильные руки сжимали руль.

— Как сломало других, — добавил он.

ГЛАВА 13

С помощью Бабаха Тана кое-как протащила Джейми по лестнице. Удав был крепким парнем, тяжесть его веса давила на плечи. Тана и Бабах доволокли его до полицейского участка, втолкнули в маленький коридор, где располагались две камеры. Собаки шли следом, стуча когтями по деревянному полу.

Джейми споткнулся, Тана остановилась, тяжело дыша. Бабах посмотрел на нее. В смуглом напряженном лице — ни кровинки. Мягкие темные волосы выбились из того, что когда-то было аккуратным пучком, и повисли. Он отметил, что ее глаза — теплого карего цвета. Ресницы — очень мягкие, густые, длинные.

— Давай я, — сказал он мягко.

— Я сама его оттащу. Ты останешься здесь.

Он фыркнул. Упрямая женщина. Энергичная и ни черта не боится. Он не стал с ней спорить и наблюдал, как она заталкивает крупного молодого человека в крошечную камеру, где была только узкая койка и маленькое зарешеченное окно под самым потолком. Сквозь прутья Бабаху виден был струившийся зеленый свет в небе. Тана подвела Джейми к койке, уложила на матрас, повернула его голову так, чтобы он не захлебнулся своей слюной или рвотой, если его стошнит.

— Тебе удобно, Джейми? — спросила она, отводя волосы от его лица. Бабаха поразила ласковость ее тона, сочувствие к человеку, который только что угрожал выбить из нее все дерьмо. И которого она оглушила дубинкой.

— Я закрою дверь, ладно? И попрошу медсестру тебя осмотреть. Потом можешь поспать, а утром поговорим.

Прислонившись к стене, Бабах скрестил руки на груди, вытянул ноги и разглядывал Тану сквозь решетку. Он отдавал себе отчет, почему тут стоит: потому что в числе его обязанностей — знать, что происходит в этом поселке, кто с кем дружит, кто к кому подлизывается. К тому же ему стало интересно, чем руководствовался Удав, избив сына вождя. Джейми казался приличным человеком. И, наконец, не мешало узнать, как работает новый полицейский и может ли ее работа подорвать его планы.

Джейми застонал, потом забормотал:

— Никогда... она не должна была... туда, где кости... Нельзя... Нельзя трогать... покинутые кости. Я сказал Калебу — нельзя. Плохо... покинутые... кости...

Бабах нахмурился.

— Что ты сказал, Джейми? — спросила Тана, наклонившись к нему.

Джейми вскрикнул, веки задрожали. Из рта сползла струйка слюны.

— Согрешила, она... Селена... голодные... мертвые пришли... Забрали ее на свою сторону... темную сторону...

Она подняла глаза, поймала взгляд Бабаха.

— Я же говорю, это грибы. Могли вызвать глюки. Утром все будет нормально.

Она вышла, закрыла дверь. Бабах прошел за ней в кабинет, где стояли три железных стола и дверь с кассовым окном. Стол у двери занимала Розали, другой принадлежал Тане, третий пустовал в ожидании офицера. В дальнем углу, в арке, был уголок-кухня, рядом горела печь. В главный кабинет вели три двери. Бабах знал, что за первой находятся комната для хранения оружия, склад, сейф для вещдоков и крошечная комната с койкой. Вторая вела на лестницу, а оттуда — в скромное жилище полицейского. Третья — в комнату для допросов.

Тана стянула куртку, повесила на спинку стула.

— Я пошел за Адди, медсестрой, — сказал он.

— Почему ты там оказался?

— Где?

— В «Красном лесе». Зачем ты поперся туда с ружьем?

— Я был в столовой, и мне сказали, что там драка и что ты помчалась туда, — он улыбнулся, — разнимать.

— Так ты спасти меня решил?

— Нет, прекратить драку. Я знаю, чем это может кончиться.

Тана посмотрела ему в глаза, изучая, оценивая. Она была такой бледной, что глаза казались черными дырами. Рану на щеке нужно было осмотреть. К утру проявится синяк. Он подумал — интересно, как она выдержала то, что увидела у Ледяного озера, как теперь с этим живет. А впрочем, ему не было до нее дела. Он знать ничего не хотел. И чувствовать тоже. Не хватало думать об этой станции, о работе

полицейских, обо всем, на что наводили эти мысли. Да, это вызывало воспоминания. Дерьмовые воспоминания. Он знал, что никогда не спасется от них, не излечится... и они всегда будут его слабостью.

— Почему Удав напал на Калеба Петерса? — спросила она.

— Не знаю. Я приехал после тебя. — Он помолчал, потом добавил: — Что ты имела в виду, когда сказала Джейми — я понимаю, как тебе плохо? Из-за Селены?

Она молчала, словно раздумывая, стоит ли ему говорить. Стоит ли ему доверять. Бабах знал, кого она видит. Старого, уставшего мерзавца. Того, кто нарушает закон и продает детям алкоголь. Того, кто может переспать с четырнадцатилетней. Рот наполнил горький вкус отвращения к себе. Он был старше Таны по меньшей мере лет на пятнадцать, и теперь, глядя в ее свежее, серьезное лицо, он ощущал каждую прожитую минуту. Ощущал, что настолько же мерзок, насколько она невинна.

— Ты знаешь, в каких отношениях были Джейми и Селена? Они встречались? — спросила она.

Большая, похожая на волка собака, седая и по виду такая же старая, каким ощутил себя Бабах, подошла и обнюхала его ногу. Он наклонился, почесал ее за ухом, нащупал шрамы.

— Не знаю. Может.

— А что это за грибы?

— Не знаю ботаническое название, — соврал он. — Местные называют их на своем наречии, слово означает что-то вроде «борец с людьми». Марси Делла из столовой говорила, что старые воины и охотники на медведей пили этот чай перед тем, как идти в бой. Еще его давали мальчикам при ритуалах. — Он повернулся, пошел к двери. — Я приведу Адди, и она расскажет, какие вещества добывают из местных растений. С передозом и отравлениями разбирается она.

Открыв дверь и впусив холод, он сказал, не глядя на нее:

— Хочешь, принесу тебе еды? По-моему, ты голодная.

Она не ответила. Он бросил взгляд через плечо: ее глаза блестели. Она вытерла рот ладонью. Рука тряслась.

— Да, — ответила она очень тихо. — Спасибо.

Он вышел за порог, захлопнул дверь. Срань господня, сказал он себе, да что ты творишь?

Снаружи завывал ветер. Близилась буря.

Пробираясь по хрустящей корке замерзшего снега, он чувствовал, будто перешел границу разумного, будто заключил сделку с дьяволом. И теперь пожалеет об этом.

ГЛАВА 14

— Утром у него будет страшно болеть голова, — сказала Адди Армстронг, открывая аптечку. — Но все это Джейми Удаву уже случалось пережить.

— Вы хорошо его знаете? — спросила Тана, наблюдавшая сквозь решетку — в целях безопасности Адди, в случае, если Джейми проснется и опять начнет бузить. Адди была участковой медсестрой Твин-Риверса. Тана видела ее краем глаза на небольшом барбекю, которое вождь Дапп Петерс и его советники устроили в честь ее прибытия сюда. Не считая администратора, Адди работала в больнице одна, жила неподалеку. Когда у нее был выходной, ее замещал волонтер из местных, но все равно, пока она была в Твин-Риверсе, ее могли вызвать в любой момент. На время ее отпуска социальные службы присылали медсестру. Раз в месяц прилетал врач. Социальный работник — примерно так же часто. Зубной врач и психолог — и того реже.

Адди повела плечом, поднялась на ноги.

— Когда ты единственный медик в городе, поневоле узнаешь всех очень близко.

Тана отошла в сторону, давая Адди пройти. Закрыла за ней дверь, и медсестра направилась в кабинет.

— Порой бывает трудно, — заметила Адди, предупреждая дальнейшие вопросы Таны. — В таком тесном кругу почти не видна грань между врачебной этикой, дружбой, другими материями. Но она есть, и мои пациенты доверяют мне — все они знают, что я не нарушу эту грань.

Тана достала блокнот. Медсестра не собиралась разглашать подробности истории болезни или наркозависимости Джейми Удава. Но если он раньше попадал под арест или имел криминальное прошлое, ей понадобится эта информация для протокола. Утром ей нужно будет его подать вместе с отчетом с места происшествия.

— А у тебя как дела? — спросила Адди, глядя ей в глаза. — Зашьем рану? Бабах сказал, в «Красном лосе» тебя сильно ударили в живот.

В лице Таны промелькнула тревога.

— Я... ну... Я...

— Может, пройдем в комнату? — предложила Адди с улыбкой. В ее взгляде читалось, что она видит в нерешительности Таны нечто большее. — Там хорошее освещение. Мне случалось это делать несколько раз. — Она вновь улыбнулась.

— Ну, да. Конечно. — Тана поднялась, прошла по коридору к маленькой комнатке, где стояла кровать. Собаки побрели за ней.

— Нет, ребята, вы остаетесь, — велела она. Хвосты поникли. Тойон с недовольным стоном шлепнулся на спину, Максимус остался стоять на месте.

Тана прикрыла дверь, чтобы Макс и Тойон могли видеть все происходящее.

— Если сядешь на кровать, — сказала Адди, раскладывая на узком столе содержимое аптечки, — я смогу направить свет вот сюда, — придвинула ближе галогеновую настольную лампу на ножке. Тана села.

— Ну а как еще тебе помочь? — У Адди было доброе лицо. Ласковые глаза красивого орехового цвета. Тана ощутила неловкость. Будто попала в западню. Пульс участился.

— Ладно, — сказала она. — Хорошо.

Адди посмотрела Тане в глаза, но тут ее внимание привлекла повязка, которой Тана обмотала руку.

— Дай сперва взглянуть на это.

Тана протянула руку. Адди размотала повязку, смазала рану резко пахнущим антисептиком. Вытащила пинцетом маленький осколок.

— Все не так плохо. Главное, держи в чистоте и сухости, — сказала она, снова бинтуя руку.

Пододвинув лампу еще ближе, сказала:

— Придвинься немного, да, вот так. — Ухмыльнувшись, добавила: — Буду практиковать свои навыки в области пластической хирургии.

— Отлично, — ответила Тана.

Адди рассмеялась.

— Я буду очень стараться, но может остаться небольшой шрам. Ты всегда можешь убрать его у профессионала. — Она принялась промывать щеку Таны, накладывая швы. — Четырех достаточно. Они

скоро рассосутся. Хочешь посмотреть в зеркало на мое рукоделие? — Она вопросительно взглянула на Тану.

— Господи, нет. Но спасибо.

Адди по-прежнему смотрела ей в глаза. Все тело Таны покрылось испариной, когда она осмелилась в свою очередь взглянуть на Адди Армстронг. Красивая блондинка. Чуть за сорок, подумала Тана. Она знала, что Адди не замужем, и не могла понять, что привело эту женщину на Север. Почему она решила остаться. Можно ли доверить ей свое здоровье и личные проблемы? Но Тана была на грани. Ей нужно было признаться. Нормальные люди всегда об этом говорят, но почему же она так боится? В открытую признать это, сообщить об этом миру было слишком страшно. Будет стыдно. Будут вопросы. Она хотела не выдавать свою тайну как можно дольше, пока не почувствует, что новая работа обещает хоть какую-то стабильность. Сейчас не было ни малейшей.

— Есть ли новости из Йеллоунайфа? — спросила Адди.

— Пока нет. Завтра буду звонить.

— Ты точно хорошо себя чувствуешь? — вновь спросила она.

— Да. Да, хорошо.

— А удар в живот? Ничего не задела?

— Я беременна.

Адди моргнула.

— Я... да, меня ударили в живот. Удар пришелся чуть в сторону, и к тому же на мне был бронежилет. Но я волнуюсь... волнуюсь за...

— За ребенка. Само собой.

Глаза Таны вспыхнули.

— Давай снимай куртку и ложись.

Тана отстегнула пояс, положила на стол.

— Рубашку тоже снимать?

— Можешь просто расстегнуть. Белье закатай. Расстегни брюки и спусти до бедер.

Тана сделала, как ей велели, легла на кровать и закрыла глаза. Сердце колотилось. Адди вымыла руки в маленькой раковине, согрела их, медленно и сосредоточено ощупала живот Таны. Девушка закрыла глаза, не зная, что чувствовать. Облегчение оттого, что она наконец попала в надежные руки? Тревогу оттого, что Адди молчит — неужели нащупала что-то страшное? Конечно, быть матерью — совсем не рай

небесный. Она даже не может воспринимать свою беременность как взрослый человек.

— Большой срок? — спросила Адди, считая ее пульс и поглядывая на часы.

— Около девятнадцати недель. Никто на работе не знает, — она закашлялась. — Пока.

— Уже проверялась?

Тана вновь закашлялась.

— Только в больнице. Когда... когда хотела сделать аборт.

Адди посмотрела ей в глаза. Повисла тишина.

— Я хотела от него избавиться. А потом струсила, передумала. Решила все изменить, приехала сюда. Начала с чистого листа.

Глаза Адди сверкнули. Она кивнула, рот вытянулся в напряженную тонкую нить. Не отпуская руки Таны, она сказала:

— Я помогу тебе. Хорошо?

Тана взглянула на нее.

Ты не можешь все делать в одиночку, Тана, дитя мое. Позволь людям помогать тебе. Без племени человек слаб...

Она не сразу смогла заговорить. Потом кивнула и прошептала:

— Спасибо.

Порывшись в сумке, Адди вынула узкий деревянный инструмент, похожий на трубу.

— Стетоскоп Пинар, — сказала она. — Чтобы слушать, как бьется его сердце. Здесь несколько беременных, так что я всегда наготове. Акушерки считают, это лучше УЗИ, — сказала она, положив руку Тане на живот, — потому что ребенок не подвергается действию ультразвука. — Прижав конец трубки к напряженному животу Таны, она приложила к другому концу ухо. — У дерева хорошая акустика. Мне кажется, это лучше, чем металл или пластик.

Она внимательно слушала, потом передвинула стетоскоп, прислушалась снова. Тана нервничала все больше.

— Все хорошо? — Ее голос был грубым и хриплым.

Адди выпрямилась, улыбнулась.

— Малышу повезло.

Тана была не в силах дышать, не в силах сглотнуть. Влага заполняла глаза, мешала видеть. Ее малыш. Он живой. У него бьется сердце. Ему *повезло*.

— Спасибо.

— Можешь одеваться.

Тана села, спустила ноги с кровати, принялась застегивать рубашку.

— Для двадцати недель темп роста очень хороший, судя по высоте дна матки — она почти на уровне пупка, погрешность нормальная. Один плод, — сказала Адди, застегивая сумку. — Уже чувствуешь, как он шевелится?

Руки Таны, застегивавшие пуговицы, замерли.

— По-моему... по-моему, нет.

— Ты почувствуешь первые движения где-то между шестнадцатой и двадцать пятой неделей. Но поскольку это первая беременность, можешь ничего не чувствовать вплоть до двадцать пятой. Может показаться, будто в животе порхают бабочки, — сказала она, мягко улыбнувшись; взгляд отчего-то погрузтел. — А может быть похоже на мышечные судороги или спазмы, как при расстройстве живота.

Тана фыркнула.

— Такое есть. Меня сильно тошнит. Ничего не могу удержать в желудке.

— Это пройдет. Ну, а еще перепады настроения. Настоящие американские горки.

Тана ждала, что Адди спросит, кто отец. Но она не спросила. Она ничего больше не спросила, и облегчение было невыносимым. Ей нравилась эта женщина. Ей нравилось, что Адди прочертила четкую границу и не пыталась ее переступить.

— А у вас есть дети? — спросила Тана, застегивая пояс.

Руки Адди замерли — так ненадолго, что Тана не заметила бы, если бы не смотрела на них с той самой минуты, как увидела печаль в глазах медсестры.

— Нет. — Адди помолчала, затем посмотрела Тане в глаза. — Я была такая же, как ты. Решила сделать аборт в клинике Йеллоунайфа. Только, в отличие от тебя, не передумала, — она вздохнула. — Я рада, что ты приняла другое решение. Я жалею о своем. И никогда себя не прощу.

Тана сморгнула. Хотела что-то сказать, но слова не шли.

— Тебе нужно посетить мою клинику, когда будешь готова. Если хочешь, можем сделать УЗИ. И надо подумать, где ты будешь рожать. Большинство женщин ложится в роддом Йеллоунайфа, некоторые вызывают местную акушерку. Но если выберешь этот путь, служба здравоохранения потребует подписать несколько документов. Это мы еще обсудим ближе к родам. — Адди еще немного помолчала. — Говоришь, ты никому пока не сказала?

— Нет.

— Значит, не подавала заявление на декретный отпуск?

— Нет. Я... должна сначала доказать, что справлюсь с этой работой. Она мне *нужна*.

— Успокойся, Тана, — мягко сказала Адди. — Пьяные драки в «Красном лосе»... ты, может быть, выдержишь удар и даже пулю, но думать теперь нужно не только о себе. О маленьком гражданине. И чем раньше ты выйдешь в декрет, тем скорее...

— Займусь бумажной работой?

Адди вздохнула.

— Я не это...

— Это вы и хотели сказать.

— Тебе нужна поддержка. Вот и все. Здесь должен быть полный штаб сотрудников. Ты не можешь быть единственной, кто бежит разнимать драку в «Красном лосе». Или торчать всю ночь возле трупов, разорванных волками. — Она посмотрела Тана в глаза. — Порой это непросто для женщины. Я знаю, о чем говорю. Моя мама работала в полиции. Погибла при исполнении долга, когда мне было десять. — Она помолчала. — Подумай о своем ребенке, Тана.

Бабах вошел в кабинет, неся две миски горячего супа и свежееиспеченную лепешку.

Столовая работала медленно. После того как Виктор, владелец «Красного лоса», всех разогнал, половина публики притащилась сюда. Столпившись у столиков, они пили кофе, ели суп чили, обсуждали подробности боя. В полицейском участке было пусто, дверь в коридор открыта. Бабах услышал голоса. Подошел ближе. Возле маленькой комнаты с кроватью лежали собаки Таны. Он хотел позвать ее, сообщить, что принес еду, но тут до его слуха донеслись слова Адди:

— Не подавала заявление на декретный отпуск?

Бабах замер с мисками в руках. Он хотел повернуться и уйти, но был не в силах.

— Моя мама работала в полиции. Погибла при исполнении долга, когда мне было десять. Подумай о своем ребенке, Тана.

Его пронзило воспоминание. Внезапно стало жарко. Собаки взглянули на него, завиляли хвостами. Чувствуя беспокойство, Бабах скомандовал: «Тсс», тихо вышел из коридора, чувствуя, как колотится сердце.

Вошел в кабинет, поставил еду на пустой стол. Обе миски. Аппетит исчез без следа. Может, Адди захочет есть — пусть возьмет его порцию.

Быстро вышел в главную дверь, тихо закрыл ее за собой. Постоял немного, глубоко вдыхая холодный воздух. Что с ним творится?

Сунул руки в карманы, спустился по лестнице, побрел по заснеженной улице, залитой зеленым небесным светом.

Голос в голове настойчиво повторял: *Слишком поздно, О'Халлоран. Ты переступил черту... связался с ней... посмотри теперь, что она с тобой сделала...*

А был ли у него выбор? С того момента, как она постучала в его дверь?

Из темноты улицы, закутавшись в куртку, выходит Наблюдатель. Холод все сильнее. Ветер тоже. Из полицейского участка неожиданно выходит Бабах О'Халлоран. Некоторое время стоит возле здания, будто раздумывает о чем-то. Наблюдатель смотрит на него, изучает. Потом О'Халлоран, по всей видимости, выбрасывает из головы то, что его волнует, запускает руки в карманы и идет по своим делам.

Наблюдатель видел, как он входил сюда с едой, но он не успел бы съесть ее так быстро. Значит, он принес ее кому-то. Девчонке-полицейскому.

Новенькой, которая явилась в этот город и нарушила привычный ход вещей.

Окно полицейского участка льет теплый свет на снег. Медсестра все еще там. Наблюдателя охватывает любопытство. Что там происходит? Девчонка ранена? Или медсестра нужна задержанному?

Наблюдателю приходит на ум фраза:

Пристально взглядевшись в лицо Моро, Кромвель понял — этот человек осознал себя жертвой...

Жертвой.

Всегда приятнее, когда существо уже начало осознавать: за ним кто-то следит, идет по пятам, охотится, высматривает из темноты. Кто-то хищный, предельно сосредоточенный в намерении покарать.

Волосы на руках Наблюдателя встают дыбом. Вскипает возбуждение. Голод, отец желания, разгорается в животе. Язык ожидает вкуса крови... Нет! Слишком рано, слишком рано, не нужно так рано...

Горло сжимает паника, мозг — напряжение. Неясный гул все ближе. Нужен воздух, нужно выйти, нельзя сейчас это чувствовать... нет, нет, нет...

Только один способ это остановить, только один путь... наказание, наказание...

ГЛАВА 15

Войдя в кабинет вместе с Адди, Тана изумилась, уловив аромат еды. Она почти сразу заметила ее, упакованную, неосторожно поставленную почти на самый край стола. *О'Халлоран.*

Он здесь был.

Она посмотрела на дверь в коридор, которую оставила открытой. И дверь в маленькую комнату тоже — для собак. Он что, слышал их разговор? О ребенке?

Зачем уходить вот так, не предупредив? Он вошел так тихо... собаки даже не залаяли.

Ей стало неловко.

— Видимо, это вам, — сказала она Адди, снимая крышку с одной из мисок. Желудок свело от голода, стоило почувствовать аппетитный запах. Суп. Овощной. — Будете?

— Нет, спасибо, — ответила Адди. — Мне нужно поспать. Завтра ранний визит. — Она сняла пальто с крючка у двери, надела, натянула варежки. — Приходи на УЗИ на следующей неделе. Если хочешь, можно узнать пол ребенка.

Тана похолодела. Хочет ли она? Так все это станет... более настоящим. Она кивнула.

— Спасибо... за все.

— Всегда пожалуйста. Ты знаешь, где меня искать. — Адди взялась за ручку двери.

— Расскажите мне кое-что, — попросила Тана. — Вы давно здесь живете?

— В Твин-Риверсе? Слишком давно. Вот уже семь лет.

— Значит, вы помните, как погибла дочь Эллиота Новака? И как через год убили школьницу в лагере?

Адди пристально посмотрела на Тану. Какое-то время она молчала и, казалось, побледнела.

— Вам не кажется...

— Что эти события связаны? Но это невозможно. Животных в обоих случаях застрелили, верно?

Адди нахмурилась. Неловкое любопытство Таны все нарастало.

— Он вообще бывает в городе?

— Эллиот? Был пару раз, может, года два назад. С тех пор не показывался, насколько я знаю. — Снаружи бушевал ветер, срывая с веток деревьев куски намерзшего льда и швыряя в окна.

— Но все-таки он еще живой?

— Его трудно было назвать живым, Тана, еще когда он уходил в леса. Страшный, как мертвец, изможденный, опустошенный, измученный посттравматическим расстройством в тяжелой форме. Изоляция и плохое питание ухудшили ситуацию еще больше. Выглядел он ужасно. Мороз лишил его части носа, кончиков нескольких пальцев на руках и ногах. С тех пор как он увидел полусъеденный труп дочери, он лишился рассудка. Теперь он — лишь замерзшее тело и расстроенный мозг. Если он еще жив, это в любом случае уже не человек.

Ветер становился все громче, стук льдинок по стеклам казался скрежетом коготков маленьких грызунов, ищущих выход.

— Зачем тебе это? — спросила Адди.

— Я хотела с ним поговорить.

— Но ты же не считаешь эти два нападения связанными.

— Еще мне сказали, что Эллиот считает: это были не волки.

Адди не сводила с нее глаз. Шум ветра перешел в свист. Огоньки в печи вспыхивали и гасли.

— Иногда, — тихо сказала Адди, — когда боль слишком сильна, человек пытается найти выход. Отрицает. Перекладывает чувство вины на кого-то другого. Особенно когда ощущает виноватым себя. Может быть, Эллиот именно поэтому так сильно хотел верить, что может перевесить этот грех на кого-то другого.

— А почему он ощущал виноватым себя?

— Потому что не смог защитить своего ребенка. — Она помолчала. — Эта мысль и свела его с ума, Тана. Заставила придумать чудовище. — Она повернула ручку, открыла дверь,пустила ледяной воздух. — Это место сводит людей с ума. Если они неосторожны.

— Но вы же здесь уже давно, и у вас все в порядке.

Алли посмотрела ей в глаза.

— Да ну?

Вышла, захлопнула за собой дверь. Тана закрыла ее и подошла к окну. Сквозь ледяные узоры на окнах она смотрела, как Адди натягивает капюшон с меховой оторочкой и бредет по снегу. В

неясном, жутком, зеленовато-желтом свете, мерцавшем над вершинами деревьев, женщина в капюшоне казалась героиней сказки. Красной Шапочкой. Волшебницей. Или ведьмой.

Или повивальной бабкой.

Тана вспомнила слова Адди о том, что значит быть матерью. В памяти снова всплыл образ мертвой волчицы с раздутыми сосками. Она представила волчат, плачущих в норе, и подумала: дожили они до утра или хищники пришли на их жалобный голодный писк и убили их под призрачным светом северного сияния? Подумала о матерях Аподаки и Санджита. Сейчас им уже сообщили о нападении, о гибели их детей. Тана безвольно опустила руки. Жизнь несправедлива.

Когда она уже собиралась отойти от окна, через улицу метнулась чья-то тень. Тана придвинулась ближе, протерла пятно на замерзшем стекле.

Никого.

Какое-то время она смотрела на пустую улицу, чувствуя странный холод, пронизывающий до костей.

Вторник. Шестое ноября.

Продолжительность дня: 7.43.25

— Доброе утро, Джейми, — сказала Тана, стоя возле камеры с полным подносом еды.

Он сидел на краю койки, поставив на пол большие ноги. Медленно повернул голову, посмотрел на нее, не видя. Его глаза были пустыми черными дырами. Тана вновь ощутила неловкость.

— Завтракать будешь? Сейчас открою дверь и приду к тебе, хорошо?

Молчание.

Тана открыла дверь, внесла поднос с горячей овсянкой и кружкой кофе. Поставила в ногах кровати. Придвинула себе стул, села напротив. Собаки лежали у двери и наблюдали.

— Геркулес тебе поможет прийти в себя, — сказала она.

Но он молчал, оторванный от всего мира. Тана подумала — может быть, это тоже эффект галлюциногенного грибного чая, который он так любил употреблять.

Тана проснулась в пять утра. Ветер утих, воздух был так спокоен, что ее разбудило внезапное и тяжелое ощущение тишины — словно после затишья ожидалась буря. Выгуляла собак, приняла душ, загрузила фотографии с места нападения, распечатав ту, на которой был серебряный браслет с нефритом. Накормила Макса и Тойона, послушала прогноз погоды, приготовила овсянку на маленькой плите наверху. Приближались несколько грозовых фронтов — в следующие сорок восемь часов ожидался сильный снегопад и туман. Объявили тревогу.

Вчера, прежде чем лечь спать, она просмотрела базу данных и выяснила, что хотя Удаву приходилось ночевать в вытрезвителе, а прошлой весной он был арестован за буйное поведение, поскольку слишком бурно реагировал на попытки остановить работу геодезистов на ледяной дороге, арестован он не был и в криминальных сводках не фигурировал. Что ее заинтересовало, так это фотографии с акции протеста. На них, кроме Джейми, были Селена Аподака и Калек Петерс. Хотя, с другой стороны, явилась вся деревня, если не протестовать, так хотя бы посмотреть и погреться у котлов.

Она запросила и данные Кэмерона О'Халлорана, но ничего не нашла, невзирая на несомненный факт нелегальной торговли алкоголем. Вбила его имя в Гугле, заинтересовавшись, откуда он вообще и что здесь делает. Она подозревала, что он станет колючим кустарником на ее пути к успеху. Но тоже не нашла ничего, не считая краткого упоминания в блоге какого-то охотника, прошлой зимой остановившегося здесь в отеле. О'Халлоран остался загадкой, что подогревало интригу. И ее подозрения.

Вынув из кармана распечатанное фото браслета, Тана протянула его Джейми.

— Похоже, это ты автор, — сказала она. Джейми медленно поднял глаза, сосредоточил взгляд на картинке. По его телу прошла дрожь. Температура в камере, по-видимому, понизилась на несколько градусов. Он повесил голову, стал рассматривать свои руки, безвольно лежавшие на коленях. Большие руки, все в царапинах и шрамах после драки, красные там, где Адди смазала дезинфицирующим средством и антисептиком.

— Ты подарил Селене этот браслет, верно, Джейми? Здесь внутри надпись «Селене с любовью от Д. У.». Это ведь ты, Джейми Удав,

верно?

Он сглотнул, его лицо напряглось.

— Это ее кровь? — спросил он хрипло.

Тана вздохнула.

— Мне очень жаль, Джейми.

Его блестящие глаза смотрели на крошечное окно над койкой. За решеткой начинался блеклый, холодный, серый день.

— Я хотела поговорить с тобой об этом, хотела сообщить. Но ты уже был в «Красном лесе». Ты уже знал, что произошло.

Он кивнул.

— Вы с Селеной долго встречались?

Молчание. Тана откашлялась и спросила:

— Что произошло в «Красном лесе», Джейми?

Его рот вытянулся в линию.

— Ты начал драку?

Молчание.

— Послушай, ты должен мне что-то сказать, потому что мне нужно заполнить отчет, и я не хочу на тебя давить, учитывая, в каком ты состоянии.

— Я не помню, что случилось.

— Ты напал на Калеба Петерса. Почему?

Он покачал головой:

— Не помню.

Она попыталась сесть поудобнее — проклятый бронезилет сдавливал растущий живот. Когда уже привезут новый, побольше, что она заказала? Хоть бы до того, как начнутся грозы — столько времени в этом корсете ей не выдержать. Снова вспомнились слова Адди:

...ты, может быть, выдержишь удар и даже пулю, но думать теперь нужно не только о себе. О маленьком гражданине...

Тана снова откашлялась.

— Расскажи мне про кости, Джейми. Что тебе известно о старых костях?

Его глаза вспыхнули, мрачное лицо внезапно оживилось. Жилка на гладкой шее забилась, как мышинное сердечко.

— Я ничего не знаю про кости.

— Вчера ночью ты говорил что-то о костях, Джейми. Говорил, что Селена согрешила. Что нельзя трогать покинутые кости... или когти.

Говорил, что сказал об этом Калебу.

Молчание.

— Что ты имел в виду, когда сказал: Селену забрали на темную сторону?

Он отвел взгляд. Его кожа, казалось, покрылась испариной.

— Вы с Калемом близкие друзья?

Молчание.

— Я видела ваши совместные фото — ты, он и Селена. На акции протеста. Похоже, вы трое были очень хорошо знакомы.

Он тяжело сглотнул, чуть потер колено большим пальцем правой руки.

Тана подняла бровь.

— Видишь ли, Джейми, меня вот что волнует — больше подробностей мы узнаем после вскрытия, а его сделают уже скоро. Как в любом случае внезапной смерти, будет выяснение обстоятельств, и эксперты в различных областях выяснят, что именно произошло. Но рядом с телом Селены я обнаружила кости. И, судя по всему, старые кости. Я подумала: может быть, нападение произошло там, где лежали эти кости, но потом ты начал говорить о них и о Селене. — Она помолчала, выдержала паузу. Люди часто недооценивают значение паузы. Порой она побуждает заговорить, чтобы ее заполнить.

Расширенные зрачки Удава слились с радужной оболочкой. Он ничего не отвечал.

— После вскрытия станет известно, насколько это старые кости. Анализ ДНК покажет даже, чьи они. Возможно, кого-то, кто жил в этом городе. — Она наклонилась поближе. — Мне кажется, ты что-то о них знаешь, Джейми.

— Я ничего не помню, ясно? — отрезал он. — Слишком много выпил. Мне было плохо.

Она поднялась на ноги.

— Может быть, Калев Петерс что-то знает? Я его спрошу.

Он больше не смотрел ей в глаза.

— Или Марси Делла, или вождь Петерс — может быть, много лет назад кто-то без вести пропал и погиб у северного берега Ледяного озера. Может быть, там находится старое захоронение.

Он побледнел. Челюсть чуть дернулась. Разговор с Марси и вождем Петерсом вышел на первое место в списке неотложных дел.

— Ешь, — сказала Тана. — Тебе нужна теплая пища. Я заполню протокол и выпущу тебя. Потом поговорю с Виктором, владельцем «Красного лося», о том, не должен ли ты отработать ущерб. Я бы просто сделала тебе предупреждение и все, но, может быть, Виктор захочет, чтобы ты возместил убытки.

Он не шевельнулся. Неподвижная статуя.

Когда она уже подходила к двери, он что-то пробормотал. Она обернулась.

— Что?

Он поднял глаза.

— Это не волки.

Ее пульс участился.

— Что ты имеешь в виду?

— Ее не волки убили.

— А кто тогда?

— Пожиратели душ. Духи диких мест. Они вырывают душу и сердце прямо из груди. И глаза вырывают, чтобы ты был слепым в загробной жизни.

В памяти всплыло тело Аподаки. Торчащие кости грудной клетки, мокрая, красная плоть. Сердце вырвано. Глаза тоже. Тана сглотнула.

ГЛАВА 16

Отшвырнув телефон, Тана со злостью царапала ногтями лицо, пока кожа не начала гореть. Гнев вскипал со страшной силой.

Она только что позвонила сержанту Леону Килану, своему начальнику, работавшему в Йеллоунайфе, чтобы ей немедленно прислали помощника, а также нового пилота. Разговор был коротким. Сержант Килан дружил со старшим сержантом Гартом Каттером. Сержант Каттер высоко ценился федеральной службой — стремительная карьера, женат, трое детей. У него были большие амбиции. Он намеревался стать инспектором и, возможно, вступить в ряды КСРБ, Канадской службы разведки и безопасности. Тана знала все это, поскольку позволила ему с ней переспать. Не один раз, а несколько, когда оба были сильно пьяны. Тана каждый раз надиралась так, что с трудом могла стоять. И думать. И это было хорошо, потому что в трезвом состоянии она могла думать только о Джиме. О том, как он покончил с собой. О том, почему. О том, как она ничего не почувствовала, ничего не сделала, чтобы его остановить. О том, как он взял ее пистолет.

Теперь Каттер станет отцом ее ребенка.

Ребенка, о котором мечтал Джим. Ребенка, которого не хотела она. Во всяком случае, пока. Она была слишком молода. Всего двадцать четыре. Сначала она хотела стать детективом — это была ее цель, ее мечта. В голове всплыли слова Каттера:

Все, не трахай мне мозг этой херней. Делай аборт. Делай аборт и тащи свою черную задницу подальше из города. Не хватало мне проблем, чтоб я в это ввязался. Какая мать, такая и дочь. Яблоко от яблони...

Она вновь ощутила ядовитый стыд. Угрызения совести. Ярость. Боль. Желание наказать себя, сделать себе больно, сделать хоть что-нибудь. Прижав ладони к металлической поверхности стола, глубоко и медленно выдохнула. Осторожно положила руки себе на живот.

Да и насрать на них, малыш. Будем только ты и я. Насрать на всех, мы и вдвоем справимся. Мы перевернем этот мир. Я буду лучшей мамой.

Она в любом случае не стала бы его выдавать — потому что, как бы сильно ни хотела прибить Каттера гвоздями к стене, не могла причинить боль его жене, Винни Каттер, и их детям. Это не их вина. Это ее вина. Ее грех. Она спала с женатым мужчиной, с чужим неверным мужем. С человеком, которого не уважала. С расистом, презиравшим женщин, который просто ею воспользовался. Как все те мужчины, что пользовали ее мать, а потом ее саму. И винить здесь было некого, кроме себя самой. Она позволила ему это — может быть, желая сделать себе больно, выплеснуть переполнявшую ненависть к себе. Она знала, что за человек Гарт Каттер. Видела лицо, которое он скрывал от всех, и была абсолютно уверена, что стала не первой его любовницей, не первой женщиной, с которой он так мерзко, так грязно обошелся.

Леон Килан тоже это знал.

И поэтому — она не сомневалась — они так обрадовались возможности выслать ее за Полярный круг, на сибирскую соляную шахту для полицейских. То, что она из индейцев и что полиции Твин-Риверса нужен сотрудник, понимающий специфику местной культуры, стало лишь предлогом. Если что-нибудь пойдет не так, они будут только рады. Они будут игнорировать ее просьбы как можно дольше. Они приведут ее к провалу. Каттер будет счастлив. Вполне возможно, он будет совершенно счастлив, если она погибнет. Она вновь впилась ногтями в лицо.

Она докажет: они ошибаются.

Тана встала, плеснула в чашку из чайника, который поставила вскипать на плиту, добавила мед. Позвонила судебному следователю, сообщила о найденных костях. Ей велели сделать подробный отчет, пока ведется вскрытие и экспертиза. Как патрульный полицейский, первым увидевший место преступления, она пользовалась у них авторитетом. Снова сев за стол, распустила и вновь стянула узлом волосы. Было девять утра. Она отпустила Джейми, скоро должна была приехать Розали. Полицейский участок работал с девяти до шести. Пока Розали не приехала, можно заняться отчетом и обработать свои записи на диктофоне. Когда она придет — опросить биологов, пока они не уехали. А потом поговорить с Виктором из «Красного лося» и с Калемом Петерсом. Обсудить подробности драки. И находку.

Тана отхлебнула чай, надела наушники, включила диктофон и принялась печатать.

...часть кожи с затылка содрана, виден значительный перелом черепа. Длинные волосы все в крови и, судя по всему, фрагментах внутренних органов. Волосы светло-рыжие, сильно вьются. По щеке вниз идут четыре глубоких симметричных разрыва или царапины...

Она услышала в своем голосе волнение, косноязычие, которого тогда не заметила. Неровное дыхание мешало говорить. Она снова видела эту сцену. Ощущала железистый запах крови, сладковатый — мяса. Чувствовала холод. Свет, казалось, потух. Тана подняла глаза, ощущая чье-то присутствие и почти ожидая увидеть темную фигуру в дверном проеме.

Но виноват был лишь огонь. Она забыла поддержать пламя, теперь оно гасло, и мягкий свет, окутывавший комнату, гас вместе с ним. Тихо выругавшись, Тана подбросила дров. Дизельная электростанция кое-как снабжала город теплом, но большинство жителей топили печи дровами. С электрическим отоплением было плохо. Кстати, об этом тоже не мешало бы сообщить.

Растапливая огонь, она вспомнила слова Маркуса Ван Блика:

Я так понимаю, тебе доводилось видеть жертвы животных. Тебе не кажется, что с этим убийством... что-то не так?

И Джейми Удава:

Ее не волки убили... Пожиратели душ. Духи диких мест. Они вырывают душу и сердце прямо из груди. И глаза вырывают, чтобы ты был слепым в загробной жизни.

Тана захлопнула дверь печи. Тойон со вздохом перекатился на спину, подставил теплу живот, который Тана рассеянно почесала, думая о том, что сказал ей Большой Индеец.

Так вот, у Эллиота на этом совсем крыша поехала. Он решил, что кто-то убил его ребенка...

Сев за стол, Тана продолжила печатать. Дошла до места, где отметила симметричные царапины на объединенном лице Селены Аподаки. Выдержала паузу, открыла фотографии, которые загрузила вчера вечером, увеличила. На экране жестокая реальность ожила. Порванные мягкие ткани, кровавые впадины глаз. Нос разорван, видны носовая полость и хрящи. У медведя было больше четырех когтей.

Может, он не с первого раза подцепил кожу?

Закусив нижнюю губу, Тана листала фото, увеличивая те, на которых были отчетливо видны параллельно идущие разрывы на телах Аподаки и Санджита.

Такие же царапины были на канистрах с бензином.

Здесь мог бы помочь Чарли Накенко. Он понимал в таких вещах гораздо больше, чем любой судебный следователь. Им посылали отчеты и фотографии, объясняли все обстоятельства с самого начала. Чарли был в курсе событий. Он был одним из самых опытных охотников, прекрасно знал местную флору и фауну. Он рассказал бы, типично ли это нападение для волков или нет. Может быть, он знал что-то и о прошлых нападениях.

Тана нажала на «печать», и принтер шумно воспрянул к жизни, выталкивая из себя фотографии тел, глубоких ран, отпечатков лап. Собирая фотографии, Тана заметила кое-что, на что сначала не обратила внимания. След левого ботинка с зазубренной отметиной. Нахмурившись, она вновь открыла снимки отпечатков ног. Пока следователь проводил экспертизу, Тана сравнивала следы подошв Аподаки и Санджита. У Селены был шестой размер ноги, ботинки фирмы «Тундра ХС». Радж носил «Экстеррас» девятого размера.

Ван Блик и Кино предпочитали «Баффин-Арктик». Размер у Ван Блика — двенадцатый, у Кино — десятый. У отпечатка с зазубриной был тот же узор, что и у «Баффин-Арктика», размер — на вид десятый. А может быть, девятый. Но ботинки Ван Блика и Кино не оставляли зазубренного следа. По всей видимости, обладатель ботинка наступил на что-то острое, разрезавшее подошву. Постукивая кончиком ручки по столу, Тана размышляла.

Отпечаток был четко различим. Снег не успел его занести, к тому же он находился под надежной защитой нависшего над ним большого камня. Поскольку его не замело, очевидно, он был оставлен раньше, чем разразилась метель. Предположительно, когда Аподака и Санджит только прибыли сюда. Но, возможно, и после.

Кто еще здесь был? Или, может быть, что-то впилося в подошву ботинка Ван Блика или Кино, вот зазубрина и осталась? Тана подумала, что это можно списать и на капризы погоды — перепад температуры, изморозь, ветер могли повлиять на следы.

Она внимательно загрузила остальные фотографии следов. Сердце подпрыгнуло. Был еще один. «Баффин-Арктик», левый

ботинок. Зазубрина. На этот раз не так отчетливо заметная.

Я видела тебя в пятницу, Бабах. Твой самолет приземлился на другой стороне утеса, где работали бедные ребята. Где-то в полдень, когда я летела за другой командой.

Тана распечатала и эту фотографию, а также снимки костей. После того как тело Аподаки унесли помощники следователя, в маленькой расщелине, где она лежала, обнаружили еще несколько.

В памяти опять всплыли слова Большого Индейца:

...похоже на тот случай, когда двух девчонок убили. Такое же дерьмо. Опять повторяется...

Она закрыла фото, открыла базу данных, принялась искать отчеты с места гибели Реган Новак и Дакоты Смитерс, соответственно трех- и четырехлетней давности.

Но ничего не нашла. Не только отчетов, но и вообще какой бы то ни было информации обо всем, что произошло ранее двух с половиной лет назад. Что за... Здесь тогда не было компьютеров, что ли? Может быть, отчеты есть на бумаге?

Тана вынула из ящика стола ключи, отодвинула стул. Прошла по коридору, открыла камеру за комнатой хранения оружия. Здесь лежали документы. Включила свет, вошла. На полках стояли коробки. Тана просмотрела даты на ярлыках, взяла те коробки, на которых значился ноябрь тех лет, когда, по словам Большого Индейца, произошли два убийства.

Ее бросало в жар, когда она рылась в бумагах, не в силах найти хоть что-то, и, пересмотрев все, начинала заново в надежде, что не заметила, пропустила. Может быть, отчеты разложены не по порядку. Сердито откинув назад темные волосы, то и дело разлетающиеся во все стороны, она пошла в комнату за новыми коробками. Принесла, продолжила поиски.

Дверь раскрылась, впустив холодный ветер, разметавший бумаги по столу. Она подняла глаза.

— Тана, что ты делаешь? — спросила Розали тягучим, мелодичным голосом, какой здесь был большой редкостью. Она захлопнула тяжелую деревянную дверь. — Ну и бардак.

— Вы поздно, — сказала Тана, открывая очередной отчет. Собаки встали, чтобы поприветствовать диспетчера связи.

Розали поставила на стол большую сумку — подделка под кожу, золотая цепочка с перьями по бокам.

— Малышка Дианы всю ночь страдала от колик. Диана так устала. Ей нужно было выспаться. — Розали сняла куртку, повесила на крючок. — Мне пришлось кормить остальных детей завтраком и провожать в школу.

— Диана?

— Моя племянница.

Как будто нет ничего такого в том, чтобы ставить племянницу и детей превыше работы. Тана уже собиралась об этом сказать, но тут ее снова пронзили слова Адди:

...порой это непросто для женщины. Я знаю, о чем говорю. Моя мама работала в полиции... подумай о своем ребенке, Тана...

Глядя на Розали, она не могла произнести ни слова. Как она собирается справляться? Эта мысль ее поразила.

— Что ты ищешь? — спросила Розали, медленно разматывая шарф на шее. — Вид у тебя как у привидения, если не хуже. — Она помолчала, потом спросила: — Все в порядке?

— Ищу отчеты трех- и четырехлетней давности, за ноябрь. Где мне их взять?

— Даты на коробках.

— Да, я вижу, но двух отчетов, которые мне нужны, здесь нет. Черт возьми, как тут все неорганизовано! Эти два дела точно должны быть на бумаге — в электронной форме здесь нет ничего вплоть до отчетов двухлетней давности.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Тана?

— Господи, Розали! Конечно, хорошо. Почему все задают мне этот вопрос?

— Ну, ты провела ночь наедине с волками-людоедами, — сказала Розали, стянув шляпу и развязывая шнурки меховых ботинок. — Не высыпaeшьcя. Потом еще эта драка в «Красном лосе». Мне рассказал Клайв, новый приятель Дианы. Неплохой парень. Надеюсь, у нее хватит ума его удержать. — Она расправила рубашку и брюки, пододвинула себе стул. — И вообще, это вполне обычный вопрос. Все говорят — доброе утро, а потом спрашивают, как ты себя чувствуешь. Джейми все еще здесь?

Тана молча смотрела на Розали, по-прежнему сжимая в руках отчеты. Вот он, этот город. Чертов Твин-мать-его-Пикс. Это дело безнадежно.

— Заварить тебе чаю, Тана? Ты явно на взводе. Посмотри, у тебя руки трясутся.

Тана опустила глаза, сглотнула, ослабила мертвую хватку. Положила документы на стол, глубоко вздохнула.

— Извините. Вы совершенно правы: бессонные ночи и все такое. Джейми уже ушел. Отпустила его, сделав предупреждение. Он пообещал отработать ущерб в «Красном лосе», если Виктор согласится.

— Да согласится, конечно.

— Так вот, — сказала Тана медленно, с расстановкой, — я ищу два отчета и не могу найти. Один за ноябрь три года назад, другой — четыре. В электронном виде документов за этот период нет.

— Два с половиной года назад у нас вся система полетела. Еще когда была старая тарелка и старая спутниковая система. Так что все файлы стерлись. Потом прислали новые компьютеры. Но все отчеты есть в бумажном виде. Какие тебе нужны?

— Дела о гибели Реган Новак и Дакоты Смитерс.

Розали застыла на месте.

— А что? — спросила Тана.

— Зачем они тебе?

— Не важно. Я просто хочу их посмотреть. После страшного нападения волков надо...

— Тех волков убили давным-давно. Они не имеют ничего общего с этим нападением.

— Розали, — тихо сказала Тана, — вы знаете, где эти отчеты? Почему пропали только они?

Розали наклонила голову, нахмурила бровь.

— Ты же знаешь, он спятил. Эллиот Новак. Стал настоящим чокнутым психом. Мы не хотели, чтобы эти отчеты постоянно попадались ему на глаза, чтобы он обвинял кого-то, некое чудовище, которого нет. Несчастный случай, и больше ничего.

— Розали, отчеты.

Пожилая женщина вздохнула, покачала головой.

— Пойдем покажу. — Взяла ключ с полки, висевшей над столом. — Лежат в подвале. Он не хотел, чтобы они хранились вместе с остальными.

— Кто — он? — поинтересовалась Тана, идя следом за Розали.

— Младший сержант Барри Бассхольц, который пришел на место Новака.

— Только *эти* два отчета? Но почему?

Розали наклонилась, чтобы открыть маленькую дверь возле комнаты хранения оружия. Расшатанные деревянные ступени вели в черную дыру.

— Вон там, — сказала она, — в самом конце. Света нет: нужно заменить лампочку.

— Шутите, что ли? — Тана сняла с ремня фонарик, согнулась пополам, выставила руку вперед. Из подвала повеяло холодом. По всей видимости, никто не позаботился о его утеплении. Вдохнув запах плесени и застарелой грязи, Тана закашлялась. Теперь ей стало понятно, почему в здании все время стоял холод. Он шел отсюда.

— Не вижу коробок, — сказала Тана.

— Вон там, в углу, — ответила Розали.

Тане пришлось согнуться еще больше. Она пролезла в самый дальний угол подвала, освещая себе путь фонариком, увидела полку и коробку на ней. Пробираясь обратно, запуталась в паутине, и разорванная нить обвилась вокруг ее запястья, как бы мягко и ненавязчиво притягивая обратно.

— Чего ради Бассхольц засунул их сюда?

Молчание.

Тана обернулась, ударила головой, выругалась, стиснула зубы и кое-как выбралась вместе с коробкой. Высунув голову из подвала, она увидела суровый взгляд Розали, и это немного охладило. Нахмурившись, втащила коробку в теплый кабинет, и Розали закрыла за ней маленькую дверь.

Тана поставила коробку на стол, сняла крышку. Потом спросила:

— Зачем, Розали, зачем Бассхольц решил их туда запрятать?

— Он боялся, что Эллиот Новак опять ворвется в участок и утащит их с собой.

Тана удивленно подняла глаза.

— Что?

— Сержант Эллиот Новак как-то раз ворвался сюда. Больше двух лет назад. Вышел из лесов, разбил окно, вытащил ключ из стола Бассхольца и копался в отчетах, когда его застукал Бассхольц.

— Что же искал Новак? — изумилась Тана.

— Не знаю. Тана, он ненормальный. Он нес какой-то бред, он... он не в своем уме. Он опасен.

— Поэтому Бассхольц спрятал от него отчеты?

— Угу.

Господи.

Тана смахнула пыль с первого отчета, закашлялась.

— Будь с ними осторожна, — тихо и многозначительно сказала Розали. — Эти два дела сгубили множество жизней.

Рано утром, собираясь посадить «Зверюгу» в Твин-Риверсе после утреннего путешествия в лагерь, Бабах увидел, что Хизер идет мимо ангара и курит. Длинные светлые волосы развевал нарастающий ветер. Она шла быстро, как обычно — он не помнил, чтобы она когда-нибудь двигалась спокойно. Красивая. Сильный характер, острый ум, нежелание обременять себя обязательствами — таких женщин он любил, таких всегда выбирал. Он ухмыльнулся. Да, он уже давно не спал с ней. Пора бы расслабиться. Хватит думать о Тане Ларссон и прочей ерунде, которая лезет в голову вслед за мыслями о девчонке-полицейском. Он снизил высоту, «Зверюга» села, подпрыгнула, загрохотала по полосе. Бабах подъехал к Хизер, встал прямо напротив. Она не шевельнулась, не шагнула в сторону. Просто стояла и ухмылялась — в пальцах сигарета, волосы откинута назад.

Игра, кто первым сдастся.

Пропеллер медленно вращался, угрожая разрезать ее пополам. Бабах рассмеялся, отдал ей честь.

Когда он снимал шлем, Хизер подошла к нему. Он открыл дверь, выпрыгнул. Флюгер над ангаром дрожал, отклонившись на восемьдесят градусов от вертикали — ветер шел с севера, большие гроззовые фронты оповещали о своем неминуемом приближении.

— И чем я заслужил такой подарок? — спросил он, снимая авиаторы в стиле времен Второй мировой.

— Заслужил ли?

Он заметил, что из окна его дома, стоявшего совсем рядом со взлетной полосой, на них смотрит Минди, и помахал ей рукой. Минди не помахала в ответ, но продолжала таращиться, и по его телу прошло странное чувство.

— Пошли в ангар, — сказал он Хизер, не сводя глаз с Минди. Одно дело — просто продавать наркоту, другое — при ребенке.

Хизер бросила окурков на лед, придавила ногой, последовала за ним в ангар. Бабах достал из-за отворота куртки пакетик, поменьше того, что он вчера принес Алану Штурманн-Тейлору.

— Цена та же, — сказал он, — но если мной займется коп, придется поднять.

Хизер взяла пакетик с каннабисом, протянула ему деньги. Он пересчитал.

— Ну, если она в курсе, что ты в пятницу посадил свой «АэроСтар» возле места происшествия... — предположила она, открывая пакетик и вдыхая.

Он посмотрел в ее голубые глаза.

— Я тогда сказал правду.

— Да ладно? — сказала она. — Думаешь, Ларссон поверит, что возле лагеря носится целая куча красных «АэроСтаров»? Я, само собой, знаю, что это не так, а она тоже далеко не дура.

— А где именно ты видела этот вертолет?

— Прямо по ту сторону горного хребта, где лежали трупы.

— У них есть имена, Хизер. Селена и Радж. Мы оба не раз пили с ними в «Красном лесе».

Она ничего не ответила. Сунула пакетик в карман, отвела взгляд. Ветер метнул в приоткрытую дверь ангара хрустальную пургу.

— Я знаю, — наконец сказала она очень тихо. — Просто...

— Больнее называть их по именам, воспринимать как людей.

— Да.

— Вспоминается армия?

Она кивнула.

— Просто пытаюсь забыть весь этот ад.

Он легонько погладил Хизер по руке. Все ее лицо напряглось, взгляд дал ему понять: он перешел грань, и ей это не понравилось.

— Слушай, — сказал он, желая ее смягчить, — я закончил с утренней прогулкой, и теперь у меня есть немного свободного

времени. Хочешь, посмотрю твою муфту?

ГЛАВА 17

Внедорожник Таны подъехал к гостинице «Сломанная сосна». Команда биологов должна была вылететь через час, и нужно было успеть взять у них показания. Дела об убийстве Реган и Дакоты могли подождать. Она притормозила, сняла шлем. Собаки метнулись под деревья — исследовать территорию, она же направилась в отель.

Одноэтажный, он представлял собой просто длинный ряд комнат. Входные двери вели на крытую выступающую веранду. Все здесь было готово к тому, чтобы выдержать сильный снегопад. Позади здания торчала кривая сосна — ориентир, очевидно давший название отелю. Он принадлежал Виктору Барошкову, владельцу «Красного лося». Главный магазин и столовая тоже были в его собственности, хотя на деле всем заправляла Марси.

Тана открыла дверь. Зазвенел колокольчик, вышел лысеющий мужчина.

— Привет, Виктор.

— Констебль, — сказал он. — Я ждал, что ты придешь. Готов поспорить, по поводу Джейми и отработки.

Она положила шлем на стойку регистрации.

— Ты сможешь с ним договориться?

— Хм... ну не знаю, я...

— Виктор, ему очень плохо. Я пытаюсь разобраться, почему он напал на Калеба Петерса, но, судя по сводкам Йеллоунайфа и местного совета, нам предстоит разобраться с целой системой восстановительной юстиции, особенно когда дело касается молодежи. Если мы будем их наказывать, штрафовать, сажать в тюрьму, преступность только возрастет. Мне кажется... — он открыл было рот, желая возразить, но она жестом остановила его, — мне кажется, Джейми — неплохой человек. Ты позволишь ему возместить ущерб? Бесплатная рабочая сила — это ведь хорошо?

Он провел рукой по лысине.

— Нужно, чтобы пазл сложился, — сказала она. — Ты, Джейми, Кaleb, вождь, кто там еще был задействован — расскажете мне что-нибудь, отсюда и будем двигаться, ок?

— Да, конечно. Я попробую тебе помочь, но честно скажу...

— Дин Камински и Вероника Гарньер еще здесь? — спросила она. — Мне нужно с ними поговорить.

— Уже выписались, собирают вещи. Комнаты шестая и седьмая.

Поблагодарив Виктора, Тана через веранду направилась к комнатам. Нашла шестую, сняла перчатки, постучала в дверь. Залаяла собака, женщина шикнула на нее. Дверь со скрипом приоткрылась.

— Вы Вероника Гарньер? — спросила Тана.

Худенькая брюнетка с распухшими красными глазами кивнула в ответ. У нее было бледное лицо и мокрые волосы, будто она только что вышла из душа. Тана объяснила, кто она и зачем пришла сюда.

— Можно войти? — спросила она. Вероника шагнула в сторону, пропуская ее. Тана сняла ботинки, зашла в комнату. Лежавшая на кровати австралийская овчарка смерила ее усталым взглядом. Тане показалось, что стоит ей сделать одно неверное движение, и собака набросится на нее.

— Мы с Селеной жили в этой комнате с весны, — сказала Вероника. — В соседней — Дин, с которым мы вместе работаем над проектом, и Радж. — Она высморкалась в размокший носовой платок. — Не могу поверить... это была последняя неделя. Я... — Она осеклась. — Мы почти закончили. Вот-вот домой... я... Рождество, Новый год... она уже их не встретит. Я не могу поверить, что их больше нет.

Тана осмотрелась. Стандартная комната — две койки, стол под окном. Стены грязно-бежевого цвета. Старая люстра. Окно с видом на пустырь, сейчас покрытый тонким слоем снега.

— Я уже выписалась, — сообщила Вероника, потрепав по голове собаку. — Почти собралась. Скоро за мной прилетит самолет.

— Я вас не сильно задержу, — заверила Тана. — Мне нужно только, чтобы вы ответили на пару вопросов. Для отчета. Селена спала на этой кровати? — Тана указала в сторону аккуратно заправленной койки, на которой стоял раскрытый чемодан с бережно сложенной одеждой.

Вероника внезапно рухнула на свою кровать, будто ее резко ударили под колени. Согнулась, закрыла лицо руками.

— Я все еще пытаюсь осознать, — сказала она тихо. — Я не знала, что делать с вещами Селены, и я... я позвонила ее матери — мне сообщили номер. — Она посмотрела на собранный чемодан

Селены. — Она часто рассказывала о маме. Они были очень близки. Ее мама тоже биолог, преподает в Университете Альберты. Она попросила меня привезти ей вещи. Все. Я полечу в Эдмонтон. Родители Селены приедут туда на опознание. Там же сделают и вскрытие...

Тану передернуло. Никто не заслуживает такой судьбы — видеть разорванное, изглоданное, полусъеденное тело своего ребенка.

— Вам нужно будет встретиться с консультантом по преодолению стрессовых ситуаций, верно? — спросила Тана. — Я могу подсказать вам несколько хороших специалистов. Увидеть такое — тяжелая травма.

— Вы тоже это видели.

Тана кивнула.

Вероника впилась ногтями в ладони.

— Как вы, полицейские, к этому привыкаете?

— Никак, — ответила Тана.

— Просто стараетесь взять себя в руки и живете дальше, да?

Тана подумала о Джиме.

— Пытаемся. Но иногда все равно всплывает. — В горле пересохло. Ей так его не хватало. Боль саднила, будто в животе была сквозная рана.

— У вас есть фото Селены и Раджа?

— Да, в телефоне. — Вероника открыла сумочку, вынула мобильник. Пока она искала фото, открылась дверь, и вошел молодой мужчина, чуть ниже среднего роста, крепко сбитый. Пепельного цвета волосы, аккуратно подстриженная борода.

— Все хорошо? — Он посмотрел на телефон в руке Вероники, перевел взгляд на Тану.

— Констебль Ларссон, — представилась она, не глядя ему в глаза.

— Дин Камински.

— Мне так жаль...

Его лицо напряглось, он спрятал руки в карманы.

— Спасибо за поддержку.

— Вам не сложно будет ответить на пару вопросов?

— Конечно, — сказал Дин и сел на кровать рядом с Вероникой.

— Я имею в виду — чуть позже, когда закончу с Вероникой. Мне нужно поговорить с вами по отдельности.

— Почему так?

— Так вам будет легче, — мягко ответила Тана. — Ведь это вопросы о том, что именно произошло.

— Вы считаете, это... не несчастный случай?

— Все может быть. Основная задача до того, как за дело возьмется следователь, — снизить риски того, чтобы нечто подобное произошло в будущем.

— Я не хочу никому создавать проблем, — сказал Дин, — ничьей вины тут нет. Мы работали с очень хорошими людьми. Команды, руководители, пилоты. Это просто чудовищный инцидент.

— Эти волки были ручными, Дин, — выпалила Вероника с неожиданной злостью; ее глаза блеснули. — Ты об этом знаешь. Ты не должен просить прощения за других. Ребята в лагере прикармливали волков, которых мы видели у берега. В последние несколько недель Селена говорила нам: она чувствует, что за ней следят. А вы, конечно, только смеялись над ней, как всегда. Мы ничем ей не помогли. За ними с Раджем следили, за ними охотились — и нет, это было не смешно.

Дин смерил ее хмурым взглядом.

— Поэтому я и хочу поговорить с вами по отдельности, — тихо сказала Тана. — Будет очень ценным, что вы видите ситуацию с разных точек зрения.

— Я в соседней комнате, — отрезал Дин и направился к двери. — Стучите, когда придете. Мой пес не любит сюрпризов.

Уходя, он с силой хлопнул дверью.

— Он сильно переживает, — сказала Вероника. — У него к Селене были чувства. Целых два года. Но она не отвечала взаимностью.

Тана села на кровать Селены, напротив Вероники. Вынула блокнот, раскрыла.

— Почему бы вам не начать с рассказа о том, как вы в пятницу второго ноября покинули Твин-Риверс?

Вероника закрыла глаза, глубоко выдохнула и поведала ту же самую историю, что Тана уже слышала от Макалистер — в какое время их забрали, каким маршрутом они летели, как увидели волков на берегу озера, как Макалистер обратила внимание на приближение шторма, как спросила Аподаку и Санджита, готовы ли они здесь заночевать.

— Вы видели еще какие-то признаки жизни? Или только волков?

— Ну, еще карибу. И людей из лагеря... хотя подождите. Селене показалось, она видит на хребте, где волки, человека в мехах.

— Вот как?

— Но я... мы... все остальные его не увидели. Радж предположил, что это, возможно, медведь или тень от вертолета. Солнце стояло очень низко, лед на вершине скалы блестел так, что слепило глаза.

— Вы можете точно вспомнить слова Селены?

— Радж заметил, что поблизости нет никакого транспорта и человек вряд ли мог сюда добраться. Селена предположила, что его мог посадить вертолет и он, как мы, ожидал, пока его подберут.

— Значит, никто не заметил других средств передвижения?

— Нет.

— Самолетов, вертолетов? Может быть, чуть повыше хребта?

— Если честно, я могла и не заметить вертолет на другой стороне хребта. Я смотрела в окно напротив. Мне была видна только юго-западная сторона.

Тана сделала пометку на полях: *О'Халлоран. Спросить про АэроСтар.*

— Что случилось в воскресенье днем, после того как Хизер Макалистер забрала вас, Дина и собак?

— Хизер очень волновалась, потому что надвигался туман и уже почти стемнело. Мы пытались связаться с Селеной и Раджем по радио и спутниковой связи, но ответа не получили. Поблизости не было видно их палаток. Хизер сказала, что туман, возможно, чуть рассеется некоторое время спустя, и она найдет их, следуя маршруту, где они работали. А потом мы прорвались сквозь туман и... — Она осеклась, опустила глаза. Тана ждала. — Я... извините, я... — Она взяла еще один платочек, высморкалась.

— Ничего страшного. Не торопитесь.

Облизнув губы, Вероника продолжала:

— Сначала я не поняла, что именно вижу — это было... жуткое зрелище. Я подумала, волки рвали оленя. Но... это были они... их рюкзаки. И волки... ели... — Она вытерла нос. — Хизер страшно ругалась, пыталась их отогнать. Несколько волков отошли. — Она помолчала, пытаясь связать слова в рассказ. — Дин кричал, что Хизер должна посадить самолет. Уже достал винтовку. Вид у него был

бешеный. Он хотел убить волков. Но если бы Хизер посадила самолет, да, мы могли бы убить волков, но уже ничем не помогли бы Селене и Раджу, а туман вновь сгущался... так быстро... если бы мы приземлились, потом не смогли бы вылететь, и позвать на помощь — тоже... — Слезы потоками бежали по ее щекам. — То, как они их рвали... в этом чувствовалась такая злоба...

В памяти Таны всплыло воспоминание — долгий крик об убийстве среди абсолютной тишины. Она снова видела долину на рассвете, чувствовала сладкий, удушливый, железистый запах смерти.

— Вы сказали Дину, что Селена чувствовала, как за ней следят.

— Так и было. Знаю, звучит глупо, и, наверное, она просто слишком много времени провела на Севере, так что ее рассудок чуть помутился — во всяком случае, так я сначала подумала.

— Продолжайте.

— Она говорила, что чувствует, как за ней идут по пятам. Наблюдают. Будто кто-то ее выслеживает.

— *Кто-то?*

Вероника кивнула.

— Около недели тому назад я проснулась среди ночи. Было полнолуние. Селена вылезла из кровати и стояла у окна в ночной рубашке, дрожа от холода. Я спросила, что с ней, и она ответила: за ней кто-то следит. Смотрит в наше окно, как мы спим. Сказала, что ее разбудил стук по стеклу.

Тана посмотрела на окно, перевела глаза на карниз. Штор не было, жалюзи тоже.

— Я знаю. Мы не раз говорили Виктору, он обещал повесить, но так и не повесил. А других свободных номеров не было. Я велела Селене лечь обратно в постель, и вот тогда она сообщила мне, что чувствует, как за ней следят — в городе, на природе.

— А вы что-нибудь увидели? За окном?

— Нет. Мне кажется, это было какое-то ночное животное. Койот. Лиса. Медведь. Они часто бродят позади столовой, где мусорная свалка.

— Значит, вы не поверили, что ее преследуют?

Вероника помолчала.

— Нет. Я... не знаю, как объяснить, но на нее иногда находило. Она была мечтательной. Идеалисткой. Немного странной.

— Она была с кем-то в романтических отношениях?

— Да, с местным юношей, Джейми Удавом. Он делает украшения, живет с отцом в доме над рекой. Отец мастерит чучела животных для лагеря Члико.

— Селена и Джейми долго встречались?

— С начала весны. Часто засиживались допоздна в «Красном лесе» или у костра возле реки за философскими разговорами. Он любил рассказывать ей истории Марси Деллы о старейшинах. На митинге она протестовала вместе с ним.

— Вы сказали, что Дин тоже питал к Селене чувства.

— Да, но безнадежно.

— Дин или Джейми когда-нибудь проявляли ревность?

Ее глаза вспыхнули.

— Господи, нет. Никто из них не стал бы за ней следить, если вы это хотите выяснить.

Тана закрыла блокнот, поднялась на ноги.

— Спасибо, Вероника. Я...

— Подождите, я хочу еще показать вам кое-что... жуткое. — Она встала и вынула из-под стопки одежды Селены исписанный клочок бумаги. — Я нашла это, когда собирала ее вещи.

Тана прочла нацарапанный от руки текст:

И убитый в ночи олень пробуждает вой в замороженном сердце пустом.

И является голод, жестокий, с окровавленным ртом.

На бесплодной земле души чудовища требуют жертв...

Тана подняла глаза.

— У вас есть предположения, что это могло бы значить?

— Понятия не имею. И где Селена это взяла, тоже.

В верхней части клочка была небольшая дыра, как от иглы, словно он был приколот к чему-то.

...в замороженном сердце пустом...

Холод прошел по коже Таны. В ушах застучали далекие барабаны, истории, которые рассказывали у костра в лагере, где жила ее бабушка. Истории, которые поведал ей отец, старые сказания, услышанные им от старейшин.

— Можно оставить это у себя? — спросила Тана.

— Думаю, да.

— И покажите, пожалуйста, фото Раджа и Селены, — попросила она осторожно.

Вероника взяла телефон. На экране высветилось изображение хорошенькой веснушчатой девушки. Длинные, волнистые, светло-рыжие волосы. Глаза — зеленые, яркие. Рядом стоял худой темнокожий молодой человек. Высокий. Блестящие черные волосы. Блестящие черные глаза.

— Вот Радж и Селена, — сказала Вероника.

Эти два человека не имели ничего общего с грудой кровавого мяса, лежавшего на берегу Ледяного озера, не считая цвета волос и кожи.

— Мне хотелось бы иметь у себя это фото.

— Я вам перешлю. Какой адрес?

ГЛАВА 18

— Некого винить, — сказал Дин Камински, почесав лабрадора за ухом. От ласки собака расслабилась. — Эти волки... — Он пожал плечами. — Несчастный случай. Природу не обманешь. Мы, люди, забыли, что вторгаемся в их личное пространство. Я слышал, как ребята вчера вечером в «Красном лосе» говорили, что они от злости. Ничего подобного. Мы не имеем права делать такие выводы.

Тана оторвалась от блокнота.

— Вы вчера были в «Красном лосе»?

— После драки. Но недолго, потом пришел Виктор и всех нас разогнал.

— Вероника тоже была с вами?

— Нет, я один. Мне нужно было выпить. Нужно было...

— Облегчить боль, да?

Его лицо напряглось.

— Вы хотели их застрелить, этих волков.

Жар бросился ему в лицо. Он заметно заерзал на кровати. Потом, словно преподаватель философии, уже объяснивший студентам некую идею и желающий теперь изобразить ее графически, поднялся на ноги, сунул руки в карманы, расправил плечи.

— У вас все с вопросами?

Тана тоже поднялась, чтобы у него не было перед ней преимущества. Дин Камински был, пожалуй, на пару дюймов пониже ее, но недостаток роста восполняла мышечная масса и ширина плеч. Руки у него были длинные, сильные. Лоб выступал, бесцветные, глубоко посаженные глаза были надежно защищены резко очерченными скулами. Низкий центр тяжести. Рожден, чтобы выносить и наносить любые удары.

— Еще два, — сказала она. Дин не выпускал рук из карманов, не сводил с нее глаз.

— Смесь, которой Радж и Селена приманивали медведей, — из чего она была сделана и где они ее брали?

— Сами готовили. На ферме Кроу Удава, папаши того парня, с которым Селена мучила. Кроу добавлял туда кишки и всякую хрень — он же таксидермист, у него этого добра много. Ребята из лагеря

приносили ему убитых животных, чтобы он делал чучела. А внутренности он хранил у себя на ферме в банках, специально для Селены и Раджа.

— Значит, они добавляли туда кишки и кровь животных?

— Протухшую кровь. Еще рыбу. И немного ванили.

— А не проще было покупать готовую смесь?

— Дороже. К тому же там много химии. А здесь все под рукой. Тут часто делают приманку для медведей из подручных материалов.

— Она хранилась в надежном месте?

— В плотно закрытых бочках. В сарае из рифленой оцинкованной стали. Они изо всех сил старались, чтобы животные туда не пробрались.

Тана закрыла блокнот, обвела глазами комнату Дина — разбросанную по кроватям одежду, винтовку, прислоненную к стене, коробки с патронами, охотничий лук. В ногах кровати валялся роман в бумажной обложке.

— Как вы относились к тому, что Селена «мутила» с Джейми Удавом?

Его глаза резко расширились. На скулах выступили красные пятна.

— Половая жизнь Селены меня не касается.

— Тем не менее вы это отметили.

Молчание.

Тана тоже молчала, думая: не стоило об этом говорить, учитывая, что произошел несчастный случай, но все же она не могла не проверить свои домыслы.

— Что вы почувствовали, когда Селена сказала вам о таинственном преследователе?

Он отвел глаза, потом сказал:

— У нее просто было богатое воображение. Она любила придумывать драмы. Жаждала внимания.

Тана кивнула, пригляделась к обложке романа, лежавшего на кровати. Судя по всему, ужастик — кровь на снегу, отпечатки следов, ведущие в темные леса. Книга называлась «Голод».

— Будете читать в дороге? — Она жестом показала в сторону книги.

— Я еще никуда не собираюсь.

— Я думала, вы выписались из гостиницы.

В его взгляде и позе чувствовался вызов.

— Я не хочу, чтобы все это взяло надо мной верх. Торопиться мне некуда. Учеба начнется только через две недели.

— А как же родители Селены и Раджа? Вероника сказала, вы встретитесь с ними в Эдмонтоне.

— Вероника — да. Она близко общалась с Селеной и Раджем. Я собираю вещи Раджа, чтобы она их отвезла. Пока поживу у друга возле водопада Росомахи, буду ходить на охоту. А когда закончу аспирантуру, вернусь сюда.

— В смысле, насовсем?

— Мне нравится Север. Я хочу здесь жить, да.

Тана задумалась, что он за человек. Явно с проблемами. Пытается оборониться.

— Значит, если вы мне понадобится, я смогу найти вас возле водопада Росомахи. У кого вы остановитесь?

— Это вас не касается.

— Тот факт, что вы пытаетесь скрыть от меня эту информацию, подтверждает, что она меня касается.

— У Харви по прозвищу Черный Пес.

Тана записала имя, поблагодарила Дина, пошла к выходу. Дойдя до внедорожника, свистнула собакам, и они помчались к ней сквозь низкие заросли кустарника, замороженные до матовости. Осторожно надела шлем, стараясь не задеть швы и синяк на скуле. Завела мотор и поехала по тропинке вдоль реки к дому О'Халлорана. Ей нужно было официальное подтверждение того, что красный «АэроСтар» в самом деле находился в пятницу вечером неподалеку от места происшествия.

Было как раз такое время, когда снег лежал слишком плотным слоем, чтобы можно было проехать на снегоходе, но на внедорожнике еще получалось. В то утро она выбрала четырехколесный, чтобы собакам было удобно бежать за ним. У воды прибавила скорость. Утреннее солнце играло на кристаллах льда, красило воду жемчужно-розовым и оранжевым. Собаки мчались по пятам, вывалив языки, теплое дыхание клубилось в воздухе.

Это истинные жемчужины Севера, думала Тана, глядя, как кристаллы льда сверкают крошечными хрусталиками. Бриллианты

погоды. Бесценные, редчайшие, как ускользающие лучи солнца. Все ими владеют, и не владеет никто...

Она подлила бензина. Скользя и подпрыгивая, повела машину выше вдоль бурлящей реки, и радость наполнила ее сердце.

Вот почему мы приехали сюда, малыш, — нам здесь будет здорово. Открытое небо, природные бриллианты, простор, где собаки смогут свободно бегать... все это точно сработает!

Желто-бордовый самолет О'Халлорана был припаркован у ангара. Тана подъехала к его дому, стоявшему прямо у взлетной полосы, постучала в дверь. Штора в окне отодвинулась, потом дверь открылась. Сердце Таны упало.

Минди. Явно невыспавшаяся. Распухшие губы, затуманенный взгляд. Мужская фланелевая пижамная куртка, под которой, насколько Тана могла разглядеть, ничего не было. От нее разило алкоголем. Господи. В мозгу Таны одно за другим всплыли воспоминания. Вина. Стыд. Раскаяние. Ярость. Все это окутало ее густой черной тучей, из которой было не вырваться. Даже здесь. Сколько прогулок с собаками вдоль реки ей понадобится, чтобы почувствовать себя свободной?

Девочка смотрела на Тану с молчаливой неприязнью.

— О'Халлоран дома?

— Нет.

Она ощутила прилив раздражения.

— Не знаешь, где его найти?

— А тебе зачем?

— Нужно задать ему пару вопросов.

— Обо мне?

— Нет.

Во взгляде Минди читалось едва ли не разочарование, затем он снова посуровел.

— Он поехал к своей шлюхе, которую постоянно трахает, — Хизер Макалистер с Фермы Уродов. Но щас они стопудово трахаются как кролики.

Сердце Таны заколотилось. Она не поняла, почему.

— Что за Ферма Уродов такая? — спросила она.

Минди закатила глаза, всем своим видом говоря «тупая телка».

— Где живет таксидермист. Все ее так называют.

— Кроу Удав?

Минди пожала плечами, стала закрывать дверь.

— Подожди, — Тана придержала дверь. — Минди, если ты захочешь поговорить...

— С тобой стопудово не захочу.

— Послушай, я была такой же, как ты. Я знаю...

— Да ни хрена ты не знаешь! — крикнула она.

Тана моргнула.

— Я скажу тебе только то, что знаю, Минди. Тебе четырнадцать...

— В следующем месяце пятнадцать.

— И ты живешь с человеком, который годится тебе в отцы. Если он с тобой спит...

— Я же сказала: ни хрена ты, мать твою, не знаешь, тупая сука, — и она захлопнула дверь прямо перед носом Таны.

Тана застыла на месте, сжимая кулаки. Сердце бешено стучало. Кровь бурлила от злости, бросалась в голову. Злость была гораздо сильнее, чем злость на то, что происходило сейчас. Она ненавидела свой выбор. Свои ошибки. Людей, которые не спасли ее, когда могли. Ей хотелось выбить дверь, вытащить отсюда Минди Кой, увезти в безопасное место, вовлечь в программу социальной адаптации. Заставить ее забыть о прошлом. Ей хотелось своими руками убить человека, который так относится к женщинам и детям. Она ненавидела О'Халлорана сильнее, чем могла выразить. Громко стуча подошвами, она дошла до внедорожника, где ждали собаки.

Сукин сын. Мерзкий, больной сукин сын. Есть в этом городе кто-то, кого ты не трахнул? Старое мясо уже не катит, так ты решил совращать малолеток, подсаживая на бухло и хрен знает какую наркоту, которой ты пичкаешь жителей этого богом забытого города, ты чуть не убил девятилетнего мальчика, сукин сын...

Оседлав внедорожник, она рванула дальше, слишком быстро, по лесной тропе, которая должна была привести ее к дому Кроу Удава. Колеса скользили по опасному льду, в крови бурлил адреналин. Собаки старались угнаться за ней, но отставали все больше и больше.

Спустя несколько яростных миль Тана, тяжело дыша, остановилась у входа в дом Удава. Выключила мотор, огляделась в ожидании собак.

Грубо обтесанные столбы образовывали арку над длинной, изрезанной колеями, покрытой снегом въездной дорогой, ведущей к приземистой бревенчатой хижине под рифленой крышей. С арки свисала тяжелая шкура бизона. По краям позвякивали колокольчики, украшенные, судя по всему, отбеленными подъязычными костями; ледяной ветер медленно раскачивал их. Вдоль хижины располагалась крытая веранда, набитая всевозможным хламом. У ступенек, ведущих к крыльцу, металась и лаяла привязанная тощая собака, похожая на хаски. Из трубы клубился дым. Никакого транспорта поблизости не было. С правой стороны, на клочке земли, ведущем вниз к реке, сжались несколько сараев и построек разной степени разрушенности, пара заброшенных повозок и старый грузовик.

Тана постаралась взять себя в руки. Ее бурный темперамент был большой проблемой — это ей сказали, еще когда она проходила стажировку в Саскачеване, только готовясь стать полицейским. Ей рекомендовали над ним работать. Она заставила себя глубоко вдохнуть несколько раз и сосредоточиться на том, зачем она сюда приехала: чтобы найти О'Халлорана и расспросить его о красном вертолете. И, если уж она здесь, посмотреть, где и как Аподака и Санджит мешали свою приманку. Судя по всему, она играла ключевую роль в привлечении хищников, а значит, могла стать причиной нападения. Если Джейми на месте, она сообщит ему, что поговорила с Виктором и что им нужно провести собрание, чтобы обсудить его поведение в «Красном лосе». А что касается Минди Кой... она еще вернется к этому вопросу.

Запыхавшиеся, довольные собаки подбежали к ней. Она слезла с внедорожника, достала из багажника поводки. Прикрепила к ошейникам Макса и Тойона.

— Вы, ребята, подождете здесь, — сказала она, привязывая поводки к внедорожнику. — Не хочу, чтобы вы за мной ходили, потому что там сидит злобный волкохаски. Это его дом, засранца несчастного. Мы же не хотим лезть в его жилище, верно?

Усмирив собак, Тана медленно пошла по так называемой подъездной дороге. Хаски рычала, ворчала, урчала, натягивая веревку. Когда Тана подошла к дому, собака внезапно смолкла и полезла под дом. Тана встревожилась не на шутку, на шее выступили капли пота. Она замедлила шаг, правая рука инстинктивно схватилась за пистолет.

За ней наблюдали. Она чувствовала это. Медленно осмотрелась. От реки прозрачными столбами поднимался туман, окутывая старый сарай с правой стороны, глядя и лаская брошенные за ненадобностью, заржавевшие повозки.

Изогнутое кресло-качалка, сплетенное из ивовых прутьев, стояло у входной двери, за ветровым стеклом. Вороны сидели на раскинутых руках тотема, торчавшего слева от хижины. Если здесь жил великий таксидермист, она готова была поклясться, что хозяин лагеря Члико никогда не приводил сюда своих гостей. Тана придвинулась поближе, заметила в снегу у веранды инукшук в маленьком саду. Пульс участился. Она сказала себе: это ничего не значит. Просто садовые гномы, северный стиль. Она слишком нервничает. Колокольчики внезапно зазвенели, и воздух прорезал выстрел. Птицы взмыли в небо с крыши сарая, небо наполнилось кружащими черными гарпиями.

Тана застыла на месте. Сердце колотилось.

Из темноты крыльца показалась фигура. Прогредел еще один выстрел.

Свинцовая пыль с шумом пролетела у самого лица. Тана резко втянула воздух. Сердце колотилось как бешеное. В животе толкнулся ребенок — она почувствовала своего ребенка. Судорожно сглотнула, глаза горели.

...ты, может быть, выдержишь удар и даже пулю, но думать теперь нужно не только о себе...

Медленно подняла руки вверх.

— Это просто я! — закричала она. — Я не сделаю ничего плохого.

Крыльцо скрипнуло. Она увидела человека, длинные черные волосы которого заметно тронула седина. Он перезарядил ружье, вскинул на плечо, прицелился прямо ей в сердце.

— Грешникам здесь не рады, констебль. Убирайся подброду, проваливай с моей земли.

Тана покраснела.

— Одну минутку...

Он выстрелил.

ГЛАВА 19

Просунув голову, Хизер прошептала:

— Стеляют.

Бабах замер, сжав в руке гаечный ключ.

Еще выстрел. Карканье ворон, лай собак. Бабах собрал инструменты, выпрыгнул из маленького вертолета, потянулся за винтовкой, стоявшей у стены маленькой полуразвалившейся постройки, которую снимала Хизер. Она уже стояла у входа.

— Вот дерьмо, — сказала она, выглянув в дверной проем. — Там старый Кроу с этой девчонкой, копом. Он хочет ее убить.

Сердце Бабаха подпрыгнуло, он ощутил внезапный всплеск адреналина и сразу же вслед за этим — отвращение. Он терпеть не мог этой слабости, этого нелепого желания защитить, иллюзии, будто ему не все равно. Идя вслед за Хизер, он уже не чувствовал ничего, кроме раздражения.

Тана стояла посреди заснеженного поля перед домом Кроу. Старый индеец, стоя на крыльце, целился в нее. Она опустила руки, вытянула по швам, показывая, что в них ничего нет.

Какого хрена... что она здесь забыла?

— Опустите ружье, мистер Удав. Я просто хочу с вами поговорить. — Она подошла ближе, голос был ясным, но хриплым.

— Джейми не имеет ничего общего с тем, что случилось с биологами! — Крик Кроу прорезал холодный воздух. — Белым полицейским тут делать нечего. Я не подчиняюсь вашим законам. Плевать я хотел на ваши значки и униформу!

— Сэр, пожалуйста...

— Еще один шаг, и я прострелю дыру в твоём брюхе, а потом скормлю падальщикам.

Две хищные птицы кружили в небе, словно чуя близкое убийство, а может быть, привлеченные уже лежащим поблизости трупом.

Тана решительно шагнула в сторону дома.

Твою мать.

Бабах вышел из сарая, сжимая в руке заряженную винтовку.

— Ну что за дичь ты творишь, Кроу! Дай леди шанс.

— У копов уже был шанс, три года назад. И посмотри, что получилось. Что они сделали со мной, с моей семьей. Никогда в жизни я не допущу, чтобы это дерьмо повторилось.

— Господи, да она наполовину догриб, если это для тебя так важно. — Бабах приблизился, встал между Таной и старым охотником-таксидермистом. — В ее жилах северная кровь. Как и в твоих.

В голове Кроу было достаточно шариков, чтобы понять: либо он убьет копа, либо Бабах, который стоит прямо на линии огня, примет его на себя — чего ради? Но глубоко в душе он понимал, в чем тут дело. Понимал, почему Бабах встал между полоумным индейцем и полицейским, сам того не желая, возможно, даже не осознавая. Если он позволит Кроу убить женщину, в животе которой ребенок, невинное маленькое существо, которому только предстоит вытерпеть все, что приготовила жизнь, — он сам не сможет жить. Не сможет родиться второй раз.

— Она арестовала Джейми! — крикнул Кроу. — Она здесь из-за Джейми, волков и этих биологов. — Он сплюнул в снег.

— Я здесь не ради Джейми, — подала голос Тана. — Я пришла к нему, Бабаху О'Халлорану. Минди сказала мне, что он здесь. Еще я хочу посмотреть, где биологи готовили приманку. Другая команда сказала мне: они делали ее здесь. Я не буду никого обвинять. Мне просто нужна информация для отчета. Это не криминальное расследование, ясно?

Господи, она приблизилась еще на шаг. Кто она такая, смертница?

— Тана, — прорычал Бабах, — катись отсюда.

Она не отреагировала. Он придвинулся ближе, схватил ее за руку.

— Заткнись со своей приманкой, — прошипел он. — Я обо всем договорюсь.

— Убери от меня руки.

— Он убьет тебя и оставит тут кормить ворон.

Не отрываясь она продолжала смотреть на Удава и его ружье. Он чувствовал, как напряжены ее мускулы под курткой, как гудит все ее тело. Ее энергия передалась ему, словно электроток. Она настраивала его на свою частотность, и он старался, он очень старался сохранить свое буддийское спокойствие, свой пофигизм — и проиграл.

— Ты все понял, Кроу? — крикнул Бабах. — Она пришла ко мне. Убирай свое ружье. Я уведу ее отсюда, идет? Уведу в сарай. Она

спросит у меня, что ей нужно, потом я ей покажу, где Селена и Радж делали приманку, и она уйдет. Я ручаюсь за нее, ты понял?

Собаки сходили с ума, лаяли, рычали, рвались с поводков, привязанных к внедорожнику, припаркованному у входа на ферму. Пес Кроу смотрел на них из-под дома, где выкопал себе яму и спал в ней зимой и летом.

Удав опустил оружие. Снова плюнул через крыльцо.

— Пойдем со мной, — тихо сказал Бабах, наклонившись к ее уху. — Иди рядом, рот держи на замке.

Она смерила его суровым взглядом. Щеки порозовели, темные глаза сверкали. Он чувствовал запах ее мыла, шампуня, и что-то еще более опасное вливалось в бурлящий адреналин.

— Придется мне довериться, Тана, — сказал он тихо. Услышав свое имя, она чуть сузила глаза. — Я и сам этого не особенно хочу. Пошли в сарай, там поговорим.

— Я бы не доверилась тебе, даже если от этого зависела бы моя жизнь.

— От этого она и зависит.

Она чуть приподняла бровь, посмотрела с любопытством.

— Что произошло между ним и полицией?

— Иди молча.

ГЛАВА 20

Скрепя сердце Тана брела в ногу с О'Халлораном, который вел ее в старый сарай. Собаки все так же выли и рвались с поводков. Ее пульс участился, во рту пересохло. Ее трясло. Снег у двери сарая был утоптан. Она заметила припаркованный у стены грузовик О'Халлорана, неподалеку от внедорожника.

— Кроу раньше был руководителем и наставником в пришкольном лагере Твин-Риверса, — сказал он, когда они приблизились к старой постройке. — Преподавал курс охоты и разделки мелкой дичи, пока однажды не пропала пятнадцатилетняя девушка...

Тана замерла на месте.

— Дакота Смитерс?

В ее глазах что-то вспыхнуло.

— Мы идем в сарай, — напомнил он. — Кроу все еще в тебя целится.

Сжав челюсти, она неохотно позволила ему увести себя в безопасное место. Он был так близко. Она чувствовала тепло его дыхания. В рассеянном свете его глаза казались бледно-зелеными.

— Разразилась сильная снежная буря, — продолжал он. — Два дня спустя Дакоту нашли мертвой, объединенной животными. Копом тогда был Эллиот Новак, дочь которого погибла за год до того. Он считал, что виноваты не волки, и начать решил с Кроу. Задеть его лично.

— Что значит — лично?

Они дошли до сарая. Хизер Макалистер, прислонившись к двери, изучала их. На ней была бледно-голубая длинная куртка, джинсы. Она скрестила ноги. Вид — спокойный, уверенный в себе. Тане вспомнились слова Минди о том, что Хизер и О'Халлоран — любовники.

— Мать Дакоты, Дженни, сказала Эллиоту, что Кроу как-то «странно» смотрел на ее дочь, что ей казалось: Дакоту преследуют. В общем, выдала Эллиоту всю амуницию, чтобы тот сразил Кроу наповал, провозгласив педофилом.

Сердце Таны забилось чаще.

— Другие дети поддержали эту легенду и сообщили, что Кроу «странно» смотрел и на них. Короче говоря, ничего не подтвердилось, на теле Дакоты не обнаружили следов насилия, но Кроу все равно лишился работы и репутации. А Эллиота скоро заменили. К тому моменту уже было очевидно, что долго он не продержится. Потом его бросила жена, и он ушел в леса.

Они вошли в сарай.

Там стоял красный вертолетик, совсем крошечный, кабина — чуть выше человека среднего роста, с большим трудом способная вместить двоих. Винты оказались прямо над головами Таны и Бабаха. Не отрываясь, Тана смотрела на вертолет, в голове снова и снова звучали слова Макалистер:

Я видела тебя в пятницу, Бабах. Твой самолет приземлился на другой стороне утеса, где работали бедные ребята...

Лестница в дальнем углу сарая вела на чердак. С крючков на стене свисали летные костюмы и замасленные комбинезоны, богатый ассортимент сельскохозяйственных орудий и несколько больших гермомешков, какие используют для переправ по реке.

— Эй, — сказала Макалистер, не тронувшись с места; в голубых глазах зажглось любопытство, — смотрю, у тебя фонарь. — Она повернула голову в сторону заштопанной, сияющей кровоподтеками щеки Таны. Тана вежливо кивнула ей, но все ее внимание было сосредоточено на О'Халлоране и его рассказе о Кроу Удаве. Макалистер оторвалась от дверной стойки и проследовала за ними в сарай.

— Продолжай, — велела Тана. — Почему мать Дакоты поддержала эту версию?

О'Халлоран глубоко вдохнул, выпустив изо рта облако белого пара.

— Смерть дочери ее сломала. Она тоже не хотела верить, что это был несчастный случай. Это наложилось на одержимость Эллиота. Они накрутили друг друга. Ну а отчего пришла амба — это может быть истолковано двояко.

— Амба, — задумчиво повторила Тана, не сводя с него глаз. — Истолковано двояко.

— Смерть — отчего наступила смерть, — поспешно поправил он сам себя. — Непонятно, кто ее убил. Ясно только, что медведи, волки и

другие хищники как следует постарались, но уже потом.

— Я знаю, что такое амба, — отрезала она, по-прежнему глядя ему прямо в глаза. Он сглотнул. Татуировка у него на шее чуть дернулась. — Ты смотришь слишком много криминальных программ, или я упустила момент, когда в одном предложении начали использовать слова «амба» и «двойко»?

— Что вы хотите выяснить, констебль? Что вами движет? Почему *вам* это настолько интересно?

Макалистер с нескрываемым интересом наблюдала за ними, делая вид, будто рассматривает какие-то инструменты. Тана ощутила прилив раздражения.

— Хизер, — сказала она тихо, — не могли бы вы ненадолго оставить нас наедине?

Макалистер приподняла бровь, взглянула на О'Халлорана.

— Возможно, вам стоит купить билет и встать в очередь, констебль. Бабах как раз показывал мне...

— Я понял, Хизер. Я сейчас к тебе вернусь, — О'Халлоран повернулся к выходу. — Может, прогуляемся за сараем, констебль? — Его тон стал еще холоднее. — Я покажу тебе, где эко-детки готовили свою смесь, а потом ты наконец вернешься в свой теплый и безопасный кабинет.

Ее лицо напряглось. Между ними пробежало что-то. Не мигая, она смотрела ему прямо в глаза.

— Хорошо, — ответила она так же холодно. — Проведи меня.

Они вышли, и О'Халлоран повел ее мимо стойла, где две тощие лошади жевали сено под навесом. Запах стоял отвратительный, но вскоре Тана поняла — он шел из свинарника, стоявшего чуть поодаль. Снег скрипел под ботинками. Высоко в небе парили орлы.

Он подвел ее к полянке у реки.

— Вот здесь, над рекой, живет Джейми, — он указал на маленькую бревенчатую хижину, уютившуюся под соснами. — А тут, внизу, — он повернул голову в направлении напротив, — сарай, где они варили свое зелье.

Тана побрела к сараю. Он шел за ней, сжимая в руке винтовку. Сарай в самом деле был обшит оцинкованной сталью и заперт на замок. Она сделала несколько фото на телефон. Из стены торчал

крючок, с которого свисала, по-видимому, заляпанная пятнами рыбацкая сеть. Рядом стояли металлическая бочка и чаша для костра.

— Мешали в этой бочке, разливали по ящикам и хранили в сарае, — сказал О'Халлоран. — При такой температуре смесь лежала все равно что в холодильнике. Внутри сарая стоит морозильник, он работает от генератора. Там ящики хранились летом. Кишки и все остальное брали только свежие, напрямую у Кроу. У него очень много заказов от гостей лагеря, так что этого добра навалом. Совсем не так нелепо, как кажется.

Тана дотронулась до замка.

— А где ключ?

— Я бы не рискнул сейчас просить у Кроу ключи.

Она выдохнула, стараясь не показывать своего разочарования. Если будет нужно, она всегда может вернуться. Сделала еще несколько фото — замка, бочки, чаши для костра. Даже в холодную погоду воняло здесь мерзко.

— Селена Аподака встречалась здесь с Джейми?

— Наверное. Какая разница?

Она не ответила. Медленно прошла обратно, взяла вещи.

— А чего ты хотела-то? — крикнул он ей вслед. — Ты сказала Кроу, что искала меня.

Она подошла к нему.

— Красный «АэроСтар», что стоит в сарае, — твой?

— Ну да.

— Это он приземлился на северной стороне утеса на берегу Ледяного озера в пятницу второго ноября?

Он помрачнел.

— Кого ты слушаешь? Хизер?

— Это был ты или не ты?

— Не я.

— У кого здесь еще такой же «АэроСтар», как тот, который стоит в сарае?

— Не знаю никого, кроме Хизер. Может быть чей угодно. Вертолету под силу большое расстояние, констебль. Люди здесь пользуются вертолетами и самолетами так же часто, как горожане — машинами. Это единственный способ куда-то попасть.

Его снисходительный тон действовал на нервы.

— В таком случае где ты был днем в пятницу второго ноября?

— Какое отношение это имеет к делу? Здесь не криминальное расследование.

— Провести?

Его глаза сжались в сердитые щелки, пульсирующее напряжение стало ощутимым.

— Привозил кое-что.

— Кому?

Мышца на его подбородке дернулась.

— Алану Штурманн-Тейлору из лагеря Члико. Я регулярно выполняю его поручения. Два раза в неделю, если позволяет погода.

— Откуда ты это привозишь?

— В зависимости от того, что именно ему надо.

— Всю пятницу ты был занят?

— Весь день пятницы.

— Штурманн-Тейлор может за тебя поручиться?

— Спроси у него. Посмотри в бортжурнале. Все к вашим услугам, констебль. Больше нет вопросов?

Она отвернулась, в голове завертелись мысли. Внезапно налетел ветер, белые кристаллы закружились в танце, как дервиши. Понеслись к границе леса. И Тана просто не смогла удержать слова, слетевшие с губ.

— Я видела Минди, — сказала она. — У тебя дома. Пропахшую алкоголем. Одетую, по всей видимости, в твою пижамную куртку. — Она буравила его взглядом. — Я хочу, чтобы ты знал, О'Халлоран: если я узнаю, что ты издеваешься над этой девочкой, я с тобой разберусь. Ты отправишься куда следует, сколько бы времени у меня это ни заняло.

Он расправил плечи, встретился с ней взглядом. Щелки глаз стали еще уже, челюсть напряглась.

— Я не ношу пижам. Я сплю голый. — Он помолчал, выдерживая паузу. — Не сомневаюсь, что в один прекрасный день ты явишься это проверить, и сначала я был бы, может, даже не против, но теперь ты меня окончательно достала. Давай по порядку. Во-первых, насчет алкоголя. Я не продаю его детям, ясно? Это не значит, что его не может продавать кто-то другой. Если есть спрос, есть предложение. Существует закон, и он не позволяет продавать алкоголь

несовершеннолетним. Вот и разбирайся с тем — или с той, кто его нарушил и чуть не убил Тимми. Я тебе даже помогу. Но прекрати обвинять ни в чем не повинных людей. — Он по-прежнему пристально смотрел ей в глаза. — Потому что тебе понадобится помощь.

Все горло Таны горело. Руки в перчатках сжались в кулаки.

— А во-вторых, я не сплю с малолетними. Это понятно?

Она сморгнула. От злости пылали щеки. Ветер усилился. Было холодно. Глаза начали слезиться.

— Так вот. Есть еще вопросы, которые нужно прояснить, прежде чем я выпровожу тебя отсюда?

Слов не было.

— Отлично, тогда пойдем.

Он пошел вперед. Она осталась стоять на месте. Раздраженный, он повернулся к ней.

— Я не шучу. Кроу убьет тебя.

— Зачем тогда все? — спросила она. — Зачем разыгрывать из себя спасателя? Пусть стреляет в меня, тебе-то что.

— Это вопрос с подвохом?

Она смирила его взглядом, желая понять, оценить. Он шагнул назад, к ней.

— Дай угадаю, — сказал он, подойдя слишком близко, заглядывая ей в лицо. Его голос был тихим, нежным. Она нервно сглотнула, и, судя по блеску его глаз, эта нервозность ему понравилась. — Ты знаешь много таких девочек, как Минди, и знаешь их очень, очень хорошо, верно, Тана? Сдается мне, ты и сама была такой девочкой. Точь-в-точь как Минди. Мужчины не слишком хорошо с тобой обращались, и вот теперь пришло время расплаты. Может быть, ты искала спасения на дне бутылки, когда была совсем-совсем юной. Вот почему у тебя так зудит. Вот почему ты ко мне прицепилась.

Щеки Таны вспыхнули, сердце забилось в бешеном галопе.

— Я прав, констебль?

— Пошел ты в задницу, О'Халлоран! — Ее трясло от ярости. — Я поговорю с Минди, с ее родителями...

— Ну, желаю удачи. Отец ее бьет, а мать делает вид, будто ничего не происходит. Поэтому девочка и живет у меня. И прежде чем ты решишь притащить сюда социального работника, напомню еще кое-

что: никто не станет принимать всерьез слова стороннего наблюдателя. Ни Минди, ни ее родители. Никто в этом обществе. Нет других жалоб — никто не виноват.

Она посмотрела на него.

— Будь осторожна, — сказал он. — Очень осторожна. Тебе может показаться, что ты знаешь правила игры, но здесь живут по другим правилам.

В небе закричала пустельга.

— И вместо того чтобы винить меня в растлении детей, тебе лучше подумать о том ребенке, которого ты ждешь.

Тану словно ударили электротоком. Глаза вспыхнули.

— Ты слышал, — прошептала она. — Вчера вечером, когда принес суп, ты слышал наш разговор с Адди...

— Да. Может быть, именно поэтому я и разыгрываю из себя спасателя, как ты выразилась. — Он взял ее за руку. — Я вовсе не против, чтобы Кроу тебя пристрелил, но ты ведешь себя по-свински по отношению к ребенку, и я не собираюсь стоять и смотреть, как он погибнет.

Он развернул ее спиной к сараю. Она вырвалась из его рук.

— Катись в задницу. Я и без тебя дойду.

— Тана, Кроу может...

— Просто убери от меня свои лапы, ясно?

Она рванула вперед, чувствуя, как от злости трясет все ее тело. Слова этого человека словно сорвали с нее все покровы. Он видел всю ее подноготную, видел, что у нее внутри. Тану тошнило. Она ненавидела его больше всего на свете — только за то, что он прав, за то, что она злится на его слова. И глубоко в душе она понимала, что источник ее ярости — ненависть не к нему, а к себе.

Хизер смотрела, как Бабах, проводив Тану Ларссон, возвращается в сарай. Напряжение — мрачное, электрическое — нисходило волнами. Она никогда не видела его таким — ни расслабленной улыбки, ни озорных искр в глазах.

— Чего она от тебя хотела? — спросила Хизер, тряпкой стирая с пальцев масло.

— Проверить на практике твои слова — выяснить, мой ли ты видела «АэроСтар».

Она наклонила голову.

— Господи, Макалистер, я же сказал тебе, что это был не я.

— Да ну? Впрочем, я и не сказала ей, что это ты. Просто описала вертолет. Сказала, что он мог быть чей угодно.

В абсолютной тишине он стал собирать инструменты.

— Блин, ну мне-то насрать, ты это был или не ты.

Он захлопнул крышку ящика с инструментами, по-прежнему не говоря ни слова.

— В чем вообще дело? Она на преступника, что ли, охотится? Ей просто нужна информация.

Он посмотрел ей в глаза.

— Или я не права? — Хизер выругалась, отвела взгляд, затем снова посмотрела на него. — Она думает, это убийство? Или что?

Бабах поднялся на ноги, взял ящик.

— С муфтой все в порядке, — и с этими словами он побрел к двери, где оставил винтовку.

— Отлично, — сказала она. — Очередной полицейский, больной на голову. Я вообще не понимаю, зачем ты позволяешь ей лезть не в свое дело.

Он ничего не сказал. Взял ружье и вышел из сарая. Хизер поспешила за ним.

— Эй, — сказала она, коснувшись его руки, — спасибо, что помог. С муфтой.

— Пожалуйста.

— Правда, спасибо.

Он посмотрел ей в глаза, перевел взгляд на руку, державшую его за лацкан куртки. Она все поняла. Желание обмануть себя пронзило ее вместе с болью. Нет, не просто болью — острым чувством утраты. Она не ожидала от него такого. Ей казалось: если он проявит интерес к другой женщине, ей будет наплевать, а теперь, видя его разъяренным, как бык, она чувствовала, что происходит между ним и констеблем Ларссон...

— Скажи мне, Бабах, — попросила она мягко, — почему ты позволяешь так с собой обращаться? Что еще она тебе сказала?

— Ничего, что имеет к тебе отношение.

Оставив ее стоять там, он побрел к грузовику. Захлопнул дверь, зажег газ. Хизер смотрела, как он уезжает, и думала, какие еще неприятности принесет назначение нового полицейского.

ГЛАВА 21

Тана открыла коробку с отчетами. Сырой, терпкий запах, пропитавший бумаги, ударил в ноздри, прошел по легким, будто в ее тело проникло что-то мертвое, холодное, отвратительное. Нашла отчет судебного следователя о смерти Реган Амелии Новак, стряхнула с него пыль, закашлялась и села за стол.

Розали стояла у плиты и варила какао.

— Подбросьте, пожалуйста, дров в печь, — попросила Тана, открывая отчет.

— Думаешь? Тут и так жарко. — Розали поставила чайник, вернула банку на полку. — Может, у тебя простуда? Тогда иди домой.

Может быть и так — могли сказаться холодная ночь в лесу, постоянная нехватка сна, гормональные изменения, драка в «Красном лесе» и сегодняшнее утро, в которое Удав чуть не вышиб ей мозги.

И комментарий О'Халлорана.

Ты знаешь много таких девочек, как Минди, и знаешь их очень, очень хорошо, верно, Тана? Сдается мне, ты и сама была такой девочкой. Точь-в-точь как Минди.

Тана закрыла глаза и погрузилась в самобичевание. Она не предугадала такого развития событий, отправившись к Кроу Удаву. Но это чувство тут же сменилось злостью. На Каттера и Килана, которым было до такой степени наплевать на эту забытую богом общину аборигенов, до которой можно было добраться только самолетом, что они оставили молодую девчонку, новобранца, управляться в одиночку. Будь у Таны напарник, который знал бы ситуацию, предупредил бы, в каком состоянии Кроу, что ему пришлось пережить и в каких он отношениях с полицией, — она бы никогда не отправилась к нему одна.

Не подвергла бы опасности своего ребенка.

Но пожирали изнутри другие мысли. Это О'Халлоран спас ее. Это он с омерзительной легкостью понял всю ее подноготную. Увидел ее позор. Ее низкую самооценку. Он понял, кто она на самом деле. Ну а *он* кто такой? Что дал ему жизненный опыт, позволяющий оценивать людей? Что, черт возьми, наделило его такой самоуверенностью, граничащей с грубостью?

Я вовсе не против, чтобы Кроу тебя пристрелил, но ты ведешь себя по-свински по отношению к ребенку...

Она выругалась. Розали, Макс и Тойон повернули к ней головы.

— У тебя все в порядке? — спросила Розали.

— Лучше не бывает. — И она принялась за отчет о гибели пятнадцатилетней Реган Амелии Новак, единственной дочери сержанта Эллиота Новака и Марии-Луизы Новак.

Четыре года назад сержант Эллиот Новак, управляющий полицейским участком Твин-Риверса, взял отпуск в первую неделю ноября, чтобы отправиться вместе с дочерью Реган отдохнуть на природе и порыбачить. Похолодало рано, еще в конце октября, и сильно. Местом отдыха выбрали озеро в пяти милях северо-западнее ручья Сливо, впадавшего в реку Росомахи. Снег был толщиной дюймов шесть, температура колебалась от минус шести до минус десяти, прогноз погоды обещал легкий снегопад и чуть позже — снежную бурю, но к тому времени их путешествие уже должно было закончиться.

Рано утром четвертого ноября Реган покинула палатку, где ночевала с отцом.

Если верить отчету, Эллиот Новак обнаружил, что его дочь пропала, когда проснулся в восемь тридцать утра и увидел, что ее спальный мешок пуст. Куртка и ботинки исчезли, полог палатки был расстегнут. Эллиот предположил, что Реган вышла по нужде. Но, выйдя из палатки, не нашел ее свежих следов. Снегопад начался раньше, чем обещали, и с утра лег новый слой толщиной в несколько дюймов. Отпечатки, слабо различимые, вели к реке. Поскольку они были сильно занесены, Новак предположил, что Реган покинула палатку несколько часов назад, добровольно, но почему-то не вернулась. Он забеспокоился, стал звать ее, обследовать территорию.

Тана быстро перевела взгляд в начало страницы.

Рано утром четвертого ноября.

В памяти всплыл разговор с Большим Индейцем.

— Вы сказали, девушек было двое.

— *Вторая погибла в прошлом году. Тоже когда снег только выпал — в первую неделю ноября. Дакота Смитерс. Ей было всего четырнадцать... в школе Твин-Риверса проводятся такие вылазки, чтобы дети не теряли связи со своими корнями. И вот как-то днем*

Дакота и еще несколько ребят поехали кататься в собачьих упряжках. Она отстала от группы, навис туман.

— Ноябрь, — громко сказала Тана. — Начало ноября.

Розали, добавлявшая в какао сливки, подняла глаза и спросила:

— Что?

— Реган Новак, Дакота Смитерс, Селена Аподака и Радж Санджит — все четверо погибли в первую неделю ноября.

Розали сделала большой глоток, на верхней губе остались шоколадно-сливочные «усы». Поставила кружку.

— Ноябрь — голодное время для волков и медведей, — сказала она, наливая кипящую воду во вторую кружку и размешивая какао. — Большинство нападений происходят перед снежными бурями. Возможно, животные предчувствуют их и хотят подкормиться. В последнее время они стали приходить ближе к людям. Спроси Чарли, он тебе расскажет. Особенно медведи. Им надо много есть, чтобы набрать вес перед спячкой, пока не разразится сильный снегопад, иначе они не переживут зиму. Или медвежата, которые рождаются зимой, не доживут до весны.

Снаружи бушевала метель. Тана посмотрела в окно — поднявшийся ветер кружил по улице облака снежной пыли. Темнело, черные тучи низко нависли над землей.

— Близятся первые бури, — сказала Розали, ставя кружку на стол Таны.

— Где находится озеро Дикобраза? — спросила Тана.

— В десяти милях от города. Там красиво, особенно летом. Много форели водится. Популярное место рыбалки.

— Это туда приезжал школьный лагерь?

— Каждую зиму. Пока не погибла Дакота. После этого место утратило свою привлекательность. Может, со временем пройдет, — предположила Розали. Тана отхлебнула какао и продолжила читать.

Новак заявил, что всю ночь не слышал никаких странных звуков, не считая зловещего завывания ветра. Он объяснил, что если ветер дул в определенном направлении и с определенной скоростью от камней неподалеку, получался этот звук, похожий на человеческий стон. Возле палатки не было замечено следов борьбы. Крови тоже не было. Единственное, что показалось ему странным, — чем ближе к реке, тем меньше становилось снега. Взяв с собой заряженную винтовку и

патроны, Новак пошел по тропинке к верховью реки. Пройдя метров пятьдесят, он увидел новые следы, занесенные снегом. Он был чуть вздыблен и едва заметно окрашен розовым, но трудно было разобрать, что произошло, потому что берег реки был каменистым. Новак подумал, что это следы крови. Дальше следы обрывались и вели в лес.

Сержант Новак утверждал, что ясно видел следы человеческих ног и глубокие борозды, возможно, оставленные телом его дочери, которое волокли.

Новак признавал, что он не охотник и не особенно хорошо разбирается в следах животных. Но он настаивал, что эти следы были именно человеческими.

Он дошел до лесной развилки. К тому времени начался сильный снегопад.

Тана взяла кружку, перелистнула страницу. Отхлебнула какао.

На краю леса Новак наткнулся на фонарик Реган, торчавший из снега. Это был тревожный знак — в тени деревьев было темно даже днем, и если бы Реган пошла в лес по своей воле, она обязательно взяла бы фонарик с собой. Войдя в лес, Новак сразу же увидел следы жестокой схватки и большие пятна крови. В снегу лежал тяжелый обломок ветки длиной с бейсбольную битку, весь в крови, к которой прилипли длинные пряди светлых, как у его дочери, волос.

Все это место напоминало бойню.

Новак звал дочь, но позже признался — именно в этот момент он понял, что она погибла.

«Я просто знал».

Тана глубоко вдохнула.

Показания Новак давал, лежа на больничной койке в Йеллоунайфе, младшему сержанту Бо Хагу, которого прислали сюда проводить расследование и замещать Новака, пока он не придет в себя.

Тана просмотрела записи из блокнота Хага, также приложенные здесь. Отметила, что Хаг спросил у Новака, употреблял ли он алкоголь, прежде чем той ночью лечь спать. Новак сообщил, что выпил бренди, но совсем немного. Просто чтобы уснуть. Тана закусила щеку, задумалась. Может быть, он ничего не слышал, потому что спал пьяным сном?

Она вернулась к отчету.

Новак сообщил, что нашел тело дочери в лесу, где его пожирали три волка. Волчьи следы были повсюду. Он застрелил животных, но они мало что оставили от тела его дочери. Оно все было объедено. Внутренности растащены, некоторые съедены. Одежда изодрана. Голова оторвана от тела. Часть лица изжевана, глаза вырваны.

Холод прошел по спине Таны. Ей вспомнилось обезглавленное тело Селены Аподаки. Совпадение ли это?

Новак смутно помнил, что было дальше. Судя по всему, он потерял чувство времени, потому что не смог ответить на вопрос, сколько времени пробыл рядом с останками дочери. На следующий день Новака, обнимавшего обезглавленный, выпотрошенный труп дочери, обнаружил охотник, идя по его следам. По словам охотника, Новак выл, как зверь. Этот нечеловеческий, но и не звериный вопль заставил его пойти в лес.

Охотника звали Кэмерон О'Халлоран.

Тана замерла. Перечитала несколько раз.

— Это Бабах... О'Халлоран обнаружил Эллиота и его дочь?

— Да, — ответила Розали.

ГЛАВА 22

Сердце Таны бешено колотилось. Она вспоминала рассказ О'Халлорана у сарая — об Удаве и Дакоте Смитерс. Но он не сказал ни слова о том, что сам был причастен к делу о гибели Реган Новак. Почему?

Нехорошее подозрение закралось ей в голову.

В обоих случаях он был неподалеку от города. Возможно, его вертолет был по ту сторону утеса, возле которого нашли тела Аподаки и Санджита. Все это начинало казаться странным.

— Розали, вы работали здесь, когда О'Халлоран привез Новака и тело его дочери в Твин-Риверс?

— Да. Бабах завернул в свою палатку останки бедной девушки и на собачьей упряжке привез в город вместе с ее отцом.

— Вы их видели?

Розали кивнула, попутно пытаясь настроить автоответчик. Тана взглянула на часы. День кончился, уже начало темнеть.

— Какими они были?

— Что ты имеешь в виду?

— Как себя вели? Как выглядели?

— Эллиот был сильно обморожен. Его рассудок повредился — он нес какую-то чушь про лесных чудовищ. Вид у него был ужасный. Отмороженный нос, губы, уши. Пальцы вздулись и почернели. В жизни бы его не узнала.

— А О'Халлоран? Он как выглядел?

— Бабах-то? Да как всегда. По Бабаху никогда ничего не скажешь. Мрачное предчувствие все усиливалось.

— Он просто случайно оказался в лесу, недалеко от места, где напали на Реган?

— Ну да, помогал Эдди Никапу. Эдди разболелся, не мог посмотреть, кто попался к нему в капканы, и Бабах решил помочь ему это выяснить.

— По доброте душевной, да?

Розали подняла глаза.

— Ну да. Эллиоту повезло. Не окажись рядом Бабаха, он бы тоже погиб.

— А долго он — в смысле Бабах — вообще живет в Твин-Риверсе?

Розали поджала губы.

— Эта зима, когда он проверял капканы старого Эдди, была его второй зимой здесь.

— Он часто вылетал в город?

— Постоянно. На следующее лето он, кажется, подписал контракт с шахтой недалеко от Нунавута, но осенью опять сюда вернулся. Уже на своем самолете, «Хавилланд Бивер». Стал заниматься подвозом. Первый большой контракт он заключил с Аланом Штурманн-Тейлором из лагеря Члико. Тейлор купил этот лагерь за год до того, как Бабах сюда явился, и занялся капитальным ремонтом. Ему постоянно надо было то одно, то другое. Потом Бабах стал летать по поручениям команды Гарри Бландта. — Розали помолчала, прослушала голосовое сообщение, записала номер, потом сказала: — Ну так вот. Эллиот быстро вернулся к работе. Когда ему стало лучше.

— Сюда?

— Конечно. Младший сержант Бо Хаг лишь временно его замещал. Но в том, что Эллиот вернулся, нет ничего хорошего. Он был одержим тем, что случилось с его дочерью. Хотя вскрытие не смогло точно показать, как она погибла, но стало очевидно, что ее тело ели волки и медведи. Какое животное ее убило, выяснить так и не смогли. Эллиот же продолжал думать, что Реган убил некий маньяк и бросил в лесу.

— Потому что видел следы? Потому что посчитал их человеческими?

Розали кивнула.

— Но об этих следах известно только со слов Эллиота. Когда на место пришли другой полицейский и судебный следователь, прошел сильный снегопад, потом холодный дождь. Никаких отпечатков не нашли.

— А О'Халлоран видел следы, когда нашел Новака?

— От Бабаха требовалось как можно скорее доставить Эллиота в медпункт Твин-Риверса. Довезти тело Реган. И он справился. — Она помолчала. Выражение ее лица стало задумчивым, взгляд отстраненным. — Видимо, стыд вынудил Эллиота искать виноватых.

— Стыд?

Она кивнула.

— Он выпивал. Как Янкоски.

— Так вы думаете, он напился до беспамятства в ту ночь, когда исчезла Реган?

— Тана, девочка наверняка кричала, визжала. Будь Эллиот трезв, он проснулся бы и помог ей.

Тана посмотрела на Розали.

— Думаю, по этой причине и жена ушла от Эллиота. Она тоже во всем винила его.

— А когда приехал Бассхольц?

— Следующей зимой, когда погибла Дакота Смитерс. После этого Эллиот совсем спятил и начал пить по-черному. У него начались провалы в памяти. Он не помнил, где был и сколько времени там провел. Пришлось заменить его Бассхольцем. Но Эллиот продолжал шататься возле участка, капал Барри на мозги, чтобы тот показал ему дело Дакоты. Потом вломился сюда.

— После этого отчеты и спрятали на чердаке?

— Угу.

Тана выругалась сквозь зубы. Они тут все ненормальные. Само это место — ненормальное. И вся эта хрень с волками очень подозрительна. Почему все три нападения пришлись на первую неделю ноября, почему разные животные повели себя одинаково? Ей срочно требовалось поговорить с Чарли.

— Добило Эллиота то, — сказала Розали, — что младший сержант Бо Хаг намекнул, будто он сам убил свою дочь и оставил там, где ее могли обглодать волки. Еще Бо предположил, что Эллиот и Дакоту мог убить.

Затворка окна хлопнула, стало холоднее — ветер просачивался в щели в оконной раме.

— Можно я сегодня уйду пораньше, Тана? — попросила Розали, посмотрев в окно. — Скоро начнется снегопад, а я хочу заглянуть к Диане, посмотреть, как там малышка.

— Да, конечно. Идите.

Розали собирала вещи, Тана дочитывала отчет о гибели Реган Новак.

Причина смерти была не выяснена — предполагалось, что виноваты медведи или волки. И те и другие животные объели ее тело.

Было похоже, что Реган погибла от сильной кровопотери. У основания черепа была сильная вмятина, по лицу шли симметричные разрывы, часть скальпа содрана. Один из экспертов выразил мнение, что она подверглась нападению гризли. Медведь весом от пяти до шести фунтов обладает феноменальной силой. Кроме того, по телу проходили следы, похожие на глубокие раны от когтей. Четыре параллельных царапины.

Такие же Тана видела на телах Селены и Раджа.

— До завтра, Тана, — сказала Розали.

— Угу, хорошего вечера, — пробормотала Тана, не поднимая головы. Дверь открылась, впуслав холодный ветер, и Розали ушла.

Тана поднесла поближе к глазам фотографию тела Реган. Живот и грудная клетка были выпотрошены. Сердца не было.

Тана вздрогнула, подняла глаза. Огонь горел на славу, собаки лежали у камина. Тана поднялась, проверила, плотно ли закрыты окна. Повернула ручку обогревателя, напомнила себе, что надо бы договориться с кем-нибудь, чтобы помещение наконец утеплили.

Вернувшись за стол, принялась рассматривать черно-белый снимок головы Реган. Судорожно сглотнула. Шея девушки была вырвана и изжевана. Совсем как шея Аподаки.

Насилие, совершенное над всеми этими телами, и жуткие совпадения были зловещи и непреодолимы. Тане хотелось расследовать дальше, но здравый смысл и логика говорили: этого делать не стоит. Человек не мог такое совершить и оставить тела на съедение хищникам.

Или мог?

Причастность к этому случаю была чудовищна — на такое случается наткнуться, когда смотришь еженедельное телешоу, где тридцать пять минут рассказывают о страшном убийстве, а зрители наслаждаются этим ужасом, как порно, не до конца веря в реальность происходящего. Потому что в реальности такое случается редко.

Очень редко.

Вдруг с Таной начало происходить то же самое, что с Эллиотом Новаком?

Вдруг Новак знал то, чего не знал никто?

Вдруг он сам это совершил?

Ей нужно найти его. Нужно с ним поговорить.

ГОЛОД

Моро был скуп на слова, любил подолгу проводить время в полном одиночестве, подальше от северных ветров. Он мог преодолевать большие расстояния, таскать тяжести, грести и петь не хуже любого другого провожатого, знакомого Кромвелю. Этот маленький человек вставал рано, зачастую часа в два или три, без завтрака отправлялся в путь, на протяжении целого дня довольствуясь лишь маленькой порцией неммикана,^[9] но каждый час останавливаясь на несколько минут, чтобы покурить трубку. Ни разу в продолжение похода за мехом Кромвель не видел страха в глазах Моро. Но той ночью у опушки Пустоши, на территории медных индейцев, Кромвель взгляделся в лицо своего провожатого и понял: этот человек почувствовал себя жертвой...

Читатель вонзает шип в страницу. Его охватывает печаль. Изменилось. Все изменилось. Нет того удовольствия, нет того уединения. Голод возвращается слишком скоро.

Это все девчонка. Она подбирается ближе, ближе. Будто она сама — хищница.

ГЛАВА 23

Тана накормила собак, прибавила дров и вернулась к бумагам. Ветер завывал, колотясь в окна участка. Начался снегопад. Белая масса облепила черные сосны.

Тана открыла отчет о гибели четырнадцатилетней Дакоты Смитерс. Этот отчет подтверждал все, что ей уже было известно. Дакота проводила в пришкольном лагере у озера Дикобраза последние дни октября и первые — ноября. Сюда привозили школьников каждый год. Третьего ноября проводились мастер-классы по копчению рыбы и изготовлению сальных свечей.

Сердце Таны сжалось. Второе, третье, четвертое ноября — закономерность? Или просто совпадение, потому что в это время начинались сильные снежные бури? Она перевернула страницу.

После обеда Дакота с группой других учеников отправилась кататься на собачьих упряжках, на лбу закрепила фонарь. В тот день над рекой висел густой туман, начинался снегопад. Дакота заблудилась в темноте и тумане, отстала от группы.

Все остальные вернулись в лагерь, отправились на поиски, но плохая погода и туман свели усилия насмарку. Собаки возвратились ночью. Без Дакоты.

Ее нашли несколько дней спустя в ущелье у реки. Тело, объединенное хищниками.

Тана всмотрелась в фотографии, и по коже прошел мороз.

Голова оторвана. На лице и теле — четыре заметных параллельных отметины, напоминающие следы когтей. Череп сильно пробит, частично содран скальп. Некоторые внутренние органы отсутствуют, в том числе сердце. Глаза вырваны, пол-лица съедено. Патологоанатом не обнаружил следов сексуального насилия, но лобковая область выедена, как и пищеварительный тракт.

На теле Дакоты также обнаружены следы рыбьей крови и... ванили.

У Таны перехватило дыхание, все тело свело напряжением. В голове крутились слова Дина Камински:

Протухшую кровь. Еще рыбу. И немного ванили...

Судебный следователь придерживался версии, что кровь и ваниль были следами мастер-классов по копчению рыбы и изготовлению свечей.

Тана поднялась со стула, собрала бумаги, положила обратно в ящик. Отнесла в маленькую комнату, где проходили допросы, включила свет. В комнате были стол и лекционная доска длиной во всю стену. Поставив коробку на стол, Тана взяла черный маркер. Провела по доске четыре жирные параллельные линии, таким образом разделив ее на пять колонок.

Собаки, привлеченные этим неожиданным всплеском энергии, отправились вслед за Таной, посмотреть, что она делает. Пока они укладывались под столом, Тана разложила на нем фотографии, пристально всмотрелась. Вернулась к своему столу, вынула из ящика фотографии с места гибели Аподаки и Санджита, которые распечатала, чтобы показать Чарли. Заодно распечатала их фото, которое ей прислала Вероника Гарньер, и прикрепила над пятой колонкой.

Над третьей колонкой повесила снимок Реган Новак, над четвертой — Дакоты Смитерс.

Немного постояла у доски. Три юные девушки. Один парень. На телах девушек видны поразительно схожие следы насилия. Тело юноши обезображено значительно меньше. Была ли на то причина?

Под фото Смитерс, Аподаки и Санджита Тана маркером вывела: *Ваниль?*

Предстоящее вскрытие должно было показать, имелись ли следы ванили на телах Аподаки и Санджита, но Тана заметила темные пятна. Они были похожи на содержимое канистр. Дин Камински сказал, что биологи добавляли ваниль в смесь для приманки, так что было над чем задуматься.

В деле о Реган Новак, однако, никакой ванили не упоминалось.

Под снимком Смитерс Тана написала: *Выслеживали?* То же слово — под фото Аподаки, куда прикрепила и клочок бумаги с написанным от руки стихотворением, которое Вероника нашла среди вещей Селены.

На бескрайней почве души чудовища требуют жертв...

В трубах выл ветер. Что-то снаружи стукнулось об стену, и Тана подпрыгнула. Макс заворчал. Тана замерла с маркером в руке, прислушалась. Но больше ударов не последовало, только ветер шумел.

Нахмурившись, она изучала стихотворение. Что значат эти слова? Откуда они? Почему Селена хранила эту бумажку? Тана повернулась к столу, осторожно просмотрела фотографии Дакоты Смитерс еще раз и неожиданно наткнулась на снимок, от которого кровь застыла в жилах.

Команда, которая отправилась исследовать территорию, где было найдено тело Дакоты, сфотографировала окрестности. Кадр заснял инукшук над оврагом. Тана быстро пролистала свои фото и нашла похожее, с места гибели Аподака и Санджита.

В горле пересохло. Инукшук был почти точно такой же конструкции. Та рука каменного изваяния, что была длиннее, указывала на место убийства. Указывала на север. Тана сказала себе, что большинство инукшуков однотипны — много ли существует способов сложить каменную фигуру человека из здешних плоских камней? Инукшуки стоят на каждом шагу. Ей вспомнился сад возле дома Кроу Удава.

Обе фотографии она прикрепила на доску: одну — в колонку Смитерс, другую — между колонками Аподаки и Санджита.

Вверху первой колонки написала: *Представляют интерес.*

В самой колонке:

Кэмерон О'Халлоран (Бабах). Владелец красного «АэроСтара». Хизер Макалистер видела красный «АэроСтар» возле места преступления примерно в то же время. Алиби — Штурманн-Тейлор? Был в лесу возле места гибели Реган Новак. Первым прибыл туда — избежать огласки? Где был, когда убили Смитерс?

Чуть ниже:

Кроу Удав — подозревается в педофилии, возможно, выслеживании школьников. Потерял работу. Обижен. Резко настроен против полицейских.

У этих убийств есть нечто общее, подумала Тана, вновь возвращаясь к фотографиям. Насилие. Кровавый хаос. Чудовищная жестокость. Феноменальная сила.

Она нашла фото, которое искала, — сержанта Эллиота Новака, красивого брюнета с квадратной челюстью, в униформе из саржа и ковбойской шляпе. Тоже добавила в колонку представляющих интерес. Под ней — снимок, сделанный судебным следователем после того, как Новака спас О'Халлоран. Контраст был поразителен. На фото «после» у Новака была отморожена часть носа, и две широкие ноздри смотрели

прямо в камеру. Глаза сильно впали, щеки втянуты. Он лишился части губы, виной чему тоже был мороз.

В нем ощущалась некая чужеродность. Как будто он ушел в леса и вернулся оттуда опустошенной оболочкой человека, которым был раньше, как будто превратился в чудовище.

От резкого порыва ветра волосы на шее Таны встали дыбом. Она еще не была готова сказать самой себе то, что видела на доске. Она чувствовала себя в какой-то другой реальности, будто видела странный пейзаж, и признать, что он существует на самом деле, значило бы погрузиться в этот мир без надежды на возврат.

Она потеряла ладони, надеясь вернуть телу утраченное тепло, вновь взялась за маркер. Под фото Новака вывела:

Алкоголик? Провалы в памяти? Психически нестабилен? Возможно, сам убил свою дочь? Где был, когда убили Смитерс? Где сейчас? Где был, когда убили Аподаки и Санджита? Возможно, он — человек в мехах, которого видела Селена из вертолета Макалистер утром пятницы второго ноября?

Во второй колонке Тана написала:

Первая неделя ноября, близкие даты — совпадение? Инукишки — имеют отношение? Рядом повесила снимок загадочного ботинка «Баффин-Арктик» девятого размера с зазубриной. Чуть ли не все жители Севера носили «Баффин-Арктик». И девятый размер не был редкостью. Но эта зазубрина была необычной. Или, может быть, что-то впилося в подошву.

В первой колонке дописала:

Джейми Удав — встречался с Аподаки. Знает что-то о костях, найденных рядом с телом Аподаки. Напал на Калеба Петерса — это связано? Рядом прикрепила фото старых, высохших костей. Добавила еще несколько имен, заинтересовавших ее в связи с дракой.

Калёб Петерс — что он знает о старых костях? Где был во время убийства? Связан с Аподаки через Джейми Удава. Связан ли с остальными жертвами?

Пониже вывела: *Маркус Ван Блик, Тивак Кино, Большой Индеец, Гарри Бландт. Кто-то из экипажа?*

Аподаки казалось, она видела человека. Это мог быть кто угодно из обитателей лагеря.

Еще вписала *Дина Камински* — *невзаимная любовь к Селене Аподаки. Ревность? Возможно, отслеживал, угрожал?*

Камински не было здесь три и четыре года назад, но она решила на всякий случай добавить его в список. Возможно, преследователь Аподаки не имел отношения к ее убийству и убийству Санджита. И к тому факту, что кто-то преследовал Дакоту Смитерс.

Кроме того, нападение могли совершить волки или медведь. Этот вариант тоже не стоило упускать из виду. Он был логичен — в конце концов, именно его и рассматривало большинство людей... вплоть до этого момента. До того, как убийство Селены Аподаки и Раджа Санджита не позволило провести некоторые явные параллели.

Тана отошла подальше, стала разглядывать доску.

Вне зависимости от того, как убили всех четверых, тела Реган Новак, Дакоты Смитерс и Селены Аподаки были объединены схожим образом. Это было явно, несомненно, бесспорно. Ребра обнажены. Сердца отсутствуют. Глаза вырваны. Параллельные царапины, как от когтей. Вмятины в черепах. Оторванные головы. Выеденные внутренности.

В памяти всплыли слова Джейми:

Они вырывают душу и сердце прямо из груди. И глаза вырывают, чтобы ты был слепым в загробной жизни.

Тана вновь шагнула к доске. Под фото Раджа Санджита написала:

Труп объединен иначе. Сердце и другие органы частично уцелели. Голова и глаза нетронуты. Почему? Цель — девушки? Мужчина — случайно пострадавший?

Подошла к окну, думая о двух инукшуках и о ванили — зачем трупы могли быть ею намазаны? Чтобы приманить хищников? Чтобы что-то скрыть? Ветер разрезал воздух, снег прилипал к поверхности стекла снаружи. Она слушала стоны ветра. Она видела, как это произошло. Как заброшенность и мрачность этого места, чувство, что ты в другом мире, может вызвать навязчивое состояние, довести до сумасшествия. И это еще не началась зима. Всего лишь ноябрь. Начало ноября. Переход на зимнее время. Отец говорил, что в начале ноября истончается грань между миром живых и миром духов, во всяком случае, если верить скандинавским сказкам его детства. Именно теперь злые духи выбирают из лесов.

Поднявшись на ноги, Тойон прижался к ее ноге теплым телом. Она улыбнулась, наклонилась, почесала пушистую шею друга. Взглянула на часы. Уже девять вечера, и она умирает от голода!

— Пора поесть, мальчики, — сказала Тана собакам и вышла из комнаты. Они побрели за ней. Она закрыла дверь в комнату, надела куртку, перчатки, шапку, закуталась поплотнее, чтобы лицом к лицу встретиться с метелью по дороге в столовую. Она знала, какую компанию может там встретить.

ГЛАВА 24

Сбив снег с ботинок и отряхнув куртку, Тана открыла дверь в главный магазин Твин-Риверса, где располагалась и столовая. Прозвенел колокольчик, все ее тело окутали тепло, запахи жареной еды, кофе, свежеепеченного хлеба. Атмосфера в столовой была оживленная — звучала громкая болтовня, почти все столики были заняты. Когда она вошла, большая часть посетителей повернулись и посмотрели на нее.

Тана заметила у стойки несколько завсегдатаев, гревших руки о дымившиеся кружки. К своему удивлению, увидела за столиком Ван Блика — он сидел к ней спиной, но это, вне всякого сомнения, был он. Ван Блик разговаривал с круглолицым лысеющим мужчиной за пятьдесят, в очках в красной оправе. Тана никогда раньше его не видела.

Несколько подростков заняли два столика в правом углу. Среди них была Минди. Они о чем-то разговаривали за попкорном и жареной картошкой; от остального пространства их отделяла витрина с чипсами, шоколадками, жареными орешками и другими снеками. За дальними столиками начинался магазин — маленький отдел фармацевтических товаров, полки с книгами, DVD, старыми видеокассетами. Стягивая облепленную снегом шапку и перчатки, Тана думала о том, что Минди столько же лет, сколько было Реган и Дакоте, когда они погибли.

Положила перчатки на свободный столик для двоих, стоявший у двери, под окном, откуда можно было видеть собак, поджидавших на улице.

Минди подняла глаза, посмотрела на нее. Тана кивнула в знак приветствия, но девочка показала ей средний палец и, отвернувшись, расхохоталась, за ней остальные. Горький вкус наполнил рот Таны, сердце сжалось от боли. За Минди. За ту себя, которую она узнала в этом ребенке.

...ты и сама была такой девочкой. Точь-в-точь как Минди. Мужчины не слишком хорошо с тобой обращались, и вот теперь пришло время расплаты. Может быть, ты искала спасения на дне

бутылки, когда была совсем-совсем юной. Вот почему у тебя так зудит. Вот почему ты ко мне прицепилась...

Ее бросило в жар, ненависть к О'Халлорану вспыхнула с новой силой. За то, что он понял, кто такая Тана. За то, что он делает с Минди. Она не поверила ни слову этого сукина сына. Она не доверяла ему. Она задалась целью вывести его на чистую воду.

Сняв куртку, Тана повесила ее на спинку стула, подошла к стойке. Ван Блик поднял на нее глаза, когда она проходила мимо его столика.

— А, констебль, — сказал он безо всякого выражения.

— Маркус, — спросила она, — Гарри дал выходной своему телохранителю?

Он не улыбнулся.

— Типа того. Несколько ребят вернулись из Йеллоунайфа, — в букве «р» слышался сильный африканский акцент. — И нам, чудищам, дали отдохнуть. А это Генри Спатт. — Мужчина с круглым детским лицом кивнул. — Писатель, живет в лагере Члико.

— Рада познакомиться, — Тана протянула ему ладонь. Мужчина поднялся, пожал ее руку. Кожа Генри была теплой, мягкой, хватка — слабой, как у женщины. Она увидела на столе книгу обложкой вниз.

— Первый раз здесь? — спросила она.

— Приезжаю каждый год вот уже пять лет, и буду, пока тут работает Чарли Накенко, — сказал он с улыбкой. Резцы, маленькие и заостренные, были сильно длиннее остальных зубов. — Он классный, потрясающий охотник, лучший гид, с кем я имел удовольствие охотиться. С Маркусом мы познакомились четыре года назад, когда я был тут второй раз.

— Не знала, что ты тут так долго, — сказала Тана Ван Блику.

— Мотаюсь туда-сюда последние четыре года, — ответил он. — С тех пор как Гарри нашел тут залежи кимберлита. Притащил меня сюда в тот же год, проверить слой почвы, начать планировать.

— Ну, приятного аппетита. — Тана помолчала, потом сказала Ван Блику: — Спасибо, что помог мне в то воскресенье.

Он кивнул. Взгляд темных глаз был по-прежнему непроницаемым.

Она пошла к стойке, за которой работала Марси, поразительно энергичная для семидесяти восьми лет.

— Добрый вечер, Тана. Как у тебя дела? — Ее голос был неровным, монотонным, акцент и ритм голоса указывали, что она из местных. Тана улыбнулась — Марси у всех вызывала улыбку. Умудренное опытом лицо, гладкие смуглые щеки, глубоко посаженные карие глаза, манера завязывать платок на голове напоминали Тане о бабушке, ушедшей в иной мир вскоре после того, как Джим вышиб себе мозги в белоснежной ванной.

— Все хорошо, спасибо, Марси. — Тана изучала меню, висевшее за спиной пожилой женщины. — Мне, пожалуйста, чили и баннок. ^[10]

— Отличный выбор. Я как раз испекла свежую партию баннока.

— А у вас все хорошо? — спросила Тана. Марси чуть заметно кивнула.

— Хороший выдался день. — Обернувшись к двери, ведущей в кухню, Марси попросила повара приготовить чили. Тана поняла: это будет все тот же фарш из лося, только в техасско-мексиканском духе.

— Я сама принесу, — сказала Марси, возвращая Тане сдачу и делая пометку в учетной книге. Вздохнув, Тана пошла обратно к своему столику. Села спиной к стене, так чтобы видеть и комнату, и собак, лежавших на снегу под фонарем. Густые хлопья кружили в воздухе перед самыми их носами, но им было все равно. Они любили холод; их толстые шкуры были созданы для холода. На сердце теплело, когда Тана смотрела на Макса и Тойона, своих верных друзей. Они никогда ее не осуждали — были бы еда и вода, возможность побегать. Обоим в жизни пришлось несладко, и Тана дала им второй шанс — а те, кто обретал второй шанс, давали ей надежду.

Она и сама за него боролась.

Марси внесла миску с чили, накрытую пресной лепешкой.

— Ужасно это все, — сказала она, ставя перед Таной простой ужин и кладя рядом ложку. — Бедные биологи и волки...

— Да уж. — Тана оторвала кусок баннока. Свежеиспеченный хлеб распространял волшебный запах. Желудок свело от голода. Тана сунула баннок в рот, закрыла глаза, наслаждаясь вкусом. Улыбнулась.

— Вспомнила бабушку, — призналась она Марси.

— Она печет баннок?

— Пекла. На костре. Я некоторое время жила с ней.

Когда мать слишком сильно пила... а отец показывал фокус с исчезновением...

— Ты здорово справляешься. Спасла племянника Чарли, отобрала алкоголь у Дэмиена и этих ребят. Хорошо, что ты здесь, — сказала Марси тихо, медленно.

Перестав жевать, Тана посмотрела Марси в глаза.

— Вы не представляете, как много для меня значат ваши слова. Спасибо.

— Джейми будет отрабатывать ущерб? — спросила Марси.

— Думаю, да. — Тана помолчала, обвела глазами столики. Все были заняты разговорами. Понизив голос, спросила: — Марси, вы не знаете кого-нибудь, кто много лет назад пропал без вести на берегу Ледяного озера? Или, может быть, здесь раньше было место захоронения?

Марси замерла. Ее лицо изменило выражение. Тана ощутила, как стены кафе стали выше.

— Зачем тебе это?

— Просто любопытно.

— Старые захоронения принадлежат семьям похороненных, — сказала она. — Это не разглашается.

Тана кивнула, поднесла ко рту ложку чили.

— А о пропавших без вести расскажете? О местных, может быть, о путешественниках?

— Не помню.

— Очень вкусно, Марси, — сказала Тана, указывая ложкой на миску с чили. — Так и передайте повару.

— Лосятина.

— Я так и думала, — Тана улыбнулась.

— Хорошо, передам. Еще что-нибудь, констебль?

Тана помолчала, потом решилась.

— Есть один вопрос... вы знаете кого-нибудь, кто поможет мне найти Эллиота Новака?

Все посетители столовой внезапно замолчали. Обернулись и посмотрели на нее. Марси мелко перекрестилась — привычка, оставленная католической колонизацией много лет назад. Все равно что маленькая церковь вдоль по улице. Здесь смешались легенды, религии, старые традиции аборигенов.

На окнах намерзли кристаллы льда. Порыв ветра взметнул снежные хлопья, в единый миг закрывший свет фонаря.

— Надо быть осторожнее, Тана, — очень тихо сказала Марси. — Не знаю, зачем ты задаешь все эти вопросы, но нужно прекратить. Пусть привычный ход вещей, привычный ход природы сделает свое дело. Все само происходит так, как нужно. Так уж вышло, что Эллиот сошел с ума. Слишком много вопросов.

— Я просто хочу с ним встретиться. Мне нужен кто-нибудь, кто поможет его найти.

— Он далеко. В лесах Пустоши. Это небезопасно. Никто из местных не рискнет отвести тебя туда.

— И даже Чарли?

— И Чарли.

Дверь распахнулась, впуслав холод. Вошел Бабах, и столовая тут же уменьшилась в размерах, будто он высосал из нее весь воздух, оставив только вакуум, как в груди Таны. При виде девушки он замер.

Вот дерьмо.

— А, — сказала Марси, — разве что Бабах. Он, может, и согласится. С тобой она будет в безопасности, правда, Бабах?

Безопасность — последнее, что пришло бы Тане в голову при мысли об О'Халлоране.

Он стянул шапку, с которой тут же свалились комья снега.

— О чем это вы? — спросил у Марси, не глядя на Тану. Марси сконфузилась, смотрела на завсегдатаев столовой, которые, не смущаясь, слушали, повернувшись к ним. Тана заметила в их числе двух инженеров, работавших на ледяной дороге. Она часто видела их в городе. В теплом, пропахшем едой воздухе крепло напряжение.

— О том, как найти Эллиота Новака, — наконец сказала Марси, снова встав за прилавок. — Что будешь заказывать, Бабах?

Он стоял и смотрел на Тану, потом перевел взгляд на Марси. Минди встала и начала собираться. Тана напряглась. Бабах тоже.

— Зачем тебе Эллиот? — спросил он, пристально впившись в нее зелеными глазами.

— Поговорить, — твердо ответила Тана.

К ним подошла Минди.

— Бабах, привет. — Она положила руку ему на бицепс, и он не оттолкнул ее. Но не отвел глаз от Таны, ощутившей острую неприязнь.

Наклонив голову, Минди гаденько, натянуто улыбнулась.

— Эта дамочка хотела научить меня, с кем спать, прикинь, Бабах?

Он ничего не ответил.

Тана отодвинула миску в сторону, бросила на стол салфетку, поднялась на ноги, придвинула стул. Схватила шапку, куртку, перчатки и метнулась к двери.

— Не стоит уходить из-за меня, — сказал Бабах.

— Appetit пропал. — Она распахнула дверь и, громко хлопнув, вышла, оставив за спиной тепло, свет, запах еды, болтовню. И его. Воздух снаружи был резким, танцующим от снежных хлопьев. На ходу оделась. Собаки подбежали к ней, она пригнулась, приласкала их.

Каждому из нас нужно племя, Тана...

Она старалась, господи, она изо всех сил старалась, но с каждым шагом все больше отдалялась от других...

Она глубоко вдохнула, глотая холодный воздух, понемногу успокаиваясь рядом с собаками.

— Ребята, — нежно бормотала она, ероша их шерсть, — хоть вы у меня есть...

И вдруг замерла. Их морды были в крови. Ее перчатки запачкались кровью...

Оцепенение и страх ударили, как обухом. Она подняла глаза и увидела на земле, под лестницей, кости с остатками мяса. Большие, грубые, перемазанные кровью, они окрасили снег розовым там, где их ели ее собаки.

— Кто вам их дал? — Она сжала в руках морду Тойона. Из пасти текли слюны, длинные нити свисали до земли. Все его тело дрожало. То же самое творилось и с Максом.

О господи.

В голове зашумело, завизжало. Сердце сжалось.

— Пойдем, — взяв их за ошейники, Тана потащила своих друзей по лестнице, навстречу метели и огням полицейского участка. Паника нарастала, сжимала грудь. Она втащила собак в участок, положила у огня, где могла получше рассмотреть, что с ними. Руки тряслись. Глаза ничего не видели от слез.

Макс шлепнулся на свой коврик. Его ноги мелко тряслись. Тойон сел, безразличный ко всему, во рту пенилась кровавая слюна. Тана попыталась разжать ему зубы, посмотреть, какого цвета десна, и за спиной звякнуло стекло. Оконная рама задрожала. Камень, стукнув об стол Розали, упал на пол. Сквозь разбитое стекло ворвался ледяной

ветер. Заплясали тени в свете вышек спутниковой и сотовой связи за ограждением.

Сердце Таны бешено стучало. Ее колотило от страха. Все по порядку. Сначала собаки. В городе нет ветврача. Придется самой сделать так, чтобы их вырвало. Если повезет, удастся очистить их желудки от отравы. Но если это крысиный яд или что похуже, у них нет шансов. Они умрут медленной и мучительной смертью.

Яд, конечно, был в мясе. Нужно было выяснить, что это за яд. Кто угодно, кто вошел в столовую или вышел оттуда, мог отравить ее собак.

— Ждите здесь!

Она распахнула дверь и побежала, низко опустив голову, сквозь метель. Перепрыгивая ступени, домчалась до столовой. Костей уже не было. Остались лишь кровавые пятна. Рванула дверь, впустила за собой порыв ветра и снежных хлопьев.

— Кто? — прокричала она. — Кто отравил моих собак? Кто дал им эти кости? — Ее голос дрожал. Трясущейся рукой она указала за окно. В глазах мутилось. — Что было на костях? Марси? Эти кости... кто дал моим собакам кости? Мне нужно знать, что они съели, черт побери!

Но все только молча смотрели на нее. Марси казалась напуганной. Бабах поднялся, крепко сжал руку девушки.

— Тана, Тана! Посмотри на меня. Соберись.

Да...

Да, соберись.

— Макса и Тойона отравили, — сказала она. — Я... я не знаю, чем.

— Иди к ним. Сейчас же. Будь с ними.

Он рванул в аптеку позади столовой.

— Перекись, Марси, у тебя есть перекись водорода? Я знаю, у тебя есть уголь. Тана, иди! Я сейчас.

Тана вспыхнула, выругалась, выбежала из столовой.

ГЛАВА 25

Бабах сидел у теплой печки. У его ног спала Тана, свернувшись на собачьих ковриках, обвив рукой Макса и Тойона, тоже уснувших.

Была почти полночь. Ветер выл, и снежные хлопья вырисовывали фигуры, которые, то появляясь, то исчезая, танцевали, как злые духи, и колотились в кусок пластмассы, которым Бабах закрыл разбитое окно.

Он нахмурил бровь, почувствовав, как трясутся руки. Несильно, но он вспомнил. Вытянул их, долго смотрел и видел страшную героиновую ломку. Метадоновую терапию. Центр реабилитации.

Свое прошлое.

Оно просачивалось, как чернила, в трещины, в щели, сквозь пряди волос женщины, лежащей у его ботинок. Он глубоко вздохнул, глядя на нее спящую, любясь, как угасающее пламя в железной печи у маленького заляпанного окна бросает красноватый отблеск на темный водопад волос. Узел развязался, они рассыпались во все стороны. Она сняла кобуру и бронежилет, расстегнула верхние пуговицы рубашки. Она казалась такой ранимой. Такой юной. Мягкой, женственной.

Он нашел в аптеке перекись водорода, но за активированным углем вынужден был обратиться к Адди. Он знал: она порой использует его в случаях несильной передозировки. Он помог Тане отмерить нужное количество перекиси и дать собакам, заставил их проблеваться на улице за участком, а она сидела на снегу, вся в слезах, и повторяла снова и снова:

— Не оставляйте меня... только не сейчас... Макс... Тойон... не сейчас...

Бабах дал им активированный уголь, следуя инструкции, которую им в спешке изложила Адди.

И теперь они ждали.

Если это стрихнин или что-то в этом роде, все их усилия напрасны. Животные могут погибнуть. Эта мысль сводила с ума. Он видел, как ей дороги эти собаки.

Но мышечные судороги затихли. Слюни перестали течь. Они выпили много воды. И вот теперь уснули.

Он смотрел, как собачьи животы поднимаются и опадают, и рука Таны поднимается и опадает вместе с ними. На пальце не было кольца.

Рядом с ней не было мужчины.

Он перевел взгляд на ее живот. Будущая мать-одиночка. Сама себе полицейский — во всех смыслах этого слова. В ней больше храбрости, чем в ком бы то ни было. Он уважал ее. Уважал, когда она заявила к нему и потребовала лететь на место происшествия в ту воскресную ночь. Когда она ворвалась в «Красный лось», расправилась с Джейми, прижала его к полу и заковала в наручники, решительно и вместе с тем с большим сочувствием. Сильная женщина, в этом нет сомнений. Упрямая. Но ее выбила из колеи беда, которая случилась с собаками. Он видел страх в ее глазах. В ее лице. Ему был знаком этот страх. Когда вот-вот потеряешь что-то или кого-то любимого, когда бессилен помочь.

И что все это значило: разбитое окно, кости с остатками мяса, которые потом пропали, — тот, кто сделал это с ней, скрылся. У Таны Ларссон есть враги. Кто, подумал он, может ненавидеть ее так сильно? Дэмиен со своей компанией с водопада Росомахи, потому что она лишила их поставок алкоголя?

Чувство вины, нежеланное и знакомое, охватило Бабаха. Ведь это он поставлял им алкоголь, это по его вине она пострадала.

Кроу?

Может быть, но Кроу стремился скорее защищать свой дом, чем нападать на кого-то.

Вряд ли Джейми, хотя Максимус и вцепился ему в ногу возле «Красного лоса». Может быть, кто-нибудь еще увидел эту сцену и решил отомстить?

Вглядываясь в ее черты, в полуоткрытый во сне рот, он почувствовал, как что-то в груди сжалось и ярость змеей обвила сердце. Чувства боролись в нем, а это вызвало бы уйму других сложностей. Он поднялся, тяжело дыша, сильно нервничая. Ему нужно было срочно уходить. Он очень хотел уйти, но не мог оставить ее сейчас.

— А раньше в городе такое было?

Услышав ее голос, он вздрогнул, обернулся.

— Раньше травили животных?

Она приподнялась на локте, волосы мягкой, нежной волной окутали лицо. Глаза в неясном свете казались бездонными. Он ощутил неясную тоску, еще не желание, но часть желания. Покачал головой.

— Не помню такого.

Она смерила его оценивающим взглядом.

— Откуда ты знаешь, — спросила она, — как обращаться с собаками?

— У меня была собака, — сказал он, не успев предпринять попытку прекратить этот разговор. — Лабрадор. Жрал все подряд и однажды съел какую-то отраву.

Их глаза встретились.

— Когда это было?

— В прошлой жизни, — ответил он тихо. — Еще когда я был женат.

Сукин ты сын. Что ты делаешь?

Ее глаза чуть сузились. Она изучала его, старалась понять, можно ли ему довериться, — все это было написано у нее на лице. Он думал: интересно, какая картинка возникла у нее в голове? Насколько далекая от правды? Хотя какая ему разница? К ее чести, она не давила на него, видимо, почувствовав, что ему нелегко быть настолько откровенным. И что, если не так крепко сжимать его яйца, можно добиться лучших результатов. Хороший полицейский. Чувствует, как действовать. Может сделать неплохую карьеру, если не сникнет, если это место и нелепость ситуации не сломают ее. А тут еще ребенок.

Лучше было бы держаться от нее подальше. Но теперь уже поздно.

Она нежно погладила ухо Тойона. Глаза вновь наполнились слезами. Бабаху захотелось прикоснуться к ней, обнять ее, зарыться в собачьи матрасы, в теплые тела. Прижать к себе всех троих, близко-близко, хотя это — безумие. Он провел рукой по волосам. Кровь бурлила от напряжения.

Воспоминание, острое и болезненное, резануло как ножом — он лежит в обнимку с Ли и малышкой Грейси, рядом с ними — маленький щенок. Ли улыбается.

Словно прочитав его мысли, Тана тихо спросила:

— И дети есть?

Он подошел к окну, потрогал пластик, который приклеил к оконной раме скотчем. Внезапно закололо сердце. Он услышал, как она открывает дверь печки, подбрасывает дрова в огонь, разжигает посильнее пламя, закрывает дверь.

— Да, — сказал он наконец. — Дочь.

И тот ребенок, что не родился. Тоже девочка.

— Сколько ей лет?

— Двенадцать.

А другая погибла. Я мог бы ее спасти.

Молчание.

Он повернулся, желая увидеть реакцию Таны. В ее глазах стояло странное любопытство. Он знал: она думает о том, что он сказал ей на ферме Кроу. Ей нужно думать о своем ребенке. Бабах подошел к печи, сел у огня, погладил Макса.

— А где она сейчас, твоя дочь? — спросила Тана.

— Я давно ее не видел. Они с матерью уехали в Нью-Йорк, вот и все, что я знаю.

— Что случилось?

Мать твою, Бабах, как ты снова пришел в то место, где никогда больше не хотел оказаться, как завел этот разговор? Как тебе кажется: что эта девушка, у которой впереди будущее, подумает о тебе и твоём поганом прошлом?

Ветер выл, просачиваясь между домами, стуча в окна и форточки, задувая в каждую скважину, пробираясь в тепло и трогая спящих.

Стонали трубы. Все здание, казалось, трещало.

Он фыркнул, ухмыльнулся. Снова надел маску. У него это хорошо получалось.

Слишком хорошо. И ему это нравилось. Он научился зарабатывать этим на жизнь. Он поплатился за это семьей, потому что в то время не мог копнуть глубже и выяснить причины, прежде чем они ушли.

— Пойду сварю себе кофе, — сказал он. — Ты хочешь?

Поднялся на ноги, побрел к плите.

— Хорошая попытка перевести разговор.

Он остановился, повернулся.

— Послушай, я не хочу жить прошлым. Не люблю говорить о нем, вспоминать. Многие приезжают на север, бросают все, начинают с чистого листа. Не знаю, может, и ты тоже?

— Я не приехала на Север. Я родом с Севера. Я родилась в Йеллоунайфе. И если уж говорить о том, что случилось на ферме Удава, то ты ошибся. Но ты в любом случае не станешь извиняться, верно?

— Да ну? Ошибся?

Их глаза встретились. Она пыталась побороть себя — он это видел. Он понимал язык тела, все его тонкости, мельчайшие подробности, которых не замечали другие, но которые стали частью его прошлой работы. Вот почему он так ловко справлялся и так далеко зашел в мрачный мир преступности. Вот почему лавировал между черным, белым и серой зоной правосудия. Вот почему все еще жив.

И если бы он мог поклясться — а ведь когда-то мог, — он поклялся бы «Зверюгой», что Тана была такой же девочкой, как Минди. Забитой. Зависимой.

— Это не твое дело. — Она поднялась, поправила рубашку. — Спасибо за помощь.

— А что касается меня и Минди — вот тут ты ошибаешься, Тана. Почему он вообще объясняется перед ней, оправдывается?

Она застыла, оставив рубашку недозаправленной в брюки; впиалась в него взглядом, изучающим, жадным, высасывающим все, затягивающим в такие глубины, куда он ни за что не захотел бы попасть.

— Я нашел ее, замерзшую, мертвецки пьяную, — сказал он, — прошлой зимой в сарае у реки. Она не понимала половины того, что происходит. Родителям было насрать. Я привел ее домой, обогрел, накормил, помог протрезветь. Она сказала, что часто спит там с тех пор, как ей исполнилось восемь. — Он помолчал. — Несколько раз она уходила то домой, то к приятелю. А потом я снова находил ее в сарае, потому что знал, где искать. Многие в городе пытались ей помочь, но она всех шлет на три буквы, кроме меня. — Он опять помолчал. — Я просто позволил ей жить у себя. Думай об этом что хочешь или что хочет Минди. Но это правда. Ей некуда идти. У меня она в безопасности.

Тана смотрела на него, и, судя по выражению ее лица, что-то в ней менялось. Нахмурила лоб. В глазах застыли вопрос и сомнение. Она перевела взгляд на спящих собак. Живых, по крайней мере пока.

Обвела взглядом упаковку активированного угля, бутылку с перекисью водорода, мерный шприц, ложку, кусок пластика, прибитого к раме.

— Спаситель женщин, — медленно произнесла она. — И детей. И собак.

Он не ответил.

— Тебе же все это не нравится. Так зачем ты это делаешь?

Он долго думал, что ответить, как соврать, перебирал сотни вариантов, но ее взгляд снова притянул его к себе. И вытянул правду.

— Потому что, — ответил он тихо, — я просрал свою жизнь.

Я потерял ребенка, не успевшего родиться. Я подставил его мать под обстрел и не смог спасти от смерти.

— С тех пор я забил на себя, и у меня неплохо получается.

— Но приходит беременная женщина, чужая тебе, и ты чувствуешь, что надо вмешаться и научить ее, как выполнять свою работу? Чего ты мне не сказал, О'Халлоран? Откуда в тебе такое чувство вины?

Он фыркнул. Да, она снова прочитала его мысли и теперь собирала последние кусочки пазла, подбираясь к разгадке. Его привычная жизнь в Твин-Риверсе закончилась, как только здесь появилась она.

— Меня зовут Кэм, — сказал он.

Тана моргнула, потом сказала:

— Может, для начала сойдет и Бабах?

Он улыбнулся. Ее губы тоже растянулись в улыбке. И это было как удар в живот. Это была самая чувственная, самая интимная провокация, что с ним случалась. Она выбила из него все дерьмо. Поэтому он мог лишь одно — защищаться, обороняться, скалиться.

— Так что, хочешь кофе? Или чаю, какао? — Он прошел к плите и, произнося эти слова, стоял к Тане спиной.

— Чаю, — ответила она. — Пакетики в шкафу, за кофеваркой.

Он включил чайник, вынул из шкафа кружки, радуясь, что может занять руки. Но к тому времени, как чай был готов, она снова уснула, свернувшись на коврике рядом с собаками. Ее сморили усталость и стресс. К тому же в ее положении... Он поставил чашку рядом с ее ковриком, отхлебнул из своей. *Уходи, Бабах, смывайся отсюда, пока не поздно.*

Но она лежала здесь, беззащитная. По ряду причин. Он не мог оставить ее в таком положении — он должен быть рядом. И, по всей видимости, даже не жалел об этом.

Вот что было самое страшное.

С таким смятением в душе он медленно бродил по полицейскому участку. Было тепло, огонь в печи горел в полную силу. Ветер, бушующий на улице, Тана и собаки, свернувшиеся у огня, напомнили ему о прошлой жизни. О домашнем очаге, который был когда-то и у него.

Бабах снял фланелевую рубашку, повесил на спинку стула. Огляделся. Какое здесь все было убогое! Старые компьютеры, старые телефоны. Старые столы. Даже печка — из тех, что давно нигде не использовались. Маленький полицейский участок в забытом богом городе, куда можно было добраться лишь самолетом, он должен был уязвить чувства любого, кто был связан с полицией. Бабах вспомнил историю, рассказы, которые читал в детстве, — о доблестной конной полиции северо-западных территорий, которая сражается с американскими бутлегерами; рассказы, из-за которых он сам лет с десяти мечтал стать полицейским. Какая ирония, учитывая, чем он занимается сейчас...

Открывая дверь в комнату для допросов, он думал о Тане — почему она выбрала эту профессию.

И замер.

Всю стену комнаты занимала лекционная доска. Она была покрыта фотографиями с мест убийств, снимками погибших, именами, стрелками, линиями. Подробностями последнего нападения волков. Его пульс участился. Она связала эти случаи в одно. Что за... Он вошел в комнату, медленно подошел к доске, и в душу просочилось холодное, липкое чувство.

Вверху первой колонки было выведено его имя — под надписью *«Представляют интерес»*.

ГЛАВА 26

Среда, седьмое ноября.

Продолжительность дня: 7.37.40

Тана проснулась. Ей стало жарко. Ветер выл, густой снег валил в окно. Стучал по пластику в сломанной раме: тик-тик-тик.

Ничего не понимая, села. Она лежала на полу... а собаки?

— Макс! Тойон! — прошептала она, расталкивая псов. Оба открыли глаза. Макс поднял голову, Тойон вильнул кончиком хвоста. Она гладила их, и слезы облегчения жгли глаза. Их мышцы были расслаблены, слюни перестали течь. Тана оттянула вверх их губы. Десны стали ярче, здоровее на вид. Господи, они идут на поправку!

— Все будет хорошо, — прошептала она им. — Вот увидите. Завтра будете чувствовать себя еще лучше.

Где Бабах?

Она осмотрелась. Комната казалась нежно-оранжевой в отблесках огня. В комнате для допросов горел свет. *Дверь была открыта.* Тана быстро поднялась на ноги. Все еще чувствуя боль — последствия драки в «Красном лосе», без обуви, в одних носках дошла до комнаты, заглянула внутрь и замерла.

Он стоял у доски, совсем близко, и изучал линии, которые она провела между фотографиями, надписи под ними. Фланелевую рубашку он снял, остался в белой футболке и джинсах. У бедра свисал brutalный охотничий нож. Плотная прилегающая ткань футболки обрисовывала мышцы, показывала дремлющую, ленивую силу. Эта комната была ему не по росту. Но что привлекло внимание Таны, так это его татуировки. На левом бицепсе был наколот большой кулак, сжимающий трезубец, на который были насажены три маленьких черепа. На правой руке набиты наручники.

Ее сердце заколотилось. Тюремные наколки.

Преступная группировка.

Его лицо было другим. Глаза потемнели, и их взгляд был таким, что она отступила на шаг назад.

Когда Королевская конная полиция Канады проводила курсы для полицейских Йеллоунайфа, Ангелы Дьявола решили внести свои

коррективы в производство бриллиантов. Это была самая удобная валюта для организованных преступлений и терроризма. Своей эмблемой Ангелы Дьявола выбрали трезубец. Татуировку, изображающую кулак с трезубцем, надо было заслужить. Она была меткой, означавшей, что владелец имеет доступ в высшие слои преступного общества, а чтобы туда попасть, требовалось убить кого-то серьезного или нанести ему значительные повреждения. Наручники означали большой тюремный срок.

Страх сжал ей грудь.

— Уходи, — сказала она.

— Что это такое?

— Ты не должен здесь находиться.

Он без улыбки посмотрел на нее. Она перевела взгляд на доску, на слова, написанные под его именем.

Владелец красного «АэроСтара». Хизер Макалистер видела красный «АэроСтар» возле места преступления примерно в то же время. Алиби — Штурманн-Тейлор? Был в лесу возле места гибели Реган Новак. Первым прибыл туда — избежать огласки? Где был, когда убили Смитерс? Теперь она могла прибавить к этому: Член преступной группировки. Убийца? Бывший заключенный?

— Значит, расследуешь убийство. — Он подошел к столу, на котором были разбросаны фотографии и результаты вскрытия. Взял отчет о гибели Дакоты Смитерс, стал читать. Тана нервничала все сильнее.

— О'Халлоран, — сказала она, — положи это на место и выйди из комнаты.

— Ваниль. — Он оторвал взгляд от доски. — Я не знал, что на теле Дакоты Смитерс обнаружили следы рыбьей крови и ванили.

Она сглотнула, рука сама собой потянулась к пистолету, но тут Тана поняла — его там нет. Она сняла бронежилет и кобуру. При ней нет оружия.

А у него был нож.

— Они в то утро чистили рыбу, — сказала Тана, — и делали сальные свечи с запахом ванили.

— Ваниль и рыбью кровь добавляли в приманку Радж и Селена. — Он указал на фото обезображенных тел: — Это же ты снимала? Что за темные следы?

— Та самая приманка, с которой они работали. Могли испачкаться во время схватки.

Бабах опять повернулся к доске.

— И кости, — сказал он тихо, как бы самому себе. — Старые кости. Отметины когтей, одинаково объединенные тела, вмятины на черепах...

— Может, это совпадение, — предположила Тана. — Смитерс могла вывалиться из упряжки и упасть с утеса, отчего и погибла, а может быть, потеряла сознание, и на нее напали животные. Аподака и Санджит работали с приманкой для больших хищников. Поблизости жили прирученные волки. Возможно...

Он обернулся.

— Я ничего не знал о гибели Дакоты. Меня не было в Твин-Риверсе. Знал только, что ее убили волки или медведь. Такое случается. Но я видел тело Реган. Само по себе странно. Но в сочетании с этим... — Он указал на фотографии Аподаки и Санджита. — Такие сходства, даты смерти — в первые дни ноября, под предлогом плохой погоды, которая помешает сразу броситься на поиски пропавших и даст падальщикам время уничтожить следы. *Четыре* отметины когтей, вырванные глаза, сердце, ваниль, рыба, кровь.

Тана смотрела на него. Он занимал слишком много пространства и воздуха. Его слова вибрировали от напряжения. Они вдохнули жизнь в то, что она не смела озвучить, чтобы оно не стало настоящим. Ясным. Чудовищным.

— Пожалуйста, О'Халлоран, уходи отсюда.

— Это сделал сумасшедший, Тана. Безумный ритуальный серийный убийца, который орудует в отдаленных местах и делает так, чтобы дикие животные помогали ему скрыть следы.

— Но это может быть и совпадением.

— У тебя нет фотографии инукшука возле места гибели Реган. Его никто не сфотографировал. Но я там был. Я видел его. Он был сложен точно так же, как эти два. — Он указал на фотографии. — Длинная рука указывала на то самое место, где я нашел Эллиота Новака и безголовый, выпотрошенный труп его дочери.

Она сглотнула, вновь посмотрела на татуировки. Перед ней был преступник. Очень опасный. Нужно было придумать, как мягко

выпроводить его из этой комнаты и полицейского участка.

— А эти слова, — продолжал он тихо, глядя ей в глаза, — эти стихи, «На бесплодной земле души»... их я тоже видел.

— Где?

— В книге.

— В какой книге?

— В лагере Члико. В библиотеке Алана Штурманн-Тейлора. На первой странице слова, на второй чернилами нарисовано чудовище. Ее написал человек, который каждый год охотится с командой Штурманн-Тейлора. Приезжает сюда каждый год, доводить книги до совершенства. И место действия этих книг — Пустошь. — Помолчав, он прибавил: — Ужасики пишет.

Во рту у нее пересохло.

— Ты сообщила в отдел по особо важным делам? — спросил он. — Сюда пришлют людей?

Его напористость, его искренний интерес, спокойствие, с которым он разглядывал фотографии вскрытия, его татуировки, слухи, что он убил человека, образ его мыслей и терминология — все это подавало тревожные сигналы. Он был там — в лесах, рядом с Реган и Эллиотом Новаком. Вполне может быть, что именно его вертолет оказался на другой стороне утеса, на котором были убиты Аподака и Санджит. У него был доступ на ферму Удава, где готовилась приманка. Он знал принцип работы биологов. Он знал это стихотворение. Он, возможно, спал с Минди.

Очень даже может быть, что именно О'Халлоран отравил ее собак, по дороге в столовую подбросил им ядовитые кости, а потом подстроил все так, чтобы спасти их и заручиться ее доверием. Он уже увидел ее прошлое как на ладони. Он читал ее словно открытую книгу, он забавлялся с ней. Кошка, поймавшая мышшь-салагу. Психопат, снимающий с себя подозрения, включившись в расследование. Она читала об убийцах, вступавших в ряды полиции, чтобы видеть свои собственные преступления с точки зрения полицейских.

Психопаты — великолепные лжецы, Тана. Они обаятельны, как Тед Банди... [\[11\]](#)

Она прокашлялась.

— Кто написал эту книгу? Как она называется?

— «Голод», автор — Дракон Синовски. Псевдоним, настоящее имя — Генри Спатт.

Мысли понеслись галопом. Это имя... Она слышала его только что, в столовой. Мужчина, ужинавший с Маркусом Ван Бликом.

«Приезжаю каждый год вот уже пять лет, и буду, пока тут работает Чарли Накенко»...

— Что изображено на рисунке?

— Чудовище. Мифический «пожиратель душ», получеловек-полуволок. — Он помолчал. — С клыков стекает кровь, он сидит на корточках, в лапах держит за волосы голову женщины. Вместо шеи у нее — кровавый обрубок, глаза вырваны.

От недоверия и страха у нее свело живот.

— О'Халлоран, — сказала она тихо и твердо, — тебе придется выйти из этой комнаты. Я прошу тебя покинуть участок.

Он шагнул к ней, и Тана с трудом поборол в себе желание шагнуть назад. Его брутальность, его большое тело, нависшее над ней, и горячее воодушевление в глазах напугали ее. Она снова перевела взгляд на его татуировки. Нужно как можно скорее проверить его досье еще раз: может быть, О'Халлоран — не его настоящая фамилия, поэтому она ничего и не нашла по этому запросу.

— Когда придут результаты вскрытия? — спросил он.

— Еще раз повторяю, выйди из этой комнаты.

— А то что? Позовешь на помощь?

Она заставила себя не смотреть на телефон. Рассчитывать можно только на себя. На себя и больных собак.

— Тебе понадобится помощь, Тана.

— Не твоя.

Он смотрел на нее долго, пристально. Потом выдохнул и кивнул. Прошел мимо нее, снял с вешалки куртку, натянул. Сказал:

— Будь осторожна.

И ушел.

Надев налобный фонарь, Тана вывела на прогулку Макса и Тойона. Было всего семь утра, и весь мир превратился в огромный темный заснеженный шар.

Она почти не спала в то утро. Шла с трудом, проваливаясь в большие мягкие сугробы, вокруг танцевал тихий вихрь снежных хлопьев. Когда собаки сделали свои дела, вновь отвела их в участок.

— Вы поправитесь, мальчики, — заверила она, отстегивая и вешая на крючок поводки. — Я-то знаю. Вы уже теперь выглядите гораздо лучше. Мы с Розали ни на минуту глаз с вас не спустим. Будете сидеть тут, а гулять только на поводке. Это для вашего же блага, понимаете? Не насовсем. Только пока я не выясню, кто это сделал.

Разожгла огонь, накормила Макса и Тойона, попыталась дозвониться в Йеллоунайф. Было слишком рано, вряд ли Килан или Каттер уже пришли на работу, но на это она и рассчитывала. Ей хотелось избежать разговора с ними, сделать так, чтобы ее соединили с каким-нибудь детективом, вернувшимся с ночного дежурства, чтобы он сообщил отделу по особо важным делам о поразительных совпадениях, связанных с нападениями волков и медведей в последние четыре года.

Сняла трубку, прислушалась. Мертвая тишина.

Постучала пальцами по панели. Молчание. Встала, сняла трубку с телефона на столе Розали. То же самое.

И телефон в комнате для допросов тоже не работал.

Видимо, спутниковую тарелку занесло снегом.

Тана вновь натянула тяжелый бронежилет, чувствуя себя героиней сериала «Фарго».^[12]

Пробираясь сквозь сугробы, она добралась до гаража, где стояли грузовик, два снегохода и два квадроцикла. Нашла метлу с длинной ручкой и лопату, направилась к огороженной вышке спутниковой и сотовой связи. Территорию освещал высокий и бесполезный сенсорный фонарь, ливший бледный свет в темноту и гущу снегопада.

В свете налобного фонаря она заметила, что свежий снег примят. Вспомнился камень, брошенный в окно, метавшиеся тени. Сердце подпрыгнуло, когда она увидела, что снег примят на огороженной территории и на другой стороне, за изгородью.

Тана работала в поте лица, торопливо убирала снег от ворот, и пока она копала, он продолжал падать, налипал на шапку, хлопья таяли на ресницах. Открыла калитку, по сугробам дошла до спутниковой тарелки, и что-то засыпанное снегом уперлось в ее ботинок. Нагнувшись, она долго копалась в мягком снегу, прежде чем вытащила из сугроба, как оказалось, ножницы для болтов. Перевела взгляд на тарелку и ахнула, увидев кабели.

Перерезаны. Все. Начисто.

Подняла глаза. Не пощадили даже кабели, ведущие к маленькой спутниковой башне, подававшей сигналы сотовой сети.

Твин-Риверс был оторван от всего остального мира. Ни спутниковых сигналов. Ни сотовых. Ни Интернета, ничего.

— Констебль?

Она подпрыгнула, обернулась. Сквозь кружившую белую тьму пробирался циклоп с налобным фонарем.

— Это я, — сказал он, — Боб Свифттривер из техобслуживания. Я чищу тарелку, когда идет снег.

— Боб! Да, привет. Я как раз сама собиралась ее чистить. Мне нужно позвонить.

Он приблизился, и она увидела знакомое угловатое лицо. Он смотрел на тропинку, которую она прокопала в снегу.

— В гараже есть снегоочиститель, ты в курсе?

— Смотри, — сказала Тана, указывая метлой на кабели башни. — Обрезаны. Все. Вся система накрылась. Ни Интернета, ничего. Кто в городе может починить, сколько времени это займет?

Он посмотрел туда, куда она показывала, и широко открыл глаза от удивления. Присвистнул.

— Пресвятой лосось! Кто мог это сделать? И зачем?

Сранные вандалы, вот кто. Вот что они сделали вчера ночью, пока ее собаки умирали. Она ставила на Дэмиена и его банду, которых лишила поставок алкоголя. Вот Дэмиен и оплатил, как обещал, когда она на пару дней посадила его за решетку. Может, они и собак хотели отравить. Ярость, дикая, огненная, вскипела в ее груди. Она найдет их. Как только рассветет. Она не позволит этим сукиным детям тут распоряжаться. Она покажет им, кто главный.

Нужно сообщить вождю Петерсу об этой диверсии, из-за которой пострадал весь Твин-Риверс, вынужденный отложить дела, пока не починят кабели.

— У меня есть спутниковый телефон, — сказала она больше себе, потому что Боб не отрываясь смотрел на башню. — Позвоню в «Нортел». ^[13] Сигнал появится, как только погода немного наладится.

Сейчас ни один самолет не мог до них долететь. Облачность была плотной, снег — как мокрый бетон.

— Ребята из «Нортела» прилетят сюда, — произнес Боб лениво и монотонно, — и привезут нужные детали, но при такой погоде —

самое меньшее через несколько недель. За это время случится еще несколько бурь. Будет еще больше снега. И тумана.

Тана повернулась лицом к метели — холодные снежинки садились на щеки, летели в глаза. Медленно и глубоко выдохнула через нос.

Ты справишься.

Просто продолжай делать свое дело. Доделывай отчет, заканчивай расследование. Попробуй связаться с Йеллоунайфом.

Она не поддастся безумию этого чертова Твин-Пикса, этого богом забытого Фарго, как сержант Эллиот Новак, как младший сержант Хэнк Скерритт, как, судя по всему, даже младший сержант Барри Бассхольц.

В памяти всплыли слова О'Халлорана:

«Тебе понадобится помощь, Тана...»

Это верно. И она получит эту помощь. Но на своих условиях. Ее первое распоряжение — выяснить, кто это сделал, и через вождя сообщить всему Твин-Риверсу.

Попросив Боба расчистить снег вокруг гаража, она быстрыми шагами направилась к полицейскому участку, но у самой ограды вдруг замерла.

На деревянной двери висело что-то на куске металла длиной с карандаш. Тана приблизилась, навела налобный фонарик. У нее перехватило дыхание.

К горлу подкатила желчь. Сердце замерло и тут же бешено заколотилось.

Глаз.

Прибитый к ее двери.

Тана сглотнула, постаралась держать себя в руках. Для человека этот глаз был бы слишком большим — почти целый дюйм в диаметре. Больше похоже на олений. Сняв тяжелые варежки, Тана сделала несколько фото на телефон. Натянула латексные перчатки, лежавшие во внутреннем кармане. Осторожно коснулась глаза. Он замерз. Значит, провисел здесь довольно долго. Тана не поняла, что за металлический инструмент перед ней — нечто подобное, может быть, она могла бы увидеть в кабинете зубного.

Обернулась. Сердце стучало как бешеное. Снежные тени, кружась, исчезали в темноте.

ГЛАВА 27

— Кто это сделал? — спросил вождь Дабб Петерс.

— Еще не знаю, — ответила Тана. — Я думала, вы мне подскажите. Как вам кажется, Дэмиен и его шайка способны оборвать связь во всем Твин-Риверсе и отравить моих собак?

— Дэмиен? — Дапп отхлебнул кофе, задумался. — Не знаю. Парень-то неплохой, но вот те ребята с водопада Росомахи, с которыми он ошивается... Среди них есть несколько поганцев.

Тана сидела за маленьким кухонным столиком рядом с вождем и его женой Алексой. Выгуляв и накормив собак, проинструктировав Розали, она отправилась искать Дэмиена, но остановилась возле дома вождя. Нужно было рассказать ему о ночной диверсии. Еще она хотела обсудить с его сыном Калэбом драку в «Красном лесе».

Алекса кормила внука, Туту, восседавшего на высоком стуле. Мать малыша погибла вскоре после родов. Рак. Глядя, как Туту забавляется с овсянкой, Тана задумалась: получится ли у нее быть матерью-одиночкой и одновременно полицейским? Ей понадобится нянька. И она все еще не подала заявление на декретный отпуск.

— А Джейми? — предположила Тана, с трудом оторвав взгляд от маленького пухлого Туту. — Как думаете, он способен на диверсию? Мог отравить собак?

— Чтобы отомстить? За то, что ты посадила его за решетку? — спросила Алекса.

— Может быть. Еще, когда я его арестовала, моя собака вцепилась ему в ногу.

— Нет, это не Джейми, — сказал Дапп. — Он просто мучается из-за Селены, вот и все. Он хороший мальчик. Очень ранимый, любит животных. Вот почему у него не сложилось с таксидермией.

— А что скажете об отце Джейми, Кроу Удаве?

— У Кроу нелады с полицией, это верно. — Дапп потянулся за кофейником. — Еще с тех пор, когда его посчитали не то маньяком, не то педофилом. — Он поднес кофейник к кружке Таны, но она покачала головой. Дапп налил себе полную кружку.

— Мать Дакоты предположила, что ее дочь кто-то преследовал. — Тана решила выступить адвокатом дьявола.

— У всех был тяжелый период. — Алекса положила еще ложку каши в рот внука. Проглотив ее, малыш смерил Тану взглядом огромных черных глаз, и она вдруг ощутила резкую боль в груди. — Эллиот Новак вбил эту мысль в голову Дженни Смитерс. А Кроу не станет первым лезть на рожон, если его не трогать. Новые неприятности ему не нужны.

Тана вынула из кармана пакетик с блестящим инструментом, торчавшим из замерзшего оленьего глаза. Положила на стол.

— Видели когда-нибудь такое?

— Это что? — спросил Дапп, доставая инструмент и вертя туда-сюда.

— Торчало из оленьего глаза, прибитого к двери участка.

Дапп и Алекса повернулись к Тане и долго смотрели на нее, не говоря ни слова. Дапп первым прервал молчание:

— Кто мог это сделать? И зачем?

— Может быть, из мести. Или меня хотят запугать. Что бы это ни было, я выясню, — заверила Тана.

— Таким пользуются таксидермисты, — сказал Дапп.

— Кто в Твин-Риверсе занимается таксидермией, кроме Кроу Удава? — спросила Тана.

— Ну, Кроу же учит других. И Джейми какое-то время этим занимался, но потом признал, что кишка тонка. С ювелиркой у него лучше выходит.

Тана вновь убрала инструмент в пакетик.

— Вы слышали о других нападениях, похожих на случай Дакоты, или Реган Новак, или недавний? Может быть, что-то подобное имело место и раньше? Может, вы слышали о том, как люди пропали без вести несколько лет назад, а потом их тела нашли объединенными?

Дапп сделал большой глоток кофе, задумался.

— Видишь ли, дело вот в чем. Если в этих местах заблудиться, тебя может погубить что угодно. В первую очередь погода. Если упадешь и сломаешь ногу, наступит обморожение. Наша глушь оторвана от мира. Сотовая связь не ловит, у раций ограниченный диапазон. Если не взял с собой спутниковый маяк, в любом случае погибнешь. А если погибнешь, найдут тебя через несколько недель, месяцев, может, даже лет, и разумеется, животные успеют объесть твой

труп. Такова природа. В далекие времена индейцы оставляли умирающих на расправу росомахам. Пожирателям мертвых.

— Была одна женщина, геолог, — сказала Алекса. — Помнишь, Дапп? Из Келоуны.^[14] Она отстала от своих в плохую погоду, все решили, что она упала с утеса. До снежных бурь ее так и не нашли, останки обнаружили уже следующей весной. К тому времени ее объели гризли, и волки, и черт знает кто еще. Кости ноги сломаны, по всей видимости, она и впрямь упала.

— Когда это случилось? — спросила Тана.

Алекса скорчила гримасу.

— Года два назад, по-моему. Но это было довольно далеко отсюда, ближе к северу. В долине Нехако.

Тана сделала пометку — проверить эту информацию, когда получит доступ к Интернету. Все сходилось: плохая погода, затруднившая поиски, труднодоступное место, сильно объединенная хищниками жертва.

Допила кофе, радуясь, что желудок позволяет. Хотя бы в небольших количествах.

— Прежде чем уйти, — сказала она, — я хотела бы поговорить с Калепом по поводу драки в «Красном лесе». Он дома?

— Спит еще, — ответил Дапп, отодвигая стул. — Я его разбужу. Калеп! — завопил он во все горло, войдя в маленькую прихожую. — С тобой тут поговорить хотят.

— Иду, — ответил заспанный голос.

Пока они ждали, Тана сказала:

— Вы не против, если я еще немного вас поэксплуатирую, Дапп? Я хочу запустить в Твин-Риверсе программу по подготовке вспомогательного персонала. Привезти сюда несколько волонтеров для экстренных случаев, для поиска и спасения. Как вы думаете, совет оценит такую инициативу?

Он ухмыльнулся.

— Мы уже давно это обсуждаем. Конечно, нам бы хотелось привлечь молодежь. Мы с Алексой уже говорили об этом. У вас, ребята, с этим совсем дела плохи...

— Эй, — начал было Калеп, заходя в кухню, но при виде Таны в униформе, сидевшей за столом, тут же осекся. Медленно сел. Все его лицо напряглось.

Она улыбнулась.

— Как ты, Калев? Пришел в себя после драки?

— Угу. — Он почесал руку, такой у него был нервный тик. — Штрафнули его? Ну, в смысле, Джейми?

Она покачала головой.

— Мы надеемся, он отработает ущерб. — Наклонившись поближе, прибавила: — Но сейчас я хотела бы выяснить, что ты знаешь о костях. О старых костях. О которых Джейми кричал в ту ночь в «Красном лесе».

Его смуглое лицо побледнело.

— Я не знаю ни о каких костях.

Родители Калеба замерли. В комнате ощущалось напряжение. Даже Туту притих, почувствовав неладное.

— Видишь ли, Калев, мы нашли кости на месте гибели Селены Аподаки и Раджа Санджита. Старые кости. Криминалистическая экспертиза покажет, что это за кости. Сколько им лет. Пол погибших, их происхождение. Может быть, причину смерти. — Она помолчала. — Я просто хочу понять, почему вы с Джейми подрались из-за этих костей.

Калев смотрел в стол, царапал ногтем что-то невидимое на меламиновой поверхности.

— Я ничего не знаю.

Тана положила на стол фотографию, которую взяла из полицейского досье на Джейми. Придвинула к Калеву. На фото был он сам, Джейми и Селена Аподака на митинге против ледяной дороги и расширения шахты.

— Многие люди в городе тоже не хотели, чтобы строилась эта шахта, Калев. А Гарри Бландт из ВестМина рассказал мне, что если бы здесь обнаружили старые кости или место захоронения, он не стал бы продолжать. В тот день ты был на митинге, — она постучала по фотографии кончиками ногтей. — И Джейми тоже. И Селена.

— Да там полгорода было, — сказала мать Калеба.

— Антропологи займутся этим следующей весной, — продолжала Тана. — В рамках изучения дикой природы, частью которого стала работа Селены и Раджа. — Она помолчала, подождала, пока он посмотрит ей в глаза. — Просто если кто-то принес туда кости, откуда

они взялись, Калев? Это преступление. Или, может быть, как сказал Джейми... грех, с точки зрения вашего сообщества?

На лбу Калеба выступил пот.

— Это бред, — буркнул он, оттолкнув фото.

— Что-то нехорошее происходит, Калев, и виной тому не волки. Если будешь скрывать информацию от полиции, у тебя начнутся большие проблемы, потому что эксперты многое нам расскажут и всплывут новые вопросы. Если ты или Джейми что-нибудь вспомните, сообщите мне, хорошо?

Тана поднялась, поблагодарила за кофе и вышла. Уже покинув дом, она услышала, что мужчины выясняют отношения. Громко. Бурно.

На снегоходе доехала до крошечной хижины у реки, где жил Дэмиен. Стянула шлем и очки. По обеим сторонам хижины густо росли деревья, а за ними блестела река, серебристо-серая среди засыпанных снегом камней. Снег все еще падал тяжелыми хлопьями.

Тана думала о собаках, о том, как они чуть не погибли, о вандализме и перерезанных проводах, о глазе, прибитом к двери полицейского участка. В жилах бурлила ярость. Тот, кто хочет ее запугать, не на ту попал.

Тана выключила мотор. Держа руку возле оружия, глядя по сторонам, собранная, напряженная, она сквозь метель пробралась к двери. Заколотила кулаком.

Нет ответа.

Постучала еще, прежде чем обойти хижину с другой стороны. Оттерла пальцем замерзшее окно, заглянула внутрь.

В хижине был бардак. Пустые бутылки. Грязные стаканы. Трубки для марихуаны. Упаковки от еды. Если бы не холод, все это покрылось бы плесенью. Судя по всему, здесь уже давно никто не жил. Поблизости не виднелось никаких следов, проход к двери завалило снегом.

Тана вернулась к входу в хижину, встала у порога, раздумывая. Ее дыхание оставляло клубы пара. Она слышала от Тимми Накенко, что у этих ребят есть укрытие в лесу, где они хранят запасы алкоголя и наркоты. Но чтобы найти этот тайник, ей требовалась информация.

О'Халлоран знает, где он. В этом Тана не сомневалась.

Вот дерьмо.

Шаг за шагом, Тана, ты сможешь. Тебе все равно так или иначе нужно вычислить эту шайку, поставляющую нелегальный алкоголь. А еще арестовать тех, кто перерезал провода и отравил твоих собак.

Она вновь села на снегоход и, спотыкаясь в сугробах, поехала к дому О'Халлорана.

Припарковалась, поднялась по лестнице. Заметила «Зверюгу» в ангаре с другой стороны забора, огораживавшего аэропорт, и подумала, где, интересно, стоит красный «АэроСтар».

Постучала в дверь. Она тут же распахнулась. В проеме, ухмыляясь, стояла Минди.

— Ты на него запала, что ли? Целыми днями тут ошиваешься.

— Где он?

— В сарае, мясо разделывает.

Тана спустилась обратно, побрела к маленькому обитому деревом сарайчику.

— Что, — крикнула ей вслед Минди, — сегодня лекции не будет?

Тана ничего не ответила. Ей не хотелось узнавать историю Минди у самой Минди. Она знала, действовать нужно поэтапно. Сначала сделать самое важное.

Снег покрывал землю толщиной в несколько футов, но протоптанная дорожка вела к постройке, похожей на два соединенных гаража. Дверь слева была заперта, справа — открыта. Играла музыка конца восьмидесятых. Тана застыла в проеме.

С крючка в потолке свисала оленья туша. Стоя к Тане спиной, О'Халлоран срезал с костей темно-красное мясо и бросал в железный ящик. Музыка и снег заглушили шаги, поэтому он не слышал, как она пришла. В ударах острого ножа чувствовалась власть и многолетняя практика. На нем была короткая стеганая куртка, забрызганные кровью брюки. Ботинки «Баффин-Арктик».

Тана оглянулась, внимательно всмотрелась в цепочку следов, ведущих от дома. Четкого отпечатка зазубрины не увидела — следы были слишком занесены снегом. Зато увидела, что из окна, стоя за занавеской, на них смотрит Минди. Станный холод прошел по всему телу Таны. Она глубоко вдохнула, собралась с духом, повернулась и вошла в сарай.

— О'Халлоран, — сказала она.

Он замер, медленно повернулся и посмотрел ей в глаза, сжимая в руке окровавленный нож.

— Не думал, что так скоро увидимся, констебль. — Он отвернулся, продолжил свое занятие. Куски мяса плюхались в корзину. Тану затошнило, в памяти резко всплыла картина — останки биологов на снегу.

— С собаками все нормально? — спросил он.

— Да. Нам нужно поговорить.

— Ну, говори. — Он не отрывался от разделки туши, и Тане захотелось посмотреть ему в глаза.

— Я ищу Дэмиена, — сказала она.

Его движения замедлились.

— Я не его надзиратель, Ларссон. Ты знаешь, где он живет.

— Его там нет. И похоже, уже давно. Как мне найти его укрытие?

— Значит, тебе все же нужна моя помощь?

— Не только собак отравили, О'Халлоран. Пока они мучились и я пыталась их спасти, кто-то оборвал связь во всем Твин-Риверсе. Тут уже речь не только о нелегальной торговле алкоголем. Нас отрезали от всего мира. Это серьезное преступление.

Все его тело напряглось, но он не удостоил Тану взглядом.

— Оборвали связь?

— Все до единого кабеля, ведущие от спутниковой тарелки к башне. Если «Нортел» не сможет в такую бурю доставить нужные детали, мы на несколько недель останемся без связи. Ты сказал, у меня есть враги. Но сейчас речь уже не только обо мне. Я хочу знать, кто это сделал.

По-прежнему не глядя на нее, он отрезал очередной кусок мяса.

— Почему ты думаешь, что это они? — Она услышала в его голосе легкое напряжение и ощутила смутную радость.

— Это лишь первая версия.

О'Халлоран повернул тушу так, чтобы срезать мясо с другого бока. Голова оленя повернулась к Тане. Раскрытые глаза, язык. Пульс Таны участился. *У животного не было глаз.*

— Где его глаза? — спросила она.

— Кто-то их вырезал, пока мясо тут висело. — Он отрезал еще кусок. Тана смотрела в пустые глазницы, сердце перешло на галоп.

Он искоса взглянул на нее. Зеленые наблюдательные глаза читали ее как раскрытую книгу. Без следа исчезло живое веселье, легкая, очаровательная улыбка, которую она видела, когда только познакомилась с ним. Теперь он был полон мрачной, пульсирующей энергии. В сарае сладко пахло мясом, железисто — кровью. Тане срочно нужен был воздух.

— Как это вырезал? Что ты имеешь в виду?

— Взял да вырезал. Многие их считают деликатесом.

Тана сунула руку в карман, вытащила пакетик с инструментом, который уже показывала Даппу и Алексе Петерс. Протянула О'Халлорану.

— Видел такое раньше?

— Где ты это взяла?

— Этим был приколот олений глаз к двери участка.

Его руки замерли. И то, что она увидела в его глазах, ее напугало.

— Когда? — спросил он.

— Сегодня утром.

— Это не похоже на Дэмиена, Тана, — отрубать связь во всем городе. Или травить собак. Или возиться с глазами моего оленя. Он знает, откуда ветер дует.

— А на кого тогда это похоже?

Он не ответил. Пристально посмотрел Тане в глаза. Ей вспомнились строки стихотворения:

Ибо горько и холодно здесь, и низко солнце висит,

И убитый в ночи олень пробуждает вой в замороженном сердце пустом.

При виде выпотрошенного оленя, которому вырезали сердце и другие внутренние органы, ей снова вспомнился обезглавленный труп Селены Аподаки среди снега и льда. Что, если нелегальная торговля алкоголем и жажда мести здесь ни при чем? Если отравленные собаки, и обрезанные кабели, и глаз, приколотый к двери, — все это последствия того, что было написано на доске, и вопросов, которые она задает всему городу, связывая между собой нападения?

— Я тебе вот что скажу. Может быть, Дэмиен не стал бы этого делать в одиночку, но запихните его в шайку — и коллективный разум сделает свое дело. — Она помолчала. — Но ты много знаешь о

психологии банды, правда, О'Халлоран? Знаешь, к чему она может привести?

Он отвернулся, напряженный, стал смотреть на оленя. В сарай ворвался порыв ветра, качнул тушу. Крючок, с которого она свисала, скрипнул.

— Так ты мне скажешь, где его укрытие?

— Твою мать, — пробормотал он.

— У тебя какие-то проблемы?

— Конечно, проблемы — притащить копа в его укрытие.

— Я не прошу меня *тащить*, я просто спрашиваю, где оно.

— И что ты будешь делать, когда туда доберешься? — выпалил он сердито.

— Допрошу их. Они — главные подозреваемые. Дальше буду действовать в зависимости от их ответов.

— Они не станут с тобой разговаривать. Все, чего ты добьешься, — так это подвергнешь себя опасности.

— Я не могу не поговорить с ним — или с ними. Иначе какое мнение обо мне сложится как о полицейском?

— Нет, одна ты туда не пойдешь. Ты права насчет его приятелей с водопада Росомахи — это агрессивные ребята, особенно когда напьются. Не знаю, на что они способны. К тому же это место заминировано.

— Но ты можешь туда попасть?

— Угу. — Он вытер лезвие о рубашку, спрятал нож в висевшие у бедра ножны.

— Потому что снабжаешь их алкоголем?

— Правильно понимаешь.

— Нет, я вообще не понимаю. Не понимаю, почему ты хочешь меня сопровождать. Если потому, что я беременна...

— То что?

Она посмотрела на него. Вспомнились слова, которые он говорил прошлой ночью.

...я просрал свою жизнь. С тех пор я забил на себя, и у меня неплохо получается.

Тану мучили сомнения. Она никак не могла ему довериться. Но при этом понимала, что в одиночку идти к Дэмиену, где ее поджидает вооруженная шайка, — верх идиотизма.

...ты, может быть, выдержишь удар и даже пулю, но думать теперь нужно не только о себе. О маленьком гражданине...

Тана сглотнула. Либо дожидаться подкрепления из Йеллоунайфа, которое могут никогда не прислать. Либо согласиться на Бабаха О'Халлорана. Или не подавать никаких признаков жизни, пока кучка подростков ее не прикончит. Или не придумает чего похуже.

— Ну так тебе нужна моя помощь или нет? Потому что ты не доберешься до этого укрытия, кроме как на моем снегоходе.

— У меня есть свой...

— На котором написано «КККП».^[15] Нет. Мой транспорт, мое оружие, мои правила. Потому что я не хочу отвечать, если тебя убьют. — Говоря это, он снимал куртку, потом стал стягивать футболку.

Его рельефное загорелое тело тоже было покрыто татуировками. На плече — шрам, на животе еще несколько, как от ударов ножа. Будто его пытали. Весь сплошные жилы, и мышцы, и воплощенная энергия, он повернулся к Тане обнаженной спиной, включил воду в раковине в углу сарая. В холодном воздухе поднялся теплый пар.

— Подожди минуту, я вымоюсь. — Он принялся намыливать руки. Тана смотрела на его спину, на джинсы, висевшие низко на бедрах. Ей стало жарко. Не по себе. Пронзившие воспоминания были все так же болезненны. Она навлекла на себя слишком много проблем, пытаясь заглушить боль яростным, бездумным, опасным сексом. Секс и алкоголь стали лекарством, на время дающим забыть обо всем. А потом привязанностью, русской рулеткой, в которую она играла сама с собой после того, как погиб Джим. Она как бы говорила миру — гори ты в аду. Она ненавидела себя, бичевала себя, снова и снова доказывала сама себе, какое она ничтожество. И вот теперь она беременна. И вот теперь она стоит здесь и пытается начать все сначала, и бывший заключенный, покрытый татуировками, какие носят только преступники, смывает с себя кровь, прежде чем отвести ее в логово бандитов. Первый подозреваемый, который запросто может оказаться серийным убийцей.

Ему нельзя доверять.

Он окинул ее взглядом через плечо, будто почувствовал, что она за ним наблюдает. Будто прочитал ее мысли о его теле. Поймав его взгляд, она вспыхнула. И его глаза потемнели.

Она собралась с духом, откашлялась.

— Сначала ты мне расскажешь. О своих татуировках. О том, кто ты на самом деле, как попал в тюрьму, что делаешь здесь. Иначе я поеду одна.

Его глаза сузились в щелки, небритое лицо приняло презрительное выражение.

— Ладно, — сказала она, — забей.

Повернулась и вышла из сарая навстречу снегу и ледяному воздуху.

ГЛАВА 28

Бабах плеснул себе в лицо холодную воду. Оперевшись обеими руками на грязную раковину, посмотрел в зеркало, покрытое пятнами ржавчины. Он понял, что увидела Тана. Она увидела то, что он хотел всем показать — бандита, подлеца, пресытившегося жизнью засранца. Твою мать. Он таким и стал. Никак не достойным человеком. Прожившим всю жизнь в мире насилия и порока, где злодеи и герои в одно мгновение менялись местами. Где правосудие не было ни злым, ни добрым, а порой и вовсе доставалось кровавой ценой. И он прекрасно вписался в этот мир.

Он с тоской выругался. Нужно было принять решение. Помочь ей — и, может быть, испортить результат пяти или шести лет выжидания. Но чего он выжидал? Его жажда мести притупилась. Нет, он хотел отплатить, но уже не так жестоко, как в первый день. И все же хотел.

Можно было отпустить ее, смириться с ее действиями, продолжать жить, как спланировал. Но если она и будущий ребенок пострадают — все потеряет смысл. Самое главное — то, ради чего он здесь. Месть за гибель матери и нерожденного ребенка.

Он насухо вытер лицо полотенцем, бросил его на скамейку, снял с крючка за раковиной чистую рубашку. Надел куртку, натянул перчатки. Сунул руки в карманы и пошел за ней.

— Тана! — закричал он, увидев, как она исчезает за углом дома. Перешел на бег, схватил ее за руку.

Она обернулась, ее глаза сверкали. Губы были слишком близко. Она тяжело дышала, и пар от их дыхания смешивался. Снег на меховой шапке был как конфетти. Ему захотелось поцеловать ее. Господи, как же ему хотелось поцеловать эти полные губы, зарыться в ее юности и свежести, спрятаться в них. Глаза жгло, грудь горела огнем. И внезапно показалось, что можно начать все сначала, просто попробовать. Но он не посмел. Он не мог так с ней поступить. Она была молода, полна идеализма. Он — слишком потрепан жизнью, тащил слишком опасный груз. К тому же она скоро станет матерью, и если он ничем не поможет ни ей, ни ребенку, к чему вообще думать об этом?

— Мне нужна информация, — сказал он медленно. — Нужно остаться вне поля зрения.

— Что, прости?

— Вот почему я здесь — занимаюсь бутлегерством, поставляю кокаин. Потому что мне нужна информация. Нужна работа посерьезнее, в лагере. Вскоре там потребуются люди. Серьезная работа требует серьезной информации.

Она моргнула. Ветер усилился, снежные хлопья радостно затанцевали вокруг них.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь! — Она смахнула его руку, повернулась и пошла. Он смотрел, как она уходит.

Просто отпусти ее... отпусти, отпусти...

Она упряма. Она справится без него — сама найдет укрытие, сама поговорит с Дэмиеном и его шайкой. Он подумал о доске в комнате для допросов, об отравленных собаках, обрезанных кабелях, о том, кто отрезал город от всего мира. О ней. Об оленьем глазе, приколотом к ее двери, — очень может быть, что этот глаз вырезали у *его* оленя...

Черт!

— Тана! — Он снова схватил ее за руку. — Постой, просто послушай... выслушай меня. Я работал под прикрытием.

Она моргнула.

— Прости... что?

— Пять лет назад.

— Ты... ты был *полицейским* под прикрытием?

— Почти четыре года я работал в оперативной группе совместного проекта ФБР, КККП, Интерпола и Канадской службы разведки и безопасности. Проекта «Протея». Мы отслеживали, как отмываются алмазы, финансирующие организованные преступления, наркоторговлю и торговлю людьми, проституцию, терроризм. Я был направлен в совместную группу Эдмонта, занимавшуюся особо тяжкими преступлениями, потому что был на особом положении, позволяющем работать под прикрытием, — имел опыт по части торговли алмазами и организации преступлений в местной алмазной индустрии.

Она сглотнула. Обвела его взглядом, как если бы оценивала заново, пыталась понять, сколько в его словах правды.

— А татуировки...

— Я работал под прикрытием с Ангелами Дьявола в Ванкувере. Ангелы контролировали весь нелегальный бизнес. Были посредниками между различными группировками, поэтому мы должны были расколоть их первыми.

— А шрамы?

Он фыркнул.

— Меня ранили. Ножом. Пытали, когда началась облава, а потом бросили умирать. На героин подсел, чтобы проникнуть в святая святых. — Он помолчал. — Моей карьере пришел конец, когда оперативники полиции Ванкувера, будучи не в курсе проекта «Протея», приехали на сделку между мной и торговцем людьми. Меня ранили в голову при попытке сбежать с алмазами, которые я пытался ему передать. Почти две недели я провалялся в коме. Целый год провел в центре реабилитации — черепно-мозговая травма, наркозависимость. Учился заново ходить, самостоятельно есть. Потом меня отправили на пенсию по причине нетрудоспособности.

Что-то изменилось в чертах ее лица. Он знал, о чем она думает. В своем ли он уме теперь? Как работает его серое вещество? И да, порой он сам задавал себе те же вопросы.

— А как же... ты говорил, жена, дочь...

— Я потерял их из-за работы. Возвращаясь домой, чувствовал себя как служебная собака, которая счастлива, лишь когда чует запах. Работа стала моим наркотиком. Я зашел слишком далеко. Я... — Бабах провел рукой по мокрым волосам. — Я не мог предугадать, что потеряю семью, Тана. И я жалею об этом.

Она посмотрела ему в глаза. Напряжение пульсировало в ней.

— А здесь ты собираешь информацию, чтобы...

— Сделка, которая закончилась облавой, должна была помочь нам влиться в международный синдикат, который, помимо всего прочего, контролировал и нелегальную торговлю алмазами. После облавы нам пришлось обойтись малой кровью. Мы не стали выяснять, кто входил в этот синдикат, кто им управлял. Но в центре реабилитации я стал одержим идеей дознаться. Я продолжал искать. Я не мог не пытаться сложить воедино все то, что узнал за четыре года работы под прикрытием, стоившей мне всего, в том числе карьеры. Мне кажется, теперь я знаю, кто им управляет, Тана. И мне кажется, он здесь.

— Кто?

Откуда-то сверху донесся шум. Бабах и Тана подняли глаза. Тишина. Лишь ветер качнул чуть в сторону занавеску в окне спальни, оставив небольшой проем.

— Пойдем, — сказал он, взглянув на занавеску. — Договорим в мастерской.

Минди подбежала к другому окну, откуда было видно, как Тана и Бабах идут по снегу в пристройку возле дома. Он был копом? Твою мать. Все мужчины врут. Все до единого.

Она думала, он крутой. У него самолет, он торгует нелегальным алкоголем и наркотиками. А он просто врун паршивый и больше ничего.

Она видела, как Бабах положил руку на плечо констебля, повел ее в мастерскую возле сарая. Заговорщики. Родственные, блин, души или еще что-нибудь пафосное. В глазах мутилось от слез.

В груди болело. Очень, очень сильно. У него даже были жена и дочь. Сраный, сраный, сраный врун. Она развернулась, изо всех сил пнула кровать. Пальцы свело болью. Ей было плевать. Она метнулась в кухню, стала рыться в ящике, ища термометр для мяса. Нашла, подняла рубашку и стала втыкать острый кончик в мягкий жир живота. Тык, тык, тык. Тык. Кровь сочилась из маленьких ран блестящими алыми капельками. Стекала по поясу брюк. Она любила его. Ненавидела его. Ненавидела Тану за то, что приехала сюда. Ей хотелось убить Тану Ларссон. Убить, убить, убить.

Бабах был тем самым, единственным. Он вытащил ее из сарая, где она спала, он помог ей прийти в себя. Минди все рассчитала — однажды он должен был быть с ней. Однажды у них случился бы секс, если бы Тана не приехала в город. Минди знала: этого еще не произошло, потому что он заботится о ней. Он ждет. Когда она станет старше. *Минди, ты слишком молода. Тебе нужен хороший мальчик твоего возраста. Нужно ходить в школу...* Слезы стекали по лицу.

ГЛАВА 29

Они сидели в мастерской Бабаха на низких стульях и смотрели друг на друга. Здесь стоял его красный «АэроСтар». Он закрыл дверь, включил обогреватель, загоровшийся теплым оранжевым светом. Снег шлепался на землю, сползая по крыше.

— Мою жену звали Ли, — сказал он и грустно улыбнулся. — Точнее, и теперь зовут, только уже бывшую жену. Дочку — Трейси. Думаю, теперь ей больше нравится, когда ее зовут Грейс. Ей двенадцать. Как я уже сказал, мы не видимся.

Он провел рукой по мокрым волосам, зачесав их наверх, отчего вид у него сделался каким-то ранимым. Улыбнулся пошире и снова стал похож на знакомого Бабаха. Который носил нелепый летный комбинезон времен Второй мировой и управлял таким же старым самолетом. Слушая, Тана изучала его. Он прятался за этой улыбкой и показной бравадой, но она понимала: так делают сломленные люди, а этот человек был явно сломлен.

— Из-за сложности и масштаба операции, связанной с международным терроризмом, правила постоянно менялись. Я заходил все дальше и дальше. И чем глубже погружался, тем больше отрывался от своих, потому что тем больше потерял бы, если бы меня раскрыли. Я все реже бывал дома. Грань между мной настоящим и моей ролью становилась все тоньше. Я отрастил волосы, набивал татуировки, проходил проверки. Я учился выживать в другом мире, обрстал связями.

— Кэм О'Халлоран — твое настоящее имя?

Он пристально посмотрел ей в глаза и какое-то время молчал, потом ответил:

— Отчасти.

Вот дерьмо. Тана встала, прошла мимо маленького вертолета, повернулась к Бабаху.

— Все еще играешь в свои игры, да? Думаешь, ты все еще под прикрытием, но ты уже стал маргиналом. Поэтому ты торгуешь алкоголем, наркотой и чем там еще.

Вот почему она ничего не нашла, когда искала информацию о нем.

— Как тебя зовут на самом деле?

Он сглотнул.

— Дэйв О'Халлоран. Сержант Дэйв О'Халлоран. Поищи в Интернете.

Она смерила его взглядом. Мысли бешено вращались.

— Ты не похож на Дэйва.

Уголок его рта изогнулся в горькой улыбке.

— Ну, зови Бабах. Меня звали Бабахом еще в детстве. Я был неуправляемым ребенком.

Тана вновь села напротив него, наклонилась поближе, руками оперлась о колени. Пристально посмотрела на него.

— А когда тебя подстрелили копы Ванкувера, ты отправился в больницу как кто?

— Стэн Бауэр, участник группировки Ангелы Дьявола.

— И что с тобой случилось, по мнению окружающих?

— Всем сообщили, что я стал овощем, что меня отправили в больницу, где я до конца своих дней буду разъезжать в инвалидном кресле и питаться через трубочку.

— Как ты получил татуировку трезубца? Мне сказали, для этого нужно убить человека.

— Все было продумано. Средней руки драгдилера, который спутался с Ангелами, часа в два дня замочили канадские копы из других соображений, а потом бросили труп в переулке, где я два часа спустя застрелил его снова.

Тана потерла подбородок, пытаясь все это осознать.

— К тому времени Ли завела роман с банкиром по имени Кев Симмс. Когда я узнал об этом, она поставила мне ультиматум: бросить работу под прикрытием и пройти курс лечения от наркозависимости, и тогда она уйдет от Кева, и мы попробуем начать все с чистого листа. Но я не смог. Мне было не до лечения — я считал, что с зависимостью справлюсь и сам, а серьезная сделка может сорваться. Я получил от ФБР и Интерпола несколько конфликтных алмазов^[16] из Западной Африки, помеченных в лаборатории ФБР по новой технологии. Должен был встретиться с одним типом из Европы и заплатить ему этими алмазами за перевозку женщин и оружия. Он сказал, что знает, как нелегально провезти необработанные камни. Я четыре года работал под прикрытием, Тана, и если бы явился туда без камней, они почуяли бы неладное. Люди погибли бы, вся эта чертова операция бы

рухнула. Так что я попросил Ли подождать. Она ответила: без вариантов, Трейси нужен отец, а Кеву предложили новую работу в Нью-Йорке, и она переезжает вместе с ним. Забрала Трейси и начала новую жизнь.

В его голосе звучала тоска. И боль. Тану резануло как ножом. Ей было так жаль его, потерявшего жену и дочь. Если она что и узнала за всю свою паршивую жизнь, так это то, что с хорошими людьми всегда случается какое-то дерьмо. Они становятся теми, кем не хотели стать.

Она отвела взгляд, опустила глаза — разговор становился слишком интимным.

— Значит... эти конфликтные алмазы должны были выявить путем лабораторного анализа, когда они пошли бы в производство?

— Да. Из Африки камни отправляли на Север, оттуда распространяли по разным местам, заносили в базу. Там их обрабатывали и наносили изображения милых полярных медведей или кленовых листьев.

— И выдавали сертификат о том, что это канадские алмазы?

— Совершенно верно. Стоили они на международном рынке примерно столько же, что и алмазы из конфликтных зон Африки и других стран. Чистые канадские алмазы гораздо выше ценятся в мире преступности и терроризма.

— И что случилось? Что пошло не так при этой сделке?

— Да полная задница, вот что случилось. Подсудное дело. Офицеру из Ванкувера донес один мутный тип, что будет незаконная сделка. Я прибыл один. Мне все было ясно с самого начала. Ванкуверские копы не знали о нашей работе под прикрытием, вот и замутили рейд.

— И твоя оперативная группа не наблюдала?

— Наблюдала, но вмешиваться не собиралась. Это была особо важная операция, и важнее всего было не взять их с поличным, а позволить сделке идти по плану, чтобы помеченные алмазы были направлены в производство и провезены за пределы организации. Мы знали, кто за этим стоит. Мы хотели пойти еще дальше, добраться до синдиката, управлявшего всем процессом. Но проблема в том, что полиция Ванкувера занялась этим вопросом, как раз когда мне передали алмазы. наших оперативников предупредили, и они понадеялись разрулить ситуацию в последний момент. Завязалась

перестрелка. Я попытался вырваться, камни были при мне. И ванкуверские копы, ожидавшие в конце аллеи, меня ранили. Одна пуля попала в плечо. Вторая в голову. Я попал в больницу, две недели пробыл в коме. Потом вернулся в Эдмонтон, где прошел целую кучу терапий. Мой больничный затянулся.

Он потер бровь. В маленьком сарае было тепло. Здесь они укрылись от всего мира.

— После этого жизнь Ангелов в Ванкувере закончилась — мы кое-как отбились от обвинений во всех смертных грехах, включая торговлю людьми. Двух дилеров из Европы убили в перестрелке. Но хуже всего то, что после стольких лет и усилий мы не продвинулись ни на шаг ближе к синдикату и к тому, кто за ним стоял. Он оборвал все связи с ванкуверскими группировками, сжег все мосты, затаился. Мы так никогда и не выяснили, кто поставлял конфликтные алмазы на северо-западные территории.

— А откуда этот мутный тип узнал, что будет незаконная сделка?

— Без понятия. Его потом нашли на Беррард-стрит под наркотой. Может, среди Ангелов завелась крыса, а может, кто-то туда внедрился. Мне сказал один парень из Ангелов: одним из самых ценных активов в преступном бизнесе — полицейские. Он сказал, конспирация работает в обе стороны. Я тогда подумал, он меня проверяет. Но, возможно, он имел в виду кого-то высокопоставленного из КККП. Было бы логично, если бы к Ангелам кто-то внедрился. Тогда стало бы понятно, почему алмазы спокойно поставлялись на северо-западные территории и полиция закрывала на это глаза.

Тана внимательно всмотрелась в лицо О'Халлорана — и поверила. Да, может быть, он был социопатом или гениальным лгуном — при такой работе приходится стать и тем и другим, иначе не выжить. Пути назад нет.

— И поэтому, потому что ты, как ты говоришь, просрал свою жизнь, ты решил, что у тебя есть право вмешиваться в мою?

Он глубоко выдохнул и отвел глаза. Тана поняла — он рассказал ей не все.

— Что? — спросила она. — Что ты от меня скрываешь?

Он снова повернулся к ней.

— Когда Ли и Грейси оставили меня, я связался с ночной бабочкой, которая навела меня на нескольких Ангелов. Мы оба сидели

на героине. — Он сглотнул. — Ее звали Лара. Она была хорошей девчонкой, Тана. Ей тяжело пришлось в жизни — иначе она не оказалась бы на улице. И вот когда ты попадаешь в тупик. Вот в чем дело. Работая под прикрытием, ты начинаешь видеть в этих существах людей. Да, они на стороне зла, но... как они туда попали? Ни один маленький мальчик, сидя у папы на коленях, не говорит: когда я вырасту, стану наркодилером. Хочу колоться сам и сажать на это других. Ни одна трехлетняя девочка не скажет маме: я хочу быть проституткой.

Тана сглотнула.

— Не знаю, — сказал он. — Может, я хотел защитить ее от нее самой. Забрать у Ангелов, сделав моей... — Он осекся, закашлялся. — Но пришло время проверки, и главарь взял меня с собой на встречу с тем, кто его подставил. Лара поехала со мной. Он всучил мне пистолет, велел пристрелить того парня. Я был копом. Я попытался отмазаться. Он не дал мне шанса. Он вынул из кобуры еще один пистолет и вышиб Ларе мозги.

Ветер усилился, сарай скрипнул. Глаза Бабаха блестели. Все его лицо было напряжено, и сердце Таны больно сжалось.

— А что... что случилось потом? — прошептала она.

— Главарь направил на меня пистолет и спросил: ты кто такой? Коп? Я ответил: да ни хрена. Хочешь, чтобы я кого-то убил, — пожалуйста. Ну и мы разыграли эту сцену с дважды застреленным.

— Но... Лара...

Он потер небритый подбородок.

— Да. Лара. Если на то пошло, я правда ее любил. А потом узнал, что она была на пятом месяце. Ждала нашу дочку.

Тана побледнела. Ее дыхание стало легким. Поднявшись, она подошла к крошечному окну мастерской, заляпанному снежной кашей. Обвела невидящим взглядом замерзшие сосны.

— Вот почему, — прошептала она. — Вот почему ты прицепился ко мне на ферме Удава. Вот почему принес мне суп и ушел, когда услышал наш с Адди разговор. Вот почему ты отчитал меня, сказав, что в детстве я была такой же, как Минди. — Она осеклась. — Потому что ты знал. Ты знал, что в жизни может пойти не так. Что идет не так.

Он ничего не ответил.

Она повернулась. И от его взгляда у нее больно сжалось сердце. Вспомнился Джим. Как она хотела поговорить с ним. Как сказала, что еще не время обзаводиться детьми. А потом стало слишком поздно, и теперь она ждет ребенка от случайного засранца. И чужой человек, сломленный человек, пытается спасти ее, потому что не смог спасти свою любимую и будущего малыша.

Когда она вновь нашла в себе силы заговорить, ее голос был хриплым.

— А что было дальше с главарем Ангелов?

— Я его убил.

Она посмотрела ему в глаза.

— Как?

— В той перестрелке, в которой меня ранили. Прежде чем уйти, пристрелил его. Если бы сбежал раньше, может, не получил бы пулю в голову.

— Тебя не посадили.

— Порой правосудие слепо.

— А сюда ты зачем приехал?

— Из-за Алана Штурманн-Тейлора и его роскошного лагеря.

Тана задумалась.

— Хочешь сказать, Штурманн-Тейлор, владелец лагеря, как-то связан с синдикатом? — Она внимательно всмотрелась в лицо Бабаха, его глаза, пытаясь найти признаки безумия, заикливости, одержимости.

— Я думаю, он *и есть* синдикат, Тана. Он купил этот лагерь пять лет назад, примерно в то же время, когда Гарри Бландт нашел под Ледяным озером куски кимберлита. И принялся вносить изменения: сделал капитальный ремонт, проложил новые охотничьи маршруты, потихоньку навез сюда клиентов со всех стран. Серьезных бизнесменов. Людей со связями. Придумал для них кучу развлечений. Потом я прочитал заметку о том, что Бландт нанял человека по имени Маркус Ван Блик. Еще под прикрытием я узнал, что Ван Блик работал охранником, по большей части на африканских предприятиях по обработке алмазов, и считался подозрительным — возможно, был наемным убийцей.

— И ты приехал сюда, чтобы проверить, как все это связано?

Он пожал плечами.

— Алмазы из Африки нужно будет везти в другое место, чтобы запустить в производство. Ван Блик может это организовать, особенно если с самого начала был включен в новую и сложную операцию. Я знаю, — прибавил он, — может быть, я гоняюсь за призраками. Я знаю, о чем ты думаешь. Ты считаешь меня психом, тебе кажется, что пуля и героин повредили мой мозг. Может, так и есть. Но когда ты прошел через ад, когда ты неправильно судил о жизни и людях, а теперь по уши в дерьме и не знаешь, что делать, ты просто механически делаешь что угодно, просто потому что знаешь, как это делается, и передвигаешь ноги, лишь бы двигаться вперед. Только это заставляет найти в себе силы каждое утро подниматься с кровати. Поэтому я продолжил поиски. Может, я и есть тот старый пес, что чует запах и идет на него. — Он помолчал. — Да, может быть, я ненормальный, вроде тех, что верят в теории заговора и никуда не выходят из комнаты, увешанной газетами, исчерканными красным маркером. Но я думаю, что в случае Штурманна-Тейлора я вышел на след. Ван Блик и Бландт охотятся вместе с ним, проводят время в лагере. Одна из его дочерних компаний щедро финансирует ВестМин.

— И что ты будешь делать, если найдешь доказательства?

Он поднялся на ноги, прибавил мощности обогревателю.

— Сперва план был такой — заставить его признаться, а потом убить. Пусть заплатит за Лару. За нашего ребенка.

Тана посмотрела на него, откашлялась.

— А теперь какой план?

— Не знаю.

— Ты хотел умереть — но сперва найти его, вынудить во всем признаться, а потом покончить с собой?

— Какая ты сообразительная!

Она снова подумала о Джиме. О его светлой улыбке. О том, как он любил испытывать судьбу, желая *что-то почувствовать*, как эвакуировал раненых с поля боя, как, будучи парамедиком, ^[17] просто жил своей работой. Совсем как Бабах. Подумала о том, как он скрывал свою депрессию, о том, что еще мог скрывать. Психическое расстройство. Наркозависимость. И внезапно ощутила смешанные чувства по отношению к человеку, сидевшему рядом с ней в мастерской. Обнажившему ей всю душу. Он полностью ей доверился, рассказал ей, сотруднице полиции, что из мести убил человека, что

собирается расправиться с другим. Она поверила ему. Поняла его суть. И ей следовало бы держаться от него подальше.

— А сейчас?

— А сейчас вам все известно, констебль. Так что же вы теперь будете делать?

Она глубоко вдохнула и некоторое время молча слушала, как снег шлепается с крыши.

— Теперь, пожалуй, я позволю тебе отвезти меня к Дэмиену.

ГЛАВА 30

Бабах остановил снегоход. Низкая хижина, стоявшая среди густых кустарников, была почти до самой крыши завалена мягкими глыбами снега, а хлопья все падали и падали. Сквозь заколоченные окна сочился бледный желтый свет. Снег громко шлепался с деревьев — ветки не могли выдержать его тяжести. Освободившись, радостно взмывали вверх, махали, как руки, отбрасывая длинные тени. Казалось, деревья — живые, они шевелятся, движутся. Полуденное солнце висело низко, свет был пугающе голубым.

Они пересекли реку и почти полчаса ехали по лесу, прежде чем Бабах замедлил скорость и свернул в затерянную долину.

Он велел Тана сменить куртку с логотипом РККП и полосками. Настоял, чтобы она оставила свой снегоход за его домом.

— Подожди здесь, — сказал он, надевая лыжи. Направился в леса, но не по прямому пути, ведущему мимо деревьев в заросли, а в обход. Он предупредил, что под снегом выкопан глубокий ров и прикрыт ветками.

Тана в бинокль смотрела, как Бабах исчезает в тенистом лесу, и когда он скрылся из виду, на нее вдруг навалилось чувство бескрайнего одиночества и потерянности, незримая, осязаемая тяжесть.

Она посмотрела на часы. Скоро должно было стемнеть.

Несколько минут спустя она вновь увидела Бабаха. Он добрался до хижины. Дверь открылась, плеснул свет. В дверном проеме появилась фигура. Тана прибавила увеличение. Дэмиен. В руках — длинное ружье. За его спиной, в хижине, маячили еще какие-то фигуры. Они наблюдали, ждали. Они знали, что идет Бабах.

В ней бушевало желание самой ворваться в хижину, но Бабах сказал, что без нее сможет больше из них вытянуть. Она осмыслит ту информацию, которую ему удастся получить, и будет действовать исходя из нее. Узнав, что Бабах был опытным полицейским, Тана изменила мнение о нем. В любом случае сотрудничать с ним было лучше, чем бездействовать.

— Ты уверен, что хочешь это делать? — спросила она.

— Что именно?

— Помогать мне с работой.

Учитывая твою ситуацию, твое рискованное расследование, связанное со Штурманн-Тейлором...

Он пристально посмотрел ей в глаза и улыбнулся.

— А ты хочешь, чтобы я тебе помогал? Учитывая, что это *твоя* работа? — Потом усмехнулся и добавил с ухмылкой, за которой пряталась вся боль: — К тому же я не собираюсь сообщать им, что был офицером полиции. Я просто спрошу, не они ли отравили твоих собак и оборвали связь. Поверь, даже такие ребята, как Дэмиен и его приятели, знают границы, которые нельзя переходить. Ясно дам им понять. Они меня послушают, они все скажут, если не хотят остаться без алкоголя и наркоты, которые я поставляю. Но только если я пойду один. Дай-ка мне сумку с инструментом — я хочу заодно спросить, знают ли они, что это такое, и не они ли вырезали моему оленю глаза.

Невысказанный, злополучный вопрос затаился в засаде: *способна ли эта шайка поступить как стая кровожадных волков? Совершить ритуальное убийство, прирезать Аподаку и Санджита, бросить их останки на съедение падалицам?*

Когда за Бабахом закрылась дверь, Тана навела бинокль на хижину, чтобы разглядеть тени, маячившие в прорехах между досками, которыми были заколочены окна. Она будет действовать постепенно, в зависимости от того, что он ей сообщит. Она вынуждена была признать: после долгой борьбы в одиночку приятно было ощущать себя частью команды. В ней росло и другое чувство, связанное с Бабахом. Но оно было намного сложнее. И опаснее.

Дверь резко распахнулась. Бабах вышел. Еще о чем-то поговорил с ребятами, потом стал пробираться между деревьями. Несколько минут спустя вынырнул, тяжело дыша от усталости — трудно было тащиться по непролазным сугробам.

— Что они сказали? — спросила она.

— Они не знают, кто перерезал кабели и отравил твоих собак.

Она вгляделась в его лицо в угасающем свете.

— Это правда?

— Думаю, да. — Он стал снимать лыжи. — Вряд ли им хочется прекращать поток бухла. Я прямо сказал им, что помогаю тебе с этим, потому что инциденты с собаками и кабелями произошли

одновременно. Сказал, что мне нужна эта информация для моего и для их блага.

— Ты уверен? Ребята с водопада Росомахи, они...

— Тана, я много лет общался с бандитами, шулерами, аферистами. Я принимал решения, от которых зависела моя жизнь, исходя из того, поверил им или не поверил. Я недолго проработал бы под прикрытием, если бы не мог разбираться в людях.

Тана вспомнила, как он разглядел ее сущность сквозь обиду за Минди, как увидел все ее прошлое.

— А ты можешь просчитать социопата? — спросила она. — Ты мог бы сказать, способны ли они всей шайкой убить человека?

— Уверен, что это не тот случай. Да, Дэмиен и его команда — стадные животные небольшого ума. Но все, что они хотят, — побунтовать немного да сотворить какую-нибудь пакость. Не похоже, чтобы они испытывали тягу к ритуальным убийствам, крови или насилию.

— А про глаз и инструмент скажешь что-нибудь?

Он прикрепил лыжи к снегоходу. Снег снова повалил, стало быстро темнеть.

— Только один из ребят, охотник, понял, что это такое. Он дружит с Джейми. Сказал, что видел похожие в сарае старого Удава. С помощью такой штуки выскребают мозги маленьким животным и птицам.

— Нам придется вновь поехать на ферму Удава. Эти ребята были первыми в моем списке подозреваемых. Если виноваты не они...

— Значит, кто-нибудь другой, — заключил Бабах. — Но вопрос не в том, кто, а в том, *зачем*. Для чего пакостить тебе? Травить твоих собак? Вешать глаз тебе на дверь? Может быть, и кабели перерезали, в первую очередь чтобы оставить тебя, единственного полицейского, в полной изоляции? Подумай, Тана, кто здесь тебя не любит?

Она смахнула снег со лба, повернулась, обвела взглядом бледные деревья.

— Зато у *твоего* оленя из *твоего* гаража вырезали глаза. — Она пристально посмотрела в лицо Бабаха. — Может быть, это Минди? Она не скрывает, что любит тебя, а меня ненавидит. Глаза оленя могут быть зацепкой. Вдруг она таким образом хочет что-то нам сказать?

— Не думаю. Но поговорю с ней. — Он подвел машину к Тане. — Не знаю, что с ней делать. В январе в Йеллоунайфе начнутся курсы, позволяющие закончить учебу и начать профподготовку, но ей нужно будет где-то жить... Ладно, может, глаз на двери — ее рук дело. Но кабели перерезать ей незачем, да и, если уж на то пошло, она и не сообразит.

— Уверен? — Тана села на снегоход, прижалась к Бабаху, обвила ногами.

— А собак она любит. Уверен, не стала бы их травить.

Он завел мотор. В небо взвился голубоватый дым, машина, кашляя и грохоча, вернулась к жизни. Он быстро ехал, стараясь обогнать подступающую темноту; сверкающие блики фар танцевали среди мягких сугробов. Снегоход качало, и Тана крепко держалась руками за Бабаха, чтобы не упасть. Ей нравилось чувствовать его тело. Ей просто приятно ощущать близость другого человека, сказала она себе. Его тепло. Его силу. Среди абсолютного одиночества.

Как давно ее обнимали? Как давно относились к ней с любовью? Нежно, ласково, понимающе? Ее больше никто не любил — ее только трахали. Боль потери, острая, невыносимая, внезапно пронзила с новой силой. С тех пор как ушел Джим, в ее сердце была черная дыра. Поэтому она стала такой ранимой. Нужно было держаться подальше от Бабаха, потому что она может опять попытаться приглушить боль старым способом. А новые трудности ей не нужны. Тем более теперь, когда у нее ребенок, и новая работа, и попытки начать новую жизнь. Бабах означал проблемы. Тана знала людей, которые любят рисковать, лишь бы почувствовать себя живыми. Она знала их слишком хорошо.

И дорого заплатила за эти знания.

...думать теперь нужно не только о себе...

Минди волокла по снегу старый чемодан, по лицу ручьями сбежали слезы. Она собрала все свое барахло и теперь сваливала от Бабаха, направлялась в город, не зная, куда потом. Денег на гостиницу у нее не было. В старый сарай у реки ужас как не хотелось. Она шла по середине дороги, там, где было расчищено. Боб из техобслуживания в начале зимы всегда присобачивал на грузовик роторы и разгребал таким образом сугробы, прочерчивая подобие дороги от Твин-Риверса

до взлетной полосы и вдоль реки мимо фермы Кроу Удава к поселению у водопада Росомахи.

Сзади блеснули фары, раздался шум грузовика, который тяжело пробирался сквозь сугробы. Минди поспешно отскочила с дороги на обочину. Рядом с ней выросла темно-серая машина и остановилась. Двигатель продолжал работать, выхлопные газы, пыхтя, поднимались в темнеющее небо. В кабине включился свет.

— Куда ты идешь? — спросил мужской голос. Минди заглянула в кабину. Она несколько раз видела этого человека в столовой. Он работал в лагере ВестМина. Говорил с акцентом.

— Не знаю, — ответила она. — В город. Наверное.

— Я тебя знаю, — сказал он. — Ты часто бываешь в столовой. Ты та юная леди, что живет с пилотом О'Халлораном.

— Я от него ушла.

— Есть куда идти?

— Нет.

— Тогда запрыгивай, — он наклонился, открыл пассажирскую дверь. — Меня зовут Маркус. Я еду к водопаду Росомахи. У моего друга там дом. И тебе места хватит. — Он улыбнулся. Улыбка была доброй, но Минди занервничала. Подняла глаза в небо, перевела взгляд на дорогу. Вот-вот должно было совсем стемнеть. Холодало.

Она стала запихивать чемодан в дверь кабины. Маркус убрал книгу, лежавшую на сиденье. Судя по всему, ужастик — на обложке был нарисован полуволок-получеловек с рогами и длинными клыками, с которых капала кровь. Минди вновь засомневалась. Заметила темные пятна на брюках Маркуса, грязь под ногтями.

— Что это за книга? — спросила она.

— Моего друга. Хочу, чтобы он мне ее подписал. Мне кажется, ты видела его в столовой. Такой круглолицый, с лысиной.

Минди вспомнила. Да, видела его в тот вечер, когда собак Таны отравили. Она стала забираться в машину. Как только устроилась на сиденье, увидела свет фар. На дорогу выехал еще один грузовик. Остановился рядом, окно открылось. Хизер.

— Привет, Минди, привет, Маркус, — сказала она. — Куда это вы, ребята, едете?

— Да вот хочу подвезти, — ответил Маркус, — ей ночевать негде.

Хизер долго смотрела на него, сузив глаза, а потом спросила:

— Минди, а ты не хочешь поехать ко мне? У меня есть свободная кровать.

Выбралась из грузовика, подошла к ним, взялась за чемодан Минди.

— Давай-ка его сюда, — вытащила чемодан, бросила в засыпанный снегом багажник своей машины, открыла пассажирскую дверь. Натянуто улыбнувшись, сказала Маркусу:

— Спасибо.

Он посмотрел на нее. В темноте его лицо казалось жутким. Отдал Хизер честь, закрыл окно и уехал.

— Все в порядке? — спросила Хизер, когда они с Минди остались вдвоем в теплой кабине грузовика. Хизер была красавицей. Ярко-голубые глаза, золотые волосы. Снег блестел на меховом воротнике. Минди ревновала Хизер, потому что та спала с Бабахом. Но у них был просто секс, ни отношений, ничего такого. Однажды Минди подглядывала за ними из сарая, прошлым летом, после Фестиваля Света, где все ужасно надрались под ярким солнцем.

Она вновь заплакала.

— Что случилось с Бабахом, солнышко? — спросила Хизер.

— Не знаю и знать не хочу. И жить с ним не буду.

— А где будешь?

— Не знаю.

— Не можешь же ты опять спать в том сарае?

— Больше нигде. — Она всхлипнула, и это было глупо, потому что Бабаху было лет сорок или около того, а ей почти пятнадцать, и он никогда бы не полюбил ее так, как она его любила.

— Я возьму тебя к себе, — ласково сказала Хизер. — Можешь жить у меня, сколько хочешь. Идет?

Минди кивнула и вытерла глаза. Хизер завела мотор.

— Пристегнись.

Ведя машину, она время от времени посматривала на Минди.

— Так что у вас с Бабахом? Почему ты от него ушла?

Минди смотрела в окно.

— Ну мне-то можешь рассказать.

— Он врун.

— Что ты имеешь в виду?

— Хочет залезть в штаны этой телке, новому копу. Всю дорогу до мастерской ее лапал. А потом они там закрылись на сто лет. И дверь заперли.

— С Таной Ларссон?

Минди кивнула.

— Да его даже зовут не Бабах!

— Ну да, это его прозвище. Его зовут Кэмерон.

— Вранье. Все вранье. Я думала, он бандит, а он бывший коп.

— Что?

— Угу. Еще у него жена была и дочь. Я слышала, как они говорили. Он был копом под прикрытием, прежде чем сюда приехать. Что-то мутит с алмазами. Они с Таной что-то задумали, потому что, когда вышли из сарая, поехали куда-то на его снегоходе, и куртку она свою сняла, а надела его какую-то.

Хизер нахмурилась.

— Ты уверена? Он был *копом*?

— Я слышала их разговор. Под окном спальни. Чем угодно клянусь. Ненавижу мужчин. Все они врут.

Какое-то время Хизер молча вела машину, потом спросила:

— Минди, ты точно все это не выдумала, чтобы... ну, из-за констебля Ларссон?

— Нет.

Еще немного помолчав, Хизер сказала:

— Держись подальше от таких людей, как Маркус Ван Блик. Такие, как он, плохо обращаются с женщинами. Я видела, он привозил молодых девчонок к себе в лагерь. — Она внимательно посмотрела на нее. — Ты достойна большего, правда? Ты же не пойдешь по этой дороге?

Минди смотрела в окно, в снежный мрак. Ей хотелось злобно радоваться, ведь теперь Хизер не будет доверять Бабаху. Но она чувствовала себя дерьмовее некуда. А как еще она могла себя чувствовать? Она в полной заднице, выхода нет и не будет. В памяти всплыл разговор с Таной:

— *Минди, если ты захочешь поговорить...*

— *С тобой стопудово не захочу.*

— *Послушай, я была такой же, как ты. Я знаю...*

Минди сморгнула слезы.

ГЛАВА 31

— Да это просто рай, — сказала Тана, откусывая еще кусочек обжигающе горячей пиццы из столовой. Глядя, как она ест, Бабах улыбался. Ему нравилось видеть ее счастливой.

После целого дня, проведенного на холоде, в тепле ее щеки порозовели, в глазах зажглись искорки. Прекрасные, ясные, темно-карие глаза. Как шоколад. Он впервые видел ее улыбку.

Они сидели за столом в маленькой комнате для допросов и смотрели на доску с фотографиями. Перед ними на столе были разложены остальные фото и заключения следователя. Он вспоминал прошлую жизнь — как работал над сложными случаями. Засиживался до поздней ночи. За едой обдумывал мотивы преступления. Чувствовал дух той особой дружбы, какая бывает между коллегами-детективами. Он мог бы снова привыкнуть ко всему этому.

Макс и Тойон лежали у их ног. Собак выгуляли и накормили, и хотя они сильно устали, признаки выздоровления были налицо. Розали как следует позаботилась о них. Оставила Тане записку, в которой сообщила, что в участок пришли Джейми, Калеб и вождь Дапп Петерс. Они хотели признаться насчет костей.

Дело было так. Джейми выяснил у Марси, где находятся места захоронений, а потом вместе с Калебом и Селеной отправился на раскопки. Они решили, что Селена отнесет кости на северный берег Ледяного озера, чтобы следующей весной их обнаружили антропологи. Таким наивным способом молодежь рассчитывала остановить расширение шахты. Сперва им казалось, что ради такого простительно совершить святотатство, но теперь Джейми считал, что смерть Селены стала наказанием за тяжкий грех. Духи покарали ее. Нельзя было трогать кости предков. Придя в ярость, Джейми в «Красном лосе» набросился на Калеба, который подговорил их раскопать могилы.

Вождь Дапп Петерс сказал Розали, что юноши решили исправить свою ошибку и помириться с полицией, а все остальное взял на себя совет старейшин. Джейми и Калеба ожидал ритуал очищения, после чего, сказал вождь, нужно будет попросить прощения у духов и обсудить на собрании, как поступить дальше. Племени понадобится

забрать кости у следователей, чтобы перезахоронить с необходимыми церемониями.

— Во всяком случае, мы выяснили, что это за кости. Хоть немного продвинулись, — заметила Тана, взяв еще один кусочек пиццы, сыр на котором уже успел порядком расплавиться. Бабаху понравилось, что она сказала «мы». Понравилось больше, чем должно было.

Откусив еще немного, Тана от наслаждения закрыла глаза.

— Куда лучше лосиного рагу, — пробормотала она с набитым ртом.

— Я неплохо готовлю оленину. — Он не знал, почему сказал это. Просто само вырвалось.

Она перестала жевать, посмотрела ему в глаза. Что-то повисло в воздухе: то ли вопрос о том, как быть дальше, когда они кое-что узнали, то ли приглашение на обед из оленины. Тана сглотнула и вновь переключила внимание на доску.

— Ну так что мы имеем? Давай разбираться. Нет никаких конкретных доказательств, что это не животные. Вместе с тем у нас есть три никак не связанных нападения волков и медведей, поражающих сходством: тела объедены частично, у жертв женского пола отсутствуют одни и те же органы. Всё так? — Она отхлебнула сока, опять перевела глаза на доску, избегая смотреть на Бабаха.

— Да. — Бабах проглотил пиццу, вытер рот салфеткой. — Во всех трех случаях фигурируют инукшуки, симметричные следы когтей, по крайней мере в двух из них — рыбья кровь и ваниль. Во всех трех случаях место действия — удаленные участки Твин-Риверса, нападения произошли в одно и то же время — в первую неделю ноября, незадолго до сильной снежной бури, затруднившей поиски и позволившей животным объесть тела. Первый случай — четыре года назад, второй — три, третий — в этом году.

— Может быть, сюда же относится дело о гибели геолога из Келоуны, которая пропала в долине Нехако в прошлом ноябре и чье тело было найдено только весной. Вот черт, — сказала Тана, — нам нужен Интернет. Нужен доступ к недостающим делам. Могли быть и еще подобные случаи. Я имею в виду, если это творит маньяк, он может перемещаться на вертолете. На большие расстояния. Никто не просыпается в один прекрасный день и не начинает ни с того ни с сего творить такие вещи. Убийства всегда планируются. Тот, кто это делает,

опасается быть пойманным, много перемещается и выбирает места, где животные могут уничтожить доказательства. Поэтому он понемногу движется все дальше, правда? И значит, прежде чем прибыть сюда, вполне мог орудовать где-то еще.

— Я тоже об этом подумал, — заметил Бабах, разглядывая фото отпечатка ботинка «Баффин-Арктик» с отчетливо различимой зазубриной. Он охотно продемонстрировал подошвы своей обуви, прежде чем сделать перерыв на пиццу. Узор был самым обыкновенным, а размер — одиннадцатым. След же, судя по линейке, на следующем фото лежавшей рядом с отпечатком, был девятого размера. Если удастся выяснить, чей это ботинок, подозрения будут гораздо более обоснованны.

— Здесь явно ритуальные или мифологические мотивы — чего стоят хотя бы разрывы как от когтей и факт, что животных, возможно, нарочно приманили на трупы. А еще инукшуки. — Он поднялся, вновь прочитал стихотворение из ужастика.

— Я должна отправиться в лагерь Члико, — заявила Тана.

— Мы, — напомнил Бабах, глядя ей в глаза. — Мы вместе пойдем туда, Тана, прежде чем наладят связь, прежде чем пришлют подкрепление. Потому что если отравленные кости, и глаз на двери, и диверсия связаны с *этим*, — он постучал по доске, — то, может быть, тот, кто убил этих четверых, теперь наметил своей жертвой тебя — потому что ты суешь свой нос в его планы. Сейчас тебя некому защитить — ты оторвана от всего мира, а впереди снежные бури.

Тана сглотнула и тихо сказала:

— Ладно. *Мы* пойдем в лагерь. Завтра. Поговорим с Генри Спаттом, узнаем побольше о его книге. Я хочу экземпляр.

— Придется ехать на снегоходе. Вертолетом не долететь в такую погоду.

Повисла тишина. Потом Тана сказала:

— А как же Штурманн-Тейлор и твои планы? Если ты появишься в лагере с копом...

Бабах знал, о чем она хочет спросить. Она хотела знать, может ли он, помогая ей, испортить все, к чему стремился последние пять лет. Да, запросто. Но он не мог этого не сделать. Будто судьба сама столкнула его с этой женщиной, чтобы спасти от самого себя, чтобы на пути к саморазрушению развернуть в другую сторону. Он не знал, что

это, жалость или благодарность, но чувствовал: если он сможет защитить ее и будущего ребенка, вселенная, наверное, простит ему гибель Лары и их нерожденной дочери. Наверное, жизнь иногда дает еще один шанс.

— Все это я возьму на себя, — сказал он.

— Расскажи мне, как ты нашел Новака и тело его дочери, — попросила Тана.

Бабах потер подбородок.

— Я проверял капканы старины Эдди Никапа. Он сильно болел, но лечиться не собирался. Так бы и помер с собаками вместе. Ну а я хотел попробовать настоящей жизни на Севере, получше познакомиться с местным населением.

— Часть работы под прикрытием.

Он чуть слышно фыркнул.

— Ну, можно и так сказать. В общем, в то утро я выгуливал собак Эдди возле реки, было еще темно. Шел сильный снег. И я услышал этот жуткий, нечеловеческий вой. Собаки словно взбесились. — Он посмотрел на фото Эллиота Новака, сделанное после всего пережитого. — То еще зрелище. Новак сидел возле деревьев, среди всего этого кровавого кошмара, сам весь в крови, и прижимал к себе то, что осталось от Реган. Весь обмороженный. Стонал, как раненый зверь, бормотал какую-то чушь о том, как ее в ночи рвали медведи и волки. Я запомнил все, что видел, пока место убийства не замело снегом. Голова Реган была оторвана. На краю развилки стоял инукшук — это показалось мне странным, но не настолько, чтобы стоило заострять на нем внимание. Я беспокоился, что Эллиот может погибнуть. Завернул в палатку тело Реган, погрузил на сани, рядом посадил Эллиота. Через несколько часов привез в город. Адди кое-как успокоила его, потом его эвакуировали. Следователи смогли добраться до места происшествия лишь через несколько дней.

— А мог он сам — Новак — убить свою дочь?

Бабах закусил щеку.

— Кто знает. Вдруг он чокнулся еще до того, как все случилось? Это многое объяснило бы.

— А остальных? Дакоту Смитерс, Аподаку, Санджита? Ведь он все еще здесь. Вдруг он настолько безумен, что напал и на них?

— Черт знает. Я не могу представить *никого*, способного на такое. Но это случилось.

— Ты можешь показать мне, где он... Можешь отвести меня к нему?

Он посмотрел на нее и медленно кивнул.

— Но на снегоходе это займет по меньшей мере сутки. Придется ночевать в лесу. Ты уверена, что...

— Уверена.

— Если выезжаем завтра на рассвете, можем завернуть в лагерь, — сказал он. — Это по пути. Можем там даже заночевать, если нам разрешат, или провести ночь в лесу и утром добраться до Новака.

— И еще я хочу поговорить с Дженни Смитерс. Может быть, в первую очередь заедем к ней? Начнем собираться прямо сейчас, к рассвету будем готовы.

Горячая волна адреналина прошла по телу Бабаха. Он чувствовал: для него нашлось дело. Но вместе с тем он ощутил тревогу. Помогает он ей или еще больше все портит? Погружает слишком глубоко в мутную воду?

— Ты сообщишь начальству, Тана?

— Уже сообщила, — выпалила она и внезапно отодвинула стул. Сгребла в кучу одноразовые тарелки, вышла из комнаты. Бабах слышал, как она сердито заталкивает их в мусорное ведро. Потом она вернулась, принесла еще сока.

— И что они тебе сказали?

Глаза Таны вспыхнули. Она явно была недовольна этим вопросом.

— Я доложила непосредственному начальнику, что нашла несколько совпадений в трех этих случаях. Он предложил дожидаться результатов вскрытия. Я... — Она помолчала, потом глубоко вздохнула. — Долгая история, Бабах. У меня с ним плохие отношения.

— Не хочешь рассказывать?

— Если честно, нет. Ну... неприятная ситуация. Я полагаю, они отправили меня сюда, чтобы я засыпалась и навсегда ушла из полиции. Просто захотели меня убрать. Я для них — очередной подопытный Эллиот Новак или Хэнк Скерритт, и они ждут, как я стану выкручиваться. Я... видишь ли, я наделала глупостей. Поэтому и получила эту работу. Они не станут высылать сюда группу по расследованию убийств, пока я не приведу явных доказательств, что

это убийства. Поэтому я должна отправиться в лагерь, поговорить с Новаком, поговорить с Дженни Смитерс, — она указала на фото отпечатка, — выяснить, чей это ботинок. И чей красный «АэроСтар». И почему бумажка со стихами лежала среди вещей Аподаки. Я должна сделать хоть что-то.

...я ...должна сначала доказать, что справлюсь с этой работой. Она мне нужна...

Он облизнул губы, взгляделся в лицо Таны Ларссон, думая о том, что у этой девчонки явно не все гладко. Иначе она не прониклась бы так его историей.

— Ты спала с начальником, Тана?

Она побледнела. Ветер выл. Ее губы напряглись. Она пыталась себя побороть.

Внезапно села, уронила голову на руки, ногтями впилась в кожу.

— Я много с кем спала, Бабах, — медленно подняла голову, сглотнула. Ее глаза блестели, и у него больно сжалось сердце. — Я сделала столько ошибок...

— От кого ты ждешь ребенка?

— От одного крутого босса. Он настоящий засранец, близкий друг моего начальника. — Она помолчала. — Я была пьяная. — Резко поднялась на ноги, сделала шаг, остановилась. — Видишь ли... да, я могу попытаться себя оправдать, но как человек я полное дерьмо.

— Тана!

Она жестом велела ему молчать.

— Нет. Не надо. Это просто факт.

— И ты приехала сюда, чтобы начать все сначала, доказать себе что-то?

— Да, и как ты сказал, порой уже некуда идти, и ты просто переставляешь ноги в надежде, что однажды утром вновь засияет солнце. И еще, — она пожала плечами, — мне показалось, что Твин-Риверс — край света, крошечный город, затерянный на обочине цивилизации, где можно скрыть ошибки прошлого и начать с чистого листа, — она усмехнулась. — И знаешь что? Здесь в самом деле богом забытое место.

Ему хотелось прикоснуться к ней. Обнять. Успокоить.

— Как ты стала работать в полиции? — спросил он.

— Как? Станный вопрос. Тебе это кажется странным? Полукровка, недостойная того, чтобы...

— Не смей. Не смей говорить за меня.

Она снова опустилась на стул, и он увидел — она думает, стоит ли раскрывать ему душу.

— Так вышло, — сказала она. — Жизнь меня потрепала, прежде чем привести в полицию. У меня было... интересное детство. Как у Минди. Так что честь вам и хвала, сержант О'Халлоран, за ваш профессионализм. Вы учуяли меня за много миль. Добрый полицейский подобрал меня с улицы, когда мне было восемнадцать. В моей жизни творился полный бардак, и это стало поворотным событием. Он верил, что у каждого есть второй шанс. Благодаря ему я тоже стала копом. Он был хорошим. Заботился обо мне — ну, может, как ты о Минди. Заставил завязать с алкоголем, пройти программу адаптации. Я начинала как доброволец в банке продовольствия^[18] и центре помощи женщинам. Видела много таких девушек, как я, — они пытались бороться, и порой им просто нужно было надежное плечо. И сочувствие. Я вернулась в школу и решила, что хочу стать такой же, как полицейский, изменивший мою жизнь. Я захотела вступить в КККП. Мне казалось, если я смогу помочь другим женщинам и детям, значит, я живу не зря. Значит, смогу оправдать свое прошлое. Я подала заявку. Меня приняли. Я прошла подготовку. И меня направили в Йеллоунайф. Тогда-то я и встретила Джима Шеридана. Он был парамедиком, летал на север вплоть до Нунавута, в самые отдаленные уголки северо-западных территорий. Он жил ради адреналина, был всегда наготове. И каждый день видел страшное, но казался счастливым. Он любил меня, он был ко мне добр. Мы съехались, и, — ее голос дрогнул. Она отвела взгляд, стараясь собраться с силами. — И мы были счастливы... почти два года. Он подарил мне кольцо, и мы собирались пожениться. А потом однажды после работы я пришла домой, переоделась и сказала Джиму, что пойду за покупками. А когда вернулась, было тихо. Слишком тихо. Знаешь, такая тишина, которая кричит... Он взял мой «Смит-Вессон» — я не подумала убрать его в сейф... — и в ванной вышиб себе мозги.

Повисла тишина. Лишь ветер бился о пластик, которым Бабах заколотил разбитое окно. Макс под столом проворчал что-то,

перекатился на бок.

— И ты слетела с катушек? — тихо спросил Бабах.

— Ну да. Опять подсела на алкоголь и... спала черт знает с кем, пока не... — Она вздохнула.

— Пока не забеременела.

Она кивнула. И внезапно показалась совсем маленькой и слабой.

— Он... отец ребенка... велел мне избавиться от него, сказал, что я его опозорю, разрушу его репутацию, его семью — у него жена и дети, — его карьеру. И я почти решилась. Сделала УЗИ, прошла консультацию. Мне назначили время. Я пришла. Но пока я ждала в приемной, когда мне должны были дать таблетку мизопростола, ^[19] медсестра напомнила мне, что, когда я приму эту таблетку, пути назад уже не будет. И я сидела там, как будто окаменев, а на стене висел плакат — пожарные, копы, работники соцслужбы, мужчины и женщины, с табличками типа «Ты не один», «Ты сильный», «Ты справишься», «Тебя не сломают». — Она зашлась в кашле, и Бабах увидел, с каким трудом она держит себя в руках. — Это была социальная реклама. А еще, знаешь, есть такая песня. На всех языках Севера — на английском, французском, еще каких-то незнакомых. Гортанное пение. Я в то утро услышала ее по радио. «Ты не один». И сидя там, глядя в глаза всех этих людей, я вдруг увидела глаза того копа, который вытащил меня из канавы и сказал, что я достойна большего. Это он смотрел на меня с плаката. И песня звучала в голове. И голос бабушки. И внезапно я поняла, что и правда не одна. — Голос Таны надломился, и она замолчала.

— Я думаю, ты гораздо сильнее меня, Тана Ларссон, — тихо сказал Бабах.

Тана резко подняла на него глаза. На ее лице было написано изумление. Он заметил — она с трудом сдерживает слезы.

Он сделал то, что у него получалось лучше всего — ушел от разговора. Взял фото со стола, поднялся, прикрепил его к доске. И ощутил острую боль в сердце. По многим причинам.

Возрождение?

Еще один шанс?

Он прочистил горло и сказал, по-прежнему глядя на доску:

— Итак, я думаю, старые кости надо вычеркнуть из списка. Сейчас самое время собраться, а завтра на рассвете — в лагерь и к

Эллиоту.

— И Дженни Смитерс.

Он повернулся к Тане. Она была совсем бледной, глаза распухли и покраснели.

— Может, это был не один человек? — спросила она. — Целая группа? Если речь о ритуальных убийствах...

— Да, возможно. Большая жестокость, сила, ярость... мы должны рассматривать и такой вариант.

— Я возьму карты и компас. Ты покажешь мне дорогу до лагеря и леса. — Она поднялась и задвинула за собой стул. Бабах смотрел, как она сворачивает в трубочку старые топографические карты — спутниковый навигатор мог не сработать, и было бы слишком рискованно полагаться только на него. Он чувствовал, что его влечет к ней — в самом откровенном смысле слова.

Весь вечер до самой ночи они планировали, укладывали аварийное снаряжение и кое-какую еду. По пути решили захватить еще — из столовой и из его дома. Наконец Тана сказала, что ей нужно поспать.

— Я буду здесь, — заявил Бабах. Она попыталась воспротивиться. — Пока мы не выясним, имеет ли все происходящее отношение к убийствам, ты под угрозой. Лягу на кровати в маленькой комнате.

Она посмотрела ему в глаза. Кивнула. Она так устала. Бабах вывел Макса и Тойона. Вернувшись, увидел, что она сняла бронежилет и распустила волосы. Потом, когда они вместе поднимались по лестнице к ее спальне, их руки соприкасались. Он чувствовал ее запах. Их губы были так близко...

Он коснулся ее лица, и она словно окаменела. Время замерло, нависло над ними, и вместе с ним — ясное, все нарастающее осознание, что их влечет друг к другу опасная, мощная, непреодолимая сила, в которой нет смысла, которая и есть смысл.

Он медленно наклонился к ней, желая поцеловать, но она твердо сжала его запястье, неотрывно глядя в глаза. Сглотнула и хрипло прошептала:

— Не надо. Это плохая идея.

— Да, — сказал он тихо, — очень плохая. Спокойной ночи, детектив.

— Я не детектив.

— Пока нет, — заметил он, — но когда придет твое время, станешь самым крутым детективом.

Воет ветер, снег стелется по улице, словно необъятное белое покрывало. В сумраке теней прячется фигура, ежится от холода, глядя на полицейский участок. Ноги коченеют в снегу.

Свет в окне участка гаснет только в полночь. О'Халлоран выгулял собак копа. Его снегоход припаркован у стены. Он ночует здесь. Они стали командой, и теперь все изменится. Теперь ничего уже никогда не станет прежним, раз девчонка взялась охотиться на убийцу. Ей придется уйти.

Им обоим придется.

Ослепляющая, удушливая ненависть вскипает в груди Зрителя. Из темноты и вихря метели рвется наружу вопль ярости. Его уносит ветер, и среди закрученных снежных вуалей он обретает форму. Это Голод, порождение дикости и одиночества. Он подбирается ближе, чем прежде, он движется в город, с воем мечется по улицам, стучится в окна спящим людям, пролезает в дымоходы, стережет под дверью.

Зритель ждет. Холод все сильнее. Рождается план.

Фигура выплывает из тени и сливается с чудовищами ночи...

ГЛАВА 32

Четверг, восьмое ноября.

Продолжительность дня: 7.31.57

— Мой брак распался, как и брак Эллиота, — сказала Дженни Смитерс, ставя чашки с кофе на низкий столик перед Таной и Бабахом. Сидя на потрепанном диване, Тана внимательно разглядывала хозяйку дома. Дженни сильно сутулилась и была такой худой, будто горе высосало ее изнутри, оставив лишь оболочку когда-то счастливой жены и матери, полной смеха и жизни. Тана заметила на каминной полке ее фотографии — Дженни выглядела совсем иначе до того, как волки разорвали ее дочь.

Они с Бабахом очень рано приехали в крошечный дом Смитерсов, но в окне сразу же зажегся свет. Не прошло и часа, как Дженни пригласила их войти. Ей больно было говорить, и она то и дело нервно почесывалась.

— Это Эллиот стал навязывать мне идеи о том, что Дакоту преследовал маньяк-педофил. Я сходила с ума от горя. Мне так хотелось за что-нибудь зацепиться, попытаться что-нибудь сделать, чтобы все наладилось. Но слушать Эллиота было большой ошибкой. Все эти гадости про Кроу Удава... Вы видите, во что превратилась моя жизнь. Так много боли. Так много... Мне очень стыдно за свой поступок.

Тана наклонилась к ней поближе.

— Как вы думаете, почему Эллиот так настаивал, что это не волки? Кто внушил ему мысль, что Дакоту мог убить человек и оставить на растерзание животным? Почему он не счел это несчастным случаем — она ведь могла выпасть из саней, сильно удариться?

Дженни почесала колено.

— Чувство вины, — не сразу сказала она. — Эллиота мучило чувство вины, желание отомстить, злость, что он не смог защитить свою дочь, что позволил ей выйти из палатки. Видите ли... он сильно пил.

— Вы думаете, в ту ночь он мог быть в отключке, поэтому и не услышал криков? — спросила Тана. Ей нравилось, что Бабах не задает вопросов, просто сидит рядом, не мешая ей делать свое дело.

— До меня доходили слухи, что Эллиот пьет все больше и больше, потом отключается. К тому же он страдал провалами в памяти. Теперь, когда я думаю об этом, мне кажется, что он пытался обвинить кого-то и снять таким образом вину с себя. — Она поежилась. — Я... я обратилась к психотерапевту. Это она предположила, почему Эллиот так себя вел. Сказала, что я и сама пытаюсь делать то же самое — искать виноватых, валить все на Кроу. И что я не должна себя за это ругать. В таком состоянии люди могут вести себя по-разному, нет каких-то общих правил, но все мы проходим стадию отрицания, и способ справиться у каждого свой.

— Когда он начал пить?

Большая рыжая кошка запрыгнула Дженни на колени, и она принялась гладить животное с таким усердием, будто это стало ее главным делом.

— В городе говорили, что Эллиот завел интрижку на стороне, и когда эта связь распалась, запил уже по-черному.

Тана и Бабах быстро переглянулись.

— Интрижку с кем? — спросила Тана.

— Не знаю.

— Тогда откуда вам известно, что он...

Дженни глубоко вздохнула, отвела взгляд.

— Я подружилась с тем психотерапевтом. Она мне и сообщила. Жена Эллиота тоже ходила к ней. Рассказывала про любовницу, но имени не называла. Сказала, что Реган тоже об этом знает и что Эллиот взял ее на рыбалку, когда порвал с любовницей, потому что хотел загладить вину, снова стать хорошим папой.

Тане вспомнились слова Адди о том, что не следует переходить границы между дружбой и работой, нарушать конфиденциальность пациента, особенно если работаешь в таком малонаселенном месте, как Твин-Риверс. Психотерапевт Дженни перешла эту границу.

— Этот врач все еще в городе?

Дженни покачала головой.

— Она теперь работает в Уайтхорсе.

— Вы не могли бы дать мне ее номер?

— Я... нет, не могу. Я не должна была этого говорить. Прошу, поймите, я не могу.

Тана кивнула. Она выяснит сама. Если нужно, позвонит жене Эллиота.

Они поблагодарили Дженни, та проводила их до двери. Напоследок Тана спросила:

— Значит, никаких следов маньяка не было? Может быть, он оставлял странные рисунки, записки с цитатами из книги?

Дженни внезапно посмотрела Тане в глаза.

— Что-что?

— Дакота не получала записок, в которых были стихи или еще что-нибудь необычное?

— Подождите... подождите здесь. — Она метнулась по коридору в комнату и вскоре вернулась с клочком бумаги.

На нем было нарисовано чудовище, похожее на то, что видел Бабах в книге Дракона Синовски «Голод». Исхудавшее, как труп, существо держало в когтях кровоточащую голову женщины. Под картинкой были выведены слова:

На бесплодной земле души чудовищ наползают,

Изо льда их сердца и налиты кровью глаза их.

Почерк, похожий на тот, каким была нацарапана записка, найденная Вероникой Гарньер среди вещей Селены Аподаки. Тана почувствовала, как напрягся Бабах.

— Когда вы ее нашли? — спросила она.

— Когда наконец нашла силы убраться в комнате Дакоты. Спустя два года после ее... гибели.

— Она ничего вам не говорила?

— Нет. Разве это важно?

Тана с трудом натянула улыбку.

— Может быть, и нет. Но если нетрудно, расскажите, почему вы решили сохранить у себя эту записку, когда разбирали вещи Дакоты?

— Да я просто сунула ее в ящик. Хотела спросить мужа, вдруг он знает, что это. Слова такие... странные. А потом... — Она закашлялась. — Потом мой брак развалился, и я о ней забыла.

— Можно взять записку себе?

— Конечно. А почему вы сейчас занялись всем этим? Потому что волки напали на тех биологов? Вам кажется, это связано? Но ведь

такого не может быть.

— Мы просто рассматриваем все варианты. Спасибо, миссис Смитерс, вы нам очень помогли.

— Называйте меня Дженни.

По дороге к снегоходам, уже покрытым свежим снегом, Бабах сказал:

— Это срисовано с той картинки, что я видел в книге. И слова почти такие же.

— Странно, — пробормотала Тана, надевая шлем.

— Значит, у Эллиота были провалы в памяти, — вслух размышлял Бабах, счищая с машины снег. — И чувство вины за то, что изменял жене. Порвав с любовницей, он везет Реган на рыбалку, желая загладить вину, но бутылку все-таки берет с собой. Вечером напивается и засыпает пьяным сном. Ночью Реган убивают, но он не слышит криков. Чувство вины, жажда мести, самобичевание — все это его добивает, он начинает еще больше пить и искать виноватых. Жена бесится, брак Новаков распадается. И тогда он окончательно слетает с катушек.

— Ну да. Или он сам это сделал. Сам убил свою дочь. Может, не понимал, что творил. И теперь ничего не помнит.

— А что за женщина, с которой у него был роман? Если бы мы ее нашли...

— У него и спросим, — решила Тана, надевая балаклаву и вслед за ней — шлем. Села на снегоход, завела мотор. Одевалась она основательно — теплые стеганые штаны и толстовка, сверху непромокаемый плащ. Было еще темно, и из-за густого тумана и сильного снегопада казалось, что эта мгла рассосется еще не скоро. Бабах тоже завел снегоход. Тана поехала на своей машине в целях безопасности и потому, что на этот раз не было необходимости скрывать логотип КККП. А еще потому, что нужно было взять с собой много вещей и топлива, раз уж предполагалось ночевать не дома, возможно, в лесу. Они встали рано, чтобы закончить сборы, и Тана успела даже написать Розали записку с просьбой позаботиться о Максе и Тойоне и провести ночь в участке. Она была по уши в долгу перед Розали.

Бабах быстро вырвался вперед. Нужно было ехать быстро, путь предстоял долгий. Вскоре Тана нагнала его. Давя на газ, набрала

скорость, и внутри что-то приятно екнуло.

ГЛАВА 33

— Зачем ты ее сюда притащил? — тихо спросил Штурманн-Тейлор.

— А ты против? — Не мигая, Бабах выдержал буравящий взгляд голубых глаз хозяина лагеря. Вечерело. Они с Таной очень спешили, чтобы до темноты успеть в лагерь, а Штурманн-Тейлор даже не попытался скрыть удивление и раздражение, увидев, как эти двое, по уши увязшие в снегу и похожие на йети, пробираются к нему сквозь метель.

— Да просто не ожидал, — ответил Штурманн-Тейлор, идя рядом с Бабахом по коридору; «дворецкий» вел Тану в библиотеку. — Ты — и девчонка из полиции? Я думал, она тебе хочет задницу надрать за твое бутлегерство.

Бабах знал: именно *сейчас* он и рискует всем. Потому что ничего не могло укрыться от Штурманн-Тейлора, от его пронизательного и расчетливого ума, особенно теперь, когда он ясно дал понять, что планирует давать Бабаху более сложные поручения, скорее всего нелегальные. Привезти к нему Тану значило поставить под угрозу все. Какое решение принял бы Бабах, если бы судьба дала ему второй шанс? Да, многое изменилось, многое продолжало меняться. Но сейчас его волновало не столько то, что может случиться с ним и его работой под прикрытием, сколько риск, которому он подвергал Тану. Бабах осознавал, что ставит ее в опасное положение — если он правильно понимал, кто такой Штурманн-Тейлор, этот человек обладает неограниченной властью, и его желание удержать эту власть тоже не знает границ. Теперь, когда Тана попала в поле зрения Штурманн-Тейлора, он уже глаз с нее не спустит.

— Она мне заплатила, вот и все, — так же тихо объяснил Бабах. — Прибежала, чуть дверь не выбила — привези ее в лагерь, и все тут. Я сказал: черта с два, стану я летать в такую дерьмовую погоду. Но она-то знает, что я часто здесь бываю, поэтому, когда больше никого не нашла, опять притащилась ко мне и говорит — доведи хоть на снегоходе. Ну отказался бы, она бы почуяла неладное. — Он по-прежнему смотрел в глаза Штурманн-Тейлора,

наливавшиеся тихой злобой. — К тому же мне будет лучше знать, что она там задумала.

— Зачем ей Спатт?

— Не знаю. Пойдем посмотрим?

Тана сильно нервничала по дороге в библиотеку. Бабах и Штурманн-Тейлор шли сзади и чуть слышно переговаривались. Она поняла: речь шла о том, зачем Бабах привез ее сюда. Если Бабах не ошибся насчет Штурманн-Тейлора и если, связавшись с ней, в самом деле так сильно рискует своей работой, они оба могут навлечь на себя серьезные проблемы.

— Рад снова видеть вас, констебль, — сказал Генри Спатт, когда она вошла, и поднялся ей навстречу из глубокого кожаного кресла цвета бургундского вина, в котором наслаждался вечерним коктейлем. Он протянул ей руку. Пожав ее, Тана отметила, что его хватка столь же слабая и безвольная, как тогда, в столовой.

— Мне тут Джеймс, — Спатт кивнул в сторону «дворецкого», — рассказал, что вы проделали столь долгий путь в такую метель, чтобы увидеть *меня*, кто бы мог подумать!

Он хихикнул, к горлу тут же подступила слюнь, и он закашлялся.

— Простите, — сказал он, вытирая рот платком. — Много лет курю, — он снова хихикнул. — Вообще-то его зовут не Джеймс. Но Алан скрывает имена своих слуг. Вероятно, ему это кажется таинственным. Так что я зову его Джеймс, как в том британском телешоу «Джеймс-дворецкий», очень популярном в семидесятые. Знаете такое шоу?

— Нет, сэр. Не знаю.

— Ну, откуда же вам знать, верно? — Он вновь убрал платок в нагрудный карман пиджака. — Вы еще слишком молоды и слишком... просты. Садитесь, пожалуйста. А вы, Джеймс, можете идти. Спасибо.

«Дворецкий» никуда не ушел. Просто сделал несколько шагов в сторону.

— Проста? — удивилась Тана, не отреагировав на предложение сесть.

— Да, и зовите меня Генри. Намного приятнее называть друг друга по именам. Вы Тана, верно?

— Ларссон, — сказала она. — Констебль Ларссон.

Его маленькие круглые глазки какое-то время неотрывно смотрели на нее в полной тишине. Потом его такое же круглое лицо искривилось в улыбке, обнажившей маленькие острые клыки.

— Конечно. Вы же на работе. Вот что привело вас сюда. — Он снова опустился в кожаное кресло и потянулся за коктейлем. — Ну, я заинтригован! Чем могу быть полезен?

В комнату вошли Бабах и Алан Штурманн-Тейлор. Было тепло. В печи горел огонь. Между книжными полками на стенах располагались головы убитых животных. Спинки стульев были обиты шкурками, повсюду лежали подушки, искусно сшитые из шкур медведей, леопардов, зебр, антилоп. С потолка свисали люстры из оленьих рогов. Абажуры для ламп, по-видимому, тоже были сделаны из шкур. Роскошь и ужас охотничьих трофеев, мир убитых зверей.

Бабах не взглянул на Тану, встал у камина. Она знала: таковы правила игры, и тоже старалась держаться отстраненно.

— Хотите выпить, констебль? — спросил хозяин.

— Разве что воды. Поездка выдалась долгая.

— Да, конечно, — он кивнул «дворецкому», и тот пулей метнулся из комнаты.

— Ну и чему же мы обязаны такой честью, констебль? Что столь срочное привело к нам в такую скверную погоду доблестного стража порядка на железном коне? — спросил Штурманн-Тейлор.

Вынув из кармана рисунок, который ей утром дала Дженни Смитерс, Тана показала его всем собравшимся.

— Мне кажется, подобная картинка есть в книге мистера Спатта. — Она повернулась к нему. — Я хотела бы задать вам пару вопросов о книге. И взглянуть на нее.

Спатт потянулся за рисунком. Тане пришлось наклониться и отдать ему записку. Писатель нахмурился, поджал губы, изучая строчки.

— Что тут такого? Да, интересная копия. — Он поднял глаза. — Где вы ее взяли? К чему вопросы?

«Дворецкий» внес стакан воды на подносе, и Тана тут же сделала большой глоток — долгая дорога измучила ее, она не только изнывала от жажды, но и сильно проголодалась.

— Этот рисунок выплыл в ходе наших попыток раскрыть давно забытое дело, — сказала она, жалея, что молчаливый ассистент

Штурманн-Тейлора не догадался принести чего-нибудь перекусить. — Может быть, он имеет отношение к расследованию.

— Так вас привело сюда убийство? По-моему, только убийство могло вынудить вас проделать такой долгий путь.

— Да, возможно, это связано с расследованием гибели.

— Хм, как любопытно. А кто погиб?

— Я не вправе распространять эту информацию.

Штурманн-Тейлор окинул взглядом Бабаха, лицо которого оставалось таким же безразличным.

— Да, да, конечно. Понимаю, — Спатт заерзал на стуле. — «Голод» — одна из первых моих работ, о звере-каннибале, человеке-волке, который раз в год, когда дело идет к зиме, жаждет человеческой плоти. Его сердце — изо льда, а голод неутолим. Особенно он любит юных девушек. Эта история основана на древних легендах, место действия — здесь, но время — далекое прошлое. Середина 1800-х. Главный герой — джентльмен, охотник за приключениями, увлеченный дикой природой Канады и сверхъестественными силами. Его зовут Кромвель. Эта книга стала моей самой большой удачей, бестселлером — больше такого написать не удалось. — Он поднялся, подошел к книжным полкам. — У тебя, Алан, есть «Голод»? Где, на какой полке?

«Дворецкий» шагнул вперед, снял с нужной полки книгу в твердой обложке. Протянул Спатту.

— Вот. — Он почтительно подал книгу Тана, держа в обеих руках, и даже чуть поклонился, как бы вручая ценный приз. Его глаза заблестели. — Вот он. Мой бестселлер.

Тана открыла книгу и сразу же увидела картинку, в точности такую, как описал Бабах, и не было никаких сомнений, что набросок, найденный среди вещей Дакоты, был срисован с этой картинки — скелетоподобный полузверь с волчьей головой. Обнаженный. С клыков капает кровь. Черными когтями чудовище сжимает кровоточащую голову женщины. Четыре глубокие параллельные царапины, похожие на следы когтей, идут вдоль ее лица. Глаз нет. Затаив дыхание, Тана вчитывалась в слова на соседней странице:

*На бесплодной земле души ничему не дано прорасти,
Ибо горько и холодно здесь, и низко солнце висит,*

И убитый в ночи олень пробуждает вой в замороженном сердце пустом.

И является голод, жестокий, с окровавленным ртом.

На бесплодной земле души чудовища требуют жертв...

Сердце бешено заколотилось. Она перевернула страницу, начала читать первую главу:

И ночной ветер принес с собой запах зловонный и вместе с тем дурманный. Таким тонким был этот запах, что если бы Кромвель не заметил малейшей перемены в лице сопровождающего, когда внезапный сквозняк сильнее раздул пламя костра, он не уловил бы ничего. Но его спутник, Моро, сидевший на корточках у огня и куривший трубку, вдруг резко взглянул в сторону леса, и Кромвель сам почувствовал слабый, но неприятный аромат. Ноздри Моро раздулись, как если бы он был ребенком лесов, учуявшим вонь падали. Когда же пламя вновь погасло, Кромвель заметил написанное на смуглом лице сопровождающего выражение, которое его встревожило. Его спутник был напуган до глубины души...

Она перелистывала страницу за страницей, читала урывками, и ей становилось все жарче и жарче.

Над узким ущельем, где лежало истерзанное, обезглавленное тело, стоял человек из камня — на Севере часто попадались такие статуи, и Кромвель знал, что они зовутся инукиуки...

Тана посмотрела на дату публикации. «Голод» вышел в твердой обложке пять лет назад. Она быстро перевела взгляд на благодарственное слово.

Спасибо Чарли Накенко, лучшему гиду, коренному жителю Твин-Риверса, однажды после охоты, у костра, поведавшему мне историю о голодном духе диких мест. И от всего сердца благодарю Алана Штурманн-Тейлора за радушный прием в новом лагере...

Тана откашлялась и тихо, не поднимая глаз, спросила:

— Чарли Накенко сейчас здесь?

— Здесь, — ответил Штурманн-Тейлор. — И будет здесь всю зиму.

— Можно с ним поговорить?

— Сейчас позову...

— С глазу на глаз, — прибавила она, посмотрев в глаза Штурманн-Тейлору. Кровь стучала в висках. Кто-то действовал,

воплощая в жизнь все описанное в книге, каждое слово, уже по меньшей мере четыре года.

— Мой человек приведет его на террасу. — Штурманн-Тейлор кивнул своему помощнику, и тот тут же исчез.

— Что происходит? — спросил Спатт. Улыбка исчезла с его лица, черты искажил страх. Бабах, сидя у огня, молчал, всем своим видом не выражая совершенно ничего.

— Дайте мне эту книгу, — попросила Тана, — я хочу почитать.

— Я могу подарить вам экземпляр с моей подписью. У меня есть несколько...

— Книгу с подписью принесут вам в комнату, констебль, — спокойно сказал Штурманн-Тейлор. — Вне всякого сомнения, вы останетесь здесь на ужин и на ночь. Ты не против, О'Халлоран?

— Как пожелает констебль.

— На рассвете нам нужно продолжить путь, — сказала Тана.

— Никаких проблем. Когда вы соберетесь выехать, вас будут ожидать у выхода. Предоставят вам продукты и все необходимое.

Тана повернулась к Спатту, нервно мерившему шагами комнату.

— Где можно найти вашу книгу? Где обычно люди ее берут? В Твин-Риверсе?

— Да, конечно, — ответил он. — О ней сразу же сообщили во все СМИ Йеллоунайфа, как только она вышла. Целую коробку экземпляров я подарил библиотеке Твин-Риверса, хоть она и совсем маленькая. Еще их раньше продавали в нашем магазине, не знаю, может, и сейчас еще продают. Ну и, конечно, «Голод» могут прочесть все, кто приезжает в наш лагерь. Она широко продается в США, Канаде, Германии — переведена на немецкий. Очень хорошо — в скандинавских странах, в Англии. И конечно, она есть в онлайн-доступе, в электронной версии.

— Скажите, а где вы были четыре года назад в начале ноября?

Спатт замер.

— Я приезжаю сюда каждую зиму вот уже пять лет, аккуратно перед Хэллоуином. Я одним из первых приехал к Алану после того, как он приобрел этот лагерь. В тот год была лучшая охота в моей жизни. На моих глазах старая развалина превратилась в один из самых элитных охотничьих лагерей по всему земному шару. Я охочусь исключительно с Чарли, как и многие постоянные клиенты.

— А где вы были в прошлую пятницу, второго ноября?

В глазках-бусинках зажглось беспокойство.

— К чему вы ведете, констебль?

Она с трудом выдавила улыбку.

— Просто хочу выяснить.

— Я... — Они с Штурманн-Тейлором переглянулись. — Мы в тот день охотились, верно, Алан? В пятницу?

— Верно. — Штурманн-Тейлор, как и Бабах, ничем не выдавал своих чувств, но Тана чувствовала, как он напряжен.

— Где вы охотились? — спросила она.

— В Долине Безголовых.

— Как туда добрались?

— На вертолете. Вроде этого. — Он указал на фотографию, стоявшую на старомодном шкафчике черного дерева. — Нас сопровождал местный пилот.

Тана подошла к шкафчику, взгляделась в фото.

— Что это за вертолет?

— Еврокоптер AS355 «Твин Сквиррелл», — сказал Штурманн-Тейлор. — Шестиместный.

Тана окинула взглядом другие фото. Группы охотников на экскурсии. Штурманн-Тейлор в окружении различных женщин. Смеющиеся мужчины в камуфляже, с ружьями наперевес, обнимают друг друга за плечи, у ног распростерт убитый гризли. Штурманн-Тейлор поставил ногу ему на голову. Рядом с ним — Генри Спатт, Маркус Ван Блик, Гарри Бландт и Хизер Макалистер, вне всякого сомнения, их пилот.

— Где сделано это фото? — спросила Тана, указывая на фото.

— Это? — Штурманн-Тейлор подошел к ней. — В долине Нехако. Охотились на гризли.

Тана почувствовала, как подскочило сердце. В Нехако, по словам Алексы Петерс, нашли истерзанное тело геолога из Келоуны.

— Отличная выдалась охота, — сказал Спатт, подходя ближе. — У меня есть фото и получше. — Он вынул бумажник, порылся в нем. Потом гордо воскликнул: — Вот! Бурого медведя я лично завалил из лука.

Тана взяла у него фото, и сердце забилося медленно, неровно. На фото был еще один человек. Стараясь казаться спокойной, не поднимая

глаз, она сказала:

— Впечатляюще. Вы часто охотитесь с этой командой, мистер Спатт?

В ее голосе чувствовалось напряжение, и она это услышала. Периферийным зрением уловив многозначительный взгляд Бабаха, поняла, что услышал и он. Это значило, что Штурманн-Тейлор и Спатт, скорее всего, слышали тоже.

Будь осторожна в своих словах, Тана...

— Да, несколько раз точно. Это фото сделано три года назад, в ноябре, верно, Алан?

Девушка из Келоуны пропала три года назад...

Тана подняла глаза. Лицо Штурманн-Тейлора изменилось. Глаза сузились, взгляд стал настороженным, оценивающим, как у хищника. Она поняла, что не должна была видеть это фото. И человека на нем.

К счастью для нее, открылась дверь библиотеки.

— Чарли ожидает вас на террасе, мадам. Я провожу, — сказал «дворецкий».

ГЛАВА 34

На столике, стоявшем на террасе, Тана разложила фотографии с места гибели Аподаки и Санджита — она взяла их с собой, чтобы показать Чарли.

— Я хочу узнать у вас — похоже, что убийство совершил волк или медведь? Вам случалось видеть жертвы животных, объединенные таким образом?

Чарли склонился над снимками, длинные косички качнулись вперед. От него пахло шалфеем и древесным дымом. Тана извинилась, что вынудила его обсуждать такие малоприятные темы, но он был не против. Еще она взяла фотографии со вскрытия Дакоты Смитерс и Реган Новак.

Внезапно лицо Чарли помрачнело. Казалось, сам воздух вокруг него стал плотнее. Он молчал, раздумывая, потом медленно коснулся амулета из нефрита, который всегда носил на шее, на ремешке. Чтобы отгонять злого духа, сказал он однажды Тане. Злого духа заброшенных мест. И теперь смуглая узловатая рука крепко сжимала амулет.

— Это не волки, — сказал он хрипло. — И не медведь. Может, они пришли потом, но до этого здесь побывало нечто иное.

По спине Таны пробежал холодок.

— Почему вы так считаете? — спросила она.

— Животные так не делают.

— Но ведь могли?

Он покачал головой.

— Вас никогда не спрашивали, что вы думаете о причинах гибели Дакоты Смитерс и Реган Новак?

— Никогда. Я не видел мест, где нашли тела, не видел *этого*. — Он умолк, стал изучать блестящие черно-белые снимки. Потом поднял слезящиеся, в морщинках глаза — глаза, за много лет видевшие очень многое, глаза, впитавшие всю мудрость и таинственность дикого мира, — и посмотрел на нее.

— Ты спасла моего племянника, Тана. Теперь я должен спасти тебя. — Он выдержал паузу. — Не связывайся ты с этим.

Она раздумывала над его словами, в груди нарастала тревога.

— Писатель, Генри Спатт, сказал, что это вы, Чарли, рассказали ему легенду о духе зверя, который убивает женщин и рвет на части тела, вырезает у них глаза и сердца.

Чарли стал мрачнее черной тучи. Изменилось выражение глаз. Всегда спокойный, сейчас он был неожиданно напряжен. Казалось, яркий свет, горевший на террасе, в одну секунду угас.

— Так принято в нашей культуре. Рассказывать легенды. Я не знал, что он напишет об этом книгу.

— Вам это неприятно?

— Эти истории нужно рассказывать ночью, у костра. Их слушают и понимают каждый по-своему, это особый диалог рассказчика и слушателей. Они должны оставаться здесь, на Севере, среди лесной глуши, где их могут слышать духи предков и ветер. — Он сердито покачал головой и побрел к двери, полы его бурой кожаной куртки развевались.

— Чарли, — позвала Тана. Он остановился, повернулся. — Возможно, кто-то совершает убийства по мотивам этой легенды или книги Генри. Вы всю жизнь провели здесь, в глуши, — у вас есть предположения, кто бы это мог быть?

— Здесь, в глуши, — сказал он, — происходит такое, чему в книгах не место. Но это все происходит на самом деле. Не зли духа, Тана. Не подпускай его к себе. — Он сжал кулак и сильно ударил себя в грудь. — Иначе он превратит твое сердце в лед.

Ужин проходил в зале под названием Волчий. Глядя на слова, выгравированные на табличке над дверью, Тана подумала, что их ожидает не ужин, а спектакль. Штурманн-Тейлор заметил ее взгляд.

— Каждый зал здесь назван в честь дикого животного, — пояснил он, хищно улыбнувшись. — Этот — в честь благородного волка. К тому же мне по душе аллюзии на Вулфхолл, поместье, где родилась третья жена Генриха Восьмого, Джейн Сеймур. Прекрасная беллетризованная легенда прекрасного времени. — Он жестом велел им проходить в зал. — И, безусловно, психология короля не может не вызывать интерес.

Стены комнаты были обиты темным деревом, в центре стоял длинный узкий стол, сверкающий хрустальными кубками, серебряной посудой, белым фарфором. У каждой тарелки лежала льняная

салфетка, свечи в оловянных канделябрах освещали мрачный зал, отбрасывая блики, танцующие на серебре и хрустале, мерцающие в стеклянных глазах животных, чьи головы были прибиты к стенам. В огромном камине в дальнем углу мягко горел огонь.

Кто в здравом уме захочет, чтобы мертвые звери смотрели, как он ест?

— Я так полагаю, работы Кроу Удава? — спросила Тана, указывая на головы.

— Да, — ответил Штурманн-Тейлор, выдвигая из-за стола стул с высокой спинкой, чтобы она села рядом с Генри Спаттом. — Кроу — лучший таксидермист из тех, с кем я имел удовольствие работать. Настоящий художник. Раньше мы проводили в лагере выставки и мастер-классы для гостей, они шли на ура. Перенесли сюда все необходимое, устроили ему кабинет. Было здорово, когда он жил здесь постоянно, во всяком случае, большую часть года. Генри был на мастер-классе по созданию чучела морской свинки, да, Генри?

— Было круто! — Спатт потянулся через весь стол за бутылкой красного вина, откупорил и стал наполнять свой кубок. — И Маркусу тоже понравилось. — Тут же сделав большой глоток, он застонал от удовольствия.

— Все необходимое? — спросила Тана. — И оборудование тоже?

Она подумала о том инструменте, которым олений глаз был прибит к ее двери, и о том, что Спатт и Ван Блик в это время были в городе.

Бабаха посадили напротив Таны. Он напряженно всматривался в ее лицо. Его жгло желание узнать, что она увидела на фотографии Спатта. Ее жгло желание это обсудить. Ей нужно было хотя бы несколько минут все осмыслить.

— Да, — ответил Штурманн-Тейлор, сев во главе стола и расправляя льняную салфетку. Положив ее на колени, он кивнул официанту, стоявшему рядом, чтобы тот разлил вино по бокалам. — Мы выстроили отдельное здание, где Кроу мог работать. Куда лучше его развалюхи в Твин-Риверсе. Куда больше подходившее, чтобы выполнять заказы моих клиентов. Когда он здесь, мы можем... как бы это сказать... немного оттачивать его стиль. — Он вновь по-волчьи ухмыльнулся.

Молчаливые официанты внесли поднос с закусками, Штурманн-Тейлор налил гостям еще вина. Ножи стучали по тарелкам, Спатт много пил, и каждый кубок превосходного бургундского вина все больше развязывал ему язык.

— Наверное, здорово быть полицейским, — шепнул он Тане. — Расследовать убийства и все такое...

Она вглядывалась в его лицо, пытаясь понять, способен ли он на преступление, склонен ли к кровавому насилию. Он был в городе, когда все это произошло. Он досконально знал сюжет книги — он сам ее написал. Может быть, решил воплотить его в жизнь? Вновь добиться успеха, который обрушился на него после романа о Кромвеле, но потом сошел на нет? Что, если он приезжал сюда каждый год ради *этого*, ради охоты на людей? Если она ужинает в компании с маньяком-убийцей?

Бабах говорил очень мало. Выступал исключительно как ее сопровождающий.

Штурманн-Тейлор очень внимательно наблюдал за ними, по очереди изучая пристальным взглядом. Тану не отпускало чувство, что они участники психологической игры, и привести их в эту комнату, где они ели мясо убитых животных на глазах убитых животных, — значило провести своего рода эксперимент.

— Я имею в виду... — Спатт наклонился к Тане, и горячее дыхание, пропахшее мясом и алкоголем, обдало жаром ее лицо. Желудок скрутило, и она судорожно сглотнула. Не хватало еще опозориться, метнувшись в ванную. — Убийство и все, что случается потом, — это же спектакль, верно? Спектакль в театре смерти.

Как в этом зале. На этой веранде. Среди этой злобной роскоши. Буря за окном усилилась, ветер выл и свистел в камине, свечи дрожали, и огоньки метались туда-сюда.

— Неудивительно, почему нас так тянет к убийствам, — продолжал Спатт. — Такая теория проливает свет на патологии человечества. Она вынуждает анализировать черты нашего общества и нас самих, которые мы стараемся не замечать: насилие, гнев, ненависть, злобу, агрессию, жадность, жестокость, психические отклонения вплоть до серьезных заболеваний. Мне кажется, вот почему мы так много пишем о смерти. Мы создаем чудовищ, чтобы исследовать то, что отвратительно нам в нас самих, на примере

существ, на нас непохожих. Потому что, если мы не придумаем монстров, нам придется посмотреть в зеркало и увидеть, что монстр смотрит на нас.

Тана взглянула на Бабаха — тот не отрываясь смотрел на Спатта. Стала думать о фотографиях Генри, стоявших на каминной полке в библиотеке. Как и многие покорители Севера, он носил ботинки «Баффин-Арктик». Может быть, у него как раз девятый размер. Когда они с Бабахом прибыли в лагерь, «дворецкий» отнес их мокрые вещи и обувь в прихожую. Возможно, ботинки Спатта лежали там же.

Грязную посуду унесли, подали горячее. Разлили по бокалам еще алкоголь. Тана каждый раз отказывалась от выпивки, но усталость тяжелым грузом навалилась на нее. Она решила подождать еще немного, а потом вежливо извиниться и уйти в свою комнату, по пути, если будет возможность, заглянув в прихожую, осмотреть подошвы ботинок Спатта. А потом почитать роман и поразмыслить о том, что увидела на фото. К тому же завтра ее ожидал ранний подъем и трудный день в лесу.

— Работа полицейских, — продолжал рассуждать Спатт, — показывает истинный авторитет государства. Она демонстрирует его власть над жизнью граждан. Вот почему в далекие времена канадцы посылали конных полицейских на Дикий Запад — чтобы укрепить чувство причастности, чтобы дать им возможность взять под контроль неприрученную природу, успокоить дикарей.

Тане вспомнился Кроу Удав с его ненавистью к полицейским. Бабушка как-то говорила ей, что слово, на языке дене^[20] обозначающее полицейских, буквально означает «те, кто убирает трупы». Тогда она дала самой себе клятву. Она пообещала сломать этот глубоко укоренившийся стереотип хотя бы здесь, в Твин-Риверсе. Она решила сводить людей вместе, стать между ними посредником. Ей уже удалось убедить Виктора Барошкова позволить Джейми Удаву отработать ущерб, нанесенный в «Красном лесе». Она начала убеждать вождя Даппа Петерса в необходимости помощников. Конечно, именно эту философию ей навязывали федеральные силы. Но самой перейти от пустого бахвальства к делу, пусть даже небольшому, все же значило несколько иное.

— Почему вы придумали такое чудовище? — внезапно спросил Бабах.

— Ха! — ответил Спатт. — Это обычный прием рассказов о «сердце тьмы» — миф о том, что если путешественник отправится туда, где правит дикость, если забредет слишком далеко, слишком глубоко, его коснется то, что не подвластно цивилизации. Вернувшись оттуда, он изменится — в нем поселится та самая дикость. Он и сам станет Зверем. Довольно известная метафора, которую можно представить по-разному. Ее черты заметны в любой жуткой легенде. Тебя кусает вампир, и ты становишься вампиром. Тебя заражает зомби, и ты становишься зомби. Все это отражают юнгианские представления о человеческой душе, о том, где на самом деле правит тьма, в которой скрываются ваши чудовища.

Отставив в сторону стакан, Тана думала о Бабахе, о том, как он погрузился в мрачный мир преступности и вернулся, изменившись, приобретя черты этого мира.

— Спасибо за увлекательный разговор и прекрасный ужин, — сказала она, сложив салфетку и сунув под тарелку. — Если не возражаете, я пойду спать.

Она поднялась на ноги, но голова внезапно закружилась, и пришлось ухватиться за спинку стула, чтобы не упасть. Штурманн-Тейлор резко поднялся вслед за ней.

— И вам спасибо за отличную компанию, констебль. Дворецкий отведет вас в спальню, — он взглянул на Бабаха. — Я распорядился, чтобы вам отвели соседние номера.

Бабах спокойно выдержал взгляд Штурманн-Тейлора. Его проверяли на прочность. Он молча кивнул.

Нервное напряжение сопровождало Тану по пути из зала по коридору. «Дворецкий» указывал путь, двигаясь молчаливой тенью среди каменных стен. Рядом с ним ей никак не удалось бы проскользнуть в прихожую.

Если она хочет взглянуть на ботинки Спатта, придется спросить самого Спатта.

ГЛАВА 35

Шел третий час ночи, когда Бабах наконец вошел в свой номер. Голова чуть кружилась от выпитого. Он закрыл за собой дверь, включил свет и чуть не подпрыгнул, увидев, что у его кровати стоит Тана в лосинах, стеганой куртке и носках. Волосы спадали ей на плечи, лицо было призрачно-белым.

— Что за...

— У тебя удивительно трезвый вид для того, кто всю ночь пил с мальчиками, — сказала она.

Бабах стянул фланелевую куртку, набросил на стул.

— Хочешь рассказать о том, что тебя тревожит? Что ты увидела на фото Спатта? — Он сел на кровать, стал снимать обувь. Он был разбит. Нужно было постараться, чтобы сохранить лицо перед Штурманн-Тейлором, поэтому он не уступая ему в выпивке.

Тана пропустила вопрос мимо ушей.

— Я почитала роман Спатта. Кто-то в самом деле действует по сценарию книги. Здесь всё. Отметины когтей, вырванные сердца, глаза. Оторванные головы. Кто-то делает это по меньшей мере четыре года. Может быть, сам Спатт. На одной из фотографий на нем ботинки «Баффин-Арктик». Нужно посмотреть на его обувь, выяснить размер.

— Мне кажется, девятый. Что сказал Чарли?

Она не сразу ответила.

— Сказал, что Аподаку, Санджита, Смитерс и Новак убили не дикие животные.

Бабах поднял глаза.

— Он уверен: животные пришли уже потом. До этого там побывало нечто иное.

— Нечто?

Она провела рукой по волосам.

— Чарли верит, что здесь в самом деле обитает дух, или зверь, или чудовище. Он разозлился, что Спатт украл местную легенду и поместил в книгу.

Бабах наконец стянул ботинки, бросил на пол.

— Как думаешь, Чарли способен на убийство?

— Не знаю. Он для меня загадка.

— А Спатт? Есть в нем что-то такое?

— Я никогда раньше с подобным не сталкивалась, поэтому даже не знаю. Он странный. Определенно испытывает интерес к насилию, к тому, что я взялась читать его роман в связи с возможным убийством, — возможно, он именно этого и хочет. Внимания. Сенсации. Вновь заинтриговать всех своим бестселлером. Так у него появится возможность. Ты сам видел: он чуть не кончил, когда услышал, что мы — что я расследую убийство.

Он прижал палец к губам, запоминая, что они здесь не одни и этот разговор могут услышать. Она тяжело вздохнула, явно недовольная.

— Садись, — сказал он, указывая на кровать. Она сконфузилась. — Эй, я же не кусаюсь, я просто...

— Хочешь потише. Да я понимаю. — Она нехотя села рядом, и он уловил запах ее шампуня. Прекрасный запах. Он взглянул на ее ноги — плотно прилегающие лосины хорошо подчеркивали их форму. Из полурасстегнутой куртки виднелся округлый живот. Его бросило в жар, пульс участился. Он слишком много выпил и уже не мог держать себя в руках; сильное, внезапное влечение пронзило все его существо. Он отвел глаза в сторону, постарался взять себя в руки. Потом тихо сказал:

— Судя по тому, что сказал Штурманн-Тейлор о мастерской таксидермии, у Спатта есть туда доступ. В ночь, когда отравили твоих собак, прикололи олений глаз к двери и обрезали кабели, он был в городе с Ван Бlichem. Но тебя беспокоит что-то еще, Тана. Ты что-то увидела на том фото. Ты вся побледнела, голос изменился. Что там было?

Какое-то время она рассматривала свои руки, думая, сказать ему или нет. Потом глубоко вздохнула и пробормотала:

— Отец моего ребенка. Он был на фото в долине Нехако вместе с Штурманн-Тейлором, Спаттом, Ван Бlichem, Бландтом и Макалистер.

Бабах был поражен. Пристально взгляделся в ее профиль, потому что она не хотела смотреть ему в глаза.

— Кто он, Тана?

Она наконец нашла в себе силы посмотреть на него, и при виде того, какая борьба написана на ее лице, у него сжалось сердце.

— Каттер, — ответила она. — Старший сержант Гарт Каттер.

Бабах изумленно уставился на нее.

— Господи, — пробормотал он. — Старший сержант? Девочка, ты знаешь, кого подцепить.

Спрыгнув с кровати, она метнулась к выходу.

— Тана, я не имел в виду...

Она круто повернулась.

— Что ты *имел* в виду?

— Он... Я знаю его имя, и не более того. Он большая шишка в дивизии «Джи». — Теперь Бабах ясно видел, почему ей нужно было уехать из Йеллоунайфа, почему она так боялась не удержаться на этой работе. Почему она считала, что ее хотят убрать. Ее растущий живот был бомбой замедленного действия для женатого, уважаемого и полного больших амбиций старшего сержанта. Бабах знал этого человека, потому что одно время наблюдал, что происходит в Йеллоунайфе, как дела с алмазами, с организованной преступностью. Каттер был одним из главных организаторов, планировавших создать филиал КККП, который занимался бы исключительно торговлей алмазами. К тому же он был искусным политиком, стремительными шагами идущим к повышению. Кровь застыла в жилах Бабаха, до него внезапно дошло: старший сержант Гарт Каттер, занимавшийся алмазами, был определенно связан с Штурманн-Тейлором и ребятами из ВестМина.

Бабах резко выпрямился.

— Тана, — произнес он медленно и тихо, — похоже, ты нашла недостающий кусок пазла.

— Что?

— Помнишь, что я тебе говорил? О чуваке из Ангелов, который сказал, что самая большая ценность для них, не считая чистых алмазов, — «свой» коп, и чем выше рангом, тем лучше?

Она не отрываясь смотрела на него.

Повисла тишина.

Он слышал шум ветра снаружи, чувствовал, как снег клоками валит в окна лагеря, засыпает их.

— И? Ты думаешь, это *Каттер*?

Он поднялся и подошел к ней. Взял ее лицо в ладони.

— Я думаю, Тана, ты дала мне наводку. Думаю, дальше пазл начнет складываться сам собой.

— Но если Штурманн-Тейлор и впрямь тот, за кого ты его принимаешь, и если Каттер связан с незаконной деятельностью, зачем они стали бы вместе фотографироваться?

— Может, они и не собирались. Может, кто-то просто заснял их, и так вышло, что фото оказалось в кармане Спатта. На фото в библиотеке ведь не было Каттера, верно?

Она тяжело вздохнула.

— Подумай об этом, Тана. Если кто-то типа Каттера засыпался и понял, что с работой под прикрытием в Ванкувере покончено, и химически помеченные алмазы могут привести на него проект «Протея», так не лучше ли ему слить всех остальных и смыться, чтоб спасти свою задницу? — Бабах почувствовал, как кровь начинает вскипать в жилах. — Может, Каттер и ответит за все это дерьмо и за то, что меня ранили в голову.

— Объясни мне вот что, — попросила Тана. — Если за всем этим сраным алмазным синдикатом стоит Штурманн-Тейлор, почему он не распознал в тебе копа под прикрытием?

— Как я уже говорил, никто из синдиката не хочет действовать напрямую. Каждый шаг жестко контролируется по служебной необходимости, чтобы все были под надежной защитой. Возможно, Штурманн-Тейлор узнал через Каттера, что в Ванкувере должна развернуться операция под прикрытием, но не узнал, кто туда вовлечен. До меня трудно было докопаться. Я много лет состоял в Ангелах Дьявола, мои намерения и цели были очевидны. Даже Каттер не знал, кто я такой на самом деле. Знали только те, кто мной управлял. А для всех остальных Стэн Бауэр или мертв, или лежит в больнице в состоянии овоща.

— И все равно это не доказательство.

— Да пойми же ты, это явная наводка! Если Штурманн-Тейлор возглавляет нелегальный синдикат, дружба с копом из Йеллоунайфа, контролирующим поставки алмазов, выдает его с головой.

Тана рухнула на кровать, впилась ногтями в лицо.

— Если бы мы не стали работать вместе, Тана, я бы в жизни этого не выяснил.

Она подняла на него глаза, блестящие от слез.

— Этот урод — отец моего ребенка, Бабах.

Он сел рядом, взял ее ладони в свои.

— Мне так жаль...

Она покачала головой.

— Я не знаю, что сказать, что подумать. Я, конечно, не против, чтоб ты прибил его гвоздями к стене, но... сейчас я пытаюсь понять, почему меня сюда отправили, — она посмотрела ему в глаза. — Отец моего ребенка на фото стоит рядом с Ван Бlichem, который, как ты говоришь, киллер и в Африке управлял небольшими армиями. С ними Штурманн-Тейлор, возможный глава огромного интернационального синдиката, провозящего конфликтные алмазы на территории северо-запада, и Бландт, который хочет открыть одну из самых больших на этих территориях шахт, и Спатт, чокнутый писатель, возможно серийный убийца. Может, Каттер хотел, чтобы я оказалась тут, потому что мне в жизни не разнюхать, что задумали ВестМин и Штурманн-Тейлор. Или... меня ожидает якобы случайная гибель прежде, чем родится ребенок, — потому что как Каттер может быть уверен, что я не использую все это против него? Он мыслит политически. У него большие амбиции. Он метит туда, где информация об интимной связи с подчиненной и о незаконнорожденном ребенке может сильно ему навредить. Я могу разрушить его карьеру. Его семью... — Она высвободила руки из ладоней Бабаха. — Это объясняет, почему они не торопятся выслать мне подкрепление. Куда лучше для них, если я и ребенок погибнем. Может, нас убьет Ван Блик.

Мрачное, зловещее предчувствие просочилось в душу Бабаха. Это он притащил ее сюда, где Штурманн-Тейлор заметил ее реакцию на фото Каттера, осознал, что она увидела связь между ним и копом. Твою мать. Он затащил ее в логово зверя. Нужно смываться отсюда, и чем быстрее, тем лучше. Эти люди не просто опасны, они чудовищны.

Он посмотрел на ее живот.

— У тебя все в порядке?

Она не то рассмеялась, не то всхлипнула.

— Все прекрасно.

— Ты прекрасна, Тана.

Он заметил, что она смотрит на его губы. Член напрягся. Заметив, как изменилось лицо Бабаха, Тана резко поднялась.

— Я хочу спать, — холодно сказала она.

Бабах кивнул. Он не доверял своему голосу. Он смотрел на ее ягодицы в тугих лосинах. Она взялась за ручку двери, и когда уже

собиралась открыть, он смог выговорить:

— Я договорился с «дворецким». Мы выезжаем в пять утра.

Она помолчала, медленно повернулась к нему, и хмурый взгляд был для него как удар в живот. Он прочистил горло.

— Нужно уехать раньше, чем проснется Штурманн-Тейлор и остальные.

— Я хотела взглянуть на подошвы Спатта, — сказала она.

— Я уже спросил у «дворецкого», какую обувь носит Спатт. Тот рассказал мне, что он как раз приобрел новые ботинки, «Экстеррас».

— А старые куда дел?

Бабах пожал плечами. Посмотрел ей в глаза. Во всей ее фигуре чувствовалось упрямство. Вызов.

— Тана, будет лучше, если мы уйдем отсюда. Быстро. Давай выясним, что там с Новаком. Потом, если будет надо, ты всегда сможешь приехать сюда с ордером. И с подкреплением.

Она чуть слышно фыркнула и вышла, закрыла за собой дверь. Он откинул голову назад и выругался.

Остаток ночи он провел, глядя в потолок, слушая ветер, представляя, как сугробы становятся выше и выше. Рука лежала на возбужденной плоти. Боль в животе была жаркой и сладкой. Он хотел Тану. Она ему нравилась. Слишком сильно. Она уже обжигалась о таких мужчин, как он. Секс между ними был невозможен. Во всяком случае, теперь. Если попытаться ее добиться, дело будет двигаться очень медленно.

К тому же он слишком стар для нее.

Она слишком молода для него. Она скоро станет матерью, а такое в его планы никак не входит. У нее вся жизнь впереди — карьера, попытки построить семью. Она всего добьется, если он поможет ей пережить весь этот ужас. Он верил в нее. Видел, что у нее поразительно сильный характер, что она уже начала раскрывать его, что гордость и уважение к себе стали пробиваться сквозь стыд за прошлое. Да, этому он ее научил.

Он уже давно сжег все мосты. Стоит ли пытаться начать заново?

Чем он тогда оправдает рухнувший брак, разрыв с дочерью? Смерть Лары и малыша?

Злой, возбужденный, он перекатился на живот, сильно сжал обеими руками подушку. *Ты не подходишь ей, О'Халлоран. А она не*

подходит тебе. Все это полный бред, с какой стороны ни посмотреть. И если у тебя правда к ней что-то, лучшее, что ты сможешь сделать, — обеспечить ее безопасность. Помочь сделать следующий шаг, отвезти в глушь, в сердце тьмы, как сказал Спатт, а когда вернешься — разобраться с Штурманн-Тейлором и Гартом Каттером.

Он чувствовал, что вышел на финишную прямую и нужно успеть добраться до них раньше, чем они доберутся до Таны Ларссон, особенно теперь, когда она попала в поле их зрения. Он больше не будет изображать ковбоя-одиночку. Хватит с него. Теперь все изменилось. Он поднимет всю информацию, которую собирал все эти годы, поднимет старые контакты с ФБР за пределами страны, чтобы не удалось выяснить того, чего не надо, чтобы, когда дерьмо попадет в вентилятор, Тану не забрызгало.

ГЛАВА 36

Пятница, девятое ноября.

Продолжительность дня: 7.29.16

Дорога заняла больше времени, чем ожидалось, из-за снегопада, глубоких сугробов и необходимости несколько раз сделать крюк. После того как их чуть не пристрелил Новак, наблюдавший за ними с вышки, Тана и Бабах смогли поговорить с ним, объяснить, зачем они сюда приехали, и удостоиться приглашения в его так называемый дом.

Было около трех часов дня, когда они уселись рядом с Новаком у костра в пещере, яму для которого он выкопал в черной земле. На лежавшие за костром бревна Новак навалил звериных шкур, надеясь, что они помогут согреться. Шкуры хлопали на ветру, в лицо летела снежная пыль. Снаружи уже начинало темнеть.

Воздух был спертым от древесного дыма, вони шкур, обглоданных костей. У огня спали две покрытые шрамами собаки, помесь волка и хаски. Пятеро щенят глодали кости и напрыгивали на взрослых животных. За пещерой, чуть повыше, находилось несколько других укрытий из грубо обтесанных бревен, кусков пластика и шкур. Щели между бревнами были залеплены смесью грязи и мха, запекшейся под летним солнцем. Еще несколько собак стояли рядом, привязанные к кольям, кругом валялись огрызки костей. Там же находилась кое-как сколоченная упряжка.

На гвоздях, вбитых в каменную стену пещеры, висели большие лыжи, несколько металлических капканов и силков. В дальнем углу пещеры, над меховой постелью, свисал ряд длинных полосок мяса без жира — Тана предположила, что когда они высохнут, их порежут на кусочки и смешают с животным жиром, чтобы приготовить пеммикан — очередную порцию. Новак грел сейчас над костром в горшке с растопленным снегом. Он решил приготовить для них рагу, после того как наконец согласился впустить их к себе и поговорить. Это традиционное блюдо, сказал Новак, куда входят ягоды черной рябины.

— Рябина растет здесь на торфяных болотах, — пояснил он. — А мясо — карибу. Когда высушишь его, надо измельчить в порошок и смешать один к одному с топленным животным жиром. Отличный

источник энергии. Так делали коренные народы, провожатые из индейцев учили этому путешественников и торговцев мехом.

Об этом Тана прочитала в романе Генри Спатта. Индеец Моро, герой книги, питался пеммиканом. Моро встретил свою смерть в когтях чудовища. Ему оторвали голову и вырвали сердце.

— Почему вы так уверены, что Реган и Дакоту убили не животные? — спросила Тана, желая перевести разговор в нужное ей русло. Было трудно сохранять спокойствие в разговоре с Эллиотом Новаком, со всем непоходившим на человека. Волосы свисали до плеч жирными седыми прядями, рот навсегда застыл в кривой ухмылке в день, когда были отморожены губы. Его гримаса, похожая на оскал скелета, напомнила Тане об изглоданном лице Селены Аподака. Исхудавшее тело было замотано в тяжелые, плохо обработанные шкуры. В сочетании с застарелым потом они жутко воняли. Часть носа Новака тоже была отморожена, на месте ноздрей зияли глубокие черные провалы. Искалеченными пальцами, почерневшими от грязи, он ухватил сигарету и сунул в уцелевшую часть рта, выдул дым из глубоких ноздрей, как дракон.

Что с головой у него явно не в порядке, не вызывало ни малейшего сомнения. Глаза бегали, будто пытались увидеть жутких существ, которые вот-вот набросятся на него из сумрака; разговор был бессвязным. Он постоянно перепрыгивал с одной темы на другую. У пояса, под меховой накидкой, висело мачете в ножнах, на ногах были самодельные унты. Все новые и новые вопросы возникали в голове Таны, ожидая ответов. Он ли был человеком в мехах, которого увидела на утесе Селена Аподака? Как он ездил здесь в бесснежную погоду? На собаках? А летом? Мог ли он узнать о пеммикане из книги Спатта?

— Следы, — внезапно сказал Новак, тыча в Тану сигаретой. — Человеческие следы возле отметин, оставленных ботинками Реган. Кто-то выманил мою дочь из палатки, видимо, избил до потери сознания и утащил в леса.

Тана наклонилась поближе, стараясь посмотреть ему в глаза, но он не был способен на зрительный контакт.

— Вы уверены, что...

— Да, блин, я уверен! Хоть вы-то не начинайте, а? Это были следы двух ботинок, а не лап!

Удивленные внезапной вспышкой агрессии, собаки подняли головы. Одна тихо заворчала. Тана доверяла этим волкоподобным животным не больше, чем Новаку с его мачете. Посмотрела на Бабаха, сидевшего рядом на бревне. Он держался за нож. Кивнул ей, давая понять: продолжай, если что, я разберусь с собаками и с Новаком.

— К тому же с чего бы Реган одной тащиться в темный лес? — сердито прорычал Новак. — Смелой она никогда не была. Ее заманил кто-то. Кого она *знала*, кому *доверилась*. Кто ударил ее веткой. На ней были волосы Реган.

— Но больше никто не нашел следов человека, Эллиот, — мягко сказала Тана. — Я просто пытаюсь рассмотреть все варианты. Я уверена, вы, как офицер полиции, меня поймете. И к тому же я тоже не думаю, что это животные.

Ее слова действовали на Новака. Склонив голову набок, он молча смотрел на Тану. Огонь потрескивал, шкуры хлопали на ветру.

— Так вы поэтому здесь? Чтобы помочь мне разобраться?

— Да. Мы все хотим с этим разобраться. И любая информация от вас очень нам поможет.

Он кивнул, пальцами свободной руки постучал по колену, глубоко затаился. Вновь кивнул, когда дым повалил из носа.

— Ну давайте. Давайте. Задавайте мне вопросы.

— Что навело вас на мысль о том, что Дакоту тоже убил маньяк?

— Не знаю, с чего они решили, что это я. Засранцы. Они решили, что это сделал я, вы в курсе?

Тана кивнула:

— Я знаю. Но вы считали, что Дакоту преследовали. У вас были причины подозревать, что вашу дочь преследовали тоже?

Он почесал бровь и вдруг пробормотал:

— На бесплодной земле души чудовища требуют жертв. Из льда их сердца, и налиты кровью глаза их.

— Что, простите?

Он повторил. Тана взглянула на Бабаха — тот не отрываясь смотрел в лицо Новака. Откашлявшись, она спросила:

— Эллиот, откуда это?

Он резко окинул ее взглядом, тут же переводя его в дальний угол пещеры.

— Слова. Слова. Они были написаны на бумажке и приколоты к шкафчику Реган в школе.

Пульс Таны участился.

— И вы помните эти слова?

Он кивнул.

— Реган показала мне эту бумажку. Странную. Очень странную. Я, конечно, запомнил. Я читал их снова и снова, пытаюсь понять, о чем это вообще. Она рассказала, что кто-то шел за ней по дороге из школы, в темноте, а на следующий день она увидела эту записку. Она испугалась. Я подумал, кто-нибудь из мальчишек решил подшутить, и взял ее с собой на рыбалку, чтоб она немного расслабилась.

— Вы только поэтому взяли ее на рыбалку?

Он тут же умолк и отвернулся.

— Эллиот, — тихо сказала Тана, — я должна буду задать вам несколько личных вопросов, вы не возражаете? Нам это очень поможет, а с вас снимет подозрение раз и навсегда.

Он бросил окурок в огонь, поднял с земли палку, сунул в горшок и стал размешивать рагу, которое начинало вскипать и пускать пар. Поднялся затхлый запах несвежего мяса, ударивший Тана в ноздри. Резануло живот, ее чуть не вырвало. Прокашлявшись, она сказала:

— Была еще одна причина, по которой вы в эти выходные взяли Реган с собой, верно? Вы изменили жене. Хотели наладить отношения с семьей.

Он поднялся на ноги так быстро, что Тану откинуло назад, и она чуть не упала с хлипкого бревна, на котором сидела. Новак принялся расхаживать взад-вперед, взад-вперед, то и дело стуча себя по бедрам. Бабах напрягся. Собаки тоже.

— Кто эта женщина, Эллиот?

Он повернулся и посмотрел на нее.

— Не ваше дело.

— Кто решил оборвать эту связь, вы или она?

— Не ваше дело! Она уехала сто лет назад. Вообще здесь ни при чем. — Собака, что была побольше, поднялась и медленно прошла мимо костра к Новаку, встала рядом и устало посмотрела на Тану. Новак раздраженно копался дрожащими руками в кожаной сумке, свисавшей с ремня, пока не вытащил мятую коробку «Мальборо». Скрюченными пальцами подцепил сигарету и зажал между зубами.

Поднес к огню палку, зажег сигарету, глубоко вдохнул. По-видимому, курение его успокаивало.

Тана подумала о психиатре, о котором говорила Дженни Смитерс, — о женщине, покинувшей город, но прежде рассказавшей Дженни о супружеской неверности Эллиота. Интересно, подумала Тана, может быть, Новак именно с ней изменял жене?

Вновь обвела взглядом пещеру, в голове роились мысли. Нехитрое имущество Новака было по большей части изготовлено из здешних материалов, не считая нескольких инструментов — ножа, топора, мачете, базовых материалов, таких, как пластик. Все это он мог притащить сюда, когда только что приехал. Она задумалась, общается ли он вообще с цивилизованными людьми.

— Где вы взяли сигареты? — спросила она, желая сменить тему.

— Друг приносит.

— Какой друг?

Молчание.

— Конечно, не из глуши, — пробормотала она. — И не из Твин-Риверса. Вряд ли кто-то сунется сюда.

— Проклятое место. Да, так и есть. Я живу в проклятом месте. Летом тут все превращается в кишасщее клопами болото, кое-где покрытое клочьями травы. Надо знать, где тут каналы, как идти, а не то засосет. Они сюда не придут. Я в безопасности.

— У вас есть при себе книги?

— Нет. И очки я потерял. Не могу читать без очков.

— А когда у вас были очки, вы читали книгу под названием «Голод»?

Он вновь принялся раздраженно вышагивать из угла в угол, и от порывистых движений пещера наполнилась вонью грязных шкур и немытого тела.

— Ее написал тот человек, — сказал Новак, — который каждый год приезжает в лагерь. Когда она только вышла, проводил презентацию в столовой.

— Вы ее читали?

— Не помню. Может быть. Да. Наверное.

Тана облизнула губы.

— Вы знаете о недавнем нападении волков и медведей? На двух биологов?

— Слышал.

— От кого вы слышали?

— У меня порой бывают гости.

— Ваш друг сказал?

— Да, наверное. Но это не волки и не медведи убили биологов, — сказал он. — Животные пришли потом.

— Откуда вы знаете?

— Просто знаю. То же самое, что случилось с Реган и Дакотой. Животные пришли потом. Сначала кто-то другой.

— У вас есть предположения, кто этот другой?

Он сильно затянулся сигаретой.

— Кто-то оттуда. Из Твин-Риверса. Кто-то плохой. Очень плохой. Злобный. Кто-то, кто еще здесь.

— Вы считаете себя «плохим» или «злобным», Эллиот?

Он окинул ее беглым взглядом.

— В каждом есть что-то плохое. Злобный — смотря кто судит.

— Вы были пьяны, когда Реган покинула палатку?

Новак замер, как столб. В пещере повисло напряжение. Потрескивал огонь, в тишине шумно булькало рагу. Внезапно он рухнул на бревно. Слезы потекли по щекам, по бороде. Он кивнул.

— Вы поэтому не слышали, как она кричала?

Он кивнул.

— Вы сами не могли бы ударить Реган, верно? Даже будучи сильно пьяным? Даже случайно?

Он подался вперед всем телом и замотал головой.

— Вы точно не хотите сказать мне, кто ваш друг, Эллиот?

Он снова затряс головой.

Бабах вынул из кармана кусок вяленого мяса. Наклонился и подманил к себе одного из щенков. Взрослая собака недружелюбно смотрела, как он подползал ближе и ближе к пальцам Бабаха. В ту же секунду, когда щенок ухватил мясо, Бабах сгреб малыша в охапку и уложил на спину. На животе собачки было маленькое красно-коричневое клеймо.

— Это охотник Эдди, — тихо сказал Бабах. — Это с ним вы видите, верно, Эллиот? Вот откуда у вас ездовые собаки. Так метит своих щенков только Эдди. Это его собака. Он недавно принес вам новых.

Новак нервно зашаркал ногами.

— Думаю, Эдди же показал вам, как ставить капканы, чем питаться. Дал вам несколько собак, помог построить упряжку, на которой вы ездите. Потому что Эдди такой, помогает другим. Это у него в крови. К тому же он не из этих краев. Верит в другие мифы, не те, что рассказывают ужасы про пустошь. Ему нетрудно сюда прийти.

Новак что-то буркнул.

— Но вот в чем дело, — продолжал Бабах, наклонившись вперед и оперевшись руками о бедра, — Эдди почти не ездит в город, ну, может, раз или два в год, так что вряд ли он привозит вам «Мальборо». Их привозит другой ваш друг?

— Наверное.

Как Бабах и Тана ни старались, из бывшего полицейского, ушедшего в леса, удалось вытащить только это. Тана чувствовала жалость к нему, идя обратно мимо укрытий, возле которых они припарковали снегоходы. Валил снег, уже почти стемнело, так что им пришлось надеть на лоб фонарики, чтобы видеть дорогу. Собаки рвались с веревок и рычали, из пастей шел горячий пар. Тана была уверена — если освободить этих животных, они разорвут на части и ее, и Бабаха. Снова вспомнились волки, растащившие по кускам тела Аподаки и Санджита, и ее затошнило.

Бабах остановился у одного из укрытий, сунул голову внутрь. Внезапно напрягся.

— Эй, Тана, — позвал он, — подойди сюда, посмотри.

Она заглянула в укрытие вслед за Бабахом. На стене висели инструменты. Один из них напоминал плуг, но был снабжен четырьмя острыми, витыми зубцами и длинной ручкой. Судя по всему, он был сделан из тяжелого металла. Тана пролезла внутрь, чтобы приглядеться. В свете фонаря не увидела крови, во всяком случае заметных следов. Сняла перчатки, сделала несколько фото на телефон, сняла и другие инструменты. Взглянула на запачканный пол. Там, в замерзшей грязи, четко виднелся след со знакомой зазубриной. «Баффин-Арктик».

Она наклонилась к нему, бронежилет больно впился в живот.

— Черт, — пробормотала она, — ты это видишь?

Навела фонарь на рваную отметину, проходившую через весь отпечаток ботинка.

— Тот самый узор.

Бабах присел на корточки чуть поодаль.

— Тут есть еще один. Тоже левого ботинка. Та же отметина на подошве.

Тана торопливо сделала еще несколько фото, положив рядом со следами свою перчатку для сопоставления размеров — рулетку она с собой не взяла.

— Это не следы Новака, — сказал Бабах, поднимаясь на ноги и разглядывая отпечатки. — Новак носит унты, такие же, в каких ходит Эдди, и ноги у него здоровенные, думаю, размер двенадцатый, а то и больше.

— Ты не думаешь, что это следы Эдди?

Бабах покачал головой.

— Если ничего не изменилось, Эдди убежден, что любая современная обувь вредна для здоровья. Этот идиотский стереотип основан на том, что в детстве мать заставляла его носить ботинки, и теперь он косолапит. Много лет назад он рассказал мне, что как только смог, начал сам делать унты и носит только их.

— Значит, к Новаку приходит кто-то еще. Но кто?

— Возможно, тот, кто приносит ему сигареты.

— Ты знаешь кого-нибудь, кто курит «Мальборо»? — спросила она.

— Несколько ребят из ВестМина. Виктор Барошков — я видел, на барной стойке в «Красном лосе» лежала пачка. Несколько дружков Дэмиена с водопада Росомахи. Да это один из самых популярных брендов в Северной Америке! Но тот факт, что их курит Новак, не означает, что он курит их все время, или что их курит тот человек, который привозит их Новаку. Может, он вообще не курит.

— Чего они от него хотят? Зачем приезжают к нему? Вряд ли у него есть друзья, он же чокнутый.

— Да, — сказал он, поднимая глаза. В укрытие внезапно влетел порыв ветра. — Нам надо ехать, Тана. Если буря усилится, придется ночевать тут, а я стопудово не желаю больше здесь оставаться.

ГЛАВА 37

Держа обеими руками дымящуюся кружку, Тана прихлебывала суп-концентрат, приготовленный с помощью растопленного снега на маленькой газовой горелке. Они с Бабахом грелись у этой горелки в спальных мешках под оранжевым куполом крошечной палатки, а ветер рвал, метал и бушевал снаружи, в темноте, и снег все мел и мел. Маленький фонарь, работавший на батарейках, покачивался у входа в палатку, заливая их уютным желтым светом.

Им повезло поставить палатку до того, как разразилась настоящая буря, на ровном месте под защитой холма. Снегоходы, припаркованные за палаткой, быстро заносило снегом.

— Ты считаешь, это мог быть Новак? — спросила Тана, осторожно сделав еще глоток. Ее губы были такими холодными, что даже чуть теплый суп обжигал их.

Какое-то время Бабах раздумывал над ее вопросом, а она всматривалась в тени на его лице. Ей нравилось смотреть на Бабаха. У него были красивые глаза, и в морщинках под ними таились истории. Она думала обо всем, что ему довелось увидеть и сделать, и у нее сжималось сердце.

— Он псих, это ясно, — никакой связи с реальностью, — сказал Бабах. — К тому же может далеко уехать на собаках.

— Но на них не доберешься до утеса, где были убиты Аподака и Санджит.

— Он мог бросить упряжку и пойти пешком. Согласно твоим записям, Хизер сказала, что Селена говорила о человеке в мехах. Эллиот носит меха.

Она отхлебнула еще, слушая ветер, думая о бесконечной, бесплодной земле, протянувшейся по всему Северу.

— Когда напали на Аподаки и Санджита, снега было еще слишком мало.

— Ну, может, он проделал пешком весь путь. Это заняло много времени, но он мог прийти туда раньше, охотиться, может, даже наблюдать, как работают ребята, и строить планы.

— А при чем тут красный вертолет?

Он покачал головой.

— Не знаю. Совпадение?

— Я не очень верю в такие совпадения. Может, это охотник Эдди? Он всегда поблизости.

— Сомневаюсь, что это он. И след не его — в этом я точно уверен. Еще есть вероятность, что след не имеет ничего общего с убийцей.

— Как насчет Кроу Удава и его инструментов? Он привык вынимать сердца и кишки. Может быть, он перешел за грань и принялся за людей, воплощая сюжет книги?

— Кроу не умеет читать, — заметил Бабах.

— Для этого не нужно уметь читать. Зверь-каннибал — местный миф, старая история, и все здешние жители слышали ее, сидя у костра.

— Да, но кто-то списал эти строчки из книги и скопировал рисунок. Это однозначно связано с книгой и с тем, кто умеет читать.

— Верно. — Мысли Таны переключились на автора, Генри Спатта, и других, чьи имена она писала на доске. — Нужно еще раз съездить в лагерь ВестМина, — сказала она. — Я поговорю с зимним составом команды, осмотрю их подошвы, опрошу их. Если Гарри Бландт и Маркус Ван Блик четыре года назад уже наметили это место и планировали строить шахту, у них есть тут помощники, и может быть, эти помощники сейчас в лагере. Ведь есть такая возможность?

— Туда на снегоходе долго ехать, — сказал Бабах. — Может, подождем, пока наладится погода, и подброшу тебя на самолете.

Она посмотрела ему в глаза. Он не отвел взгляд. Что-то нарастало между ними — сильное, осязаемое. И вместе с тем что-то мрачное, коварное. Пугавшее Тану. Заставлявшее ощущать свою чувствительность. И сквозь шепот, стук и рев ветра она услышала голос бабушки:

Восприимчивость — не хорошее и не плохое качество, Тана. Это не мрачное чувство, не светлое. Это не слабость. Это зарождение всех чувств. Если ты бежишь от него, если ты его боишься и гонишь прочь, ты гонишь прочь все, что дает жизни цель и смысл...

Она не могла этого сделать. Не могла положиться на кого-то, кроме себя. Она знала — ей самой придется справляться с трудностями материнства, с работой. Ей придется доказать, что она справится. Она совершила слишком много ошибок, злоупотребляла сексом и общением с мужчинами. Теперь ей предстояло отделить все это от того, что действительно важно, выйти на свой путь. Бабах же

был совсем не таким человеком. Ему еще предстояло решить свои серьезные задачи. Он жил как Джим — на грани гибели, бросал вызов вселенной — пусть покарает, может быть, даже хотел, чтобы она его покарала. Она не хотела больше верить и терять. Это просто убило бы ее. Она глубоко вдохнула.

— Трудно представить того, кто это сделал, правда? — сказала она. — Совершил это омерзительное, чудовищное преступление и все еще живет, все еще вписывается в общество. Нужно столько энергии, чтобы это скрывать. Планировать, замечать следы. Казаться нормальным.

— Нормальность — относительное понятие, Тана.

Он был прав. Она думала, Джим нормален. Никогда не знаешь, что скрывается от посторонних глаз.

Бабах забрал у нее кружку, расстегнул молнию палатки, выплеснул остатки, очистил кружки снегом и убрал в сумку.

— Лучше поспи, если сможешь. Погода наладится к утру, и если верить прогнозу, ожидается небольшое затишье, прежде чем буря разразится снова. Нам нужно постараться и успеть добраться до Твин-Риверса.

Тана натянула шерстяную шапочку на уши и забралась в спальный мешок. Бабах последовал ее примеру, и они улеглись в маленькой палатке, тесно прижавшись. Бабах выключил фонарь. Желтый свет потух, и первобытная тьма внезапно стала невыносимо всеобъемлющей. Были только они одни, кусок оранжевой ткани над ними и вселенная снаружи. Тане вспомнились оранжевые клочки, разбросанные по месту гибели Аподаки и Санджита. Она представила себе, как четыре года назад Бабах заворачивал в ткань палатки то, что осталось от Реган Новак, и вздрогнула.

— Холодно? — спросил он в темноту.

— Да нет, нормально.

— Сообщишь об этом теперь, да, Тана?

— Угу, — сказала она. — Ответов я не нашла, зато накопилось достаточно вопросов, чтобы вынудить Йеллоунайф прислать сюда команду следователей. У меня есть книга Спатта, и это явное доказательство убийств. Кто-то шатается поблизости и охотится на людей, а роман Спатта служит ему картой, кто-то нагнетает страх, прежде чем нанести удар. Может, это сам Спатт. Нужно, чтобы

приехали следователи, сняли отпечатки пальцев, сделали анализ ДНК, поторопились с результатами вскрытия. Теперь у меня есть все необходимое для этого.

— Тебе придется общаться с Каттером?

Тана уловила подтекст вопроса.

— Нет, — тихо ответила она. — С сержантом Леоном Киланом. Но я не знаю, к кому обратиться... теперь у меня достаточно свидетельств. Я сообщу через центральную диспетчерскую службу, добьюсь, чтобы об этом узнали все — следователи, патологоанатомы, родители Аподаки и Санджита. Это вынудит Каттера и Килана действовать быстро, раз уж ничто другое не в состоянии на них повлиять. Они не смогут смотреть сквозь пальцы на это дело и на меня. Не в этот раз.

Он не ответил, и Тана подумала, что он спит. Прислушалась. В палатку пробрался холод, пронизал до костей. Она содрогнулась, и Бабах неожиданно обнял ее.

— Придвинься поближе, — прошептал он, и теплое дыхание коснулось ее шеи.

Все ее тело словно окаменело, сердце неровно забилося.

— Ладно тебе. Тепло другого человека нужно, чтобы выжить.

Она неохотно придвинулась, попыталась расслабиться в его руках.

— А ты? — прошептала она. — Что ты собираешься делать с Каттером, Штурманн-Тейлором?

Он глубоко вздохнул.

— Все еще хочешь убить его?

— Нет, Тана. Больше не хочу.

На нее накатила волна облегчения.

— Что изменилось?

— Ты, — прошептал он.

Вновь поднялся страх, живот свело напряжением, во рту пересохло. Она хотела, чтобы он прикоснулся к ней, крепко прижался губами к шее. Хотела его тело, теплое, обнаженное. Хотела почувствовать его в себе. Глаза жгло. Но вместе с этим волновало другое — Каттер и Штурманн-Тейлор, Ван Блик. Что они могут сделать с ней и с ее ребенком в этом диком, отрезанном от всего мира месте, где никто не узнает?

— А что тогда ты будешь делать? — прошептала она.

— Сообщу в ФБР, — сказал он. — В Интерпол. Всю информацию, что собирал годами, пока носил ему в зубах косяки. Выложу все как есть, пусть посмотрят, кто на самом деле Штурманн-Тейлор и Каттер. В том числе секретную информацию, которую выяснил, работая под прикрытием. Все о Штурманн-Тейлоре, о лагере, о людях, которых он сюда приглашает. О роли Каттера — пусть знают, где копать. Думаю, остальное они сделают сами.

Дунул ветер, резкий порыв снега ворвался под ткань палатки и зашелестел.

— Спасибо тебе, Тана, — прошептал он и очень нежно прижался губами к ее шее под тяжелым узлом волос. Его объятия были крепкими и теплыми. Живот Таны охватило жаром, затвердевшие соски свело острой болью.

— Мне кажется, это фортуна, — сказал он, и она услышала в его голосе прежнюю улыбку. — Она привела тебя ко мне и внесла все недостающее. Может быть, все эти годы наконец обретут смысл.

Он говорил не только об операции под прикрытием. Он говорил о потерях, которые пережил, о выборе, совершенном много лет назад, когда работа стоила ему семьи. Он говорил о Ларе и о погибшем ребенке, о том, как больно ему было осознавать, что он не защитил ее, что ей вышибли мозги. Тана сглотнула и замерла от ужаса при мысли о том, что возбуждение станет еще сильнее, и не шевелилась, пока не услышала, как дыхание Бабаха стало ритмичнее. Он уснул. Только тогда она позволила себе немного расслабиться, и уже когда ее начало клонить в сон, она вдруг ахнула.

Бабах тут же проснулся.

— Что такое?

Она вновь ощутила в животе движение, маленький толчок, и глаза заслезились от нахлынувших чувств.

— Ребенок. Он толкается. Вот, потрогай, — она открыла спальный мешок и просунула его руку себе под термобелье. Его ладонь, грубая, теплая, коснулась натянутой кожи ее живота. Малыш снова повернулся. Еще толчок.

— Ты чувствуешь?

Он не ответил. Придвинувшись поближе, она коснулась его лица. Щеки были мокрыми.

— Да, — прошептал он хрипло. — Да. Чувствую.

Он держал руку на ее животе, и они долго лежали так, чувствуя близость с бесценным маленьким человеком, живущим внутри ее. Тана поняла, что уже не одинока. Это все по-настоящему. Существо, быстро растущее в ней, мужчина, греющий их обоих в объятиях.

— Ты уже знаешь, мальчик это или девочка? — спросил он.

— Нет, — ответила она тихо. Ей пока не хотелось знать. Она надеялась, что будет мальчик, потому что девочкам тяжело приходится в жизни — судя по ее опыту. Но сейчас ей стало все равно. Это ее ребенок. Ее малыш. И на ничтожную долю секунды ей вдруг показалось, что все будет хорошо.

Маленькое племя, бабушка. У меня есть свое маленькое племя...

И Тана наконец уснула в объятиях Бабаха, теплых, укрывающих от бури. Чувствовать, что ее обнимают вот так, не судят, не пытаются использовать, не давят... не испытывать никакого стыда в этих грубых руках, лишь силу дружбы... было неописуемо трогательно. И уютно.

ГЛАВА 38

Суббота, десятое ноября.

Продолжительность дня: 7.20.37

В половине четвертого Бабах на снегоходе подъехал наконец к своему дому. В половине третьего они с Таной добрались до Твин-Риверса. Снег перестал валить, ветер мчался по долине, разгоняя облака. Бабах попрощался с Таной у полицейского участка — собаки при виде ее чуть с ума не сошли от радости. Судя по всему, оба пса чувствовали себя прекрасно, и камень свалился с души Бабаха.

Розали еще была в кабинете, а Боб из техобслуживания стоял на крыше. Он расчистил от снега маленькую антенну, позволявшую передавать информацию по спутниковому телефону. Теперь, пока еще не разразилась новая буря, Тана может связаться с Йеллоунайфом и потребовать прислать подкрепление. Как скоро детективы доберутся до Твин-Риверса, другой вопрос, но во всяком случае процесс будет запущен. Бабах сказал Тане, что заглянет домой, чтобы помыться, переодеться, посмотреть, не завалило ли снегом взлетную полосу, и сделать еще кое-какие дела. Но еще он хотел убедиться, что с Минди все в порядке.

Снегоуборочная машина двигалась взад-вперед по полосе. Бабах снял шлем, помахал уборщику, тот из окна помахал в ответ.

Нагруженный вещами, Бабах поднимался по лестнице к крыльцу. Хотя уже смеркалось, свет в доме не горел. У входной двери намело сугробы. Бабах нахмурился. Может быть, Минди не выходила на улицу из-за снегопада. Но почему так темно?

Потянул дверь. Она была открыта. Распахнул ее и вошел в дом. Внутри было холодно, все обогреватели отключены.

— Минди? — Он бросил вещи в прихожей, включил свет, разулся. — Минди, ты здесь?

Ответа не последовало.

Он прошел в гостиную, зажег свет, включил обогреватель. Тот затрещал, защелкал, возвращаясь к жизни. Чайный столик был завален пустыми банками от пива и бутылками от алкоголя покрепче. Бабах выругался.

— Минди!

Тишина.

Вышел в прихожую, открыл дверь в ее комнату. Кровать была в беспорядке, опустевший шкаф открыт. Он вновь выругался. Должно быть, Минди ушла в отрыв, напилась и сбежала к какому-нибудь приятелю. Она не делала этого уже два месяца, и Бабах надеялся, что она распрощалась с плохой привычкой.

Нервничая, он побрел в ванную, разделся, встал под обжигающий душ. Смесь тревоги и адреналина жгла все его тело, пока он мылся и думал о Тане. О том, как быть дальше. О Минди. О том, как он свяжется с ФБР, с Интерполом, какими будут следующие шаги.

Он вытерся, переоделся и пошел на кухню, чтобы захватить пару банок пива. Если, конечно, Минди оставила ему что-то. Он сказал Тане, что принесет ей еду из столовой, и сегодня ему хотелось немного выпить за едой. Он решил, что будет ночевать в участке, пока не приедет подкрепление. Днем с Таной будут Розали и собаки, и жители Твин-Риверса будут ходить по улице, пока погода позволяет. Тот, кто убил этих четверых и пытается запугать Тану, не хочет попадаться. Это очевидно, уже исходя из того, в каких местах совершаются убийства и какие усилия он предпринимает, чтобы скрыть следы. Этот больной сукин сын действует под покровом темноты. Он дождетсся ночи, когда Тана будет одна. Если решил убить ее неподалеку от участка.

Войдя в кухню, Бабах увидел кровь — брызги на белой плите и поверхности стола. Его пульс участился. Опустив глаза, он заметил капли на линолеуме. Нагнулся, осторожно коснулся темного пятнышка кончиком пальца. Засохшая. Старая. Сердце заколотилось. Он поднялся на ноги и увидел термометр для мяса, лежавший на столе за тарелкой с мандаринами. Мрачное предчувствие просочилось в его душу.

Бабах взял термометр. Острый серебряный кончик, который втыкали в сырое мясо, был измазан кровью.

Вот дерьмо.

Однажды Минди уже так делала — расписывала свое тело острыми предметами. Он увидел, как она режет руку лезвием бритвы, узнав, что ее приятель-засранец спит с кем-то другим. Внезапно вспомнились слова Таны.

Может быть, это Минди? Она не скрывает, что любит тебя, а меня ненавидит. Глаза оленя могут быть зацепкой. Вдруг она таким образом хочет что-то нам сказать?

Бабах метнулся в прихожую, сунул руки в рукава куртки, натянул ботинки. Схватил шапку и перчатки, вышел в холод. Воздух прорезал шум приближавшегося вертолета, из облаков показалась ярко-желтая птица — «Твин Сквиррелл». Хизер.

Пока Бабах спускался по лестнице, вертолет аккуратно приземлился, воздушный поток всколыхнул верхушки сосен. Бабах остановился, стал смотреть, как открываются двери и трое мужчин на корточках выбираются из самолета. Судя по их снаряжению, это были рабочие по контракту, приехавшие строить ледяную дорогу. Выбравшись, они побежали к грузовику, ожидавшему их неподалеку от взлетной полосы.

Роторы остановились, открылась дверь кабины пилота. Бабах подошел к Хизер — она сняла шлем, выпрыгнула на снег. На ней был зимний летный костюм.

— Привет, — сказала она с улыбкой. В синих глазах отражалось небо, сияющее в разрывах облаков. — Вот, слетала, пока погода нормальная, — она кивнула в сторону мужчин, забиравшихся в грузовик, который пыхтел и выпускал в небо усталые клубы белого дыма. — Эти бедолаги на двое суток застряли на рабочей площадке, — она рассмеялась, закрыла дверь за собой и направилась к ангару. — В жизни не видела, чтобы кто-то был так рад вернуться к цивилизации.

— Ты не видела Минди? — спросил Бабах, идя следом за ней к ангару.

Хизер остановилась, повернулась, посмотрела ему в глаза. Должно быть, увидела в них тревогу и ответила:

— Да нет. А что случилось?

Он печально вздохнул.

— Не пойму, куда она делась. В прошлый раз видел ее... блин, помоему, во вторник... или в четверг утром?

— Я видела ее днем во вторник, — сказала Хизер. — Думала, ты про сегодня.

— Где ты ее видела?

— Она шла по дороге к городу. Я подъехала, когда она садилась в грузовик «Форд».

— Чей грузовик?

— Не знаю. Серый. На кузове наклейка — красная голова барана.

— Маркус Ван Блик? Твою мать.

Предположительно — наемный убийца, торговец женщинами, бриллиантами...

— Ты не попыталась ее остановить?

— Бабах, я ей не нянька. Я без понятия, куда она собралась.

— Куда поехал грузовик?

— На северо-восток. К водопаду Росомахи.

У Ван Блика был друг, живущий неподалеку оттуда. Бабах в свое время разузнал, куда ходит Ван Блик, с кем он водится. И если этот выходец из Южной Африки не свалил отсюда, пока погода была нормальной, велики шансы, что он все еще здесь, потому что возвращаться в лагерь ВестМина в сильную бурю — так себе занятие, на которое уйдет день, а то и больше. Бабах повернулся и побрел к машине.

— Эй, — позвала Хизер, — ты куда?

— Искать Минди.

Прежде чем сесть на снегоход, с портативного спутникового телефона, попытался дозвониться до Таны. Посмотрел в небо, желая понять, какая ожидается погода. Через несколько минут должно было стемнеть — небо уже заволочло черными тучами с севера. В трубке зазвучал автоответчик. Тана, очевидно, все еще говорила с Йеллоунайфом. Он отправил ей голосовое сообщение о том, что собирается искать Маркуса Ван Блика, потому что Минди два дня назад уехала с ним к водопаду Росомахи и он волнуется за нее.

— Может, Маркус вообще наш человек. Но если не вернусь к тому времени, как уйдет Розали, пожалуйста, попроси кого-то побыть с тобой. — Договорив, он сунул телефон в карман, натянул шлем, оседлал машину. Завел двигатель, дал по газам, и машина с рычанием понеслась по сугробам в обход, к дороге, ведущей вдоль реки к водопаду Росомахи.

ГЛАВА 39

Тана ходила взад-вперед вдоль доски. Было 5.14 дня, и уже начинало смеркаться. Она дозвонилась в Йеллоунайф, как только они с Бабахом вернулись, и ей повезло: во-первых, спутниковая связь сработала, а во-вторых, ни Леона Килана, ни Гарта Каттера не оказалось на месте. Ее соединили с молодым детективом, занимавшимся серьезными преступлениями, младшим сержантом Марком Маршаллом, и она доложила ему обо всем. Он обмусолил услышанное со всех сторон и наконец дал зеленый свет, пообещав, что первым же рейсом в Йеллоунайф будет выслана команда.

Теперь оставалось дожидаться, пока наладится погода.

Ну а пока младший сержант Маршалл двадцать четыре часа в сутки был наготове, чтобы отвечать на звонки и вопросы Таны. Все базы данных просматривались на предмет пропавших без вести и убитых животными на северо-западных территориях, на Юконе и удаленных территориях Канады. Эксперты с удвоенной силой принялись за отчеты о вскрытии и криминальное расследование по делу о гибели Аподаки и Санджита. Вновь подняли давно закрытые дела о гибели Реган Новак и Дакоты Смитерс. Розали внесла свой вклад, перетащив пылесос из участка в маленький домик у реки, чтобы подготовить его к приезду сотрудников правоохранительных органов. Виктора из отеля «Сломанная сосна» предупредили, что могут понадобиться номера.

Комната, в которой висела доска, стала временным штабом расследования. Тана была в восторге, что подняла этот вопрос сама, без Каттера и Килана. Никто не станет чинить препятствия, потому что они будут выглядеть как полные придурки, если попытаются остановить этот стремительно нарастающий снежный ком. Но ее нервы были сильно расшатаны. Подкрепление все еще не прибыло.

Остановившись, она перечитала все, что было написано на доске, и потянулась за тряпкой, чтобы стереть сведения о Бабахе, но неожиданно остановилась. Ее мучили сомнения. Она верила ему, она, безусловно, ему верила. Но новая команда, приехав сюда, узнает все, что Тана рассказала Хизер, в том числе о красном «АэроСтаре», быстро выяснит, что их всего два и один из них принадлежит Бабаху, и

это мог быть только он, потому что это, очевидно, была не Макалистер, и, значит, новая команда непременно задаст вопрос, почему Бабаха нет в списке.

Тана пробежала глазами остальные имена: Эллиот Новак, Маркус Ван Блик, Кроу Удав, Джейми Удав, Калеб Петерс, Тивак Кино, Большой Индеец, Гарри Бландт. Другие работники шахты? Дин Камински? Тана взяла маркер, добавила в список Генри Спатта, Алана Штурманн-Тейлора, Дэмиена Саллиса и его банду. Задумчиво потерла бровь. Это, черт возьми, половина Твин-Риверса, и она ничего толком ни о ком из них не выяснила.

Не кори себя. Ты нашла достаточно доказательств, все остальное сделает команда. Ты не детектив. Ты просто девчонка двадцати четырех лет, салага, вдобавок беременная, за которой охотится серийный убийца на территории в 17,5 квадратных миль, где ты обязана следить за порядком и где то и дело разражается буря.

Позволь людям помогать тебе, Тана, дитя мое. Каждому из нас нужно племя. Без племени человек слаб...

Да, она научилась просить о помощи. Первый шаг, важный шаг, бабушка. И еще у нее здесь, кроме Чарли, появился еще один друг — Бабах. Неважно, что сейчас творится, сердце подсказывало ей: он на ее стороне. Огромный шаг. Она научилась доверять.

Тана закусилась щеку, раздумывая, затем написала еще одно имя — Чарли Накенко. Ей стало неловко. Чарли был стар, и вряд ли у него было достаточно сил, чтобы так избить и изорвать тела Аподаки и Санджита. Но учитывая, что сильные удары по черепу всем четверем погибшим нанесли каким-то инструментом, а тела изрезали чем-то похожим на когти, трудно было сказать наверняка, пока не пришли результаты с места вскрытия. Кроме того, оставались вопросы, что именно их убило и какой сильный ущерб нанесли животные, учитывая, сколько времени тела пролежали, прежде чем их нашли.

В памяти снова всплыл визит к Новаку. И отпечаток ботинка в сарае. Это определенно связывало его с убийствами, пусть даже косвенно. Кто приходил к нему в гости?

Кто приносил ему сигареты?

Единственное место, где можно было их купить, — магазин возле столовой. Можно было выяснить у Марси, кто приходил за

«Мальборо». Но Тана была уверена, что сигаретами торговали и из-под полы, может быть, Дэмиен со своими друзьями. Или кто-то летал в город за сигаретами. На маленьком красном вертолете.

Она вновь задумалась о злосчастном «АэроСтаре». И о том, что стоял на заднем дворе дома Бабаха.

— Тана, — донесся из кабинета голос Розали, — я пойду, ладно?

Тана посмотрела в темное окно. Где же Бабах?

— Хорошо, Розали, да. Спасибо.

Розали направилась к двери.

— Может, сходить к вождю Даппу, попросить, чтобы нашел того, кто тут побудет? Бабах не велел оставлять тебя одну.

— Я... да нет, все нормально. Уверена, он будет с минуты на минуту. Просто когда будете уходить, закройте дверь, ладно?

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Спокойной, Розали.

Порывшись в бумагах на столе, Тана нашла отчет, составленный со слов Макалистер. Перечитала. Макалистер утверждала, что «АэроСтар» был не О'Халлорана, потому что об этом ей сказал сам О'Халлоран. Тана поджала губы. Ее не отпускало чувство, что Макалистер пытается прикрыть О'Халлорана. Вспомнились слова Минди о том, что Макалистер и О'Халлоран состоят в интимной связи.

Тана выругалась, отшвырнула отчет. Поймала себя на том, что снова, думая о Бабахе, называет его по фамилии, что опять засомневалась в нем, и содрогнулась.

Может, она совсем слепая? Может, он просто обаятельный социопат, обходным путем ведущий ее к гибели?

Тана стала вспоминать, как впервые приехала в лагерь ВестМина, как подслушала разговор Макалистер и Бабаха об «АэроСтаре». Представила, как они разговаривают там, в тумане.

Сранный красный вертолет!

Никто больше его не видел. Одна только Макалистер. Этот вертолет был как маленькая красная... сельдь. Тана замерла. Красная сельдь. Охотничий термин: чтобы лучше натаскать собаку, ее нарочно сбивали со следа, используя для этой цели сильно пахнущую рыбу. Хитрость. Неправильное руководство к действию.

Господи. Она вновь принялась расхаживать туда-сюда. Нет... быть такого не может.

Но только Макалистер видела «АэроСтар». Команда биологов его не видела. Если верить словам Вероники Гарньер и Дина Камински, Аподака и Санджит не видели тоже. Никто в лагере не сообщил, что там был чертов вертолет. Получается, Макалистер соврала? А зачем? Чтобы сбить с толку полицейского. Самый лучший способ это сделать — доказать, что она прикрывает другого, на самом деле ставя его под обстрел.

Если Тана верила Бабаху — а она должна была ему верить, если уж зашла так далеко, — и он в самом деле не был там вместе со своим «АэроСтаром» в пятницу второго ноября, — может быть, там вообще никакого «АэроСтара» не было.

Кровь стучала в барабанных перепонках Таны, когда она вновь стала вспоминать ночь их первой встречи с Макалистер. Хизер нервничала, ходила взад-вперед. Ее трясло. Она была вся бледная. Сильно пьяная. Глаза налиты кровью. Высокая, примерно метр восемьдесят. Крепкое рукопожатие. Холодные, грубые пальцы — все израненные, в трещинах. Широкая кость. Атлетическое телосложение.

Тана обеими руками за спинку подтащила к себе стул, закрыла глаза, пытаясь в подробностях увидеть их встречу. Представила туман, холод, кружившие снежинки. На Макалистер — стеганая куртка, руки без перчаток.

Вы, значит, новый полицейский?

Макалистер бросила окурки в снег, наступила на него левой ногой. Наклонилась вперед, чтобы пожать Тане руку.

Рада знакомству. Жаль, что в таких обстоятельствах.

Ботинок. Прижимающий к земле сигарету.

Кожа ботинка — темная, красно-коричневая. Чуть выше лодыжки. Подкладка из овечьей шерсти. Типичный «Баффин-Арктик». Высокая и крупная Макалистер вполне могла носить обувь мужского, девятого размера. В прошлом воевавшая, она видела много жестокости. Впервые пообщавшись с ней и узнав, что она служила в американской армии, прежде чем перебраться на Север, Тана задала себе вопрос, не страдает ли она от посттравматического стресса.

Вновь вспомнила сцену допроса в юрте. Прежде чем налить себе кофе, Макалистер положила на стол пачку сигарет.

Мальборо. Легкие.

В списке подозреваемых не было женщин. Возможен ли такой расклад? Что, если Хизер Макалистер психически больна? Если все пережитое сделало ее жестокой? Если это началось намного раньше? Когда это началось и где? Откуда она переехала в Штаты? Что представляет собой ее история? Почему она ушла из армии?

Тана все быстрее и быстрее постукивала маркером по тыльной стороне ладони, не переставая мерить шагами комнату. Мысли бешено вращались в мозгу, пульс скакал галопом, кожа взмокла от волнения.

Хизер Макалистер жила в Твин-Риверсе больше четырех лет. Ни от кого не зависела, была мобильна. Могла перемещаться на большие расстояния. Могла в каждом из четырех случаев оказаться на месте преступления. Могла оставить отпечатки. Весь сезон летала с биологами, знала, как они перемещаются, знала, когда будет ясная погода.

И, судя по фото в лагере Члико, была в долине Нехако той осенью, когда пропала девушка-геолог, тело которой, объединенное хищниками, было обнаружено уже потом.

Она жила на ферме Удава. У нее был доступ к медвежьей приманке. К инструментам для таксидермии. К инструментам, стоявшим в сарае. Тана вспомнила заляпанные летные костюмы, свисавшие со стены. Гермомешки, на сплавах защищающие вещи от воды. Все эти вещи могли быть попорчены в ходе нападения. Части тела — сердце, например — и грязную одежду она вполне могла складывать в эти мешки, чтобы не запачкать кровью кабину вертолета.

Желчь подкатила к горлу Таны, от этих мыслей мутило. Зачем? Что могло вынудить ее совершить такое? Какое удовлетворение она получала, какая была потребность?

Женщина — серийный убийца? Ярость. Жажда насилия. Жажда властвовать, доминировать? Тана не понаслышке знала, что такое женская агрессия. Мать, напившись, избивала ее до потери сознания лет до восьми, пока Тана не научилась прятаться, а потом — давать сдачи.

Снова подумала о Новаке. Об отпечатке в сарае. Мог ли это быть след Макалистер? На вертолете она легко могла бы добраться до его места жительства. Там было где приземлиться.

Но зачем ей навещать его? Зачем привозить ему вещи? Зачем?

Может быть, у них роман?

Нет. Новак сказал, что женщина, с которой он встречался, уехала из города. Но он мог и соврать. Он был не вполне адекватен, мог говорить с подтекстом. Мог иметь в виду, что она оставила его, уехала из его жизни.

Тана схватилась за телефон, который теперь всегда держала при себе, на ремне. Набрала номер, который сообщил ей Маршалл, и сразу приступила к делу.

— Хизер Макалистер, местный пилот вертолета, работает на «Арктический ветер», раньше служила в американской армии. Мне нужно знать, когда она ушла оттуда и почему. Чем занималась, прежде чем поступить на службу. Еще мне нужно связаться с психиатром, назначенным в Твин-Риверс четыре года назад. Об этом должна быть сводка.

Договорив, Тана набрала номер Бабаха. Услышала автоответчик. Посмотрела на время. Где его черти носят? Понемногу подкралось беспокойство. Тана вернулась в кабинет, проверила, плотно ли закрыта дверь, растопила печь, приласкала собак, растянувшихся на своих лежанках.

— Куда он подевался, мальчики?

Сомнение, неуверенность и беспокойство нарастали с каждой секундой. А если она вышла на неправильный путь? Черт, она вообще не понимала, что делает.

ГЛАВА 40

Минди медленно приходила в себя. Было темно. Густое, муторное, сиропное, липкое чувство сводило все тело, ей казалось, что она падает, но она лежала неподвижно. Было больно. Болело все тело. Сильно. Казалось, ее вот-вот вырвет. Что случилось? Где она? Потрескивал камин. Было жарко, очень жарко. Все тело взмокло. Она чувствовала свой запах. От нее воняло. Когда сознание понемногу вернулось, она поняла, что лежит в странной, скрюченной позе. Попыталась шевельнуться, но не смогла. Ужас проник в сердце.

Руки были крепко скручены за спиной. Лодыжки связаны вместе. Колени тоже. Боль пронизывала позвоночник и левую ногу. Голова раскалывалась, затылок жгло, он был мокрым. Минди попыталась сглотнуть, ощутила рвотный спазм. Рот был заклеен. Она помотала головой, попыталась позвать на помощь, стряхнуть с себя это чудовищное ощущение. Конечно, она спит. И видит кошмар.

С трудом открыла глаза. Веки сильно распухли и болели.

В темноте увидела очертания. Она лежала в какой-то пещере. Очень жаркой. Лишь дрожавшее красное пламя давало свет. Она попыталась вспомнить, что произошло. Она ушла из дома Бабаха... с чемоданом. К ней подъехал этот человек в грузовике...

Тело снова свело болью, к горлу подкатила рвота. Желудок скрутило, желчь потекла из носа, и Минди пришла в ужас. Она же не сможет дышать, рот заклеен! Извиваясь, как змея, всем телом, она проглотила рвоту. Лежа неизвестно где, потная, дрожащая, вне себя от страха, Минди пыталась дышать, ноздри жгло.

Глаза наполнились слезами, она ничего вокруг не видела. Хизер. Хизер спасла ее от этого человека, привела в сарай на ранчо Кроу Удава. Воспоминания, как бледный дым, понемногу обретали форму.

— *Давай сюда, Минди. Здесь ты будешь в безопасности.*

— *Почему не наверху, где живете вы?*

— *Никто тебя здесь не найдет. Никто не услышит. Можешь шуметь, сколько захочешь.*

— *Я ни от кого не прячусь. Что вы имеете в виду?*

— *Смотри. Все это твое.*

Минди прошла несколько шагов по деревянной лестнице и оказалась в подвале под сараем, похожем на тесную пещеру. И вот тогда ее сбил с ног чудовищный удар по голове. Перед глазами пронеслась полоса света, все стало красно-черным. Она покатилась по лестнице, но что потом... неизвестно.

Минди осторожно повернула голову набок. Почему волосы мокрые? Это кровь? На затылке была рана. Она изо всех сил постаралась открыть глаза, и понемногу очертания подвала стали четче. Он был длинным. В углу — темная тень. У стены — большие бетонные ящики, блестящие, черные. А по стенам тут и там расклеены листы белой бумаги с черно-белыми рисунками непонятных существ — демонов. Полулюдей, полуживотных. Здесь были скелеты с волчьими головами, спины зверей, покрытые длинными волосами. Они напомнили ей рисунки в старой немецкой книжке сказок из библиотеки. В этих сказках волки охотились на детей и ели Красную Шапочку в снежных и темных лесах Скандинавии. У существ на рисунках были оцепеневшие глаза, с зубов капала кровь. Одно из них держало когтями высоко над разорванной грудной клеткой жертвы что-то похожее на сердце.

Морщась от боли, Минди медленно повернула голову чуть вправо. Свиристое пламя в каменной печи в углу комнаты пылало красным и оранжевым. Труба дымохода вела к крыше. Возле печи стоял длинный узкий стол, идущий вдоль стены. На одном конце этого стола горели свечи. Посередине высилась большая пустая банка. За ней лежала книга в твердой обложке. Над столом была полка, на которой стояли еще банки с жидкостью и... чем-то еще. Частями тела. Органами. Как в школьном кабинете биологии. Над банками, на черной стене, была выведена безумным шрифтом белая надпись:

*На бесплодной земле души чудовища жаждут расплаты,
За грехи отомстят нам.*

Ужас сплелся с недоумением.

Я попала в ужасник... что за надписи на стенах... что за безумие... выбраться из этого кошмара...

Желудок опять скрутило, и Минди изо всех сил постаралась сдержаться. Если ее опять вырвет, она задохнется и погибнет.

Где Хизер? Почему Хизер не придет на помощь?

Минди внимательно прислушалась, пытаясь различить что-нибудь за треском, шипением и щелканьем огня и бревен в камине. Ветра слышно не было. Казалось, здесь совсем нет воздуха. Только давящий жар этой темницы. Она была под землей. В подвале, выкопанном под сараем.

Отчаяние волнами подкатывало к груди. Но тут Минди замерла, услышав звук.

Повернула голову туда, откуда он шел.

Хизер.

На ней было только нижнее белье. Ни грамма жира на точеном теле. Белая кожа блестела от пота. Хизер натягивала летный костюм. Ее волосы были стянуты в тугую французскую косу. Снова раздался тот же звук.

Хизер замерла на месте, вслушиваясь. Сердце Минди ушло в пятки. Звук повторился. Голос. Приблизился. Позвал.

— Хизер! Ты здесь?

Мужской голос.

Минди заерзала, попыталась закричать. Но раздалось только мычание — *миммимх, миммиммх*.

Хизер обернулась, уставилась на нее.

Минди замерла. Взгляд Хизер... это была уже не Хизер. Это было безумное существо. Чудовище. На секунду на ее лице, казалось, отразилось замешательство, и это напугало Минди сильнее всего. Потом Хизер медленно поднесла палец к губам.

— Шшш, — сказала она. — А то глотку перережу. Ясно?

Минди не шевельнулась.

— *Ясно?*

Минди кивнула.

Мужской голос вновь позвал:

— Хизер? Я слышал крик. Ты в порядке?

Он подходил ближе. Он увидит дверь подвала. Обязательно. Он почувствует тепло, идущее отсюда, или учует запах дыма. Он найдет ее. Он поможет ей.

Хизер быстро застегнула молнию летного костюма и надела ботинки. Повернулась туда, где на стене висело ружье и странные инструменты. Сняла длинный нож с широким лезвием, наподобие тех,

какие используют фермеры для разных целей, в том числе чтобы срезать кусты ежевики.

Стала подниматься по лестнице, медленно, крадучись. Как животное, когда оно охотится.

Телефон зазвонил, и Тана подпрыгнула. Бабах? Было девять утра, и она сильно нервничала. Выдохнула в трубку:

— Констебль Ларссон.

Но на другом конце провода оказался констебль Фред Меривезер, в тот день дежуривший в диспетчерской Йеллоунайфа. Кровь застыла в жилах Таны, когда она услышала данные, которые он ей сообщил. Хизер Макалистер была уволена со службы с лишением прав и привилегий после нескольких случаев насилия во время военных операций. Она родилась в удаленной местности северной Аляски. Мать погибла при родах. До четырнадцати лет ее воспитывал отец, пока не попался в собственный капкан на медведя. Когда он не вернулся домой, старший брат Макалистер отправился его искать, но все его усилия оказались тщетными из-за внезапной сильной снежной бури. Лишь четыре дня спустя он обнаружил труп отца, сильно обьединенный животными, которые затем напали на него самого и убили.

Макалистер взяла к себе тетка по материнской линии, немка, жившая на ферме в северной Миннесоте. Некоторое время спустя ее нашли утонувшей в водоеме на этой самой ферме. В восемнадцать лет Макалистер поступила на военную службу, получила летное удостоверение, участвовала в нескольких военных операциях. После того, как ее уволили, работала в разных штатах пилотом по контракту, три года — в Африке, в нефтяной фирме. Семь лет назад переехала в Канаду и получила разрешение на работу.

Еще Меривезер назвал Тана имя психиатра, работавшего в Твин-Риверсе четыре года назад — Викки Зайн. Потом сообщил, что к аэропорту Йеллоунайфа приближается туман, но команда экспертов вылетит, как только авиадиспетчерская служба сообщит, что небо чисто.

Словно электричество прошло по телу Таны, когда она сбросила звонок и немедленно набрала номер Зайн. Времени на преамбулы тратить не стала.

— Это констебль Ларссон, полиция Твин-Риверса. Я расследую серьезное преступление, и каждая минута на счету. Мне сообщили, что вам известно имя женщины, с которой бывший полицейский, Эллиот Новак, имел связь на стороне.

Пауза.

— Еще раз — вы кто?

— Констебль Тана Ларссон, полиция Твин-Риверса.

— Это было давно. Я... я боюсь, что профессиональная этика не позволяет разглашать имена пациентов...

— Это криминальное расследование, мадам. На карту могут быть поставлены жизни нескольких людей. Я так понимаю, вы уже нарушили протокол, сообщив одному из пациентов подробности чужой личной жизни. Сейчас, если вы ответите на мой вопрос, вы существенно облегчите нашу работу.

Долгая пауза. Все тело Таны напряглось. Начал хлестать ветер — приближался новый фронт.

Зайн прокашлялась.

— Откуда я могу знать, что вы действительно та, кем представляетесь?

Тана сообщила ей номер своего удостоверения и сказала:

— Можете позвонить в отделение полиции Йеллоунайфа и убедиться. Но будет гораздо лучше, если вы сейчас ответите мне на этот вопрос. Вы можете спасти несколько жизней.

И если грядущая буря будет такой же сильной, как предыдущая, у Таны осталось совсем немного времени на переговоры.

Женщина на другом конце провода громко вздохнула и наконец пробормотала:

— Ладно. Хорошо. Жена Эллиота считала, что у ее мужа роман с местным пилотом вертолета. Я не помню имени этой женщины, но...

Тана не дала ей договорить. Сбросила вызов и сразу же набрала номер Бабаха. Ей нужна была его помощь.

Он не отвечал.

Тана посмотрела в темное окно. Температура быстро снижалась в связи с недолгим прояснением. Ночь обещала быть очень, очень холодной и ветреной. Тана окинула взглядом телефон на столе Розали. Сюда нельзя ни дозвониться, ни прислать сообщение, пока «Нортел» не починит спутниковую систему. И внезапно до нее дошло: она часы

напролет занимала единственный рабочий телефон, ведя переговоры с Йеллоунайфом, то и дело переставляя батарейки. Если Бабах или кто-то еще пытался связаться с ней по нему, звонок или сообщение ушли в автоматическую систему. Она проверила телефон, разобралась, как войти в систему, и увидела сообщение. Она торопливо нажала на него и наконец услышала голос Бабаха:

«Минди поехала с Маркусом Ван Бликом к водопаду Росомахи два дня назад. Тана, я боюсь, что она в беде. Я не могу не поехать туда. Может, Маркус вообще наш человек. Но если не вернусь к тому времени, как уйдет Розали, пожалуйста, попроси кого-то побыть с тобой».

Тана пулей помчалась в комнату для допросов, нашла показания Ван Блика и контактную информацию о нем. Он сообщил ей номер спутникового телефона. Набрала его, и все тело покрылось испариной, когда ей наконец удалось дозвониться.

— Ван Блик слушает.

— Маркус, это констебль Тана Ларссон. Скажи, О'Халлоран у тебя?

— Господи, да что с вами сегодня? Только что был, искал свою девчонку. Но он не на ту лошадь ставит. Ее Хизер забрала.

— Когда?

— Два дня назад. Вечером. Хотел ее подвезти, но тут явилась Хизер, как рыцарь в сияющих доспехах, и умчала ее с собой. Вид у этой Хизер был до того постный, прямо святоша. А Бабаху наплела, что девчонку я забрал.

— И где теперь Бабах?

— Наверно, поехал к Хизер ее искать.

ГЛАВА 41

Бабах подъехал к дому Кроу Удава и остановил машину. В окнах дома не горел свет, не просачивался сквозь трещины сарая. Он ощутил легкий шепот беспокойства. Выключил мотор, снял шлем. Температура стремительно падала. Сильный ветер, как лезвие, резал по ушам и лицу. Искрился лед. Все вокруг замерзло, тяжелые тучи заволокли небо, оставив лишь маленький просвет, откуда выглядывал желтый серп луны. Приближалась буря.

Ван Блика он нашел у водопада Росомахи. Маркус рассказал, что хотел подвезти Минди, но вмешалась Хизер и забрала девочку с собой. Бабах ясно дал понять, что не верит ни одному его слову, но Ван Блик разрешил ему войти в дом и самому посмотреть. Бабах так и сделал, но следов Минди не обнаружил.

У взлетной полосы Хизер, глядя ему в глаза, сказала, что Минди увез Ван Блик — так в чем же дело? У Бабаха было больше причин доверять ей, чем гангстеру-убийце из алмазной индустрии. Он достал телефон, вновь позвонил Тане, но услышал только автоответчик. Сбросил звонок. Наверняка она сейчас говорит с Йеллоунайфом.

Вновь убрав телефон в карман, отстегнул от снегохода винтовку. Эта тишина была ненормальна. Даже собака не лаяла. Кроу, может, и ушел куда, но собака никак не могла. Он никогда не отвязывал несчастное животное. Оно всегда было на месте.

Бабах слез со снегохода, медленно побрел по замерзшей, изрезанной колеями подъездной дорожке. Направился к сараю. Здесь что-то явно было не так. Не выходили из головы слова Таны:

...а ты можешь просчитать социопата?

Ван Блик вполне мог им оказаться.

Мог отправить Бабаха назад в Твин-Риверс, на эту ферму, искать ветра в поле. Мог прямо сейчас мучить Минди. Но, вне всякого сомнения, на ферме Удава было тоже не все в порядке. Чем ближе Бабах подходил к дому, тем громче кричало об опасности шестое чувство, и волосы на руках вставали дыбом. Он побрел по заснеженному полю, ведущему к сараю, на секунду замер и прислушался. Тишина ревела. Он взвел курок, осторожно подобрался;

у бедра висел охотничий нож, и Бабах пожалел, что не взял с собой маленький пистолет.

Дверь в сарай была приоткрыта. Бабах заглянул в щель сбоку. Увидел слабый дрожащий свет. Легкая струйка тепла коснулась его лица и исчезла. Войдя в дверь, Бабах аккуратно обошел лежавший на полу блестящий нож и замер.

Сердце упало.

Мозг отчаянно пытался осознать то, что Бабах увидел прямо перед собой, на полу сарая.

Кроу.

Его шея была разрублена, он лежал в густой, окоченевшей луже темной крови. Глаза, проколотые инструментами для таксидермии, смотрели вверх. Кровь сочилась из них каплями, как черные слезы, какие рисуют себе рокеры и металлисты. Бабах нервно сглотнул. Заметил кровавые отпечатки, ведущие от тела Кроу к мягко пульсирующему оранжевому свету в дальнем углу сарая. Казалось, этот свет идет из дыры в полу — открытой крышки подвального люка, за которой находилось какое-то другое помещение. Задняя дверь за люком была широко открыта. Задувал холодный воздух.

Из дыры не доносилось ни звука.

Осторожно двигаясь вдоль стены, Бабах прошел по следам к люку. Наклонившись, рассмотрел кровавые отпечатки. Пульс участился, когда он увидел знакомую зазубрину.

Такую же, как та, что Тана сфотографировала на месте гибели Аподаки и Санджита. Как та, что они видели в сарае Эллиота Новака.

Хизер?

Твою мать.

В мозгу роились мысли. Куски информации, как осколки разбитого зеркала, начали складываться воедино, и когда всплыла картинка, все обрело смысл — безумный, чудовищный смысл.

...ты можешь просчитать социопата?

Не Ван Блик. Хизер. Убийца. Женщина-психопат. С которой он спал. И не догадывался. Она была странной — как большинство тех, кто перебрался сюда — но *этого* он никогда в жизни бы не заподозрил.

Крик прорезал воздух. Бабах поднял голову вверх.

Вопль повторился снова — кричала женщина, от боли. От ужаса. Он в жизни не слышал ничего подобного. Этот крик доходил до самой глубины души. Бабах метнулся к открытой двери в углу. Прижавшись спиной к стене, заглянул в дыру между досками. В темноте блеснул луч света. Еще один крик прорезал ледяной воздух. Свет погас.

Бабах вышел из сарая в темноту. Замер, наблюдая, прислушиваясь. Ветер свистел в замерзших ветках, ласкал ледяные кристаллы, скрипел, хрустел, шептал. Двигаясь по тропинке, Бабах медленно шел в сторону сарая у реки, в котором хранилась приманка. Но тихо идти не получалось. С каждым шагом под ботинками хрустел лед. Облака расступались, и луна пятнами освещала черно-белый пейзаж. Когда Бабах проходил мимо загона для скота, заржала лошадь. Он замер, сердце колотилось. Ощутил запах навоза, тепло животных. Да что, черт возьми, тут вообще происходит? Где Минди?

Облака вновь расступились, сарай озарил лунный свет. На мгновение, когда темнота чуть рассеялась, он увидел очертания прицепа для снегохода, припаркованного у сарая, возле железной бочки, где погибшие биологи мешали приманку. Наверху прицепа лежала неподвижная фигура. Мертвец? Или живой, без сознания?

Чувствуя во рту наждачную сухость, Бабах какое-то время вглядывался в темноту, прислушивался. Тишина — лишь скрежет ветра да треск ледяной корки на реке. Время тикало, тянулось.

Бабах осторожно шагнул вперед, сперва левой ногой. Хрустнул снег. Немного подождав, шагнул правой. Снова хруст. Бабах про себя выругался. Подождал еще немного. Фигура, лежавшая ничком на прицепе, не шевельнулась. Ни малейшего движения, только ветер тихо шелестел над замерзшей равниной. Бабах выставил вперед левую ногу и услышал треск металла. Боль пронзила голень, лучами прошла по телу — железные зубы впились глубоко под кожу, зажали ногу в тиски. Бабах с трудом подавил крик. Мозг готов был взорваться, но пытался бороться — ища в кармане фонарик, Бабах уже знал, что случилось, прежде чем луч осветил железные зубы и пружины.

Капкан на гризли.

Дрожа от боли и ужаса, он осмотрел под фонарем жуткую конструкцию. Ржавые зубы прорвали джинсы, термобелье, кожу, ушли глубоко в ногу чуть выше ботинка. Корчась, Бабах сорвал перчатки, чтобы получше ухватиться за капкан. Пальцы ожгло холодом. Он тянул

и тянул, пытаясь раскрыть ловушку, изо всех сил напрягаясь, трясаясь и потея от усилий, от этой пытки. Остановился, чтобы перевести дыхание.

Он осознавал, что все попытки бесплодны — нужно разжать пружину, и этого не сделать без инструментов. Он надеялся лишь ослабить давление, но внезапно ощутил удар сзади по голове. Острые когти впились в затылок, рванули кожу. Кровь резким, бурным, горячим потоком полила по воротнику вниз. Ранения головы сильно кровоточат, подумал он, пытаясь удержать сознание, но зрение начало размываться. Кровь потекла в ухо. С геркулесовским усилием он поднял голову, посмотрел вверх.

Хизер.

В руках — плуг с зубцами, как тот, что он видел в укрытии Новака...

Она тяжело дышала, глаза сверкали в темноте. Шла на него всем телом, как дикий зверь.

Кровь Таны горела огнем. Она снова и снова пыталась дозвониться до Бабаха. Ответа не было. Нужно бежать. Вдруг он в опасности? Вдруг Минди в опасности? Каждая минута может быть на счету.

Пошла за оружием. Но, проходя мимо маленькой комнаты, где Адди накладывала шов ей на щеку, вдруг услышала слова медсестры:

Тебе нужна поддержка... здесь должен быть полный штат сотрудников. Ты не можешь быть единственной, кто бежит разнимать драку в «Красном лесе»... Я знаю, о чем говорю. Моя мама работала в полиции. Погибла при исполнении долга, когда мне было десять... Подумай о своем ребенке, Тана.

Она замерла. Паника, страх, адреналин — все чувства смешались, ожгли, будто она схватилась за напряженный электрокабель.

Ты не можешь все делать в одиночку, Тана, дитя мое. Научись просить о помощи. Позволь людям помогать тебе. Каждому из нас нужно племя. Без племени человек слаб...

Она вновь взяла спутниковый телефон, быстро набрала нужный номер. Сообщила подробности — два гражданских лица на ферме на окраине Твин-Риверса находятся в опасности. Женщина, которая подозревается в нескольких жестоких убийствах, разгуливает на

свободе. Вооружена, очень опасна. Способна перемещаться на большие расстояния.

Тане велели оставаться на связи. К телефону подошел Килан. Все ее тело напряглось при звуке его голоса. Он потребовал повторить сказанное. Она повторила. На невыносимо долгую, невыносимо напряженную минуту повисла тишина.

— Ларссон, — сказал он холодно, — *убедитесь, в самом ли деле эти два человека находятся на ранчо, в самом ли деле подвергаются опасности, и только тогда я направлю к вам спасательно-аварийную бригаду. Ясно?*

Твою мать, Килан, сукин ты сын.

— Да, сэр. На связи.

Она сбросила звонок. Все лицо горело. Сердце колотилось как бешеное, когда она вошла в комнату, где хранилось оружие. Мерзавец. Военный вертолет спасательно-аварийной бригады подчиняется правилам полетов по приборам, не правилам визуальных полетов. Он может летать в туман и бурю. Но даже если выслать его немедленно, он будет лететь два часа. А за это время люди могут погибнуть. Да, выслать военный вертолет и спасательно-аварийную бригаду стоит огромных денег, и высшие чины должны заверить, что вертолет необходим. И нет, она не была на сто процентов уверена, что Бабах и Минди на ферме, что они в беде. Но внутреннее чувство кричало об этом.

Схватила пистолет, винтовку, патроны, думая о том, ради чего в первую очередь приехала в этот маленький, оторванный от всего мира поселок — чтобы объединить его жителей, чтобы он стал одним племенем, семьей для нее и ее ребенка. Чтобы стать хорошей матерью. Чтобы начать все сначала там, где люди не будут судить ее за ошибки прошлого. Чтобы спасти беззащитных, таких, как Минди. Чтобы отдать долг тому полицейскому, который вытащил ее из мусорной ямы. Но здесь ее жизнью по-прежнему управляло ее прошлое, ее судьба.

Ей самой придется взять все в свои руки, все изменить.

...ты, может быть, выдержишь удар и даже пулю, но думать теперь нужно не только о себе. О маленьком гражданине.

Тана застыла на месте. Мозг кипел.

Если все эти убийства на совести Макалистер — а Тана была уверена, что это убийства и что они на совести Макалистер — и если

Бабах отправился к ней спасать Минди, если поймал Макалистер на горячем, она сделает все, чтобы себя защитить. А если ей каким-то образом удалось взять верх и теперь она держит Бабаха и Минди в заложниках на ферме Кроу, она, вероятно, ждет, что Тана отправится их искать. Она наготове.

Эта женщина — очень опасный, проницательный маньяк, который не хочет попасться. Она готова преодолевать огромные расстояния, чтобы обставить убийства как несчастный случай. Она способна на извращенное насилие, она долго живет с этим.

Тана могла бы попросить помощи у местных жителей, но самым главным в ее работе было обеспечение безопасности гражданского населения. Вовлекать их было рискованно — это могло стоить ей работы.

Ее мучили сомнения. *Maintiens le droit* — так звучал девиз Королевской канадской конной полиции. Защищай закон.

И в то же время — поступай правильно. Килан и Каттер забыли об этом уже много лет назад.

— Хизер? — Голос Бабаха вырвался хриплым шепотом. Он терял сознание, терял кровь. Замерзал. Его трясло.

— Заткнись. Заткнись. Не смей со мной говорить.

— Где... Минди? Она...

Хизер снова ударила его жутким орудием, на этот раз по лицу. Разорвала кожу. Боль эхом отдалась в мозгу.

— Заткнись. Мне надо тебя спасти. Ты нужен мне живым. Ты наживка. Кровавая приманка. Она следит за нами. Прилетит вертолетом, найдет нас. Нужно, чтобы нашла. Она попадется на мою приманку. Вы — наживка. Ты и Минди. Вы. Ее слабости. У Таны Ларссон свои слабости. У всех нас свои слабости. Они ослепляют нас, эти слабости.

Тана... она преследовала Тану... все это время... запугивала... отравила собак...

— Зачем...

Она отшвырнула в сторону винтовку, оружие с грохотом упало на лед. Сжав в кулак волосы Бабаха, оттянула его голову назад, резким движением выхватила из ножен его охотничий нож. Она служила в армии. Была натренирована. В хорошей форме. Физически сильная —

первобытной силой безумца. Она потеряла связь с реальностью. Но не до конца. Что она чувствовала в такие моменты? Помутнение рассудка? Она становилась другим человеком? Часто ли? Что становилось причиной? Смог бы он с ней договориться?

Холодное лезвие ножа уперлось Бабаху в горло. Он чувствовал, как сталь режет кожу, как сбегает ручеек крови. Слышал, как рвется клейкая лента. Хизер заклеила ему рот. Ноздри Бабаха раздулись, он отчаянно пытался дышать, пытался удержаться в сознании, но оно мутилось.

— Она нужна мне. Она охотится на меня, на Охотника. Читателя. Зрителя. Читателя-Охотника. Она вмешалась в наш разговор с Рассказчиком. Она во всем виновата. Она изменила Историю. Испортила финал. Нужен другой финал. Нужно, чтобы она оставила меня в покое. Я должна разобраться с ней. Остановить ее. Она умная, но не настолько умная. Она придет. Она попадетсЯ в мою ловушку. Дождись, и ты увидишь, как она умрет. — Пока Хизер говорила, она крепко скрутила руки Бабаха у него за спиной, обмотала клейкой лентой. Вынув из кармана инструмент, разжала пружину капкана, расцепила железные челюсти. Кровь снова прилила к ноге, ее ожгло адским пламенем.

Бабах подполз к Хизер, попытался пнуть, но она, ухватив его за ботинок, сильно скрутила ногу, и что-то вонзилось ему в колено. Его засасывали темнота и боль. Мягкое, плотное, холодное, теплое... затягивало. Кровью он истекал или отшибло мозги? Он не знал. Он пытался удержаться, чтобы тьма не поглотила его. Время растянулось. Бабах то тонул, то выныривал на поверхность. Услышал, как заводится снегоход. Почувствовал, как его скрутили, потащили куда-то, и ощутил новую вспышку боли.

Держись, О'Халлоран, держись, мать твою. Тебе осталось сделать только две вещи в жизни — спасти Минди, если не поздно, и спасти Тану с ребенком. Когда ты это сделаешь, можешь и умирать... тогда, может быть, вселенная простит тебя и позволит уйти...

Черный прилив унес его в бескрайнее море.

ГЛАВА 42

Тана неслась на снегоходе по плотно слежавшемуся снегу и льду на ферму Кроу Удава, за спиной висели ружье и винтовка. Над рекой клубился туман. Хлопья снега мешали видеть. Приближаясь, замедлила ход. Увидела под сосновой аркой снегоход. Во рту пересохло — это была машина Бабаха. Тана подъехала к ней, выключила мотор своей машины.

Ферма была погружена во тьму. В тумане Тана различила лишь черные очертания строений. Даже собака молчала. Казалось, вместе с туманом все здесь окутало ощущение зла.

Волосы на шее Таны поднялись дыбом.

Бабах был где-то здесь, но она не слышала ни звука. Почему он оставил здесь снегоход и продолжил путь пешком? Волна напряжения прошла по нервам.

Тана вновь попыталась связаться с Бабахом по спутниковому телефону. Услышала звонок, потом автоответчик. Подождала немного, вслушиваясь, всматриваясь. Ни звука. Что-то было не так.

Все инстинкты требовали немедленно мчаться туда и выяснять. Но все нервные клетки до единой умоляли — не будь идиоткой. Не будь ненормальной, которая идет туда, где не горит свет. Подумай о своем ребенке. Будь умной. Противоречивые чувства терзали, мучили.

Надо было действовать, но так, чтобы снизить риски, пусть даже она потратит больше времени. Если она пойдет туда одна и ее тут же застрелят, это ничем не поможет Бабаху и Минди. У них появится больше шансов на спасение, если она будет действовать осторожно. Тяжелые жизненные уроки не прошли даром.

Тана вновь завела машину, развернула и рванула обратно в город. Туман к тому времени сгустился. Снег валил тяжелыми хлопьями, налипал в глаза. Ветер бил в лицо. Въехав в Твин-Риверс, Тана завела сирену, повела снегоход к главному зданию и дому собраний. Был субботний вечер. По субботним вечерам все собирались в зале, ужинали, играли в бинго. Вождь, Глава совета, старейшины непременно были здесь. Тана подъехала к входу. Визжала сирена, ярко горела мигалка на снегоходе, и люди стали подходить к окнам, желая увидеть, что происходит. Тана сорвала шлем, метнулась по лестнице.

Распахнула двойные двери, влетела в зал. Все повернули головы. Люди стали подниматься из-за столов. Марси, раскладывая еду, застыла, уставилась на нее. Тана всматривалась в их лица, сердце стучало как молоток. Заметила в числе собравшихся Розали. Виктор тоже был здесь. И старина Боб Свифттривер из техподдержки.

К ней подошел вождь Дапп Петерс.

— Тана? Что случилось?

— Это Хизер Макалистер, — выпалила она, тяжело дыша. — Я думаю, это она убила Реган Новак, Дакоту Смитерс, Селену Аподаки, Раджа Санджита и неизвестно кого еще. Я думаю, сейчас она держит Минди и Бабаха в заложниках на ферме Удава.

Она говорила, и люди, широко распахнув глаза от удивления, понемногу подходили ближе.

— Эта женщина вооружена и опасна, она убила ваших детей, — сказала Тана. — Она оборвала столько жизней...

— Хизер? Как такое может быть? — изумилась Марси. — Она всегда летает так осторожно...

Начали шептаться. Кое-кто подал голос.

— Это были волки, — сказал один. — Ребят не человек убил.

— Эллиот Новак тоже думал, что это не волки, — сказал другой. — И посмотрите, что с ним стало. Посмотрите, что стало с Кроу, с Дженни Смитерс и ее семьей, оттого что они так думали.

— Это свойственно животным, — сказал третий, — это их территория.

Тана вскинула руки вверх.

— Давайте по порядку. Минди и Бабах в беде. Подкрепление из Йеллоунайфа не прибудет, пока я не докажу, что они в заложниках у Хизер. Мне нужна ваша помощь. Сейчас.

Она это сделала.

Она попросила о помощи.

Может быть, на этом ее карьера закончится, когда станет известно, что она вовлекла в операцию гражданских лиц, но черт бы побрал эти правила, черт бы побрал Килана и Каттера, потому что если быть полицейским — значит играть по правилам, которые не работают, и это может стоить кому-то жизни, то она больше не хочет быть полицейским.

— Риск большой, — сказала она. — Мне нужно, чтобы вы понимали. Те, кто согласится мне помочь, должны действовать своевременно и по моим указаниям, потому что я не хочу ни для кого неприятностей. Если мы выясним, что Хизер удерживает Бабаха и Минди на ферме, мы тут же вернемся, и я потребую прислать подкрепление из Йеллоунайфа. Если я не права и их там нет, вы все сможете разойтись по домам.

— А если ты не дозвонишься в Йеллоунайф? — спросил вождь Дапп Петерс. — Снегопад сильный, туман плотный, как бетон. И даже если свяжешься с ними, сколько времени уйдет, чтобы команда добралась сюда?

Слишком много.

— Давайте по порядку, — снова сказала Тана, потому что она и сама не особенно понимала, что делать дальше. — Есть здесь кто-то, кто поможет мне выяснить, на ферме ли Минди и Бабах?

— Если то, что Тана говорит о Хизер, правда, то Хизер причинила боль всем нам, — сказала Алекса Петерс. — Минди — одна из нас. Часть нашего общества. Спасти ее — наша задача.

— Согласен, — подтвердил вождь Петерс. — Все согласны, верно? — Он обвел глазами представителей совета, старейшин, всех присутствующих. — Мы должны пойти и защитить Минди сами, раз здесь не хватает полицейских. Это наш долг.

Согласный шепот становился все громче.

— Как мы можем тебе помочь, Тана? — спросил Дапп.

Она прокашлялась, стала быстро соображать.

— Я... мне нужна команда, и мы можем собрать ее прямо здесь, в этом зале. Вождь, я хочу, чтобы вы руководили этой командой, отобрали несколько добровольцев — крепких, выносливых людей, умеющих выполнять приказы и обращаться с оружием. Я хочу, чтобы в их числе был Янкоски, если он трезв. Он бывший военный. Хотя сейчас он гражданское лицо, все же работает на КККП. Он может просчитать риски. Еще я прошу о помощи пятерых сотрудников пожарной команды, которые работают в Твин-Риверсе по контракту. Они умеют работать слаженно, знают, как действовать по приказу. Мне понадобятся все те, кто прошел какую-либо военную подготовку, имеет навыки тушения пожара, поиска и спасения, оказания медицинской помощи. Позвоните Адди, вызовите ее сюда. Обеспечьте

снегоходы и топливо. Боб, ты можешь все это время следить, чтобы взлетную полосу не занесло снегом, и сообщить, когда погода снова станет летной? Поставьте прожекторные мачты с генератором — я видела такие, передвижные, в ангаре у ребят, которые строят ледяную дорогу. — Тана потерла бровь. — Первый шаг — выбрать тех, кто пойдет со мной на ферму Удава. Нужно иметь при себе оружие, уметь с ним обращаться. Я зайду в участок, принесу все оружие, какое там есть. Все, у кого есть собственное, пожалуйста, возьмите. Нам понадобятся двусторонние рации, батарейки. Я тоже принесу те, что есть в участке. — Она выдержала паузу. — И никто — я повторяю, *никто!* — не должен заходить на ферму без моего разрешения.

Возможно, она слишком перестаралась, будучи уверена, что Бабах и Минди там. Волнение оттого, что приходится привлекать мирных жителей, жгло, как кислота. Она постарается снизить риски. Она позвонит Килану, как только узнает...

— А Кроу у себя на ферме? — спросил кто-то.

— Не знаю, — ответила она. — Там темно. Тихо. И собаку не слышно.

— Эта собака всегда там, — заметил другой.

— А Джейми? Он где? — спросила Марси.

— Не знаю, — сказала Тана. — Это нам предстоит выяснить. Давайте, ребята, за дело. Я пошла за оружием, рациями и всем остальным.

Тана выбежала из зала, метнулась по ступенькам к машине. Красно-синие огни все еще пульсировали, бликами разгоняли туман и снегопад. Сердце стучало как барабан. Насмерть перепуганная, она не имела ни малейшего понятия, что делает, и делала то, что подсказывало чутье. Она молилась, чтобы отсрочка, на которую она была вынуждена пойти, чтобы позвать на помощь, не стала губительной для Бабаха и Минди. Но в то же время она понимала, что действовать безрассудно и заявиться на ферму в одиночку, чтобы ее там убили, вряд ли было лучше. Это ничем бы им не помогло.

Вот, Тана, вот ради чего ты здесь. Вот твое испытание. Ты хотела пройти проверку, хотела стать лучше. Теперь, девочка, теперь пришло твое время. Кто-то должен сделать что-то. Кто-то должен взять все под контроль, стать лидером. И даже если ты провалишь это испытание, если люди погибнут, ты по крайней мере

будешь знать — ты сделала все, что было за пределами твоих возможностей, ты всем сердцем желала поступить правильно. Maintiens le droit...

Хизер аккуратно уложила своих пленников, плотно скрученных, как хот-доги, в прицеп для снегохода. Тела были завернуты в брезент, из которого торчали только головы, и связаны веревками — ни дать ни взять, говяжьи рулетики. Тетушка из Миннесоты готовила такие рулетики. Пару раз в месяц, по воскресеньям. Немецкое национальное блюдо, говорила она. Тонкими ломтиками говядины обернуть мелко нарезанную копченую свинину и огурцы, тушить в горшке. Подавать с клецками. Хизер представила говяжьи колбаски, плавающие в собственном темном соку — совсем как тетя, которую она утопила в пруду на ферме... никаких больше говяжьих рулетиков по воскресеньям...

Тяжело дыша, Хизер остановилась и внезапно посмотрела в лицо Бабаха. В ярком свете налобного фонаря он казался призрачно-бледным. Снежинки падали на замерзшее, изорванное лицо. Она стянула перчатку, осторожно коснулась пальцами сонной артерии. Пульс почти не чувствовался, но Бабах все еще был жив. Быстро терял кровь. Она перевязала ему ногу, натянула на голову плотную шапку, тут же потемневшую от крови. Рана на щеке была глубокой. Что она натворила? На миг ее пронзило острое осознание. Вслед за ним пришел страх.

Что она, черт возьми, делает? Что она делает с Бабахом? Попыталась нащупать пульс Минди, но пульса не было. Паника ожгла, Хизер отвернулась, ее вопль прорезал туман.

Она стояла возле них, тяжело дыша, прижав руки к бокам, слушая, как ее крик эхом отдается за рекой в бескрайней пустоте. Она пыталась побороть это, но оно побеждало. Оно заполняло собой ее мозг. Сливалось с ней воедино. Читатель-Зритель-Хизер. Чудовище внутри ее снова и снова брало верх, и она не знала, как остановить его, хочет ли она его остановить, но оно пугало до смерти. Она держала его под контролем, справлялась, пока в город не приехала девчонка-полицейский. Оно сорвалось с крючка в ту ночь, когда Тана коснулась руки Хизер в лагере ВестМина, посмотрела ей в глаза и попросила пойти проспать, поскольку она слишком пьяна. Оно металось в

мозгу Хизер, когда Тана Ларссон мучила ее своими расспросами, и Хизер увидела в ее лице подозрительность и хитрость. Чудовище возбуждалось, злилось, становилось неуправляемым, когда она приближалась.

Что делать, что делать? Хизер повернулась, вновь посмотрела в лицо Бабаха.

Избавиться от девчонки, вырезать ее, как раковую опухоль. Больше ничем не помочь. Надо остановить чудовище. Насытить Голод. Пусть убирается обратно в свою нору.

Раньше все было хорошо. Она держала его под контролем. Выпускала и кормила раз в год, в первую неделю ноября, когда у нее был день рождения, когда погибла мать, произведя ее на свет.

Первое настоящее убийство Хизер совершила еще в Миннесоте. Тело той девочки с соседней фермы она сбросила в глубокий овраг и каждый день приходила смотреть, как его обглаживают хищники. Она чувствовала себя сильнее, набиралась мужества — как в детстве, когда смотрела, как волки едят ее отца и брата. Убив эту девочку, она убила в себе женскую слабость. Ей нравилось, что животные — ее друзья, что они уничтожают доказательства.

Вспыхнуло воспоминание, внезапное и острое, как волчьи клыки, разрывающие на части мокрую плоть ее отца. Она снова слышала его крики — медвежий капкан крепко держал его, а хищники рвали на куски, пожирали заживо. Она наблюдала из-за деревьев. И когда папочка наконец затих, она ощутила себя сильной. Властной. Поверившей в свои силы. Живой. Волки восстановили справедливость. Наконец-то. Она была не одна. Дикость и Голод вошли в ее сердце.

Больше отец не придет к ней ночью...

А потом она пошла по пятам за братом в метель, когда он отправился на поиски пропавшего отца, и ударила брата по затылку, пока он в оцепенении стоял над окровавленным трупом, лежавшим в снегу. Она оставила его там, и волки вернулись, чтобы подчистить следы...

Больше брат не будет связывать ее и трахать в сарае...

А потом пришла очередь тети, которую она ненавидела, которая порола ее ремнем.

Больше не будет говяжьих рулетиков. Больше не будет клецок.

Хизер не любила говяжьих рулетиков... Хизер ненавидела клетки...

Со временем она стала искуснее, планировала, продумывала каждый шаг, потому что начала убивать ради удовольствия, чтобы *почувствовать*. Кровь. Власть. Вкус плоти. Это было как сексуальное удовлетворение. Она наказывала молодых женщин за их глупые слабости, за распутность, за то, что смотрели на мужчин, которые нравились Хизер. Ежегодные убийства в ноябре позволяли продержаться целый год, позволяли насытить Голод, пока он снова не дал о себе знать. Она всегда орудовала в удаленных местах, расстояние, погода и хищники работали на нее. Но лишь когда она приехала на Север и ей попала эта книга — «Голод», история, место действия которой разворачивалось именно здесь, в глуши, — лишь тогда она ощутила всю полноту, силу, цельность того, что делала. Зверем из книги была она сама. Казалось, автор говорит с ней. Он понимает, что ей нужно, понимает красоту ее искусства. У нее словно бы появился сообщник. Действуя по сценарию, она чувствовала себя невероятно умной. Она наконец поняла природу своей потребности, досконально разобрала суть. Она стала Читателем.

Эта книга стала ее историей. Природа вершила справедливость.

На бескрайней земле души чудовища жаждут расплаты,

За грехи отомстят нам...

Соберись, Хизер!

Она опустила руку в нагрудный карман, вынула флягу. Влила в себя половину содержимого. *Виски* обожгло горло, жар, как огонь, разгорелся в груди. *Так-то лучше*. Теперь она была почти в порядке. *Сосредоточиться. Одолеть Зверя. Сосредоточиться. Насытить Голод. Убить девчонку.*

Она прицепила трейлер к снегоходу, уложила банки с медвежьей приманкой, веревку, снегоходы, оружие и оседлала машину. Завела мотор, обернулась. Первый шаг — Кроу. Тана найдет Кроу. Она придет сюда одна — в Твин-Риверсе нет больше копов. Она пойдет по кровавой дорожке от амбара до сарая, где лежит приманка. В сарае она увидит кровь, и ружье Бабаха, и его нож. И пушистый розовый шарф Минди возле бочки.

Следы снегохода поведут девчонку по замерзшей реке на север, к пустоши.

Вчера, пока Тана и Бабах занимались своими делами, пока Минди, связанная, лежала в подвале, Хизер начала готовиться. Она всегда готовилась. И если даже девчонка придет не одна, в пустошь за ней никто не полезет. Люди Твин-Риверса обходят пустошь. Это табу.

Хизер прибавила скорость и рванула к реке, таща за собой прицеп.

ГЛАВА 43

Протиснувшись в двери, Тана вывалила на стол все оружие, какое смогла унести. Очередной гвоздь в крышку гроба ее карьеры — руководство сожрет ее живьем, когда выяснит, что она снабдила гражданских лиц оружием, предоставленным ей полицией. Она постаралась отогнать эту мысль.

Люди выложили на тот же стол двусторонние рации, батарейки, охотничьи ножи. Кто-то принес странного вида свистки на ремнях.

— Для тех, у кого нет раций, — произнес знакомый голос за ее спиной. Она обернулась и застыла от удивления. — Джейми?

— Я их сделал. — Он взял один свисток, дунул, и раздался пронзительный крик пустельги. Дунул в другой, и Тана услышала карканье ворона. — Хороший способ переговариваться. Никто не догадается, что мы там.

Тана посмотрела в его черные глаза.

— Ты разве был не на ферме?

— Я сейчас живу у друзей, возле водопада Росомахи, — сказал он. — На ферме все напоминает о Селене. Но сегодня я что-то беспокоюсь за отца. Он должен был прийти на ужин. Я хотел за ним зайти, но тут ты сказала о Хизер и о том, что не надо ходить на ферму в одиночку. — Он помолчал. — Мне нужно с вами.

Глаза Таны вспыхнули. Она кивнула.

— Умеешь обращаться с винтовкой?

— Мы все умеем. Мы все охотники. Меня научили стрелять, когда мне было три года.

Она вручила ему полицейскую винтовку и патроны.

Пробравшись сквозь толпу, к Тане подошел Янкоски.

— Тана, ну так что...

Она внимательно всмотрелась в его лицо. Чисто выбрит, глаза ясные. Она в жизни не видела, чтобы он выглядел так хорошо.

— Пожалуй, я тебе доверюсь, — сказала она тихо.

— Прости, — пробормотал он у самого ее уха, — за тот вечер. Скажи, что я могу для тебя сделать? Винтовка у меня есть.

— Спасибо тебе, — ответила Тана.

В зал вошли еще несколько молодых мужчин и женщин, впус­тив с собой холодный ветер. Среди этих добровольцев были работавшие по контракту пожарные и Калёб Петерс.

— Итак, слушайте, — сказала Тана. — Прежде всего мне нужна группа разведчиков, которые пойдут со мной на ферму. Не знаю, там или не там Кроу Удав. Полицейских он не любит. Это может стать проблемой — неизвестно, как он себя поведет.

По залу прошел шепот.

— Поэтому ты, Джейми, станешь защитным барьером между мной и твоим отцом. Янкоски, ты тоже пойдешь. Калёб, ты часто был у Джейми на ферме и знаешь, где что находится. Я могу на тебя рассчитывать?

— Да, конечно.

— Я тоже пойду, — сказал Дапп Петерс.

— Спасибо, вождь, но не стоит. Я хочу, чтобы вы взяли на себя управление теми, кто останется здесь. Все сообщения будете отправлять отсюда, если в такую погоду вообще получится связаться.

— Я могу приготовить кофе, — вызвалась Марси. — И суп, и бутерброды.

Тана улыбнулась, несмотря на сильное напряжение.

— Спасибо, Марси.

Старая женщина склонила голову.

— Джейми, вы с Калёбом зайдёте на ферму с главного входа. Если выйдет твой отец, расскажи ему, что случилось, постарайся с ним договориться и уведи в дом. Янкоски будет прикрывать вас с севера, ждать возле поля, в тени елей. Я пойду по южной стороне, вдоль зданий за сараем. Буду прикрывать оттуда. Просто на всякий случай. Твои свистки нам очень помогут, Джейми. Один короткий сигнал будет означать, что все спокойно. Три — что нужна помощь. Два сигнала — вопрос: у вас все в порядке или вам помочь? Все понятно?

Все кивнули, стали выбирать свистки. Тана раздала рации.

— На случай, если нам надо будет переговорить. Но прежде свистите, чтобы было понятно, с чем мы имеем дело. Мы же не хотим попасться? Настройте рации на четвертый канал. Те, кто не участвует в операции, пожалуйста, освободите четвертый канал.

Все настроили рации, проверили связь.

— Если Кроу будет вооружен, мы с Янкоскиждемся, пока вы пройдете в дом. Кто-то из вас пусть побудет с ним, другой выйдет. В доме есть черный ход, Джейми?

— Да.

— Отлично. Кто-то из вас, Джейми и Кaleb, выйдет через черный ход и пойдет к сараю, который ближе к реке. Если Кроу поблизости нет, идите туда оба. В этом сарае с чердаком живет Хизер, возможно, там она прячет Минди или Бабаха. Янкоски может зайти туда непосредственно с входа. Я пройду через заднюю дверь. Все, кто выйдет из дома Кроу, пойдет туда вслед за мной. — Она помолчала. Следующий шаг был рискованным. — Соблюдайте осторожность и действуйте только по моей команде. Это очень важно, понимаете? Стрелять только в одном случае — если она будет вести огонь на поражение. Никаких других причин. — Тана обвела глазами команду. — Представьте, что вы вышли на охоту. Вы ведь не хотите застрелить другого охотника? Будьте всегда на связи, не теряйте друг друга, если засомневаетесь, свистите два раза. Главное, будьте спокойны и сосредоточены. Если что-то способно погубить кого угодно, так это паника.

— А если они в сарае? — спросил Кaleb. — Что тогда?

Это худший вариант развития событий, и я, блин, понятия не имею, что тогда.

— Тогда ждите дальнейших указаний, — сказала Тана. — Может быть, придется вызвать еще несколько человек, чтобы прикрывали нас со стороны дороги и с обеих сторон фермы Удава, пока мы будем заходить в сарай. Лучшие охотники пусть готовятся возглавить преследование — на тот случай, если Хизер покинула ферму и нам надо будет двигаться за ней.

— Я поведу.

Все обернулись и посмотрели в дальний угол комнаты. У двери стоял высокий, стройный молодой брyнет в кожаной куртке, увешанной цепями. Его глаза блестели. За спиной брyнета стояли еще пятеро юношей, одетых похожим образом, их волосы были заплетены в мелкие косички, украшены перьями. Татуировки. Огромные охотничьи ножи у пояса. Снежинки, блестевшие в волосах...

— Дэмиен?

— Я слышал, что у Бабаха проблемы. Я могу вывести вас на след. Я хорошо знаю лес — в детстве Чарли многому меня научил. Я хочу помочь. И эти ребята тоже.

Дэмиен и его банда.

Горло Таны сжалось от наплыва чувств.

— У нас есть хреновые, но ружья, — сказал самый высокий. — Эти два чувака с водопада Росомахи прошли курсы выживания — могут выбраться из западни, выследить врага. Хорошо знают местность. Может, подойдут?

— Спасибо, — прошептала Тана, откашлялась и обратилась ко всем собравшимся: — Дальше будем действовать в зависимости от того, что случится на ферме. — Она помолчала, обвела взглядом лица собравшихся, вновь ощутила чувство общности. И внезапно увидела в их глазах то, что видела в глазах людей на плакате, в той клинике, где собиралась сделать аборт, — в глазах пожарных, полицейских, социальных работников, мужчин и женщин. В глазах полицейского, изменившего ее жизнь. Она увидела коллектив. Племя.

Ты не одна. Ты — часть этого общества. Ты сильная. Ты не сломаешься.

— Ну, за дело! — скомандовал вождь Дапп Петерс и хлопнул в ладоши.

ГЛАВА 44

Осторожно пробираясь вдоль задней стены сарая, Тана заметила кровь на снегу. Присела на корточки, присмотрелась. Кровавые следы вели к воде, снег быстро заносил их. Во рту Таны пересохло. Она бесшумно поднялась на ноги, дернула засов на двери.

Джейми и Калебу удалось без проблем проникнуть в дом. Янкоски был у входа в сарай. Тишина казалась зловещей. Тана заметила слабый, дрожащий свет, исходивший от сарая. По всей видимости, он горел на чердаке, там, где жила Макалистер. Отблески играли на хромированной поверхности маленького вертолета. Что-то лежало возле шасси. Тане показалось, что это тело, но при таком слабом освещении трудно было сказать. Они решили не включать налобные фонари. Дэмиен и его приятели ждали в засаде, наблюдали, не приближается ли кто-то к ферме или, напротив, не пытается ли покинуть территорию. Пожарная команда заняла пограничные позиции вверх и вниз по реке, на случай, если Макалистер решит двигаться по этому маршруту. Грузовик стоял возле сарая, но снегохода поблизости не было видно. Снег хрустнул, Тана обернулась. Сердце бешено колотилось.

Из просвечивающей темноты и снежных хлопьев выплыли фигуры Калеба и Джейми.

— Папы здесь нет, — прошептал Джейми, подойдя к Тане. — И собаки тоже. Ошейник привязан к веревке. Папа бы этого не сделал.

В душу Таны закралось нехорошее предчувствие. Тело, лежавшее на полу возле вертолета...

— Джейми, ты останешься здесь на страже. Мы с Калебом заходим в сарай с черного хода, Янкоски — с главного.

Он кивнул. Она чувствовала его страх. Если там лежит тело Кроу Удава, Джейми может повести себя как угодно, выйти из-под контроля.

Свистнула. Два коротких сигнала, два крика ночной птицы. Янкоски ответил — три сигнала, все в порядке.

Тана и Калеб осторожно пробрались в сарай. Янкоски зашел спереди. Неясный оранжевый свет струился из люка в полу возле лестницы, ведущей на чердак. Пока Янкоски и Калеб проверяли сарай,

Тана метнулась к лежащему ничком телу у вертолета. Сердце больно сжалось.

Кроу. Голова почти отрезана, кровь растеклась в огромную лужу. Глаза проколоты инструментами наподобие того, каким был приколот к двери участка глаз оленя. Струйки крови сбегали по щекам.

— Твою мать, — прошептал Калев, приблизившись к ней. Следом подошел Янкоски.

— Тихо, — шепотом скомандовала Тана. — Ничего не трогайте. — Все ее тело пылало, адреналин стучал в висках. — Калев, иди к Джейми и сообщи ему. Постарайся помягче. Успокой его. Скажи, чтобы он потихоньку ушел отсюда. Я не хочу, чтобы он это увидел. Янкоски, проверь чердак.

Янкоски осторожно забрался по лестнице наверх, открыл дверь. Тана тем временем подошла к люку в полу.

— Все чисто, — сказал Янкоски с чердака. Тана подождала, пока он спустится. Оба нагнулись к люку, прислушались.

Все было тихо. Тана хотела спуститься в люк, но Янкоски схватил ее за запястье и яростно мотнул головой.

— Я первый, — прошептал он. Тану мучили сомнения. — Ты нам живой нужна, — сказал Янкоски. — Я пошел. — И стал спускаться по лестнице. Тана ждала, вне себя от напряжения. Наконец он свистнул, она вслед за ним пролезла в люк и замерла от изумления.

Ей показалось, они попали в логово самого дьявола. Тана медленно повернулась, пытаясь осмыслить весь масштаб ужаса, наполнившего все вокруг, безумия диких рисунков и набросков, которыми были оклеены черные стены. Здесь было жарко, раскаленные добела угли тлели в огромной, похожей на горн печи. По всей видимости, кто-то был здесь не так давно, поскольку в горячей золе еще теплилось пламя. Тана подошла к длинному столу у стены. На одном конце догорали свечи, воск натекал на черную скатерть. Это напомнило ей об алтарях. В центре высилась банка, которую, по всей видимости, предстояло наполнить тем же, что лежало в банках на полке над столом. Тана придвинулась поближе, чтобы рассмотреть содержимое, и в ужасе отпрыгнула. В одной плавало человеческое сердце. В другой — человеческие глаза. Возле банки на столе лежала, как Библия, книга в твердой обложке. «Голод». Дракон Синовски.

— Похоже, Минди была здесь, — сказал Янкоски. Он стоял в углу, возле железной кровати с цепями и наручниками. — Длинные черные волосы. И это.

Тана подошла посмотреть, на что он указывает. Это оказалась серебряная цепочка с маленькой рыбкой. Тана видела ее на шее у Минди.

— Ничего не трогай, — велела она. Мозг кипел. Нужно было сообщить об этом как можно скорее. Нужно было со всем этим разобраться. Но в первую очередь нужно было найти Бабаха и Минди.

Восемь человек на четырех снегоходах пробирались по глубокому снегу, двигаясь по кровавым следам, ведущим вниз, к реке, по льду, в лес на северо-восток.

Снегоход, замыкавший цепочку, волочил за собой прицеп на случай, если кто-то окажется ранен. Этой машиной управлял Престон, один из пожарных и по совместительству — парамедик со стажем. Позади него, крепко пристегнувшись, сидел Калев.

Впереди ехали Дэмиен и его друг, прошедший курсы выживания, Уэйн Вульфблад. Следом за Таной и Джейми — Янкоски и Лен Дикап, тоже приятель Дэмиена с водопада Росомахи. Они везли оружие, снегоходы, веревки, средства оказания первой помощи, топливо и другие необходимые для выживания вещи.

Джейми отказался возвращаться в деревню. В нем бурлила тихая ярость, заставлявшая предельно фокусироваться. Заметив это, Тана позволила ему ехать с ними. Двоих пожарных и остальных приятелей Дэмиена оставили охранять ферму на случай, если Макалистер решит вернуться. Остальные пожарные поджидали Макалистер у взлетной полосы. Одного Тана отправила в Твин-Риверс, чтобы он доложил обстановку вождю, и тот продолжал попытки связаться с главным управлением КККП. Она попробовала и сама, но ничего не вышло. Возможно, есть шанс, что вождь сможет дозвониться в тот крошечный временной промежуток, когда туман и снегопад будут не столь сильными, — сейчас это было все равно что звонить из-под земли на спутниковую орбиту в космос.

Погода и темнота мешали передвижению. Налобные фонари отражали только туман и снежные хлопья. Тана сняла козырек со шлема, потому что его залепило снегом, но постоянно смаргивать

лезущие в глаза снежинки и вдыхать синий дым двухтактного двигателя было ненамного лучше. Они въехали в густой лес, и стало еще сложнее.

Внезапно машина Дэмиена встала. Он поднял руку вверх — знак остановиться. Тана притормозила, тяжелый снегоход подъехал туда, куда указывал Дэмиен.

— Что там такое?

В свете фар, над самой тропой, по которой они двигались, на веревке, свисавшей с самых верхних ветвей высокой ели, болтался кокон. Тана не сразу поняла, что это.

Господи Иисусе!

Тело.

Замотанное в окровавленную ткань, висящее на дереве тело.

Она слезла со снегохода, рванула по снегу к свертку, качавшемуся на ветру, но тут Дэмиен сильно дернул ее за руку, и Тана упала лицом в сугроб.

— Смотри! — сказал он, пока она, выпрямившись, усиленно моргала, и указал на что-то маленькое, синее, торчавшее из-под снега.

— Это ловушка, — объяснил Дэмиен. — В снегу выкопана яма и накрыта куском синего брезента. Уверен, тут такая дыра, что и снегоход провалится.

— Как? — прошептала Тана, не отрывая глаз от кокона на веревке. — Как она это сделала? Раскопать такую яму в замерзшей земле...

— Взрыв, — сказал Уэйн, подойдя к ним. В руке он держал остатки динамитного патрона. — Она не копала землю, а подорвала. — Он посмотрел вверх, на кокон. — Снять приманку нетрудно, если немного сечь в механике.

Тана сглотнула, поднялась на ноги. Макалистер, должно быть, взяла взрывчатку в лагере ВестМина. Или у рабочих по контракту, далеко от Твин-Риверса.

— Это не приманка, — Тана внимательно взгляделась в сверток, — это человек.

Из кокона торчала голова в темной шапке — нет, не темной, промокшей от крови. Тана достала охотничий фонарь, навела на лицо несчастного. Со лба из-под шапки свисал клок волос. Сердце замерло и тут же неровно забилося.

— Это Бабах, — прошептала она. Живот свело. Сверток едва заметно качнулся. — Он жив! Надо снять его! Немедленно!

ГЛАВА 45

Дэмиен и его приятели взялись за концы синего куска брезента и оттащили его к снегоходам. Недавно выпавший снег и срезанные ветки лавиной рухнули в яму, подняв волну белой пыли.

— Вот дерьмо, — сказал Дэмиен. Все стояли и смотрели на яму. Остро заточенные березовые стволы торчали из нее, блестя в свете фонарей, как кости. Тот, кто упал бы в яму, немедленно погиб бы, напорвшись на эти колья.

— Если кто-то заберется сюда, — пробормотал Престон, указывая на дерево, — и перережет веревку, Бабах шлепнется прямо на колья. В одиночку его никто из нас не удержит, а двоих ветка не выдержит.

— Сначала нужно повесить новую веревку, — сказал Уэйн. — На ветку дерева ближе к нам. Кто-нибудь встанет у края ямы и возьмется за конец новой веревки. Мы перекинем ее через ветку, на которой висит Бабах, и обвяжем его тело этой веревкой. В это же время кто-нибудь обрежет старую веревку, тело качнется в другую сторону, и тот, кто стоит у края ямы, снимет Бабаха.

Они принялись за работу. Лен и Дэмиен с веревками в руках забрались на деревья. Янкоски встал у края ямы, чтобы подхватить Бабаха, но неожиданно воздух прорезал выстрел. Все замерли. Янкоски сдавленно пискнул, Тана метнулась к нему.

Он хватался за шею. Между пальцами сочилась кровь. Резко пошатнулся, и прежде чем Тана успела его оттащить, свалился в яму. Ахнул от боли, когда колья прорвали ткань куртки, воткнулись в кожу. Все замерли в ужасе, глядя на лежавшего в яме Янкоски, широко распахнувшего глаза. Черная кровь струилась изо рта, два кола пронзили грудь насквозь.

Тана сняла перчатки, легла на живот.

— Кто-нибудь, поддержите меня за ноги.

Уэйн крепко вцепился в ее лодыжки. Она дотянулась до Янкоски, ощупала шею, ища пульс, но его невидящие глаза уже сказали ей — пульса нет.

Она придвинулась чуть ближе, чтобы ощупать получше, чтобы убедиться наверняка, но тут пуля влетела в сугроб у самого бедра

Таны. Она ахнула и отползла в сторону. Новая пуля вонзилась в ствол дерева, в воздух взвилось черное облако от шрапнели.

— Гасите фонари! — закричала Тана. Они были легкой добычей — налобные фонари ярко горели в темноте. Выключили, затихли. Уэйн и Дэмиен так и сидели на деревьях. Нужно было поторапливаться, чтобы снять Бабаха, пока он еще жив. Она осторожно подобралась к Калебу, ничком лежавшему в снегу.

— Похоже, стреляли оттуда, — сказала она, указывая на восток. — Вставай. Где-то поблизости должен быть горный хребет. Она, по всей видимости, заманила нас в овраг. Выясните вместе с Престоном, как добраться до хребта, а мы пока займемся Бабахом. Свистите, если все в порядке и если нужна помощь.

Калеб молчал.

— Ты в порядке, Калеб? Справишься? — Чувство вины накрыло тяжелой волной. Это она виновата. Из-за нее эти ребята в опасности, и теперь у них нет другого выхода, кроме как бороться, иначе все погибнут.

— Твою мать... я убью эту суку...

— Полегче, Калеб. Держи себя в руках, ладно? Сосредоточься. Ты нужен нам. Однажды ты станешь вождем, как твой отец. Ты же понимаешь? Мы все должны вернуться отсюда живыми.

— Янкоски не вернется.

Новая волна раскаяния и тошноты была такой сильной, что Тана на секунду закрыла глаза.

Не время думать об этом, Тана. Сосредоточься, иначе потеряешь остальных.

— Мы справимся, констебль, — сказал Калеб. — Мы с ней справимся. — Взяв ружье, он побрел вслед за Престоном.

Еще один выстрел отдался эхом от дерева, пока Дэмиен и Лен осторожно обвязывали тело Бабаха веревкой. Ярко-белый снег давал хоть какую-то видимость. Когда Дэмиен почти справился, с утеса послышались звуки стрельбы. Тана молилась, чтобы все обошлось.

— Вы готовы? — спросил Дэмиен, сидевший на ветке над Бабахом.

— Готов, — ответил Уэйн, стоявший внизу.

— Давно готов, — Лен крепче сжал в руке веревку. Дэмиен перерезал ту, на которой болталось тело Бабаха, и в воздухе опять

прогремел выстрел. Где-то далеко зарычал, заскулил снегоход. Раздался один резкий свист, и от облегчения на глаза Таны навернулись слезы. Значит, у Джейми и Престона все в порядке, но Макалистер с ними нет.

Кокон пошатнулся, как глыба, ветка соседнего дерева приняла на себя всю тяжесть.

— Давай, Лен! — закричал Уэйн.

Лен напрягся, подхватывая Бабаха, и медленно опустил сверток вниз, где ждала Тана. Вся дрожа, она положила Бабаха на землю, вновь включила налобный фонарь и пришла в ужас. Казалось, он боролся с гризли — все лицо было покрыто огромными зияющими ранами, уже переставшими кровоточить. Брезент внизу весь промок от крови.

— Бабах, — позвала она, коснувшись холодной кожи его лица. — Бабах?

Он с трудом открыл глаза. Сердце Таны сжалось. О господи.

— Все будет хорошо. Среди нас парамедик. Да вот он.

Из-за деревьев вышли Престон и Калев.

— Она смылась, — сказал Калев. — Двигается на восток. Ох ты ж... — только и выговорил он, увидев лицо Бабаха.

— Тана, это ты? — прошептал Бабах.

— Мы тебя спасли, — ее голос дрожал, глаза ничего не видели от слез, — все будет в порядке.

Вот ведь засранец. Он даже попытался улыбнуться на секунду, но лицо вновь свело болью. Даже попытался заговорить.

— Она... Хизер... утащила Минди... в пустошь, — сдавленно прохрипел он. Губы потрескались. — Я пришел... когда она... она тащила ее в сад... больших камней... это опасно...

— Она жива? Минди жива?

Он чуть заметно покачал головой. У Таны упало сердце.

— Она... может быть, нет... будь осторожна, Тана... будь осто... — Он застонал от боли и потерял сознание.

Они быстро перерезали веревки, размотали брезент. Тана увидела, что случилось с его ногой, и у нее перехватило дыхание.

— Похоже, медвежий капкан, — сказал Уэйн. Тана вспомнила, что ей рассказали об отце Хизер, который застрял в капкане и его разорвали волки.

Престон разрезал штанину, ботинок и носок Бабаха, залил рану антисептиком и антибактериальным средством, туго перевязал. Укрыл Бабаха одеялом, уложил в спальный мешок с подогревом. Тана помогала ему. Кaleb тем временем заснял на фотоаппарат Таны ловушку, колья, тело Янкоски. Потом Лен, Уэйн, Джейми и Дэмиен осторожно вытащили тело из ямы, обернули брезентом, в который был завернут Бабах, уложили в прицеп. Они работали быстро и тихо, сознавая, что Макалистер может быть где-то рядом, и Минди тоже, живая или мертвая. Может быть, она лежит в загадочном «саду больших камней», если только в словах Бабаха был какой-то смысл.

Престон сел на снегоход, завел мотор.

— Лен, — сказала Тана, — я хочу, чтобы ты поехал с ним. Одному ехать опасно, тем более в такую погоду. Помоги Престону довезти Бабаха... — она осеклась, — довезти его до Адди. Потом доложите вождю, что случилось, убедитесь, что он все еще пытается связаться с Йеллоунайфом. Нам нужен военный вертолет.

Лен уселся на снегоход позади Престона. Тана склонилась к Бабаху, коснулась его лица.

— Тебе лучше остаться в живых, слышишь? Мне ведь нужен пилот...

Суббота, одиннадцатое ноября.

Продолжительность дня: 7.15.00

Лес становился все реже и реже, и вскоре на пути уже не было деревьев, лишь ветер кружил да снег летел в лицо. Пятеро преследователей ехали по следу снегохода Макалистер уже больше часа, медленно продвигаясь в сторону пустоши.

Если Бабах не бредил, Макалистер бросила Минди в каком-то саду больших камней — Тана предполагала, что так называется груда огромных, размером со стиральную машину или телевизор, круглых валунов, много лет назад сваленных в кучу движением ледника, которые притерлись друг к другу и образовали каменную громаду. До них было очень трудно — подчас просто невозможно! — добраться как зимой, так и летом.

Оставив там Минди, Макалистер, по-видимому, вернулась назад и подвесила Бабаха на дерево. Стало быть, она четко все спланировала

— если Тана не попадется в капкан, то погибнет, пытаюсь спасти Минди. Она заманивала Тану в пустошь, в сад больших камней. Было очевидно — Макалистер не убегает, она играет в кошки-мышки.

Снегоход, ехавший впереди Таны, вдруг остановился. И ехавший позади — тоже.

Было двенадцать ночи.

— Что такое? — крикнула Тана сквозь рев моторов и шум ветра.

Джейми, ехавший вслед за ней, придвинулся и прошептал:

— Пустошь.

Тана выругалась про себя. Вот каким был план Макалистер — лишить ее помощи и поддержки. Из-за Таны эти люди и так слишком далеко заехали. Как бы сильно она ни хотела арестовать Макалистер и спасти Минди, совесть не позволила бы ей заставлять индейцев нарушить табу. Действовать против воли.

Она смахнула снег с окоченевшего лица. Перед ней еще неясно, но непреклонно замаячило решение — одной ехать по следу Макалистер, рисковать своей жизнью и жизнью ребенка. Или повернуть назад, оставив Минди умирать — если она, конечно, еще жива. Бесконечная усталость и тоска навалились, угрожая затянуть в омут.

— Что будет, если она уйдет от нас? — спросил Джейми. — Если выживет, она убьет еще больше людей. Такие маньяки, как Хизер, не останавливаются. У нее зависимость, которая все сильнее и сильнее. Она психопатка. Больная психопатка.

Джейми умолк. Повисла тишина, раздавался лишь треск моторов, облака выхлопных газов поднимались в холодное небо, где кружили снежные хлопья.

— Твою мать, — внезапно сказал Джейми, поднялся и встал возле снегохода Таны. — Я еду! — закричал он во весь голос, чтобы подбодрить самого себя. — Я еду с констеблем Ларссон! Мы разберемся с этой тварью! Она убила моего отца. Убила мою девушку. И если у вас есть яйца, вы поедете с нами!

— Послушай, чувак, но ведь в пустошь нельзя. Табу... — начал Калев.

— Ты, — Джейми ткнул его пальцем в грудь, — и я — мы уже нарушили табу. Мы раскопали могилы предков.

— Но ведь мы хотели как лучше, чувак. Ледяная дорога...

— Что? Важнее, чем *это*? Может быть, Минди еще жива. А эта женщина — воплощенное зло. Хочешь, чтобы зло пряталось в пустоши? Тогда зло всегда будет прятаться в пустоши. — Джейми плюхнулся на снегоход Таны и сказал: — Поехали, констебль. Разберемся с ней.

Дэмиен завел машину и быстро вырвался вперед, за его спиной сидел Уэйн. На Тану нахлынули чувства. Эти ребята — ее команда, ее племя. Они очень разные, но они вместе. У них одна цель...

— Эй! — закричала Тана и включила сирену и мигалку, чтобы Дэмиен остановился и выслушал ее. Он развернул машину к ней.

— Слушайте, — крикнула она, перекрывая шум ветра, — я не требую, чтобы вы ехали со мной! Вы не знаете, на что способна Хизер. Это опасно.

— Тогда мы поедem без тебя, — заорал Дэмиен сквозь рев снегохода. — Калев, ты с нами?

Калев молчал. Он сидел на снегоходе один.

— Хочешь, разворачивайся. Мы с Джейми и Уэйном едем — неважно, с констеблем Ларссон или без. Я отомщу за Бабаху. И Минди. За Кроу, Селену, Реган и Дакоту.

— Ладно. Ладно, я тоже еду. Что я за засранец, если останусь тут один. — Калев завел мотор и рванул вперед, по следу Макалистер.

Спустя час езды дорога стала круче, ехать по пересеченной местности было все труднее. Дэмиен внезапно остановился, вскинув руку в воздух. Тана, ехавшая следом за ним, напряглась.

— Ее машина! Вон она! — закричал он. — Она бросила снегоход и дальше пошла на лыжах. Видите? — Он навел охотничий прожектор на крутой утес впереди. Ясно различимые отпечатки больших лыж шли по холму в сторону этого утеса.

Тана смотрела на следы. Почему Макалистер это сделала? По какой причине продолжила путь пешком?

— Сад больших камней, — сказал Уэйн, наводя фонарь на утес. — Уверен, он наверху утеса.

— Что будем делать? — спросил Дэмиен.

Тана прокрутила в голове несколько вариантов, и ни один из них ей не понравился.

— Если верить Бабаху, Минди тут. Хизер приманивает нас. Может быть, поджидает.

— Может, нам разделиться? — предложил Уэйн. — Сад не слишком большой, и если она ждет, то, скорее всего, на другой стороне.

— Как она могла туда попасть, не поскользнувшись на камнях и не сорвавшись? — спросила Тана.

— Ты посмотри, какого размера ее лыжи, — сказал Уэйн. — Огромные, как две лодки. Снега навалило много, и поскольку она, скорее всего, знает маршрут, эти снегоступы спасут ее, если она оступится. Наши лыжи куда меньше. Ни в какое сравнение со старыми добрыми снегоступами.

— Допустим. — Тана задумалась. — Но мы же видим ее следы, и значит, она сама прочертила нам безопасный маршрут.

— В конце которого будет нас ждать.

— Думаю, Уэйн прав, — сказал Дэмиен, по-прежнему наводя прожектор на утес. — Лучше всего будет, если он обойдет утес справа, а я — слева. Зайдем с разных сторон, окружим ее — вот будет сюрприз. Ждите одного свистка, а потом идите по ее следам, потому что иначе мы все станем слишком легкой добычей.

Это был рискованный вариант, но лучший из возможных. Все надели лыжи, взяли оружие и веревки на случай, если кто-нибудь провалится между глубоких и скользких валунов. Тана, Калейб и Джейми смотрели, как Уэйн и Дэмиен движутся, словно тени, в противоположных направлениях, а потом исчезают в темноте и снегу.

Прошел почти час, холод пробрал Тану до костей. Начало терзать беспокойство — что-то пошло не так. Они ждали здесь слишком долго. Минди могла не пережить этого.

И внезапно в воздухе прогремел выстрел.

Все подпрыгнули.

Еще выстрел. И еще. Перестрелка.

Они быстро понеслись вверх по утесу, на каждых нескольких футах соскальзывая в мягкие, рассыпчатые, как порошок, сугробы. У самой вершины присели на корточки, стали ждать.

Все было тихо. Они подождали еще. Тишина. Никто не свистел.

И вдруг он раздался — громкий, пронзительный звук.

— Вперед! — крикнула Тана, и они забрались на вершину. Тяжело дыша, осмотрелись. Сад больших камней оказался гладкой, покрытой снегом каменной насыпью. Тана тут же заметила отпечатки лыж Макалистер, навела фонарь и увидела чуть поодаль небольшой сверток.

— Это Минди! — закричала она, присмотревшись. — Завернута в брезент, как Бабах. — Она повернулась к Калебу и Джейми. — Ждите тут, ребята. Я пойду проверю маршрут. Если это подстава, то только один из нас сломает ногу. Когда свистну, подойдете ко мне. Если провалюсь между камней, кинете мне веревку.

— Ясно, — сказал Калеб.

Тана медленно начала взбираться на груды валунов, осторожно пробуя ногой каждый шаг, прежде чем перенести вес. Чувствуя, что под ногой скользко, переставляла и пробовала снова. Спустя несколько трудных минут добралась наконец до брезентового свертка в снегу. Ни Дэмиена, ни Уэйна поблизости не было. Нервы натянулись до предела.

Она нагнулась над свертком.

— Минди?

Перекатила на другую сторону, и из ткани показалась голова Минди. Тана быстро стянула перчатку, прижала пальцы к шее девочки. Кожа Минди была холодной, как лед. Тана не чувствовала пульса. Страх и боль нахлынули волной.

— Минди, пожалуйста, пожалуйста. — Она скользила пальцами по коже девочки, чтобы убедиться, что ни одна жилка не забьется, и внезапно увидела тень. Она приближалась. Туман и снегопад были такими густыми, что Тана заметила ее, только когда она подошла почти вплотную. Навела фонарь.

Макалистер.

Уронив фонарь в снег, потянулась к винтовке, висевшей за спиной, но не успела — женщина набросилась на нее. Лицо Макалистер было призрачно-белым, рот широко раскрыт, в поднятой вверх руке — плуг с когтями, в другой — заостренный березовый кол. С диким криком она ударила плугом Тану.

ГЛАВА 46

Тана перекатилась на бок. Острые когти прорвали у бедра лыжные штаны. Ярость и инстинкт выживания ожгли все ее тело, она попыталась подняться на ноги, но лыжи зацепились за камень, и рука провалилась в трещину между валунами. Она упала, ударившись лицом. Острая боль пронзила скулу. Высвободив руку, Тана потянулась к ружью, но Макалистер подняла свое оружие высоко в воздух и с безумным воплем снова обрушила на Тану. Та успела вновь перевернуться на бок, удар пришелся по камню, когти шумно лязгнули. Винтовка Таны покатилась по камням.

Макалистер не ожидала, что промажет. Огромные снегоступы зацепились о камень, нога соскользнула, деревянный кол выпал из руки.

Сердце Таны бешено колотилось, по лбу ручьем струился пот. Она вынула из кобуры пистолет и прицелилась, лежа на спине, пытаясь нажать на курок пальцем в толстой перчатке. Проведя когтистым плугом по телу Таны, Макалистер подбросила «Смит-Вессон» высоко в воздух.

Твой ребенок... подумай о ребенке... ты не позволишь этой женщине убить невинное дитя...

Извиваясь, Тана подползла к березовому колу. Он был около пяти футов длиной. Схватила и опять перевернулась на бок — когти снова взмыли вверх. Задели руку, сквозь ткань вонзились в кожу.

Ударив березовым колом Макалистер по голени, Тана сбила ее с ног. Попыталась встать, но конец правой лыжи увяз в расщелине. Она была в ловушке. Тем временем Макалистер поднялась на ноги и нависла над ней, размахивая плугом, как бейсбольной битой. Тана ухватила кол за тупой конец, прижала к животу локтем, руку сжала в кулак. Когда Макалистер нагнулась, Тана изо всей силы пнула ее по голени свободной ногой. Их лыжи сцепились, и Макалистер повалилась на Тану.

Пока она падала, Тана выставила кол вперед. Макалистер содрогнулась и вдруг замерла — острый конец вонзился ей в живот. Охнув от усилия, Тана вогнула кол глубже. Хизер Макалистер повисла на нем, широко распахнув глаза и неотрывно глядя на Тану. Изо рта

закапала кровь. Кол переломился надвое под тяжестью тела. Макалистер обрушилась на Тану, мертвым грузом пригвоздив к земле.

Из легких будто выкачали весь воздух. Тана была не в силах вдохнуть. Мозг отказывался осознать, что произошло. Она почувствовала, как все ее тело стало мокрым от чужой крови.

Она вогнала березовый кол в тело чудовища.

Не в силах ни сбросить с себя тяжелый груз, ни высвободить ногу, Тана нащупала на шее свисток. Ей не сразу удалось набрать в грудь воздуха, дрожащими руками сунуть его в рот и издать три громких сигнала.

ГЛАВА 47

Из густых облаков и снежных хлопьев показался вертолет, сверкающий рыцарь в серебряных доспехах. Этот огромный зверь, битком набитый парамедиками, опустился на взлетную полосу Твин-Риверса. Мотор взревел, деревья согнулись, осыпав полосу шишками и обломками коры.

Тана стояла у медицинских каталок, заслоняя глаза от этих обломков и от ветра. Сжимала в руке ладонь Бабаха. Она была теплой, хватка — крепкой. Вождь Дапп Петерс ранним утром сумел наконец дозвониться и потребовать, чтобы срочно прислали вертолет, когда вся команда кое-как пыталась добраться до города.

Дэмиен и Уэйн пострадали в перестрелке с Макалистер. Уэйн лежал в коме. Дэмиена ранило в плечо; пытаясь пролезть сквозь узкое ущелье на другой стороне сада больших камней, он сломал кость бедра и потерял свисток. Макалистер нашла его возле бесчувственного тела Уэйна и дунула, подав таким образом Тане сигнал.

В этой перестрелке Макалистер лишилась последних патронов — против Таны у нее осталось лишь сомнительное оружие. Джейми и Кaleb наконец перебрались на другую сторону сада больших камней, когда Макалистер уже была мертва.

Минди не выжила. Ее тело лежало, накрытое брезентом, и на душе у Таны было тяжело.

Они кое-как смогли погрузить раненых на снегоходы, но нужно было как-то дотащить еще и тела Минди и Макалистер, что было просто невозможно. Тана выступила против того, чтобы оставить Макалистер там — она была уверена, что животные уничтожат все доказательства раньше, чем сюда доберутся криминалисты. Шел сильный снег. Поэтому она сфотографировала все как есть, а потом завернула тело Макалистер в одеяло и привязала веревкой к задней части одного из снегоходов.

Следователи прибыли за несколько минут до вертолета для эвакуации раненых. Пятеро детективов собирались приступить к работе. Криминалисты были в пути. Тана знала — будут расспросы о том, как все это произошло, заведут дела о гибели Оскара Янкоски,

Минди Кой, Кроу Удава. Процесс будет долгим. Но сейчас она была всецело сосредоточена на настоящем.

Роторы остановились. Двое парамедиков выпрыгнули из вертолета, подбежали к ним. Тана подтолкнула вперед носилки на колесах, где лежал Бабах, Адди — каталку Дэмиена, вождь Петерс — Уэйна.

Адди удалось стабилизировать состояние Бабаха, спасти его от обморожения. Она вколола ему антибиотик, чтобы инфекция не попала в кровь, и, как смогла, зашила раны на лице и ноге. Больше всего она опасалась заражения крови. Состояние Дэмиена было не таким тревожным. Он потерял много крови, пуля вошла так глубоко, что извлечь ее без помощи парамедиков не удалось, но, во всяком случае, угрозы для жизни эта рана не представляла. Насчет Уэйна нельзя было сделать точный прогноз — следовало показать его нейрохирургу.

Бабах крепче сжал руку Таны, и она удивилась его неожиданной силе.

— Тебе лучше дожидаться тут, пока я поправлюсь, — крикнул он изо всех сил, и она слышала его сквозь шум мотора. — Потому что мне нужна работа.

— Что?

— Я хочу стать летчиком! — завопил он еще громче, и Тана рассмеялась. Слезы потоком хлынули из глаз. Она смеялась и плакала, потому что, раз у этого проходимца еще были силы так орать, он обязательно должен был поправиться.

— Я весь твой, Тана. Я твой личный пилот. И я всегда буду с тобой рядом.

Она застыла, посмотрела ему в глаза. В горле сжался ком, мешая говорить. Она только кивнула и очень нежно поцеловала его в сухие, потрескавшиеся, холодные губы. Он снова сжал ее ладонь, и его понесли в кабину.

Дрожа от наплыва чувств, она вытерла глаза рукой и отошла в сторону, туда, где Адди и остальные члены команды ждали, когда вертолет, словно большая птица, унесет Бабаха, Дэмиена, Уэйна и тело Минди.

Вождь Петерс шагнул к ней, взял под руку. Роторы вновь стали вращаться, мотор взревел. Ветер взъерошил им волосы. Вертолет стал набирать высоту. Когда он исчез в сером облаке, вождь пожал ей руку.

— Ты отлично справилась, Тана, — сказал он. — Мы все сделали, что могли.

Она кивнула, не в силах говорить. Она знала — пусть этот путь был непростым, она получила то, за чем пришла, — дружбу тех, кто принял ее к себе. Она заслужила их уважение.

Она нашла свое племя.

К ней подошла Марси, накрыла ее ладони своими.

— Бабах поправится, — взгляд ее темно-карих глаз был очень серьезен. — Вот увидишь. Он хороший человек, Тана. Хорошо летает.

Тана кивнула, уже не в силах побороть эмоции.

— Пойдем, Тана, — сказала Адди. — Теперь нужно осмотреть тебя. Вид такой изможденный...

Пятница, двадцать седьмое ноября.

Продолжительность дня: 5.52.53

Тана стояла в подвале сарая рядом с доктором Джейн Нельсон, психологом-криминалистом из частной компании Ванкувера. Следственная группа КККП настояла на приезде Джейн, когда всплыли неожиданные подробности дела Хизер Макалистер и стало ясно, что речь идет о серийном убийце, вершившем самосуд в США и Канаде, Африке и на Ближнем Востоке во время военных операций и работы по контракту. Раскрыли еще несколько дел о пропавших без вести людях, тела которых были впоследствии найдены объединенными хищниками.

Большинство погибших были женщинами. Доктор Нельсон понемногу восстанавливала психологический портрет Макалистер, выросшей без матери. Она жила с сильно пьющим и жестоким отцом и старшим братом, который с раннего детства избивал ее и насиловал, вплоть до того дня, когда отец попался в собственный капкан. Это стало известно из показаний тех, кто знал отца и брата Макалистер.

Доктору Нельсон было под сорок — удивительно симпатичная, доброжелательная, чертовски умная, она сразу понравилась Тане своим неподдельным интересом к психологии убийцы и женской агрессии как явлению.

В подвале было холодно, специальное освещение высвечивало все уголки и щели. Эксперты как следует прочесали помещение, осмотрев

до мельчайших подробностей, прежде чем вынести все вещи и отправить в криминалистическую лабораторию. Остались только блестящие стены из шлакобетонных блоков, покрашенные в черный цвет, стол-алтарь и железная кровать в углу. И выведенная белой краской надпись.

Джейн попросила Тану прийти с ней сюда и рассказать о впечатлениях той ночи, когда они с Янкоски обнаружили подвал. Тана как раз поведала о своих чувствах и об атмосфере подвала, где она теперь стояла, выдыхая облака холодного пара, и смотрела на белую надпись.

*На бесплодной земле души чудовища жаждут расплаты,
За грехи отомстят нам.*

— Это из книги, — сказала Тана.

— Книга лежала здесь? — спросила Джейн, постучав по столу.

— Она напомнила мне Библию. Свечи, пустая банка посреди стола...

— Вероятно, чтобы положить туда сердце Минди.

Тана подтянула повыше пушистый воротник. Мягкий мех приятно щекотал щеки.

— Как вы думаете, почему эта книга была для нее так важна?

— Возможно, она стала резонансом. Объяснила Хизер суть ее альтер эго и позволила все разложить по полочкам. — Джейн медленно повернулась, внимательно обвела взглядом подвал. — Здесь она нашла отдушину, спряталась от обычной, повседневной жизни. У всех нас есть такой уголок в подсознании, где мы прячем наши темные импульсы и побуждения, которыми никто не стал бы гордиться. И когда мы их скрываем, не в силах найти им применения, они могут проявить себя очень неприятными способами. — Джейн улыбнулась. — По крайней мере, так это интерпретировал бы Карл Юнг. Хизер приходила сюда, когда ей требовалось ненадолго выпустить на свободу свое альтер эго, а потом, выбравшись из подвала и закрыв за собой люк, она вновь могла притворяться обычным человеком.

— Но что-то заставляло ее снова и снова срываться?

Джейн посмотрела Тане в глаза.

— Думаю, в том числе *вы*. Вы приехали в этот город и начали расследовать убийства, в которых все обвиняли волков и медведей, и

это угрожало окончательно подорвать и без того ослабший баланс неустойчивой психики Хизер. Как любая зависимость, эта развивалась по нарастающей. — Она медленно прошлась по комнате, смерила взглядом железную кровать. — Кроме того, возможно, имела место быть ревность. У нее были интимные отношения с человеком, с которым вы, по словам сторонних наблюдателей, быстро сблизились. В ее понимании вы угрожали этим отношениям. Вы заставили ее переступить черту, и это привело к ментальному коллапсу. Прежде контролируемая жажда убивать достигла небывалых масштабов, что нередко случается с серийными убийцами под конец их так называемой карьеры.

— А почему ее жертвами были по большей части женщины?

— Я как раз сейчас разбираюсь с этим вопросом, поскольку узнаю все больше новой информации. В случае Реган Новак, вероятно, основополагающим фактором тоже стала ревность. Отец Реган пытался оборвать связь с Хизер, больше внимания уделять жене и дочери. Все это позволило Хизер рассматривать Реган как угрозу. Но, убив его дочь, Хизер по-прежнему поддерживала отношения с Эллиотом Новаком, навещала его, приносила сигареты.

— Это так странно...

Джейн кивнула.

— Альтер эго Хизер сформировалось таким образом, чтобы помочь ей выжить, справиться с насилием, с которым она столкнулась в детстве. Это альтер эго, мстительный «Голод», о котором она писала в своих заметках — мы здесь их обнаружили, — возможно, достигло силы, когда она увидела, как ее отца пожирают волки, и испытала от этого наслаждение.

— Вы не можете точно знать об этом, — заметила Тана.

— Нет. Это лишь предположение. На предположениях зачастую и строится судебная психология. Согласно моей теории, Хизер увидела в животных своих сообщников, посчитав справедливым, что они расправились с ее отцом, который над ней издевался. Она начала идентифицировать себя с дикими животными, даже обзавелась орудием убийства, оснащенным когтями. Это могло предшествовать патологии такого типа.

— И все-таки почему она убивала женщин?

Джейн покачала головой:

— Не знаю. Иногда жертва становится агрессором — извращенная форма стремления взять ситуацию в свои руки, копирование.

Тана глубоко вздохнула, вспомнив красивую женщину, которую впервые увидела в лагере ВестМина. Никогда нельзя, просто посмотрев в глаза другому, сказать, что творится в его душе.

— А инукшуки?

— Они пришли из романа Генри Спатта. Не могу точно сказать, почему она выбрала эту книгу сценарием своих убийств. Но опять же предположу, что картина станет яснее, когда подробности других убийств выйдут на свет. — Джейн улыбнулась. — Впрочем, проявления психических расстройств редко бывают логичны.

Когда они вышли из сарая и побрели к грузовику, Тана спросила:

— А та старая газетная статья, что нашли среди вещей Хизер — о двух ковбоях из Северной Миннесоты, забитых до смерти на выходе из бара... Как вы думаете, это Хизер их убила?

— Как раз сейчас ведется расследование. Команда ФБР, работающая совместно с КККП, вновь взялась за это дело. В тот вечер Хизер была в баре, и эти двое ребят стали помогать. Она ушла, они продолжили выпивать и, согласно показаниям свидетелей, когда наконец вышли из бара примерно часа в два ночи, были уже совершенно пьяны. Возможно, именно Хизер поджидала их у выхода и забила до смерти бейсбольной битой. Тогда это был ее первый опыт избиения предметом наподобие дубинки. Впоследствии, как видим, она предпочитала бить плуг с когтями.

Тана отвезла Джейн в отель «Сломанная сосна». Было три часа дня, темные тени уже стали длиннее. Выбравшись из грузовика, Джейн заглянула в кабину и сказала:

— Будете в Ванкувере, заезжайте ко мне. Познакомлю вас со своей командой.

— Хорошо. — Тана натянуто улыбнулась, но когда Джейн закрыла за собой дверь, ее наполнило неожиданное теплое чувство. Она научилась выстраивать взаимоотношения с людьми. Ее стали уважать как профессионала. Это было важным событием.

Но, возвращаясь в участок, она чувствовала смятение. Адди осмотрела ее — она была в порядке, не считая синяков и порезов, с будущим ребенком тоже все было хорошо. И все-таки что-то мучило.

Да, она скучала по Бабаху. Ей казалось, в ее сердце черная дыра. Когда она говорила с ним по телефону и он рассказывал, что идет на поправку, она все равно чувствовала тревогу.

Что ждало их в будущем? Большой, пугающий вопрос.

Ее мучило и то, что она не смогла спасти Минди.

Это стало серьезным потрясением. Ведь Тана хотела стать полицейским в первую очередь, чтобы спасать таких, как Минди.

Суббота, первое декабря.

Продолжительность дня: 5.35.58

— Какие они? — спросила Марси, передавая Тане поднос с сэндвичем и тарелкой супа. — Новый начальник участка и новый констебль?

— Мне кажется, довольно милые.

Младший сержант Марк Саггарт был направлен в Твин-Риверс по контракту на два года. Констебль Джеймс Вестон стал напарником Таны. У нее наконец-то появилась своя команда. Она чувствовала, что поладит с этими ребятами. В городе по-прежнему оставались несколько детективов, разбиравших до мельчайших подробностей старые дела о нападении волков. Тана и сама приняла участие в этих расследованиях после того, как дала управлению безопасности КККП многочисленные показания о минувших событиях и о гибели Янкоски и Минди.

Судебные следствия все еще велись, опросили половину города, но, исходя из показаний вождя Петерса, членов совета и доверенных лиц, картина складывалась следующая: ввиду нехватки полицейских в Твин-Риверсе и того факта, что сержант Леон Килан не отреагировал на запрос о подкреплении, не было другого выхода, кроме как мобилизовать все силы и самостоятельно обезвредить Хизер Макалистер, похитившую двоих человек и убившую Кроу Удава. Тана сделала все возможное, чтобы предотвратить еще более опасную ситуацию в условиях, когда речь шла о человеческих жизнях и каждая секунда была на счету.

— А почему прислали двух копов? — спросила Марси.

Потому что, когда Адди сделала УЗИ и Тана узнала, что ждет девочку, она наконец подала заявление на декретный отпуск. Ей нужна

была замена на несколько месяцев. Тана рассказала нескольким жителям города, что находится в положении, и Марси наверняка уже это знала — сплетни в таком маленьком поселении, как Твин-Риверс, разносились со скоростью ветра. Алекса Петерс уже предложила помогать Тане с ребенком. Она загорелась идеей на следующий год открыть здесь небольшой детский сад. Она уже приглядывала за своим внуком Туту, так какая разница — несколькими детьми больше.

— Они решили, что Твин-Риверсу следует уделить больше внимания, — сказала Тана, глядя Марси в глаза. Пожилая женщина широко улыбнулась. Да все она знает, подумала Тана, выходя из столовой.

Ей нравилось думать, что теперь у нее есть команда, но еще больше нравилась мысль о том, что, когда закончится контракт с младшим сержантом Саггатом, ей могут предложить должность начальника участка. Значит, у нее появилась новая цель — продолжать начатое, укреплять отношения с жителями Твин-Риверса, прокачивать профессиональные навыки.

Пробираясь по хрустящим сугробам, она думала о Бабахе. Он позвонил ей вчера из аэропорта Йеллоунайфа и сказал, что его наконец выписали из больницы, что он прекрасно себя чувствует и теперь летит в Нью-Йорк, чтобы встретиться с ФБР. На эту встречу также прилетит представитель Интерпола из Франкфурта. Еще Бабах хотел навестить Грейс и Ли. Больше он ничего не успел сказать. Пора было вылетать.

Тоска по нему жгла сердце Таны. Она скучала по нему, как скучала по Джиму. Ее мучила мысль, что он летит к жене и дочери. Но она знала — так нужно Ли и Грейс. И ему самому, чтобы окончательно выздороветь.

Она ожидала, что вскоре он сообщит ей, как все сложилось у Гарта Каттера, Алана Штурманн-Тейлора, Маркуса Ван Блика, Гарри Бландта.

Собаки ждали ее на крыльце полицейского участка. Замахали, завиляли хвостами, увидев, что она идет к ним.

— Привет, ребята, — сказала она и пощекотала теплые пушистые шеи. — Здорово, что новые копы тоже любят собак, да?

Открыла дверь. Ее встретили теплые улыбки, и любимые питомцы вошли в кабинет следом за ней.

ГЛАВА 48

Конец февраля.

Продолжительность дня: 9.32.16

— Давай, милая, ну иди сюда. — Тана, в толстой стеганой куртке и штанах на синтепоне, сидела на корточках, пытаясь с помощью сырого мяса выманить тощую старую хаски из-под хижины. Был холодный февральский день, на северном небе поблескивал бледный солнечный полукруг, заливая снег серебристым светом и удлиняя полуденные тени.

Собака Кроу Удава осторожно вылезла из своего убежища и, зажав хвост между ног, медленно поползла к протянутой руке. После того как Хизер Макалистер отвязала бедное животное, оно несколько недель шаталось по всему Твин-Риверсу. Пару дней назад Тана обнаружила, что собака бродит вокруг ее дома, может быть привлеченная запахом еды, которой она кормила на крыльце своих питомцев. Когда приехал Саггарт, она перебралась в маленькую бревенчатую хижину у реки, с видом на водопад Росомахи, лес и высокое небо, и была здесь очень счастлива. Порой по ночам, одевшись потеплее, она сидела на крыльце рядом с собаками и смотрела, как сполохи северного сияния играют в этом огромном, бескрайнем небе. Ночи все еще были длинными, но мир понемногу двигался в сторону весны.

— Люди снова начали распахивать шторы, — сказала Марси. — Значит, скоро будет свет.

Собака неожиданно мягко взяла мясо из руки Таны. Несчастное животное было все покрыто шрамами. Тана достала из контейнера еще кусочек.

— Что у тебя в голове, бедняжка? — спросила она. Собака, прожевав мясо, чуть заметно вильнула хвостом. — Не скучаешь по временам, когда была привязана? Но одной тоже плохо, правда?

И вдруг Тана замерла, пораженная внезапным ощущением, что за ней следят. Собака молнией шмыгнула в замерзший голый куст. Тана медленно обернулась. Сердце подпрыгнуло.

Бабах.

В руке — сумки с покупками, у рта облако горячего дыхания. Тана медленно, неловко поднялась на ноги. Он взглянул на ее огромный живот, перевел взгляд на лицо.

— Офигенно выглядишь, констебль! — сказал он, и его покрытое шрамами лицо вновь расплылось в улыбке, столь свойственной старому доброму Бабаху. Зеленые глаза сияли. Ее сердце сжалось, накатила волна адреналина и любви.

— Никогда раньше не видел тебя в гражданской одежде.

Она застенчиво пожала плечами.

— Стеганая куртка и лыжные штаны ненамного лучше формы, да еще в моем положении.

— Уже скоро?

— Со дня на день.

— Ты в декрете?

Она кивнула. Глаза жгло. Она не смела поверить, что он в самом деле к ней вернется. Она столько раз обжигалась... и теперь видеть его здесь, живого, настоящего, было просто невероятно.

Он помолчал. Подошел ближе, поцеловал ее в щеку. Она замерла, посмотрела ему в глаза. Он сглотнул.

— Я так рад видеть тебя, Тана, — сказал он. — Так рад. Мы слишком долго не виделись...

Она осторожно коснулась шрамов, красными полосами избороздивших его лицо.

— Они тебя не испортили.

— Но и не украсили.

— Ты в порядке?

Он снова улыбнулся.

— Лучше всех. Это что за старый пес? — Он указал на куст, где скрылась хаски.

— Собака Кроу. Мы все думали, это мальчик, а оказалось, девочка, и она уже несколько дней живет у меня под домом. Я начала ее подкармливать. Мне кажется, она по ночам спит тут, а утром уходит, когда я вывожу на прогулку своих мальчиков. Они не любят друг друга.

— Где же Макс и Тойон?

— Дома. Держу их взаперти, чтобы они ее не спугнули.

Он повернулся, огляделся.

— Тут красиво.

И хотя все эти слова, по большому счету, были бессмысленны, Тана не доверяла собственному голосу.

— Мне... мне тоже нравится. Может, когда потеплеет, посажу тут овощи. Не знаю, как получится — никогда не занималась огородом. Ну и вообще... Фортуне тут будет хорошо.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Фортуне?

Она нервно улыбнулась.

— Да. Слишком сопливо, я знаю. Но... так ведь и есть. Это она привела меня сюда.

— Это... девочка?

Она кивнула. В его глазах блеснули слезы.

— Поздравляю, — сказал он и умолк, хотя ему явно хотелось сказать что-то еще. Повернулся, стал смотреть на реку. Тана знала, о чем он думает — о своей девочке, которой так и не удалось родиться. И о Трейси. Ей хотелось задать ему так много вопросов, но она даже не знала, с чего начать и куда приведет этот разговор.

— Хочешь зайти?

— Я уж думал, ты не догадаешься. — Он крепче сжал в руке пакеты. — Помнишь, я говорил, что неплохо готовлю оленину?

Она посмотрела ему в глаза, ощущая всю гамму чувств — бушующих, невыразимых.

— Бутылка красного вина, чтобы мясо томилось, — сказал он. — Шампиньоны, морковь, лук, чеснок. Свежие фрукты на десерт. Пиво. Сок. Я ничего не забыл?

— Нет, — прошептала Тана; голос был хриплым. — Ничего.

Они сидели на маленьком диване перед камином. У ног лежали Макс и Тойон. Сияние медленно разгоралось в небе цвета индиго. В кухне томилось рагу, Бабах потягивал красное вино. Он был таким теплым, таким надежным. Ей нравилось его тепло. Нравился его запах. Нравилось смотреть на него — морщинки и шрамы на лице казались картой прошлой жизни, а Тана любила людей с тяжелым прошлым. В их компании она чувствовала себя увереннее, чем среди тех, кто все делал правильно, и неважно, что скрывалось за этой правильностью. Шрамы на щеке были следами, которые пересекались с ее жизнью,

рассказывали о том, что они пережили вместе и что изменило их навсегда.

— Я слышала, на прошлой неделе Ван Блика и Штурманн-Тейлора вызывали на допросы, — сказала она, прижавшись к Бабаху.

— Да, ФБР, Интерпол и КККП. Каттера вчера официально приговорили.

Она посмотрела ему в глаза. Пульс участился.

— Так он все же был с этим связан?

Бабах кивнул, сделал большой глоток вина.

— Каттер и был тем, кто сообщил в Ванкувер подробности сделки. Он не мог допустить, чтобы помеченные фэбээровские бриллианты пошли в продажу, потому что тогда сразу раскрыли бы, чем он занимается здесь, поэтому он выложил всю информацию ванкуверскому копу небольшого ранга, а тот в свою очередь сообщил в свой департамент.

— А Штурманн-Тейлор и Ван Блик?

— Интерпол просматривает контакты Штурманн-Тейлора и источники его доходов, и понемногу становится ясно, что он вовлечен в синдикат, если не возглавляет его. Полагаю, до самой сути доберутся уже очень скоро. Ван Блика обвиняют в нескольких убийствах, связанных с алмазной промышленностью в Южной Африке и Конго. По-видимому, он планировал прогонять конфликтные алмазы через новую шахту Гарри Бландта на берегу Ледяного озера, отправляя туда сырой каменный материал.

— Получается, Бландт невиновен?

— Пока выходит, что да. Штурманн-Тейлор манипулировал им, заманивал на свою сторону, обещая финансировать половину исследований Ледяного озера. — Бабах поднялся с дивана, прошел в кухню. Налил себе еще вина, предложил Тане.

— Будет с меня и газировки, — сказала она.

Он помешал рагу, попробовал, и его лицо расплылось в улыбке, которую Тана так сильно любила.

— Ну, это шикарно.

Она встала, подошла к нему, и он положил ей в рот полную ложку, расплескав немного. Она рассмеялась, проглотила, вытерла рот.

— Черт возьми, и впрямь шикарно!

Он молча смотрел на ее губы, смотрел, как она смеется, и Тане внезапно захотелось его поцеловать. Она быстро отвела взгляд, открыла холодильник, вынула бутылку газировки, которая была ей не нужна, но ей просто надо было чем-то занять себя, чтобы не смотреть ему в глаза, потому что ее пугало то, что она к нему чувствовала. Слишком быстро. Слишком сильно. Она еще не была готова. Или была?

Ей нужно было доказать самой себе — она чего-то стоит в этой жизни, она крепко стоит на ногах. Ей нужно было доказать это в первую очередь ради Фортуны.

— Как вы пообщались с Ли и Грейс? — вдруг спросила она, не глядя ему в глаза, вновь направляясь к дивану.

Какое-то время он молчал, потом медленно подошел к ней, сел рядом.

— Я рад, что сделал это — что увиделся с ними.

Она подняла взгляд, посмотрела ему в глаза. Он глубоко вздохнул.

— Сначала, конечно, было неловко. Но Грейс была мне рада. Я сводил ее пообедать, мы прогулялись по городу. Она показала мне свою школу. — Он помолчал немного. — Нужно было проложить этот мост, Тана. Соединить прошлое, связь с которым я обрубил, и настоящее. Чтобы построить будущее для нас всех — Грейс, Ли, меня. Чтобы все встало на свои места и можно было без преград идти вперед. — Он провел пальцами по волосам. — Я должен был это сделать, и я рад, что сделал это. Я признал свои ошибки. И скоро она приедет погостить.

— Грейс?

— Да. Летом. Ли разрешила. — Он нерешительно улыбнулся, и что-то в его взгляде изменилось. — Научу ее летать, как научил меня мой папа. Буду и сам учиться. Быть отцом.

Чувства захлестнули Тану. Она судорожно сглотнула, ощутив, как Бабаха покидает мрачное, нервное напряжение, такое же, что жило внутри ее самой. Она осторожно коснулась его ладони. Он опустил глаза, стал смотреть на ее пальцы.

— Я горжусь тобой, — прошептала она.

Не глядя ей в глаза, он прибавил:

— И еще я начал работать с полицией Твин-Риверса. Стал вашим пилотом. На прошлой неделе заключил контракт.

Она не ответила. Он посмотрел ей в лицо.

— Тана?

Она шмыгнула носом, вытерла слезы, сбегавшие по щекам. Хрипло рассмеявшись, пробормотала:

— Чертовы гормоны...

Он коснулся ладонями ее лица, медленно провел грубым пальцем по нижней губе.

— Я же сказал тебе, — прошептал он, — я весь твой. Я всегда буду рядом. Мы вместе придумаем, как нам дальше жить. Ты и я.

Она кивнула, он наклонился к ней и поцеловал в губы. Она ощутила его вкус, вкус вина и соли своих слез. Ее бросило в жар, тело размякло, и она раскрылась ему в поцелуе. Он нежно обнял ее, прижимая к твердому, сильному телу.

Утром, стоя на крыльце, Тана смотрела, как Бабах кормит старую собаку Кроу. Хаски виляла хвостом и лизала его руку.

— Мне кажется, ты ей нравишься. Явно нравишься.

Бабах провел с Таной ночь. Они ужинали у камина и целовались. Он не стал настаивать на большем, и это тоже было приятно. Как бы сильно Тану ни влекло к Бабаху, секс слишком долгое время был для нее способом отключить разум. Ей хотелось, чтобы с ним все произошло иначе. Медленно. *По-настоящему.*

Они уснули вместе. Он держал в объятиях ее и будущего малыша, и Тана подумала, что никто никогда не дарил ей настолько интимных ощущений. Она чувствовала, что ее любят. Чувствовала доверие. Чувствовала, что ей нечего скрывать от этого человека, что он подарил ей всего себя.

Он поднялся на ноги.

— Мне пора идти. У меня вылет. Увидимся!

Она улыбнулась и кивнула.

— Сегодня. На этот раз я готовлю. Ну... во всяком случае, попытаюсь.

Он улыбнулся, отдал ей честь и по обледеневшей тропинке побрел к заледеневшей реке. Собака побежала за ним.

— Эй, — крикнула Тана ему вслед, — похоже, у тебя новый друг.

Он долго смотрел на нее, потом сказал:

— Смею надеяться!

— Я имею в виду собаку, балда!

Хаски понюхала его руку и лизнула.

— Вот что я тебе скажу, — заявил Бабах. — Если она пройдет за мной всю дорогу до дома, оставлю ее себе.

Помахав ему вслед, Тана долго смотрела, как израненная собака бежит за израненным человеком в холодное утро. Ну вот, подобрал еще одного бездомного. Он хороший человек, думала Тана. Он особенный. И еще она думала о втором шансе, о том, что все его заслуживают. Неважно, как сильно нас ломает жизнь, — всегда есть надежда.

Впереди ожидали новые трудности. Роды. Материнство. Работа, налаживание отношений с Дэмиеном и его бандой, со всем Твин-Риверсом. Судебные разбирательства. Начало новой жизни с Бабахом — ей предстояло заново учиться любить, всецело раскрываться любви, и, по правде говоря, это пугало так же сильно, как и волновало. Но все это была жизнь.

Похороны Минди. Бабах сообщил ей, когда они состоятся.

Тана вместе с Калемом и Джейми съездила к Эллиоту Новаку и рассказала о гибели Хизер Макалистер, о том, какую роль она сыграла в судьбе его дочери. Эллиот выл от горя, как дикое животное, но Тана отчего-то почувствовала, что он знал об этом и сам.

Уже провели ритуал очищения, попросили прощения у предков за то, что Джейми и Калем разрушили их могилы. Кости пока еще не вернули в племя, но все знали: скоро это случится, и после того, как их снова предадут земле, пройдет большой праздник.

К тому времени родится Фортуна. Тана станет матерью...

Глядя, как речной туман окутывает ее мужчину и его собаку, она чувствовала, что справилась. Она прошла назначенное ей испытание, и теперь пришло время двигаться вперед. Марси правильно сказала — впереди новое время года, люди снова начали распахивать шторы. Скоро будет свет.

ОБ АВТОРЕ

Лорет Энн Уайт — автор романтических детективов, мистических романов и триллеров. Прежде чем войти в мир литературы, шестнадцать лет проработала в редакции газеты. Двукратный финалист премии RITA, премии Дафны Дюморье, лауреат множества других наград.

Лорет Энн Уайт родом из Южной Африки, в настоящее время живет близ горнолыжного курорта в горах Тихоокеанского Северо-Запада — по ее мнению, здесь лучшее место, чтобы спрятаться от реальности. Узнайте больше о ней на www.lorethannewhite.com.

notes

Примечания

1

Деревня на территории Канады.

2

Северный олень.

Каменная фигура в культуре инуитов.

Международная корпорация, которая занимается добычей, обработкой и продажей природных алмазов, а также производством синтетических алмазов для промышленных целей.

Первые в Канаде подземные алмазные рудники.

Вейпайзер, или вейп — электрический прибор для курения.

Прием рукопашного боя, разработанный в Израиле.

Авиакомпания «Балканские авиалинии».

Блюдо североамериканских индейцев, состоявшее из перетертого вяленого мяса, жира и диких ягод.

Пресный хлеб, традиционный для американских индейцев.

Американский серийный убийца (1946–1989), садист и некрофил, жертвами которого становились юные девушки. Пользовался своей красотой и обаянием, чтобы завоевать их доверие, а потом извращенно убивал.

Американский сериал в духе черной трагикомедии (2014), одна из главных героинь которого — женщина-полицейский Молли Солверсон.

Nortel Networks Corporation — канадский производитель телекоммуникационного оборудования.

14

Город в Канаде.

Королевская канадская конная полиция.

Конфликтными называются алмазы, добытые в конфликтных регионах, где местная администрация пытается обеспечивать свою деятельность за счет их продажи. Для недопущения попадания таких алмазов на мировой рынок была утверждена система сертификации, предназначенная отслеживать происхождение алмазов.

Специалист с медицинским образованием, работающий в службе скорой медицинской помощи, аварийно-спасательных и военных подразделениях.

Благотворительная организация, которая занимается сбором пищевых продуктов от производителей и поставщиков и передачей их нуждающимся.

Препарат, используемый в том числе для медикаментозного аборта на ранней стадии беременности.

Общее самоназвание нескольких индейских народов, проживающих в северной арктической части Канады и на юго-западе США. Название буквально значит «человек», «люди». Дене говорят на атабаскских языках.

Table of Contents

[Лорет Энн Уайт ГОЛОДНАЯ ПУСТОШЬ](#)

[ГОЛОД](#)

[ГЛАВА 1](#)

[ГЛАВА 2](#)

[ГЛАВА 3](#)

[ГЛАВА 4](#)

[ГЛАВА 5](#)

[ГЛАВА 6](#)

[ГЛАВА 7](#)

[ГЛАВА 8](#)

[ГОЛОД](#)

[ГЛАВА 9](#)

[ГЛАВА 10](#)

[ГЛАВА 11](#)

[ГЛАВА 12](#)

[ГЛАВА 13](#)

[ГЛАВА 14](#)

[ГЛАВА 15](#)

[ГЛАВА 16](#)

[ГЛАВА 17](#)

[ГЛАВА 18](#)

[ГЛАВА 19](#)

[ГЛАВА 20](#)

[ГЛАВА 21](#)

[ГЛАВА 22](#)

[ГОЛОД](#)

[ГЛАВА 23](#)

[ГЛАВА 24](#)

[ГЛАВА 25](#)

[ГЛАВА 26](#)

[ГЛАВА 27](#)

[ГЛАВА 28](#)

[ГЛАВА 29](#)

[ГЛАВА 30](#)

[ГЛАВА 31](#)
[ГЛАВА 32](#)
[ГЛАВА 33](#)
[ГЛАВА 34](#)
[ГЛАВА 35](#)
[ГЛАВА 36](#)
[ГЛАВА 37](#)
[ГЛАВА 38](#)
[ГЛАВА 39](#)
[ГЛАВА 40](#)
[ГЛАВА 41](#)
[ГЛАВА 42](#)
[ГЛАВА 43](#)
[ГЛАВА 44](#)
[ГЛАВА 45](#)
[ГЛАВА 46](#)
[ГЛАВА 47](#)
[ГЛАВА 48](#)
[ОБ АВТОРЕ](#)
[Примечания](#)
[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)
[5](#)
[6](#)
[7](#)
[8](#)
[9](#)
[10](#)
[11](#)
[12](#)
[13](#)
[14](#)
[15](#)
[16](#)
[17](#)

18

19

20

